

РЕШЕРТУАРЪ

ОП

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ.

18136. 9/78

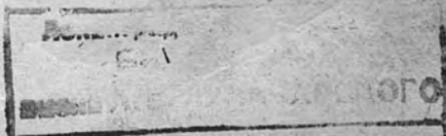
ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1846.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя.
1846.

РЕШЕНЫ

ПАТЕНТ

В. МЕЖВЕНЕЦ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Декаб. 1845 года.

Ценсоръ *Мехелинъ*.

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

1846.

I. Офелия гнѣла и пѣла. Стихотвореніе <i>Фета</i>	243	XI. Графиня де-Монпрюиъ. Разсказъ <i>Фр. Сульэ</i> (Актора «Львицы»). (<i>Продолженіе</i>).	382
II. Робертъ-дьяволь. (Изъ записокъ дилеттанта.)	244	X. Свѣсь. Дядя и племянникъ. (<i>Разсказъ Альфонса Карра</i>). — Слеза ребенка. (<i>Разсказъ Э. Делуана</i>). — Счастливецъ въ лотерей. (<i>Биографическій очеркъ одного знаменитаго сценическаго артиста</i>). — Последнія минуты Шиллера. — Новозобрѣтенный способъ слушать публичныя концерты не выходя изъ своей комнаты. — Закулисный экспромтъ Я. В. Брянскому. — Анекдоты и мелочи.	445
III. Ингмалюиъ. Дирическа сцена.	257		
IV. Вотъ какъ лечатся нынѣ въ Гельсингфорсѣ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. <i>И. С. Федорова</i>	264		
V. Изъ Гейне. Стихотв. <i>Плещеева</i> .	293		
VI. Роза и Розетта. Комедія-водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.	295		
VII. Философія и Исторія Музыки. Музыкальныя замѣтки, во время путешествія по Германіи, <i>В. Кажинскаго</i> . (<i>Окончаніе</i>).	340		
VIII. Невѣста Петра II. <i>В. Р. Зотова</i> .	379		

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ. (ЯНВАРЬ.)

I. Иностранныя театры. — Парижскіе. <i>Le mousse</i> , водевиль. — <i>La loi Salique</i> , комедія-водевиль. — <i>La mère de famille</i> , водевиль.	81	Максимовъ въ провинціи. — Бенефисъ г-жи Дюръ. — <i>Два рода безумія и догма Его Благородія</i> . — <i>Эвонъ у Ксанова</i> . — Яковъ Григорьевъ, Брянскій.	90
II. Русскія театры.		Михайловскій театр. Г-жа Аллавъ и ея бенефисъ. — <i>La Tricite</i> . — <i>Une confidence</i> . — <i>Le bal d'enfants</i> . — Бенефисъ г. Аллавъ. — <i>L'honneur ou la mort</i> . — <i>Le code des femmes</i> . — <i>Un secret</i> и <i>La misanthropie et le repentir</i> . — <i>Der letzte Mensch</i>	91
1) Петербургскіе. Большой-театръ.		2) Провинціальныя театры.	
Итальянская опера въ нынѣшній сезонъ. — Охлажденіе энтузіазма въ публикѣ. — Причины этого. — Верди и его ломбардцы. — Г-жа Мольтини, гг. Бенедетти и Корради. — «Севиальскій цирюльникъ». — Г. Сальви, Рубини и итальянское пѣніе. — Беатриче ди Теида. — Г. Боріони. — Г-жа Кастеллавъ и г. Корради. — Марія ди Роганъ и Довидзеттиская музыка. — Тампьеръ и г. Николаи. — Фератери, Сальви, Мольтини и Роллеръ.	86	Кіевскій театр. (Во-время контрактовъ).	94
Александринскій театр. Г. Максимовъ и его бенефисъ. — Г. Ансель и его водевиль. — Г.		Объ открытіи театра въ Витебскѣ.	99
		Театръ въ Ставрополѣ на Кавказѣ.	103
		Тифлисскій театр	110
		III. Разныя извѣстія	125
		IV. Корреспонденція «Репертуара и Пантеона»	130

Офелія гнила и пѣла,
И пѣла, сметаая вѣнки.
Съ цвѣтами, вѣнками и пѣсней
На дно опустилась рѣки.
И многое съ пѣснями канетъ
Маѣ въ душу на темное дно...
И много мнѣ чувства, и пѣсень,
И слезъ, и мечтаній дано...

А. ФЕТЪ.

РОБЕРТЬ-ДЬЯВОЛЬ.

(Изъ записокъ дилеттанта.) (*)

I.

Я жилъ еще въ Москвѣ, я былъ молодъ, я былъ влюбленъ.

Конечно, моимъ читателямъ вовсе ненужно было-бы знать ничего этого; но со времени признаній Руссо, люди вообще постепенно усовершенствовались въ цинической откровенности, и не знаю, отъ какихъ подробностей домашней и внутренней жизни пощадить челоѵбчество любой изъ современныхъ писателей, если только, по его расчету, эти подробности развѣиваются на звонкую или ассигнаціонную монету... И онъ будетъ правъ, разумѣется, какъ правъ капиталистъ, который не любитъ лежачихъ капиталовъ, даже болѣе, чѣмъ капиталистъ, потому-что всякая прожитая полоса жизни достается потомъ и кровію, въ истинномъ смыслѣ этого слова — и, по пословицѣ, «съ дурной собаки хоть шерсти клокъ», что-же, кромѣ денегъ, прикажете вы брать съ общества за тѣ безчисленныя удовольствія разубѣжденій, которыми оно такъ щедро даритъ на каждомъ шагу?... Да, милостивые государи! въ наше время личный эгоизмъ нисколько не сжимается, il se gêne le moins du monde, напротивъ, онъ нагло

(*) См. Репертуаръ и Паитсонъ. № 1 1846 г.

выдвигается впередъ, какъ-бы мелочень онъ ни былъ; — онъ хочетъ, во что-бы то ни стало, сдѣлаться замѣтнымъ, хоть своєю мелочностью: отъ того-то въ наше время, богатое страданіемъ, стало даже смѣшно и пошло говорить о страданіи, отъ того-то болѣзненная борьба замѣнилась цинически-презрительнымъ равнодушіемъ, и слово: «высокое чело» обратилось въ другое слово, болѣе выразительное, и это — извините пожалуйста — «милдннй лобъ». Пмѣтъ милдннй лобъ — вотъ высокая цѣль современнаго эгоизма, хоть конечно немногіе еще прямо говорятъ объ этой цѣли. Хороша-ли, дурна-ли эта цѣль — судить не мнѣ, да и не вамъ, милостивые государи, а конечно только Тому, предъ очами Котораго длинной цѣпью проходятъ міриады міровъ и вѣка за вѣками, каждый съ своимъ особымъ назначеніемъ, съ своимъ новымъ дѣломъ любви и спасенія...

«Возвратимся къ нашимъ барашкамъ», т. е. къ тому, что я жилъ еще въ Москвѣ, что я былъ молодъ и влюбленъ — и это будетъ истинное возвращеніе къ пасущемуся состоянію, ко временемъ счастливой Аркадіи, къ тѣмъ славнымъ временамъ для каждаго изъ насъ, когда общественныя условія не заставили еще насъ отростить когти и не обратили въ плотоядныхъ животныхъ. Здѣсь, à propos de bottes, никакъ не могу я удержаться и не замѣтить въ скобкахъ, что каждый изъ мирнаго, пасущагося, домашняго животнаго дѣлается, смотря по своимъ природнымъ склонностямъ, медвѣдемъ или волкомъ; медвѣди обыкновенно очень добры, и только-бы ихъ не трогали, лежатъ себѣ смиренно въ своей берлогѣ, думая по-своему о превратностяхъ міра сего, — волки-же, какъ извѣстно, нигдѣ не уживаются.

Итакъ я былъ еще мирнымъ, домашнимъ животнымъ; тѣмъ собственно, что, на грубомъ техническомъ языкѣ скотныхъ дворовъ, называется сосункомъ, а на учтивомъ общественномъ — примѣрнымъ сыномъ и прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, — хотя чувствовалъ сильное попользованіе отрастить когти...

Я любилъ... о! какъ я любилъ тогда, милостивые государи, — идеально, бѣшено, фантастически, эксцентрически, — смѣло до того, что даже, о ужасъ! — позволялъ себѣ, въ противность предписаній родительскимъ, проеживать цѣлую лишнюю четверть часа послѣ полночи, — что даже — о развратъ! — героически проповѣдывалъ, въ стихахъ, разумѣется, презрѣніе къ общественному мнѣнію, что даже — о верхъ нечестія! — писалъ стихи въ мѣстѣ моего служенія, ибо я служилъ, милостивые государи, съ гордостью могу сказать, что цѣлыхъ три года отслужилъ отечеству,

цѣлыхъ три года — такъ, по-крайней-мѣрѣ, значится въ моемъ формулярномъ свѣдѣнн, потому-что, по особенной добротѣ начальства, въ этотъ формулярный списокъ не вписывались періоды пехожденія къ должности, иногда значительно долгіе.

Итакъ я любилъ по всѣмъ правиламъ романтизма; — любовь моя «не оставляла ничего желать», какъ говорятъ Французы, — къ довершенію всего, она была безнадежна, и слѣдовательно, освѣщена тусклымъ байроническимъ колоритомъ. Безнадежна-же была она потому, что я носилъ въ себѣ всегда роковое сознаніе вѣчно-холодной участи, что даже и во снѣ никогда не выдалъ себя женатымъ.

Чего-бы лучше, кажется? я любилъ и, къ величайшему удовольствію, любилъ безнадежно. Но тѣмъ не менѣе я страдалъ самой невыносимой хандрой, неопредѣленной хандрой Русскаго человѣка, не «зевухтомъ» Нѣмца, по-крайней-мѣрѣ, наполняющимъ его голову утѣшительными призраками, не сливомъ Англичанна, отъ котораго онъ хоть утопится въ pintъ пива, по безумной, нелѣпой, русскои хандрой, которой и северно жить на свѣтѣ, и хочется жизни, свѣта, широкихъ, вольныхъ, размахистыхъ размѣровъ, той хандрой, отъ которой русскій человѣкъ ищетъ спасенія только въ цыганскомъ таборѣ, хандрой, создавшей московскихъ цыганъ, Пушкинскаго Овѣгина и пѣсни Варламова.

И вотъ, въ одинъ изъ дней масляницы 184. года, больной отъ хандры, больной отъ блиновъ, которые я поглощаю дюжинами, или, точнѣе сказать, поглощаль, потому-что это относится къ совершенно-мнѣшескимъ временамъ — я лежалъ на своемъ диванѣ, скучая, какъ только можно скучать отъ мысли, что передъ вами чуть-ли еще не полдня, въ которые вамъ рѣвно пѣчего дѣлать. Въ театрѣ, какъ нарочно, давали *Льва Гурыча* и какой-то балетъ; въ томъ домѣ, гдѣ я во-время масляницы — этихъ русскихъ сатурналій — имѣлъ право, сообразно предписаніямъ родительскимъ, быть два раза въ недѣлю — я уже успѣлъ быть два раза, и уйти туда въ третій было-бы рѣшительнымъ возмущеніемъ противъ домашнихъ догмъ. Итакъ я лежалъ, не предвидя ни конца, ни пехода этому состоянію, лежалъ безъ надежды и ожиданій, по временамъ только тревожно прислушиваясь, не звенитъ-ли колокольчикъ, мучитель колокольчикъ, проведенный на-верхъ съ-визу, возвѣщавшій съ вестернымъ трескомъ и визгливымъ звономъ часъ обѣда, чая — и пр.

Часовъ въ пять, мальчикъ мой подаль мнѣ книги и записку,

по почерку которой я тотчас-же узналъ одну руку, блѣдную, маленькую руку, съ тонкими, длинными и худыми пальчиками.

— Приказали кланяться-съ, да велѣли сказать, что сегодня вечеромъ не будутъ дома.

Я съ трепетомъ раскрылъ записку, первую и единственную, которую получилъ я отъ этой женщины — и перечиталъ ее нѣсколько разъ: искалъ-ли я прочесть между строками, или просто глазамъ моимъ было весело разсматривать эти умныя чистыя, женственно-капризные линіи почерка — не знаю; знаю только, что я перечиталъ нѣсколько разъ и... но было-бы слишкомъ-глупо разсказывать читателямъ, что я сдѣлалъ съ запискою. А она была между-тѣмъ проста и суха, какъ какое-нибудь отношеніе. «Monsieur», гласила она: *veuillez bien m'envoyer le trio d'Osborne et de Beriot; vous obligerez infiniment votre affectuée...* И только!

— Такъ ихъ не будетъ дома? спросилъ я моего мальчи́ка.

— Нѣту-съ.

— Гдѣ-жъ они?

— Не знаю.

Я опять началъ перечитывать записку. Скука перестала мучить меня.

Черезъ нѣсколько минутъ, на лѣстницѣ послышались чьи-то шаги.

Я поспѣшно спряталъ записку и схватился за одну изъ множества разогнутыхъ книгъ, лежавшихъ на столѣ. Всегда такъ, съ книгою въ рукахъ, съ глубокомысленнымъ взглядомъ, имѣлъ я привычку встрѣчать разныхъ господъ, почти ежедневно являвшихся бесѣдовать о мудрости. Кто бы это? подумалъ я. Князь-ли Ч** — и нужно-ли будетъ съ видомъ глубокаго убѣжденія разсуждать о политикѣ, — Н-ли? и долженъ-ли я въ одно мгновеніе придумать какую-нибудь новую систему философій?..

Двери отворились и, противъ ожиданія, вошелъ однако пріятель мой Брага.

— Здравствуйте! сказалъ я, бросая въ сторону книгу.

— Здравствуйте! отвѣчалъ онъ мнѣ душливымъ кашлемъ; вынимаемая сигару.

— Да, полноте курить, замѣтилъ я, вовсе впрочемъ не думая, чтобы онъ послушался моего замѣчанія, и вовсе не изъ участія, всегда, болѣе или менѣе смѣшнаго, а такъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Побѣдите въ театрѣ, началъ Брага, залпомъ выкуривши четверть регалиі.

— Въ театрѣ?... Да что вамъ за охота?
 — Какъ, что? да васъ-ли я слышу?... Развѣ вы не хотите быть въ Робертѣ?
 — Въ Робертѣ?. перерывъ я почти съ испугомъ, да развѣ сегодня....

Брага не далъ мнѣ договорить и съ торжествующимъ видомъ показалъ мнѣ афишу.

— Бѣдите же скорѣе, прибавилъ оны. Бертрамисты, я думаю, уже собрались.

Я одѣлся....

Черезъ полчаса, мы оба, Брага и я, входили въ кресла.

— Господа, сказалъ я проходя мимо двухъ отчаянныхъ Бертрамистовъ, сидѣвшихъ рядомъ въ пятомъ ряду, не отставать! Къ пятому акту переходите въ первый рядъ.

— Посмотрите на эту ложу, сказалъ мнѣ Ч**, указывая на одну изъ ложъ бель-этажа, занятую или точнѣе начиненную студентами.

— Вижу, ну что жъ?

— Да то, что московскій патриотизмъ сегодня въ особенности сильно вооружится на петербургскую Елену.

— А что вы скажете о ней, князь?

— Я? вы знаете, что это не мое дѣло... Впрочемъ, по-моему, *elle est quelque fois sublime.*

— *Touchez la*, отвѣчалъ я ему, подавая палецъ руки, и сталъ пробираться во второй рядъ.

— А! вы вѣчно здѣсь, привѣтствовало меня съ важною улыбкою одно звѣздоносное лицо, подъ начальствомъ котораго я служилъ, или лучше сказать, которое было однимъ изъ многихъ моихъ начальствъ. Это значительное лицо я впрочемъ очень любилъ: оно, — говоря о немъ съ подобающимъ уваженіемъ въ среднемъ родѣ, было очень умно и обязательно-привѣтливо.

— Кякой вы партіи? спросило оно меня съ тою-же улыбкою.

— Никакой, В. П.

— Но, все-таки, про или contra?

— Скорѣе про В. П., хотя въ этомъ случаѣ буду имѣть несчастіе противорѣчить вамъ.

Значительное лицо обыкновенно вооружалось на танцы петербургской Елены, какъ на верхъ соблазна и на униженіе искусства, но, не-смотря на это, бывало въ театрѣ каждый разъ, когда очаровательница кружилась воздушной Жизелью или плавала и зампрала въ сладострастной нѣгѣ, вызванная изъ праха могилъ

силою Бертрама... И тогда на важной физиономіа значительнаго лица, всегда благородно-спокойной, играла невольная улыбка удовольствія.

Потому, при словахъ: «противорѣчить вамъ», я не могъ сохранить ровности тона, — и почтительно поклонившись, началъ искать своего номера, который былъ подлѣ бенуара.

Я сѣлъ и досталъ изъ кармана трубку. Ложа подлѣ меня была еще пуста.

— Капельмейстеръ махнулъ своимъ волшебнымъ жезломъ...

II.

Отдаленный, таинственный, беззвучный раскатъ грома послышался въ адской безднѣ; онъ былъ тихъ и грозенъ, какъ первые предвѣстники приближающейся бури, какъ шумъ сонмища духовъ, собравшихся возстать на Создателя. Онъ затихъ, и послѣ страшной секунды молчанія, раздался раздирающій звукъ, голосъ хулы и отчаянія, исходившій все ниже и ниже, до соответствующаго ему въ преисподней. То была цѣлая исторія падшаго духа — роковая, какъ созданіе, грустная, какъ мракъ и смерть, быстрая, какъ молнія, падшая съ неба. Но звукъ, падшій въ бездну, еще разъ глухо повторился въ ней, и, вѣчный житель вѣчнаго неба, началъ восходить къ нему, тѣмъ-же путемъ, тою-же лѣстницею звуковъ, которою совершилось паденіе.... Но когда достигъ онъ своего прежняго пункта, и, не оставаясь на немъ, устремился къ иному родственному ему звуку, онъ былъ отверженъ, и сотія различныхъ инструментовъ страшнымъ ударомъ возвѣстили приговоръ проклятія. И вновь въ адской безднѣ послышались стоны страданія и паденія, и смѣнились потомъ звуками отчаянной борьбы. Однообразно звучалъ тотъ-же голосъ падшаго духа, стономъ отчаянія призывалъ онъ съ неба свою жизнь, свою любовь, — и снова слышался роковой, неизмѣнный приговоръ, и сливался съ злобнымъ хохотомъ демона. Но вотъ, какъ-бы изъ иного міра, въ отвѣтъ на заклинаніе и призывъ, послышались плачущіе тоны, полные воспоминаній, раскаянія, примиренія, грусти. Они были встрѣчены хохотомъ хулы и страданія, и голосъ началъ бороться съ этими тонами, и они исчезли въ массѣ странныхъ, рѣзкихъ, свистящихъ звуковъ. Адъ торжество-

валь свою побѣду; сильнѣе и сильнѣе раздавался голосъ, сливаясь съ свистомъ бури и съ рѣзкими противорѣчїями страстей,— но снова истекли изъ этого хаоса свѣтлые звуки, тѣ-же, что и прежде, но болѣе торжественные... Они побѣждали, голосъ глухо звучалъ въ безднѣ, — но онъ снова собралъ все силы, и, какъ огонь, разрушившїй послѣднія преграды, поднялся до неба... И вновь зазвучалъ приговоръ, зазвучалъ громовымъ, неразрѣшеннымъ диссонансомъ.... Совершилось!.. Драма кончилась непримиренная, неразгаданная, какъ участь человѣка.

Зашумѣла безумная оргїя — но и среди ея веселаго безумїя слышались чьи-то таинственные стоны. Они смолкли. Раздалась пѣсня вину и веселью. Занавѣсъ поднялся....

Вотъ они, веселые рыцари юга, чада Сициліи и Прованса, съ пѣснью вину и любви на устахъ, — они, весело и разгульно порхавшіе по жизни, они, поборники кулачнаго права и вѣрные палладины избранной красавицы.... Вотъ и Робертъ, простодушный сынъ дикой Нормандїи, рыцарски-честный, добродушный, довѣрчивый.... Но за столомъ противъ него сидитъ другой. Мрачный, печальный, съ печатью проклятїя на челѣ, но прекрасный, но величавый въ своемъ паденїи — онъ прикованъ взглядомъ къ Роберту, и въ взглядѣ этомъ такъ много страданїя, такъ много любви, такъ много прощанїя. Онъ молчитъ... изрѣдка только звучный, мужественно-сильный голосъ соединяется съ пѣснью оргїи... Посреди этихъ разгульныхъ тоновъ раздаются иные; такъ и слышно, кажется, что эти звуки навѣяны иной страной, инымъ небомъ: они просты, — но простота эта причудлива, какъ простота средневѣковыхъ легендъ.... И дѣйствительно — это пилгримы, и одинъ изъ нихъ начинаетъ свой наивный разсказъ: *Ich komme aus der Normandie....* И потомъ онъ поетъ страшную балладу, въ простыхъ и почти веселыхъ звукахъ которой слышится невольнo что-то иное, леденящее душу, такъ даже, что и комическій ужасъ трубадура и рыцарей при словахъ: *Der Teufel gar, — Der Teufel gar*, переходитъ въ стонъ настоящаго ужаса. Робертъ оскорбленъ. Трубадуръ у ногъ его; опять раздается наивный мотивъ: *Ich komme aus der Normandie — mit meiner schönen Braut* — и за нимъ исполненный цинизма и суровости речитативъ Роберта, на который не менѣе цинически отвѣчаетъ хоръ рыцарей.... И вотъ, влекутъ Алису.... Взгляните на нее: она вовсе не хороша, можетъ-быть, но въ чертахъ лица ея такъ много дѣвственной чистоты русскихъ дочерей Сѣвера, — но такъ жалобно звучатъ ея мольбы среди неустоваго хора... За то

посмотрите, съ какою пронією глядѣть на эту сцену Бертрамъ!... Но Алиса узнала Роберта, она спасена; бѣшеная оргія смолкаетъ въ отдаленіи и повторяющимися звуками...

Раздается *ritornello* какихъ-то свѣжихъ, благоухающихъ, какъ цвѣты, стеклянныхъ звуковъ. Это *ritornello* — душа Алисы — чистая и свѣтлая, какъ сама природа. И весь разговоръ этихъ двухъ простыхъ чадь суровой Нормандіи полонъ патріархальной простоты... Но кто это стоитъ за деревьями? Это опять онъ, опять Бертрамъ, колоссальный, недвижный, какъ изваяніе, съ неизмѣнною улыбкою горькой проніи, съ гордо-подъятымъ подъ тяжестію проклятія челомъ. Это снова онъ — и таинственнымъ ужасомъ обвѣваетъ оркестровка разсказа Алисы, тѣмъ ужасомъ, который невольно чувствуешь въ часъ ночи отъ шелеста деревъ и голосовъ кузнециковъ въ травѣ, ибо, въ самомъ-дѣлѣ, въ оркестровкѣ слышенъ стукъ кузничиковъ, — да и нельзя иначе; Алиса — свѣжій цвѣтокъ, дитя непосредственныхъ, природныхъ впечатлѣній, — формы ея чувствованій также просты, какъ она сама...

Она убѣжала — воздушная гостя, и Робертъ опять глазъ-на-глазъ съ своимъ демономъ. Полный еще свѣжести и благоуханія, онъ въ эту минуту чувствуетъ, что его тяготитъ влияние Бертрама... O, Robert, *beginnt* тотъ: *zehnmal mehr als mein Leben, nie wirst erfahren du — wie sehr ich dir ergeben...* Демонскою, уничтожающею любовью отзывается это признаніе, страстное, таинственное, отрывистое. И чудно-хорошъ былъ Бертрамъ въ эту минуту, чудно-хорошъ, потому-что не позволилъ себѣ ни одного движенія вѣшняго, человѣческаго. Это былъ тотъ же изваянный образъ, съ сосредоточеннымъ въ груди страданіемъ, съ молвіеноснымъ и грустнымъ взглядомъ.

Зала потряслась отъ рукоплесканій; я не могъ перевести дыханія; нѣчто обаятельное было въ этихъ страстныхъ тонахъ, въ этомъ бархатно-органномъ голосѣ, въ этой фигурѣ, мрачной, неподвижной, прекрасной, — въ этомъ прерывистомъ, скоромъ, нервною дрожью отзывающемся речитативѣ...

Я самъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, — я прикованъ былъ къ этому колоссальному, страшному, неотразимо-влекущему образу. И въ сценѣ игры, я не видалъ бѣсновашагося Роберта. Я видѣлъ только его, съ горькою пронією на устахъ, — я слышалъ только изъ груди исторгавшіяся: *Ja, du bist mein und singst mit mir...* И потомъ, когда это страшное явленіе встало между разъяреннымъ Робертомъ и рыцарями, все также спокойное, гру-

стное, непреклонно-гордое, — мной овладелъ почти паническій страхъ.

Занавѣсъ упалъ при замирающихъ звукахъ сицилійскаго напѣва. Бертрамисты собрались къ рамѣ и вызывали своего любимца....

Я взглянулъ на ложу бенуара, и почти оцепенѣлъ отъ изумленія. Въ ней сидѣли все знакомыя лица, и между ними рѣзко выдавался тонко-очерченный, до невозможности прозрачный профиль, съ голубыми лихорадочно-яркими глазами, съ дѣтски-насмѣшливою улыбкою. Чудно-хороша была она въ этотъ вечеръ, чудно-хороша въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ на темно-русой головкѣ! Въ ней было такъ много грусти, ея блѣдные пальцы подлиннѣли такъ замѣтно....

Я былъ подъ вліяніемъ божественной поэмы, и она слилась для меня съ благоухающею, свѣтлою Алисою маэстро... Я понималъ, что не даромъ каждое появленіе ея въ маленькую залу одного дома, приводило мнѣ всегда на память *ritornello* речитатива Алисы и Роберта.

Почти весь второй актъ я проговорилъ съ нею, и только вскользь, какъ-бы сквозь сонъ слышались мнѣ обаятельныя жалобы Изабеллы; но когда въ толпѣ рыцарей снова явился Бертрамъ, не многія слова его подъ тактъ марша турнира повѣяли на душу леденящимъ ужасомъ. — Занавѣсъ вновь упалъ подъ чудные звуки турнира, этой полной, веселой, смѣлой рыцарской поэмы.

Я вышелъ въ фойе.

— Ну что? спросилъ я одного моего пріятели, котораго не видалъ съ недѣлю, — ты про или contra Елены?

— Контра братецъ, контра — ужъ какая будетъ контра! отвѣчалъ онъ съ радушнымъ смѣхомъ. *Нашихъ* собралось много.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, сказалъ я.

— Да что братецъ! продолжалъ онъ: какъ-же ее съ С^х сравнивать.

— Точно нельзя, подхватилъ господинъ зрѣлыхъ лѣтъ съ Алисою на шеѣ: помируйте! обратился онъ ко мнѣ — въ ея танцахъ нѣтъ нисколько благопристойности... Въ Фенеллѣ на-примѣръ, вы ее видѣли? Просто....

Я не дослушалъ, и ушелъ. На пути къ моимъ кресламъ, опять я столкнулся съ значительнымъ лицомъ, которое обязательно взяло меня за пуговицу фрака, и поправило свой галстухъ.

— Я говорилъ сейчасъ только, началъ онъ, объ искусствѣ танцевъ. Чтобы танцы входили въ область изящнаго, нужно, чтобы они были пластично-благородны.

— Да, какъ античныя изваянія, В. П.

— Гм! — сказало лицо, погладивъ подборокъ, съ особенной ему свойственной граціей, потому-что, въ-самомъ-дѣлѣ, въ этомъ человѣкѣ было что-то чрезвычайно-граціозное... Вы такъ думаете?....

— Да, В. П... античныя изваянія чисты и цѣломудренны, и между-тѣмъ они наги. Прикрывать наготу цвѣтами придумалъ жеманный развратъ періода возрожденія.

— Итакъ — вы про! спросило меня лицо, осклабясь и прищуря глаза, какъ котъ.

— Ни про, ни contra, В. П.

— Т. е. amicus Plato.

— Sid magis amica veritas...

Я поклонился, и пошелъ къ своему мѣсту, потому-что уже началась интродукція третьяго акта съ ея странными, ломаными звуками, комически-страшными и относящимися къ дуэту Бертрама и Рембо.... Но дуэтъ этотъ всегда пропускали на московской сценѣ, хотя онъ необходимъ въ поэмѣ, какъ необходимы гротески въ готическомъ храмѣ. Композъ его дышитъ яркимъ сарказмомъ, ибо до ничтожества малъ является человѣкъ въ этой схваткѣ съ холодно-насмѣшливымъ демономъ.

Подняли занавѣсъ. Вотъ онъ, какъ привидѣніе, стоитъ вдали, прислушиваясь къ дикой оргіи ада, запечатлѣнной цинически-развратнымъ, и вмѣстѣ глубоко-отчаяннымъ весельемъ. Но онъ уже не тотъ холодный, грозный, сверкающій очами демонъ: на немъ налегло всей силой отчаяніе, въ этихъ звукахъ слышишь ему тяготящее надъ нимъ роковое проклятіе, и черты, и поза его проникнуты болѣзненнымъ страданіемъ. Но онъ такъ-же мрачно-неподвиженъ, онъ тотъ-же демонъ.... Какую страстную любовь звучитъ его гордый голосъ при словахъ:

Für den Glanz der erblichen,

Den Ruhm der entwichen,

Warst du, warst du, mein Trost mir gelieben.

Какую сверхъестественною силою одушевленъ онъ, вызывая на борьбу небо и адъ!... Да, въ это мгновеніе артистъ былъ истинно-великъ!... Онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ форсированнымъ

жестамъ, онъ передавалъ только глубоко-почувствованныя ощущенія, и потому не побѣждалъ, какъ безумный, послѣ этихъ адскихъ стоновъ, а пошелъ тихо, падая подъ бременемъ проклятій

Адъ затихъ. Религіозно-торжественно раздалась гармонія цѣлаго мірозданія; тихая, ровная, свѣтлая; природа почувала приближеніе существа, подъ стопами котораго должны разцвѣтать цвѣты.

И вотъ, едва ступая легкою ногою, прилушываясь къ отдаленному шуму, явилась она, свѣтлая Алиса.... Что мнѣ за дѣло, что артистка не вполне соответствовала идеѣ композитора? Я слышалъ только чистый женскій голосъ, я внималъ только, забываясь, какъ ребенокъ, простые, ребячески-веселые звуки ея пѣсн.... Безконечною прелестью дѣвственности, младенческою чистотою вѣры, благоухаетъ это пѣсн. Но вотъ опять зашумѣлъ адъ, опять раздались раздрающіе, развратные, томительно-отчаянные звуки.... Бѣдное дитя, бѣдная Алиса... Но чего-же ей бояться? Gott ist mit mir, — говоритъ она съ дѣтскою довѣренностью, и опять летитъ изъ устъ ея простая сельская пѣсн, и опять смолкаетъ адъ, и снова слышенъ только ея голосъ въ цѣломъ мірозданіи, обливаемомъ розовою зарею при каждомъ ея шагѣ, одинъ ея голосъ, къ которому изрѣдка только присоединяются слышимые по временамъ въ оркестровкѣ голоса природы.

Взгляните, вотъ она упала на колѣна. Бѣдный ребенокъ, она не можетъ совладѣть съ своимъ ужасомъ, и летитъ таже пѣсн, но принявшая религіозную настроенность молитвы, и съ этой молитвой соединяется цѣлая природа, какъ-бы явившаяся на помощь своему лучшему цвѣтку. Въ оркестровкѣ такъ и слышно, какъ одна и таже мысль проходитъ по растеніямъ, по волнамъ рѣки, по горамъ. Снова зовутъ Роберта въ адской безднѣ... и оживотворяющая молитвою, Алиса бросается къ тому, что недавно еще было для нея предметомъ ужаса, и падаетъ у креста, уничтоженная появленіемъ Бертрама.

Приговоръ произнесенъ, воля рока отяготѣла надъ падшимъ духомъ, и онъ вырывается изъ бездны, пораженный проклятіемъ.

Но онъ опять на землѣ.... Посмотрите, съ какою рыцарскою *galanterie* подходитъ онъ къ Алисѣ.... O Alice, was ist dir.... Какимъ обаяніемъ библейскаго змѣя дышать въ устахъ его слова: *komm zu mir...* Да! это онъ, соблазнитель Еввы, вкрадчивый, прекрасный въ самомъ паденіи, и ему нѣтъ силъ противустоять.

Но развѣ Алиса — женщина? Это — цвѣтокъ, это — стеклянный звукъ, чуждый страстей и страданій, доступный только чувству стыда и робости. И демонъ встаетъ передъ нею во всемъ ужа-

сающемъ величїи, и начинается страшная борьба звуковъ, полная судорожнаго трепета.... Еще нѣсколько тактовъ борьбы и вотъ уже она слабое созданіе лежитъ на рукѣ его, и онъ съ насмѣшливой злобою поетъ надъ нею: Du, zarte Blume!.... Въ этой позѣ, въ этихъ органно-глубокихъ звукахъ артистъ дошелъ почти до *pes plus ultra* трагическаго величїя, и когда, при приближенїи Роберта, раздалась послѣдняя до безконечности низкая, и между тѣмъ все также бархатная нота, я готовъ былъ вскочить съ своего мѣста.

И потомъ, какъ грозно-таинственно, какъ лихорадочно-трепетно звучалъ этотъ голосъ въ разсказѣ Роберту о пещерѣ Розалїи, какимъ адскимъ хохотомъ заливался онъ въ знаменитомъ дуэтѣ.

Облака закрыли сцену при послѣднихъ тактахъ дуэта. Поднялись какіе-то могильные, дрожащіе, грустные звуки...

Пещера Розалїи. На ночномъ небѣ мелькають свѣтла... Голосъ сатаны повелительно зоветъ ихъ съ неба на землю; торжествомъ, отчаяніемъ вѣетъ это призываніе, оканчивающееся впрочемъ горестнымъ сознаніемъ: *Ich verdammt so wie ihr...* Опять почти невыносимо-высокъ былъ артистъ въ этомъ монологѣ!

Вотъ блудящіе огни засверкали на гробахъ, вотъ подъ однообразно-унные звуки начали лопаться крыши... Вотъ они, дочери грѣха и соблазна, обаятельныя, страстныя, безстыдныя. Вотъ льются какіе-то прыгающіе, бѣспующіеся, адскіе звуки ужающей, могильной, богохульной радости, онѣ собрались всѣ, легкія, воздушныя тѣни, онѣ снова хотять жить и наслаждаться... Но онѣ ждуть кого-то.

И подъ звуки бѣсовской, безумной музыки пронеслась по сценѣ она, верховная жрица наслажденїя, вавилонски-сладострастная грѣшница... О посмотрите, посмотрите, какъ хороша она, какъ нага она, какъ она возвышенно-безстыдна, какъ нѣгою и томленіемъ дышитъ ея каждое дыханіе! Да! это искусство, это искусство, принесшее въ жертву ложную жеманность, это апотеоза страсти, апотеоза томленїя—въ очахъ безумство, въ каждомъ движенїи — желаніе. Посмотрите, съ какимъ умоляющимъ видомъ молить она Роберта, какъ жадно пьетъ она кубокъ, какъ нѣжно-сладострастно подаетъ его. Посмотрите, какъ потомъ, подъ томительные звуки виолончеля, подъ эту вакханально-нѣжную, подъ эту обаятельно и тонко-развратную музыку, она то плыветъ въ морѣ сладостныхъ грезъ, то съ пыломъ желанїя стремится на грудь Роберта, то манитъ и зоветъ, то замираетъ въ безумномъ,

неистовомъ лобзаніи... О да! это искусство! честь и слава искусству!

Но вновь запрыгали бѣсовскіе звуки... изъ безднъ вырвались духи. Часъ вашъ пробилъ, воздушныя тѣни! А она — царица тѣней, посмотрите, какъ отчаянно вырывается она изъ когтей бѣсовъ, какой змѣею ускользаетъ она, но тщетно, тщетно... Часъ твой пробилъ, приговоръ произнесенъ надъ тобою, жрица страстей!

Оглушительный громъ рукоплесканій потрясъ залу театра. Искусство торжествовало.

Я вышелъ, чтобы отдохнуть отъ впечатлѣній и чтобы не видеть четвертаго акта, исполняемаго всегда убійственно — и возвратился тогда уже, когда оркестръ началъ хоръ пустынниковъ.

Страшное дѣйствіе производила на меня всегда интродукція передъ явленіемъ Роберта и Бертрама; въ этихъ ломаныхъ звукахъ высказалась вся завязка драмы. Робертъ влечетъ Бертрама — и начинается борьба неба и ада, религиозныхъ пѣсней съ проклятіями демона. Блѣдный, истерзанный, неподвижный Бертрамъ полонъ роковаго сознанія гибели. Но — какою сатанинскою любовью дышитъ каждый звукъ его, какъ стѣсняють грудь его слова — *Wähle nunmehr Robert..* его призваніе, его мольбы... Приговоръ произнесенъ! говоритъ Робертъ, — появляется Алпеа.

Я затанлъ самое дыханіе. Декораціи исчезли передо мною; въ какомъ-то туманѣ видѣлись и свѣтлый духъ, и опаленный проклятіемъ демонъ... Апокалипсическая, неземная драма совершалась передо мною... артистъ былъ выше всѣхъ трагиковъ въ мірѣ, когда раздирающимъ голосомъ, изнеможенный, истерзанный, на колѣняхъ не пѣлъ, но стоналъ скорбе:

Mein Sohn, mein Sohn, lass trostlos mich nicht sterben,

Seh, ich knie vor dir....

Посыпались адскіе диссонасы борьбы, страданія, отчаянія, моленій... Я почти выбѣжалъ изъ театра, въ моихъ ушахъ звучало *Seh, ich knie vor dir...* Мнѣ не хотѣлось послѣ этого слушать довольно-меккиннаго окончанія величайшей изъ трагедій.

А. ТРИСМЕГИСТОВЪ.

ПИГМАЛИОНЪ.

(Лирическая сцена).

Театръ представляет мастерскую скульптора. По сторонамъ видны куски мрамора, группы, неконченныя статуи. Въ глубинѣ сцены статуя полъ кровомъ, обвитая гирляндами цвѣтовъ.

Пигмалионъ сидитъ склонивъ голову на руки, безпокойный и печальный, потомъ вдругъ вставши, беретъ со стола орудія, и принимается поправлять начатыя статуи, но отступаетъ, и смотритъ на нихъ съ недовольнымъ видомъ.

ПИГМАЛИОНЪ.

Въ нихъ нѣтъ души, нѣтъ жизни — камень хладный

И только камень — больше ничего.

О гений мой!.... Уже-ль мольбою жадной

Не вызвать мнѣ тебя изъ мрака твоего?

Уже-ли тщетны слезы и моления?

Уже-ль огонь на алтарѣ погасъ?

О камни грубые, безъ искры вдохновенья,

Вы не мои.... Я отрекаюсь васъ!

Пигмалионъ! Тебѣ-ль съ богами

Въ искусствѣ дивномъ въ споръ вступать?

Тебѣ-ль нечистыми руками

Боговъ Олимпа создавать....

О, прочь, рѣзецъ!.... Теперь тобою

Не оскверню я рукъ моихъ.

(Бросаетъ съ презрѣніемъ рѣзецъ, потомъ прохаживается въ задумчивости, скрестивши на груди руки).

О боги, боги.... Что со мною?

Какой недугъ меня терзаетъ въ этотъ мигъ?

О славной Тиръ, о городъ величавой!

Ты для меня и пусть, и бѣденъ сталь.....

Предъ изваяньями, увѣчанными славой

Я не молюсь.... Отъ свѣта я бѣжалъ....

Средь мудрецовъ и скучно мнѣ, и душно,

Мнѣ надоѣла дань похваль....

И на грядущее смотрю я равнодушно!

И вы, блестящія красой,

Созданія природы мастерскія....

Напрасно вы передо мной

Воздушныя, полунанія

Съ улыбкой скромною на дѣвственныхъ устахъ....

Я видѣлъ лучшее въ божественныхъ мечтахъ....

И самъ изъ родника творенья

Огнемъ зиждительнымъ святаго вдохновенья

Извелъ созданіе и налъ предъ нимъ во прахъ.

(Садится и смотритъ кругомъ себя).

Какой-то силой тайною окованъ,

Брожу я здѣсь безъ цѣли и безъ мысли

Отъ группы къ группѣ, отъ статуй къ статуямъ

Перехожу.... И мой рѣзецъ невѣрный

Въ рукахъ и мертвъ, и недвижимъ — и камни

Не узнаютъ властителя; не чуютъ

Его руки зиждительной статуи.

(Встаетъ быстро).

Нѣтъ.... Я утратилъ геній мой,

Я истощилъ источникъ вдохновеній....

Но есть еще огонь въ души моей больной....

Онъ жжетъ меня.... Уже-ли то не геній?

Я думалъ, — голову склоня

Предъ мной самимъ изваяннымъ кумиромъ,

Что вѣчной красотой онъ ослѣпилъ меня

И высоко подъялъ надъ этимъ дольнымъ міромъ,

И что палящаго, небеснаго огня

Душѣ не вынести.... О да, мнѣ страшно стало,

И я на мой кумиръ накинулъ покрывало, —

Но тщетно.... Имъ досель полна душа моя....

Пусть онъ закрытьъ.... О немъ мечтаю я,

Оно мнѣ дорого, безсмертное созданье,

И при концѣ пути, съ восторгомъ я скажу:

Вотъ подвигъ лучшій мой, потомству завѣщанье!

На Галатею я потомкамъ покажу.

(Онъ подходитъ къ беспѣлкѣ, потомъ отступаетъ, вздыхая).

И зачѣмъ скрывать ее,

Юную, свѣтлую

Дочь мысли зиждительной?....

Можетъ-быть, есть еще

Недостатки въ созданіи....

Недостатки?... О нѣтъ....

Дочь Зевса вѣчнаго

Вѣчная мысль....

Вышла Паллада

Во всеоружіи

Изъ главы отца....

Но все равно.... Внимательно разсмотримъ,

И если есть, исправимъ недостатки....

Разсмотримъ.... Да! За нея только падалъ

Предъ ней во прахъ, досель не разбирая....

(Онъ хочетъ поднять покровъ, и опускаетъ его съ ужасомъ).

Но тѣло мнѣ объемлетъ дрожь и трепеть,

Какъ будто-бы святилища рукою

Коснулся я.... Пигмалионъ, — то камень —

Твое созданье?... Но твое-ли точно?

Не чадо-ль то безсмертной мысли Зевса

Зиждителя?

(Подымаетъ съ трепетомъ покрывало, и падаетъ на колѣни передъ статуей Галатеи, стоящей на пьедесталѣ).

О Галатея.... Даны

Мою прими.... Тебя хотѣлъ я Нимфой

Создать, но я ошибся — ты богиней,

Ты Афродитой вылилась прекрасной!

Безумство.... Самолюбія опасный

И льстивый голосъ.... Самому себѣ

Въ своемъ созданьи поклоняюсь я....

Нѣтъ, никогда и вѣчная природа
 Не создавала лучшаго.... Природу
 Я побѣдилъ....

Уже-ль изъ рукъ моихъ
 Все это вышло — эта грудь и плечи,
 Уста полуотверстыя, въ нѣмомъ
 И сладкомъ ожиданьи поцѣлуя?....

А! Наконецъ я вижу недостатокъ :
 Одеждою она закрыта слишкомъ.

*(Онъ беретъ рѣзецъ, и входитъ колеблясь на ступе-
 ни; наконецъ поднявши его, останавливается).*

Но что за тайный трепеть
 Овлаждаетъ мной?

Въ рукъ невѣрной

Дрожить рѣзецъ.

Нѣтъ не дерзаю...

Исказать святыню —

Нѣтъ, о нѣтъ!

*(Ободрется, и наконецъ приближаетъ рѣзецъ, но па-
 даетъ съ крикомъ).*

Боги!

Рѣзецъ оттолкнуло

Тѣло живое....

(Сходитъ со ступеней).

Безумный страхъ.... Большое изступленье....

Но нѣтъ.... Тебя не трону я....

Богиня ты, о рукъ моихъ творенье,

О Галатея дивная моя!

(Смотритъ на нее).

Я на тебя смотрю въ блаженствѣ упоенья....

(Съ нлжностью).

Но для чего твой ликъ прекрасный, молодой

Не одаренъ душой безсмертной и живой?

*(Останавливается, потомъ садится и говоритъ измѣ-
 нившимся голосомъ).*

Но что со мной?.... Какія грудь волнуютъ

Безумныя желанья? Боги, боги —

Обманъ разсѣянъ.... Страшно мнѣ взглянуть

Во глубину души моей безумной....

(Молчаніе).

Такъ вотъ она, святая страсть къ искусству,

Такъ вотъ что здѣсь меня удерживаетъ нѣтъ.
 Какъ! мраморъ, камень, — рукъ моихъ созданье?
 Безумецъ, я, больной безумецъ!....

НѢТЬ!

(Вставая быстро).

Я не тебя люблю, холодный камень,
 Я не тобой, бездушный ликъ, живу....

О нѣтъ, о нѣтъ.... Я чувствую, тотъ пламень

Горитъ живому существу

И гдѣ-бъ ты ни была, мечта моя живая,

Но я тебя люблю, — но я горю тобой,

И я за страсть свою себя не обвиняю:

Мнѣ-ль хладнымъ быть предъ красотой?....

(Съ меньшею живостію, но также страстно).

Лучи огня изъ глазъ ея стремятся,

И жгутъ меня.... Хотѣла-бы душа

Оставить оболочку и въ другую

И въ эту оболочку перейти.

О, пусть умретъ Пигмалионъ — и оживить

Своимъ дыханьемъ Галатею!....

Но что сказала я?... Если-бъ былъ я ею,

Я-бъ не видалъ ее и не былъ ей любимъ...

О нѣтъ, о нѣтъ — пусть буду я другимъ,

Всегда другимъ, чтобъ жить мечтой моею,

Чтобы любить, горѣть, любимымъ быть.

Га... Цѣлый тартаръ

Мукъ и страданій

Безраздѣльныхъ,

Цѣлый тартаръ безъ свѣта

Въ бѣдной груди моей!

Могущіе, безсмертные

Съ Олимпа вѣчнаго,

На землю сходившіе

Съ людскими страданьями

Издавна знакомые,

Сжальтесь, о сжальтесь

Надо мною!

(Съ энтузіазмомъ).

Ты — чувствую сокрытая,

Сердцу доступная,

Сущность верховная,

Душа созданя,
 Вѣчное жизни начало,
 Ты — любовію
 Стихіямъ гармонію,
 Совершенство творенію
 Сообщившая,
 Пескра свѣта небеснаго,
 Вседержителя
 Вѣчная пескра...
 О, гдѣ твоя сила,
 Гдѣ она, гдѣ она?

(Приходя мало-по-малу въ себя).

Я снова полночь сладкой тишиной...
 Въ душѣ затхло бурное волненье...
 По мнѣ разлитъ божественный покой...
 Какъ будто сладкое, воздушное влѣбье
 Крылами вѣетъ надо мной
 И улыбается пріветно.
 О Боги вѣчные... Вы тронуты мольбой,
 И васъ я звалъ къ себѣ не тщетно...
 Но если я обмануть... Если вновь
 Я осужденъ посѣть въ душѣ моей любовь
 Къ бездушнымъ призракамъ... И стыдно мнѣ, и больно,
 Взглянуть на мой кумирь — и страшный, глухой страхъ
 Смущаетъ душу мнѣ невольно.

(Съ ироніей).

О пѣтъ, смотри, смотри, безумецъ, падай въ прахъ
 Передъ холоднымъ изваяньемъ!

(Онъ видитъ, что статуя оживаетъ, и отвращается съ ужасомъ и горестью).

Что видѣлъ я? Какимъ еще мечтаньемъ
 Обмануть я?... Огонь въ ея глазахъ
 Зажегся, — видѣлъ я.... И мраморное тѣло
 Казалось, двигалось, дышало и алгло...
 О прочь, мечта безумная моя!...

(Съ отчаяніемъ).

Несчастный, ты погибъ... Тебя судьба твоя,
 Безумецъ, строго наказала:
 Ты разумъ потерялъ въ исканьи идеала...
 Но не жалѣй о томъ Пигмалионъ:

Потерей разума отъ муки ты спасенъ.

(Глубоко раздраженный).

Не все-ль равно — любить холодный мраморъ .

Иль быть безумнымъ?

(Статуя движется, и поднимаетъ руки и глаза къ небу).

Боги! Афродита!

Безсмертные! О Галатея!

ГАЛАТЕЯ (приклоняясь къ себѣ рукою).

Я.

ПИГМАЛИОНЪ (съ восторгомъ).

Я?

ГАЛАТЕЯ.

Я.

ПИГМАЛИОНЪ.

О вѣтъ, не исчезай

Божественное сновидѣнье!

ГАЛАТЕЯ (двигая нѣсколько шаговъ, и касаясь мрамора).

Не я.

(Пигмалионъ съ волненіемъ. Галатея приближается къ нему, и смотритъ на него; онъ быстро встаетъ и простираетъ къ ней объятія; она кладетъ на него руку; онъ съ трепетомъ беретъ ее, и подноситъ къ сердцу, потомъ покрываетъ жаркими поцѣлуями).

ГАЛАТЕЯ (со вздохомъ).

Ахъ — снова я!

ПИГМАЛИОНЪ.

О чудо совершенства,

Дитя боговъ, дитя души моей...

Ко мнѣ, въ мои объятія скорѣй!...

Есть радость бытія, есть полнота блаженства!....

ВОТЪ КАКЪ ЛЕЧАТСЯ ИНЫЯ ВЪ ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

заимствованный съ французскаго (изъ Скриба),

п. с. ѲЕДОРОВЫМЪ *).

ДѢЙСТВУЮЩЕ:

- Г. Зильберманъ, богатый негодіантъ. . . . . Г. Григорьевъ 1.
Г-жа Зильберманъ, его жена. . . . . Г-жа Липская.
Амалия, } ихъ дочери. . . . . Г-жа Левкьева.
Шарлотта, } . . . . . Г-жа Авенаріусъ.
Г. Шперлингъ, докторъ. . . . . Г. Каратыгинъ 2.
Адольфъ Шперлингъ, его сынъ. . . . . Г. Смирновъ 2.
Г. Нихтъ, женихъ Амаліи. . . . . Г. Мартыновъ.
Августъ, слуга. . . . . Г. Семеновъ.
Нѣсколько дамъ и мужчинъ, пріѣхавшихъ лечиться въ Гельсінгфорсъ.

*) Представленъ въ первый разъ на Александринскомъ театрѣ, 9-го Января 1846 года, въ бенефисъ г-на Максимова 1-го.

Дѣйствіе въ Гельсингфорсѣ.

Залъ въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ. На-лѣво отъ зрителей, двѣ двери; на-право, впереди, стойка и за нею въ стѣнѣ крапы для водъ; сзади дверь. Въ срединѣ, главная входная дверь, ведущая въ садъ. Впереди, на-лѣво и на-право, столы; кругомъ зала стулья; кресла и нѣсколько

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Зильберманъ, Амалія и Шарлотта, сидятъ у стола на-лѣво; нѣсколько дамъ и мужчинъ; одни изъ нихъ окружаютъ столъ съ другой стороны и читаютъ журналы; нѣкоторые за-стракаютъ, нныя прогуливаются по залу.

№ 1.

ХОРЪ.

Съ столицей шумною въ разлукъ,
Мы лечимся морской водой,
Чтобъ лѣто провести безъ скуки,
И на балахъ пѣсти зимой!

Г-жа Зильберманъ.

Здѣсь при леченьи, на свободѣ,
Мы презираемъ власть мужей!

ШАРЛОТТА.

Здѣсь, удивляясь, природѣ,
И жизнь проводишь веселѣй!

ХОРЪ.

Съ столицей шумною въ разлукѣ, и проч.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ-ЖЕ, АДОЛЬФЪ.

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Наконецъ, вы явились, докторъ!... Что это вы такъ запоздали сегодня?

АДОЛЬФЪ. Извините, я былъ такъ занятъ... Я сейчасъ съ почты, и кетати взялъ письмо на ваше имя... (Подавая письмо г-жѣ Зильберманъ). Вотъ оно!... (Амалия) Какъ вы себя чувствуете?

АМАЛИЯ. Не знаю... въ продолженіе этихъ трехъ дней, какъ мы пріѣхали въ Гельсингфорсъ, я чувствую постоянно какое-то волненіе, безпокойство...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ, она все что-то скучна, задумчива и почти совсѣмъ не спитъ. Пожалуйста, позаботьтесь о ней, докторъ.

АДОЛЬФЪ. Это мой долгъ!... А ваше здоровье?

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Сегодня во мнѣ какая-то слабость, усталость... впрочемъ, я исполнила вчерашній вашъ совѣтъ, и чувствую себя гораздо-лучше прежняго.

АДОЛЬФЪ. Я былъ увѣренъ, что балъ принесетъ вамъ пользу.

ШАРЛОТТА. Это самое пріятное лекарство! И хоть вы не предписывали мнѣ его, но я сама имъ воспользовалась, и провела время превесело!

АДОЛЬФЪ. Очень-радъ!... (Г-жѣ Зильберманъ). А головная боль?

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Признаюсь, вчера о ней невозможно было и думать... вы знаете, какъ мы были заняты... но я боюсь, чтобъ она не пришла ко мнѣ сегодня!

АДОЛЬФЪ. А вы не исполнили еще утромъ моего совѣта?

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Нѣтъ... не было никакой возможности! Мое амазонское платье неготово... но его должны принести очень-скоро... и я тотчасъ-же поѣду верхомъ... будьте увѣрены, я

исполню всё ваши предписанія... я ихъ не забыла: утромъ прогулка верхомъ, потомъ прогулка водою, а вечеромъ концертъ... Ахъ! докторъ! какъ скучно поддерживать свое здоровье!

АДОЛЬФЪ. Вы должны беречь его не для однихъ себя, но для своихъ друзей... для своего мужа...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*распечатавъ въ это время письмо*). Вотъ кстати вспомнил!... Это письмо отъ него!

АМАЛІЯ. Письмо отъ папеньки! Но какъ-же онъ узналъ, что мы здѣсь?

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Нѣтъ, это письмо было адресовано въ Петербургъ, и прислано къ намъ въ другомъ конвертѣ... Онъ и не подозреваетъ, что мы здѣсь... Что-же онъ пишетъ?... (*Читаетъ*). «Я теперь въ Ревелѣ, мой милый другъ; дѣла мои почти кончены, и я надѣюсь увидѣться съ тобою чрезъ нѣсколько дней. Хотя мнѣ очень-пріятно исполнять твои желанія, но, извини, на послѣднюю твою просьбу я никакъ не могу согласиться, по весьма-уважительнымъ причинамъ. Въ вознагражденіе за этотъ отказъ, я готовлю тебѣ и Амаліи сюрпризъ: везу ей жениха!...

АДОЛЬФЪ. Жениха! Неужели?

ШАРЛОТТА (*въ сторону*). Жениха!... Какъ счастлива сестрица, что она старше меня!

АМАЛІЯ. Но что скажетъ папенька, когда онъ пріѣдетъ въ Петербургъ и не найдетъ насъ тамъ?

АДОЛЬФЪ. А вы не думаете о томъ, какъ долженъ огорчиться этимъ вашъ женихъ?

АМАЛІЯ. Это меня нисколько не интересуетъ!... я только боюсь, чтобъ не разсердился папенька!...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Папенька твой никогда не сердится, когда видитъ меня больною... а если я теперь нездорова, такъ онъ самъ-же виноватъ... Онъ оставилъ насъ на все лѣто въ Петербургъ, не хотѣлъ нанять намъ дачи и не аборировать даже на будущій сезонъ жижи въ итальянскіе спектакли... Не тиранство-ли это? И неужели онъ думаетъ, что я, съ моими спазмами, съ моими слабыми нервами и мигренью, могла жить въ Петербургъ, когда послѣдній бѣднякъ пользуется чистымъ воздухомъ!... Нѣтъ, онъ еще счастливъ, что мы отправились только въ Гельсингфорсъ, а не дальше куда-нибудь... Справедливо-ли я говорю, докторъ? Скажите сами.

АДОЛЬФЪ. Совершенно-справедливо!... И я готовъ взять на себя всю отвѣтственность за васъ, потому-что я далъ совѣтъ принять эту поѣздку.

г-нъ зильберманъ. Ахъ, докторъ, какъ вы! добры, какъ свиходительны ко мнѣ!..

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ-ЖЕ, АВГУСТЪ.

августъ. Лошади и экипажи готовы!

г-нъ зильберманъ. Поѣдте-же! пора!

адольфъ. Вы ѣдете въ экипажъ?

г-жа зильберманъ. Что дѣлать, если амазонка моя неготова!... Но ужъ завтра я исполню ваше предписаніе!... до свиданія, докторъ!...

(Всѣ уходятъ, кромѣ Адольфа).

ЯВЛЕНІЕ IV.

адольфъ, одинъ. Я докторъ!... Онѣ увѣрены, что я докторъ, тогда, какъ медицина моя антипатія!... А между-тѣмъ, я самъ сынъ доктора и батюшка всегда желалъ, чтобъ я шелъ по его слѣдамъ!... Что дѣлать! не исполнились его желанія, и въ эти три года, какъ я разстался съ батюшкой и уѣхалъ въ Петербургъ — окончить воспитаніе въ университетѣ, ни разу не приходила въ мою голову идея измѣнить этой антипатіи... но двѣ недѣли тому-назадъ неожиданный случай сдѣлалъ меня медикомъ! Докторомъ безъ диплома и безъ малѣйшаго понятія даже о свойствахъ ромашки!... Кончивъ курсъ въ университетѣ, и сбравъ ѣхать къ батюшкѣ, я сидѣлъ въ одинъ прекрасный день въ своей комнатѣ, съ гордостью разсматривая пожалованный мнѣ дипломъ на званіе кандидата и мечтая о будущихъ блестящихъ моихъ успѣхахъ въ свѣтѣ, какъ вдругъ получаю письмо отъ батюшки, съ приказаніемъ повидаться въ Петербургъ съ его старымъ другомъ, негодіантомъ Зильберманомъ.... Являюсь, нахожу самого хозяина въ отлучкѣ, но семейство его принимаетъ меня радушно, и я съ перваго взгляда влюбляюсь въ Амацію! Меня приглашаютъ на другой день къ обѣду... на этотъ разъ, я нахожу г-жу Зильберманъ не совсѣмъ здоровою.. Она получила отъ мужа отказъ въ какой-то просьбѣ, и отъ этого сдѣлалась у нея спазмы и разболѣлась голова... Я посоветовалъ ей, для разсѣянья, отпра-

виться во французскій спектакль... разбѣянье помогло, и судьба моя рѣшилась.... По званію батюшки, меня самого произвели въ медики, и я не хотѣлъ разувѣрять ихъ въ ошибкѣ, потому-что это званіе, при мнимыхъ болѣзняхъ г-жи Зильберманъ, давало мнѣ право бывать чаще въ ихъ домѣ и видѣть Амалію... Я сдѣлался ихъ домашнимъ докторомъ и наконецъ отправился вмѣстѣ съ ними сюда... Онѣ въ восторгѣ отъ моихъ совѣтовъ, а я не прописалъ еще ни одной капли, ни одной порошинки... Вотъ такъ-то и многіе поживаютъ на свѣтѣ!... Родъ людской не можетъ существовать безъ ошибокъ!

№ 2.

Свѣтъ, по ошибкѣ принимая
 Изнанку иногда лицомъ,
 Считаешь за дѣльца дѣтяя,
 А умнаго зовемъ глупцомъ!
 Какъ поразмотришь, у иного
 Набита сѣномъ голова,
 А онъ, по милости портнаго,
 Въ гостинной роль играетъ льва.
 Иной, чрезъ глухія аферы,
 Или чрезъ наглость, безъ стыда,
 Глядишь, попалъ ко всѣмъ въ моншеры
 И надуваетъ безъ труда!
 Иной хватаетъ звѣзды съ неба,
 Чтѣ ни напишетъ, — честь уму;
 А между-тѣмъ, бѣднякъ изъ хлѣба
 Привноситъ славу всю ему!
 А сколько въ мѣрѣ наберется,
 Какъ я, такнхъ-же докторовъ....
 Межъ-тѣмъ и слава имъ дается,
 Да и карманъ у нихъ здоровъ!
 На свѣтѣ много шарлатановъ!
 Когда-бъ насквозь ихъ видѣть намъ,
 Такъ мы узнали-бъ тьму обмановъ
 И меньше вѣрили-бъ людямъ!...

Однако-жъ, не-смотря на мои успѣхи въ медицинѣ, я до-сихъ-поръ ничего еще не сдѣлалъ въ пользу любви... то робость, то невозможность быть наединѣ съ Амаліей... но сегодня я рѣшился къ ней писать... надобно-же мнѣ, наконецъ, узнать свою участь...

и если я узнаю, что Амаля меня любитъ, тогда тотчасъ же отправлюсь къ батюшкѣ. Онъ живетъ въ двухъ верстахъ отъ Гельсингфорса, и потомъ...

ЯВЛЕНИЕ V.

АДОЛЬФЪ, (въ-же, Августъ, потомъ нѣхтъ).

АДОЛЬФЪ, (увидя Августа). Какая мысль!.. Августъ!

АВГУСТЪ. Что прикажете!

АДОЛЬФЪ. Ты, кажется, малый расторопный и знаешь здѣсь всѣхъ...

АВГУСТЪ. Въ этомъ можете быть увѣрены.

АДОЛЬФЪ. Стало-быть, ты знаешь и дочерей г-жи Зильберманъ?

АВГУСТЪ. Какъ-же-съ... и старшую и младшую...

АДОЛЬФЪ. Сдѣлай одолженіе, когда онѣ прїѣдутъ съ прогулки... отдай старшей ея дочери Амалии это... этотъ рецептъ... я давеча не успѣлъ прописать... только, пожалуйста, прямо ей въ руки и чтобъ не замѣтили ни матушка ея, ни сестра...

АВГУСТЪ. Понимаю-съ!..

АДОЛЬФЪ. На это я имѣю свои причины...

АВГУСТЪ. Понимаю-съ!

АДОЛЬФЪ. Такъ ты ужъ это обдѣлаешь?

АВГУСТЪ. Обдѣлаю чудесно! Будьте покойны!

АДОЛЬФЪ, (давая ему монету). На, вотъ тебѣ за это...

АВГУСТЪ. Помилуйте... стóитъ-ли этого.

НИХТЪ, (входя). Эй! кто-нибудь!

АВГУСТЪ, (въ сторону). Это что за чудакъ! Онъ не изъ здѣшнихъ!.. (Въ-слухъ). Что прикажете?..

НИХТЪ. Гдѣ-бы мнѣ здѣсь найти доктора?..

АВГУСТЪ, (показывая на Адольфа). Вотъ докторъ, если вамъ угодно!..

АДОЛЬФЪ, (въ-сторону). Что онъ дѣлаетъ!

(Августъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

АДОЛЬФЪ, НИХТЪ.

НИХТЪ. Извините, что я васъ беспокою... я только сію минуту пріѣхалъ сюда...

АДОЛЬФЪ. А! вы только-что пріѣхали?

НИХТЪ. Да-съ!... Надобно вамъ знать, что у меня довольно-странная привычка... я люблю предосторожности... и хоть теперь почти здоровъ но, пользуясь пребываніемъ моимъ въ Гельсенгфорсъ, хочу все-таки поить искусственныхъ водъ и взять нѣсколько ваннъ, чтобъ въ-послѣдствіи избавиться отъ болѣзни...

АДОЛЬФЪ. И для этого вы нарочно пріѣхали сюда?

НИХТЪ. Нѣтъ, случайно, почти проездомъ.... Я изъ Стокгольма.... Вы, быть-можетъ, слыхали о торговомъ домѣ Нихта и комп. Я Нихтъ, сынъ, и ѣду въ Петербургъ съ будущимъ моимъ тестемъ, негоціантомъ Зильберманомъ...

АДОЛЬФЪ (*поспѣшно*). Съ г. Зильберманомъ!

НИХТЪ. Что съ вами?.... Вы, кажется, такъ удивлены?....

АДОЛЬФЪ. О, нѣтъ, нисколько.... А гдѣ-же вашъ будущій тесть?

НИХТЪ. Мы съ нимъ сошли вмѣстѣ съ парохода, и отправились сюда, въ залъ искусственныхъ водъ; да онъ встрѣтился на дорогѣ съ какимъ-то старымъ пріятелемъ и разговорился, а я поспѣшилъ сюда, чтобъ успѣть посоветоваться съ докторомъ.... Сдѣлайте-же одолженіе, дайте мнѣ какой-нибудь совѣтъ.... Но что это значитъ?.... Отъ чего вы такъ странно на меня смотрите?.... Вѣрно, вы замѣчаете во мнѣ какую-нибудь болѣзнь.... Говорите откровенно.... Я боленъ?... Не правда-ли?... Да, да.... Я самъ чувствую.... У меня ужъ начинается болѣть голова.... Мнѣ что-то не ловко.... Въ-самомъ-дѣлѣ, болитъ голова....

АДОЛЬФЪ. Это ничего, маленькая мигрень.... Свежій воздухъ облегчитъ ...

НИХТЪ. Право?... Но отъ-чего-жъ это я чувствую какъ будто судороги въ желудкѣ?....

АДОЛЬФЪ. Вы, вѣрно, еще не завтракали?

НИХТЪ. Нѣтъ еще.... Но, признаюсь вамъ, я и боялся....

АДОЛЬФЪ. Не бойтесь ничего.... Совѣтую вамъ сію-же минуту отправиться съ г-мъ Зильберманомъ въ гостиницу, и хорошенько позавтракать.... Рекомендую вамъ гостиницу Société.... Она непо-

далеку отсюда; тамъ васъ прекрасно вакармятъ.... Затѣмъ я нахожу, что вы совершенно здоровы, и потому имѣю честь кланяться... *(Въ сторону)*. Боже мой! Мы и не воображали, какая угрожала намъ опасность! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VII.

НИХТЪ, ПОТОМЪ АВГУСТЪ.

НИХТЪ. Этотъ докторъ, просто, ничего не понимаетъ! Увѣряетъ, что я совершенно-здоровъ, когда я самъ чувствую, что мнѣ необходимо нужно полечиться!... Нѣтъ, будь на его мѣстѣ, человѣкъ дѣльный, ужъ онъ-бы нашелъ случай чѣмъ заняться и показать свое искусство!... Мнѣ цало посовѣтоваться съ другимъ докторомъ!

АВГУСТЪ *(съ книгой)*. Не угодно-ли вамъ записаться въ книгу?...

НИХТЪ. Это зачѣмъ?

АВГУСТЪ. У насъ кто пьетъ воды, тотъ непременно долженъ записаться....

НИХТЪ. А развѣ я долженъ непременно пить воды?

АВГУСТЪ. Это ваша воля....

НИХТЪ. А какъ онѣ.... помогаютъ?

АВГУСТЪ. Очень помогаютъ....

НИХТЪ. Давай-же, я запишусь... Только мнѣ нуженъ получше докторъ, а то давшій, кажется, ничего не понимаетъ....

АВГУСТЪ *(кладя книгу на столъ)*. Онъ и не здѣшній, а пріѣхалъ съ господами.... *(Слышенъ голосъ за кулисами: «Августъ.»)* Извините, меня зовутъ.... Я сейчасъ явлюсь. *(Уходитъ.)*

НИХТЪ *(сидя къ столу, и разсматривая книгу)*. Кажется, здѣсь лечится довольно народу.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

НИХТЪ, Г. ЗИЛЬБЕРМАНЪ И Г. ШПЕРЛИНГЪ.

ЗИЛЬБЕРМАНЪ *(входя съ Шперлингомъ)*. Какъ я радъ, любезнѣйшій другъ, что встрѣтился съ тобою въ Гельсингфорсѣ.... Я, было, хотѣлъ ѣхать къ тебѣ на мызу въ Тѣле, и прожить у тебя

до завтрашняго вечера.... а въ понедѣльникъ на пароходѣ въ Петербургъ....

шперлингъ. Такъ поѣдемъ-же ко мнѣ.... Очень-буду радъ... Я сюда заѣхалъ на нѣсколько часовъ.... У меня здѣсь болель пріятель....

зильберманъ. А ты часто бываешь въ Гельсингфорсѣ?

шперлингъ. Нѣтъ, очень-рѣдко.... Хоть отсюда не больше двухъ верстъ до моей мызы, но я такъ обжился въ своемъ маленькомъ уголкѣ, и такъ занялся хозяйствомъ, что не хочется и выѣхать.

зильберманъ. Развѣ у тебя нѣтъ практики?

шперлингъ. Я совсѣмъ ужъ разстался съ медициной, отдыхаю отъ трудовъ, и лечу только своихъ друзей.... Слава Богу, съ меня довольно!

зильберманъ (*увидя Нихта*). А! вы здѣсь?.. (*Шперлингу*). Позволь, мой другъ, рекомендовать тебѣ будущаго моего зятя.... Любезный Нихтъ.... это одинъ изъ моихъ искреннихъ друзей....

нихтъ (*пожимая руку Шперлингу*). Очень-пріятно познакомиться....

зильберманъ. Но что вы тутъ дѣлаете?

нихтъ. Разсматриваю, кто лечится здѣсь водами...

шперлингъ. Разсматривайте, мы вамъ не мѣшаемъ.... (*Отвоя въ сторону Зильбермана*). Такъ это твой будущій зять?.... Мнѣ немножко досадно.... Я, было, имѣлъ виды породниться съ тобою чрезъ моего сына....

зильберманъ. Чтожь, это можетъ еще состояться.... У меня двѣ дочери: теперь я хочу выдать за-мужъ старшую, Амалию... Но черезъ годъ и Шарлотта у меня будетъ невѣста.... Ты, кажется, хотѣлъ пустить твоего сына также по медицинѣ?

шперлингъ. Да, это было всегдашнее мое желаніе, но, къ несчастію, онъ не полюбилъ ея... Онъ у меня теперь въ Петербургѣ, кончилъ курсъ въ университетѣ, и я жду его со дня на день..

зильберманъ. Какъ-же онъ ни разу у насъ не былъ....

шперлингъ. Я не хотѣлъ, чтобъ онъ имѣлъ какія-нибудь знакомства, до окончанія курса.... Это могло его разсѣять.... Но съ выходомъ изъ университета, я приказалъ ему явиться къ тебѣ... и увѣренъ, что онъ ужъ у тебя былъ....

зильберманъ. Можетъ-быть.... я ужъ мѣсяцъ, какъ изъ дома.... Ѣздилъ по дѣламъ.... Но теперь спѣшу въ Петербургъ, къ семейству, и если заверну въ Гельсингфорсъ, то потому

только, что сюда шель сегодня изъ Ревеля пароходъ, и я вздумалъ воспользоваться случаемъ, чтобъ повидаться съ тобою....

шперлингъ. Благодарю тебя, мой другъ.... Но и здѣсь въ Гельсингфорсъ есть на что посмотреть...

зильберманъ. Много здѣсь больныхъ?

шперлингъ. Какъ тебѣ сказать?...

ДѢЗ.

Сюда сбравутся, для моды,

Здоровыхъ больше, чѣмъ больныхъ;

Больные пьютъ, конечно, воды,

Но здѣсь есть польза и безъ нихъ.

Одни къ намъ ѣдутъ за дѣлами,

Иные скуку разогнать,

Другіе свидѣться съ друзьями,

Или себя имъ показать.

У насъ больной и при леченьи

Всегда пріятно развлеченъ,

И даже въ самомъ развлеченьи

Найдешь лекарство — моціонъ!

Здѣсь всякій день у насъ гулянья,

Балы, обѣды, вечера,

Концерты, пикники, катанья

Et cetera, et cetera!

Но эти всѣ ныры, собранья,

Невольно мысль во мнѣ родятъ,

Что къ намъ не воды и купанья

А удовольствія манятъ.

И тѣмъ вѣрнѣе это мнѣнье,

Что, съ дешевизной здѣсь, у насъ,

Страдали гости, безъ леченья,

Чахоткой въ кошелькѣ не разъ!

зильберманъ. Да вашъ Гельсингфорсъ чудо; а не городъ! Я-бы здѣсь пожилъ подольше, и посмотрѣлъ-бы на ваши затѣи, если-бъ не ждали меня жена и дѣти въ Петербургъ....

нихтъ (читая). Что я вижу!

зильберманъ. Что такое?

нихтъ. Посмотрите! посмотрите, пожалуйста! (Читаетъ). Г-жа Зильберманъ, жена негоціанта, съ двумя дочерьми, Амаліей и Шарлоттой!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Боже мой! Моя жена и дочери здѣсь!.... (Смотря въ книгу). Да! да! Это ея рука!... Нѣтъ никакого сомнѣнія! Они здѣсь!.... Боже мой! Онѣ, вѣрно, больны!.... И ни слова мнѣ не написали!.... Они боялись меня испугать!....

НИХТЬ. Это вѣрнѣе всего!...

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Эй, кто-нибудь!

ШПЕРЛИНГЪ. Да перестань, мой другъ!.... ну, что ты напрасно тревожишься?... Развѣ твоя супруга очень-слаба здоровьемъ?

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Этого сказать нельзя!.... однакожь, у нея бывали припадки мигрени!.... и вообще у нея какая-то слабость нервовъ!... словомъ, она подвержена тѣмъ болѣзнямъ, которыми обыкновенно страдаютъ жены добрыхъ и богатыхъ мужей!.... но эти припадки случались у моей жены почти всегда въ извѣстное время!.... напримеръ, предъ воскресеньемъ или предъ какимъ-нибудь праздникомъ!.... и потому мнѣ весьма-удивительна ихъ поѣздка сюда!.... Эй! мальчикъ!... Боже мой! да неужели здѣсь никого нѣтъ?

ШПЕРЛИНГЪ (смотря въ окно). Кажется, вся здѣшняя прислуга смотритъ на эту кавалькаду, которая приближается сюда!.... а! вотъ нѣкоторыя дамы и въ экипажахъ!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Ахъ, любезнѣйшій Нихтъ, подите, пожалуйста, разузнайте тамъ о моемъ семействѣ!.... или, по-крайней-мѣрѣ, приведите кого-нибудь изъ здѣшняго общества!.... я самъ разспрошу!....

НИХТЬ. Сю-минуту!... Не безпокойтесь, я обо всемъ развѣдаю!... (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ЗИЛЬБЕРМАНЪ, ШПЕРЛИНГЪ.

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Боже мой! какъ меня безпокоитъ моя жена!...

ШПЕРЛИНГЪ. Въ этомъ случаѣ ты вовсе не благоразуменъ!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Помилуй, ты хочешь, чтобъ я былъ спокоенъ, когда все мое семейство здѣсь, въ Гельсингфорсѣ!...

ШПЕРЛИНГЪ. А по-моему, это тебя и должно успокоить!

№ 4.

Повѣрь, мой другъ, кто умереть боится,

Кого болѣзнь серьезная гнететъ,

Тотъ изъ дома уѣхать не рѣшится
 И средства въ немъ для помощи найдетъ!
 Здоровья мы и счастья вѣчно ищемъ,
 А какъ легко ихъ приобрести людямъ!
 Чтобъ ихъ смыскать, — мы по чужбинѣ рыщемъ,
 Чтобъ ихъ найти, — силѣть-бы дома намъ!

ЯВЛЕНИЕ X.

ТЪ-ЖЕ, Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ, Г. НИХТЬ.

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*держа въ рукахъ счетъ*). Только три дня, какъ сюда пріѣхали, и ужъ явился счеты.... (*Нихту*). Что вамъ угодно?

НИХТЬ. Извините, что я обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ... одинъ почтенный человекъ, мой будущій тестъ, желалъ-бы имѣть свѣдѣнія о своей супругѣ, которая находится здѣсь и, какъ слышно, отчаянно больна...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Но какъ ея фамилія?...

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*увидя жену*). Боже мой! моя жена!

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*падая въ кресла*). Ахъ! мой мужъ!... (*Нихту*). И вамъ это не стыдно!... Хоть-бы вы меня предупредили!... Знаете-ли, что, при слабости моего здоровья, я могу ожидать ужасныхъ послѣдствій отъ вашей неосторожности!... (*Мужу*). Здравствуй, мой другъ.... ахъ, какъ я рада, что ты пріѣхалъ.... но, признаюсь тебѣ, это неожиданное свиданіе ужасно подѣйствовало на мои нервы....

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Боже мой! Неужели въ самомъ дѣлѣ?.... однакожъ, ты, кажется, сію минуту съ прогулки....

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Да... но это по приказанію доктора.... Ты, я думаю, удивился мой другъ, что мы уѣхали въ Гельсингфорсъ?.... Ахъ, нѣтъ-ли при тебѣ спирта?.. мнѣ такъ что-то дурно....

НИХТЬ (*предлагая ей флакончикъ*). Не угодно-ли?... Я всегда держу на случай....

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*взявъ флаконъ и нюхала спиртъ*). Благодарю васъ!... У меня въ Петербургѣ сдѣлался вдругъ такіе ужасные нервическіе припадки, что мы должны были, немедля, отправиться сюда.... даже не успѣли предупредить тебя.... Но эта поѣздка не столько еще была необходима для меня, сколько для нашихъ

дѣтей.... У Амаліи оказалось пнохондрія... какая-то тоска, въ родѣ силна....

никтъ. Амалія!... Это моя невѣста!... Пріятная новость!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*женъ*). А Шарлотта?

Г-жа ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Ахъ! Шарлотта!... Бѣдняжка, она даже сама не понимаетъ, что у нея такое... а это еще хуже... Но вотъ ты увидишь самъ, какъ опасна ихъ болѣзнь... До-сихъ-поръ здѣшнія воды и купанья не могли еще принести намъ никакой пользы, потому-что мы здѣсь только три дня и не успѣли еще выпить ни одного стакана.... но я надѣюсь, что къ концу слѣдующаго мѣсяца...

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Какъ? вы намѣрены здѣсь пробыть почти два мѣсяца?...

Г-жа ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Да, мой другъ, здѣсь необходимо было-бы даже провести все лѣто, а ужъ два мѣсяца это самый краткой скрокъ.... иначе и леченье все пойдетъ не въ-прокъ... а мнѣ ужъ, признаться тебѣ, наскучило быть больною....

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Если это тебѣ необходимо и пріятно, я несколько не противлюсь.... (*Шперлингъ*). Что ты на это скажешь?

ШПЕРЛИНГЪ. Ничего!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Тебя не пугаетъ положеніе моего семейства?

ШПЕРЛИНГЪ. Несколько!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Стало-быть, тебѣ извѣстны ихъ болѣзни?

ШПЕРЛИНГЪ. Совершенно!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. О, такъ ты мнѣ даешь надежду!.. Нѣтъ, теперь я отъ тебя не отстану.... ты долженъ новнимательнѣе осмотрѣть моихъ больныхъ.... да лучше всего.... объѣдай сегодня съ нами?

Г-жа ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Это невозможно, мой другъ.... сегодня мы званы на обѣдъ....

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Ну такъ завтра?

Г-жа ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Завтра назначена у насъ прогулка на маленькомъ пароходѣ и потомъ завтракъ на островѣ.

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Въ такомъ случаѣ, сегодня вечеромъ?

Г-жа ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Сегодня вечеромъ балъ здѣсь на водахъ... а послѣ-завтра концертъ.... Мнѣ очень-досадно... но, согласитесь, что о здоровьѣ мы должны заботиться больше всего ...

ЛѢ 5.

А для успѣшнаго леченья

Намъ докторъ строгій далъ приказъ,

Вотъ какъ легатся нынѣ въ Гельсеннфорстъ

Чтобъ было больше развлеченья
И удовольствій здѣсь у насъ!
Того-же, что наводитъ скуку
Вельѣ онъ удалиться намъ...

ШПЕРЛИНГЪ (*тихо Зильберману*).

Побѣдемъ-ка, давай мнѣ руку...
Здѣсь не житье намъ старикамъ!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ.

Что-жъ за болѣзнь у нихъ такая?

ШПЕРЛИНГЪ.

Съ ней не совсемъ знакомы мы...
На видъ болѣзнь совсемъ пустая,
Межъ-тѣмъ приличивѣй чумы!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ.

Такъ ихъ опасно положенье!
Но что-жъ болѣзнь родило въ нихъ?

ШПЕРЛИНГЪ.

Вздоръ сухой: головы круженье
Да прихоть и примѣръ другихъ!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Какая странная болѣзнь.

ШПЕРЛИНГЪ. Это модная болѣзнь, мой другъ! И большею частію она бываетъ у людей съ состояніемъ...

Г-жа Зильберманъ (*мужу*). Ахъ, кстати, мой дружокъ... ты какъ нарочно прѣвхалъ въ такое время, когда твое присутствие никогда еще не было такъ необходимо... при моей теперешней болѣзни, малѣйшая забота, даже самое ничтожное занятіе могутъ принести мнѣ ужасный вредъ... (*Отдавая ему счетъ*). Прочти, пожалуйста...

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Что это такое?

Г-жа Зильберманъ. Небольшой счетъ изъ магазина Этуллина... для моего здоровья и для облеченія болѣзни нашихъ дѣтей эта издержка была необходима...

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Стало-быть, это аптекарскій счетъ?... Посмотримъ! (*Читаетъ*) Для бальныхъ платьевъ г-жи Зильберманъ и ея дочерей: барежу 15 аршинъ..

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Боже мой! развѣ ты не можешь прочесть послѣ, одинъ?...

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*читая*). Бѣлаго тюлю 20 аршинъ....

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Оставь, сдѣлай одолженіе!.. Боже мой, мнѣ дѣлается дурно....

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*читая*). Кружевъ 30 аршинъ, бюндъ 15 аршинъ...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Голова кружится!.. ужасная боль подъ ложкою...

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Голландскаго полотна два куска, батисту... кисеи...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Свѣтъ темнѣетъ въ глазахъ..

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Итого...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ, (*вскрикивая и падая въ кресла*). Ахъ!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Боже мой! что съ тобою?

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Ничего, ничего!.. опять этотъ ужасный припадокъ!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ, (*смотря на нее со вниманіемъ*). Но, кажется, онъ проходитъ... (*Читая*). Итого..

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ, (*вскрикивая сильнѣе*). Ахъ!

НИХТЪ. Нѣтъ, тутъ необходимо принять мѣры!.. Пошлите за дѣшнымъ докторомъ...

АВГУСТЪ, (*входя, г-жѣ Зильберманъ*). Тамъ, сударыня, пришла модистка.... Она принесла примѣрять это amaz...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*вскакивая*). Ахъ! сію минуту!.. извините, я не замедлю возвратиться... боюсь, не испортила-ли она мое платье....

(*уходитъ съ Августомъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ШПЕРЛИНГЪ, ЗИЛЬБЕРМАНЪ, НИХТЪ.

НИХТЪ, (*смотря ей въ-слѣдъ*). Вотъ, вѣрь послѣ этого въ наружность... по лицу ея нельзя и подумать, чтобъ она была здорова... такъ-то и обо мнѣ все судать....

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*Шперлингу*). Признаюсь тебѣ, этотъ припадокъ немножко меня испугалъ!

шперлингъ. Самъ виновать! За-чѣмъ повторять такое слово, которое такъ для нея непріятно....

зильберманъ. Какое слово?

Шперлингъ. Слово весьма-тяжолое и чувствительное для многихъ.... Это: ужасное *итого!*

ДѢ 6.

Въ жизни можно видѣть ясно,

Какъ для всѣхъ и для всего

Интересно и ужасно

Это слово: *итого!*

Итого укажетъ въ свѣтъ,

Пользы моднаго врача,

Мота-пищаго въ каретѣ

И въ заплатахъ богача!

Итого-кредитъ терлетъ,

Итого-приносить вѣсь,

Очищаетъ и пятнаетъ

Имя, славу и процессъ!

Счастье вамъ, когда доходомъ

Умертвить оно расхоль,

Горе — ежели расхоломъ

Пересвянтъ вашъ прихоль!

зильберманъ. Но отъ чего-же могъ такъ безнокоптъ этотъ *итого* мою жену?.. Пока ея нѣтъ, посмотримъ, что въ немъ ужаснаго... (*Читая*). Итого пять сотъ рублей серебромъ!.. (*Роняя счетъ*). Боже мой!

шперлингъ. Ну, не правду-ли я тебѣ сказалъ?.. видишь-ли, какъ даже на тебя, на мужичну, дѣйствуетъ это слово!...

зильберманъ. Пять-сотъ рублей истратить въ три дня на одвѣ тряпки!... И она еще увѣряетъ, что пріѣхала сюда лечиться...

шперлингъ. Что-жъ тутъ необыкновеннаго?.. Это тотъ-же аптекарскій счетъ! Ты давеча въ немъ не ошибся!

зильберманъ. И вѣдь этимъ еще не должно кончиться... тутъ, того и гляди, явятся другія счеты... ну, не дешево-же мнѣ стаетъ ихъ леченье!

шперлингъ. Что дѣлать! пѣняй на самъ на себя!... Когда-бъ ты поранѣе позаботился о ихъ здоровьѣ, такъ не были-бы они теперь тяжелы для твоего кармана!

Зильберманъ, Боже мой! чтожь мнѣ дѣлать? чѣмъ тутъ помочь!

Шперлингъ. Не горюю, помочь еще можно... только вымечись прежде самъ отъ своей слабости, а ужъ послѣ мы примемся и за твое семейство... Пойдемъ, я сообщу тебѣ мой планъ и дамъ тебѣ наставленіе....

нихтъ. Вы уходите и оставляете меня одного... Но чтожь я буду здѣсь дѣлать?

Зильберманъ. Какой вы страшный человекъ!... Кажется, здѣсь моя дочь, ваша неvěста... найдите ее, познакомьтесь и постарайтесь ей поправиться!...

Шперлингъ. Именно такъ!... эти мѣры должны послужить въ пользу и нашимъ предположеніямъ!

(Уходитъ съ Зильберманомъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

нихтъ *(одинъ)*. Познакомься и поправься! Это легко сказать! А онъ даже не представилъ меня своимъ дочерямъ... и какъ-же я узнаю, которая изъ нихъ моя неvěста, когда отъ роду въ глаза ихъ не видалъ! Развѣ попросить его?...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

нихтъ, Адольфъ.

Адольфъ. А! вы еще здѣсь?

нихтъ. Да, еще здѣсь! А въ это время, какъ мы съ вами разстались, здѣсь случились престранныя происшествія... Г. Зильберманъ нашелъ въ Гельсингфорсѣ свою жену и дочерей, а я неvěсту... Кстати... я хочу васъ попросить оказать мнѣ небольшую услугу... пожалуйста, представьте меня моей неvěстѣ!

Адольфъ *(съ-стороны)*. Вотъ выдумалъ!

нихтъ. Мнѣ необходимо съ ней познакомиться... мой будущій тестъ требуетъ, чтобъ я ей поправился...

Адольфъ *(съ-стороны)*. И онъ хочетъ, чтобъ я уступилъ ему свое мѣсто?... нѣтъ, извини, дружокъ, этому не бывать!... *(Въ-слухъ)* Если вамъ, непременно угодно, я готовъ... *(Взявъ его за руку)*. Но что съ вами?... вы дрожите?

НИХТЪ. Я?... Помилуйте...

АДОЛЬФЪ (*щупая ему пульсъ*). Да, да, дѣйствительно!... у васъ лихорадка... Позвольте... тѣло въ поту... неровный пульсъ...

НИХТЪ. Чтѣ вы говорите! Неужели въ самомъ дѣлѣ?..

АДОЛЬФЪ. Но не безпокойтесь... Однако-жѣ, какое тяжелое дыханіе!... Скажите, вы еще ничего здѣсь не принимали?

НИХТЪ. Ничего!

АДОЛЬФЪ. Это къ лучшему... Извините, что я давеча такъ поверхностно судилъ о вашей болѣзни... Мы, медики, не всегда можемъ судить по наружности, намъ нужны болѣе дѣйствительные признаки...

НИХТЪ. Ну, ботъ видите! Я говорилъ вамъ правду... Повѣрте, я очень-хорошо знаю себя!

АДОЛЬФЪ (*увидя входящую Амалію, въ сторону*). Боже мой! Амалія!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ-ЖЕ, АМАЛІЯ.

АМАЛІЯ (*Адольту*). Васъ, докторъ, ждетъ маменька!

АДОЛЬФЪ. Извините, сію минуту... (*Нихту*). Вамъ нужно остерегаться воздуха, и хорошенько пропотѣть... подите скорѣе...

НИХТЪ (*тихо Адольту*). Скажите пожалуйста, не это-ли моя невѣста?

АДОЛЬФЪ (*тихо*). Нѣтъ, это одна изъ моихъ выздоравливающихъ пациентокъ.

НИХТЪ. Какъ жаль!... а она очень-хороша собою...

АДОЛЬФЪ. Боже мой! Ну въ вашемъ-ли положеніи разсуждать теперь о такихъ глупостяхъ?

АМАЛІЯ (*тихо Адольту*). Чтѣ это за молодой человекъ?

АДОЛЬФЪ (*тихо*). Это... Англичанинъ... у него жестокая сухотка... я думаю, онъ не проживетъ и недѣли.

НИХТЪ. Чтѣ вы сказали?

АДОЛЬФЪ. Ничего... Подите-же, исполните скорѣе то, чтѣ я вамъ сказалъ...

АМАЛІЯ (*смотря на Нихта*). Какъ жалокъ для меня этотъ Англичанинъ...

НИХТЪ. Чтѣ она говоритъ такое?

АДОЛЬФЪ (*отводя его, тихо*). Она была нѣсколько помѣшана,

и до-сихъ поръ еще думаетъ о томъ Англичанинѣ.... знаете, который здѣсь пилъ воды?

никтъ. Нѣтъ, я его вовсе не знаю.

адольфъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, вѣдь вы только-что приѣхали сюда.... онъ умеръ предъ самымъ вашимъ приѣздомъ.

никтъ. Умеръ!

адольфъ. И представьте, начало его болѣзни было совершенно-такое, какъ у васъ....

никтъ. Что вы говорите!... Боже мой! Въ-самомъ-дѣлѣ, мнѣ что-то холодно....

адольфъ. Ну, видите!... Ступайте-же скорѣе, спросите себѣ теплую ванну, а потомъ лягте и хорошенько пропотѣйте!...

никтъ. Бѣгу! бѣгу!... И холодно, и жарко! Такъ, это чистая лихорадка!... Ради Бога, не оставьте меня, докторъ!

адольфъ. Не беспокойтесь, я васъ навѣшу...

(Никтъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ XV.

адольфъ, амалія.

адольфъ. Наконецъ, мы одни! Смѣйте! *(Въ-слухъ)*. Приятна-ли была ваша прогулка?

амалія. Не совѣмъ!... всѣ эти прогулки мнѣ какъ-то не нравятся.... Мнѣ все скучно, докторъ.... Только вчера на балу, и то короткое время, я чувствовала удовольствіе....

адольфъ. Въ какое-же это время? Не тогда-ли, какъ вы танцевали....

амалія. Нѣтъ, когда я сидѣла у окна, и когда мы разговари-вали съ вами....

адольфъ *(съ радостію)*. Неужели это справедливо?

амалія. Я никогда не лгу предъ моимъ докторомъ....

адольфъ. Скажите, не отдавалъ-ли вамъ чего-нибудь отъ меня Августъ?...

амалія. Да, отдалъ.... онъ сказалъ, что это рецептъ....

адольфъ. И вы не взглянули, что въ немъ написано....

амалія. Нѣтъ.... да я и не понимаю вашей латыни.... Но теперь вы сами можете мнѣ сказать, чего вы отъ меня желаете, что я должна дѣлать? Признаюсь вамъ, мнѣ съ каждой минутой становится все хуже и хуже....

адольфъ. Какъ? и въ эту минуту?

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ТЪ-ЖЕ, ЗИЛЬБЕРМАНЪ.

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*про-себя*). Моя дочь, и съ ней какой-то молодой человекъ!

АМАЛІЯ. Теперь еще хуже.... и странно, мнѣ дѣлается всегда тяжело, когда и вижу своего доктора!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. А! это докторъ!

АМАЛІЯ (*увидя отца, съ крикомъ падаетъ въ кресла*). Ахъ!

АДОЛЬФЪ. Боже мой!... ей дурно!... Что мнѣ дѣлать?... Доктора! скорѣе доктора!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Но, кажется, вы сами докторъ?

АДОЛЬФЪ. Конечно, я докторъ... но все-таки не мѣшаетъ и другаго.... Эй! кто нибудь! попросите доктора!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Вы, вѣрно, хотите сдѣлать консилиумъ... Позвольте, я сейчасъ найду вамъ товарища...

АДОЛЬФЪ. Кажется, она приходитъ въ-себя!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*подходитъ къ двери*). Ступай скорѣе, другъ мой!.. Здѣсь нужна твоя помощь!

ЯВЛЕНИЕ XVII.

ТЪ-ЖЕ И ШПЕРЛИНГЪ.

ШПЕРЛИНГЪ. Что такое?.. что случилось?

АДОЛЬФЪ (*увидя отца и опираясь на кресло, на которомъ сидитъ Амалія*). Батюшка!

АМАЛІЯ (*приидя съ себя*). Папенька!

(*Зильберманъ подходитъ къ Амаліи и цѣлуетъ ее*).

ШПЕРЛИНГЪ. Да здѣсь свиданіе отцовъ!.. Боже мой! Адольфъ! милой мой сынъ!.. Да обними меня скорѣе!.. (*Цѣлуетъ Адольфа*). Вотъ неожиданность! вотъ радость!.. (*Зильберману*). Отъ-души благодарю тебя, мой другъ, за этотъ сюрпризъ!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Помилуй, я вовсе не думалъ ни о какомъ сюрпризѣ... моей Амаліи сдѣлалось дурно, и твой сынъ, не-смотря на то, что онъ докторъ...

ШПЕРЛИНГЪ (*смотря на него съ удивленіемъ*). Что такое? Мой сынъ докторъ?.. докторъ медицины?.. Да ты шутишь или нѣтъ?..

Амалия. Папенька вовсе не шутить, и я могу васъ увѣрить, что такихъ искусныхъ медиковъ мало у насъ... Это многіе вамъ скажутъ...

шперлингъ. Боже мой! мой Адольфъ докторъ!.. а я еще смѣлъ сомнѣваться въ его покорности!.. Вотъ ужъ истинный сюрпризъ!.. Такъ это онъ тихонько отъ меня, вмѣсто университета, слушалъ курсъ медицины!.. Каковъ!.. Адольфъ! мой любезный, послушный сынъ!.. Да поцѣлуй-же меня еще разъ!..

№ 7.

Приди, приди скорѣй въ мои объятя,
 Паслѣдникъ мой, по званью и правамъ!
 Ты мнѣ не сынъ, теперь съ тобой мы братья!
 Теперь съ тобой конецъ моимъ трудамъ!
 Пусть смерть пныхъ чернитъ мои патенты,
 Но вѣрь, мой другъ, что въ память дѣлъ моихъ,
 Къ тебѣ мои вернутся пациенты,
 Которые остались въ живыхъ!

зильберманъ. Сдѣлай одолженіе, успокойся на время отъ твоихъ восторговъ и позаботься о моей дочери!..

шперлингъ. Извини, мой другъ... чувства отца сильнѣе обязанностей доктора... Но теперь я готовъ къ вашимъ услугамъ... Ну, что-же случилось съ твоей дочерью?..

зильберманъ. Обморокъ, непритворный, а дѣйствительный обморокъ!.. И какъ кажется, болѣзнь ея вовсе непохожа на болѣзнь моей жены...

шперлингъ (*Адольфу*). Ну, г. докторъ, по системѣ Corvisart Galien, сдѣлаемъ консилиумъ: quid dicis?

адольфъ (*съ смущеніемъ*). Если вы хотите знать истину, батюшка... она была точно въ некоторое время нездорова... но теперь, кажется, нечего болѣе опасаться... Этотъ обморокъ, вѣроятно, произошелъ отъ неожиданной радости при свиданіи съ отцомъ...

шперлингъ. Твоя правда, я самъ такъ полагаю... Но наша наука требуетъ болѣе положительности, твердости въ мнѣніяхъ... будь-же смѣлѣе, увѣреннѣе въ себѣ, чтобъ не подать повода людямъ сомнѣваться въ нашихъ знаніяхъ... свѣтъ и безъ того не слишкомъ довѣряетъ намъ... Объясни мнѣ подробнѣе, что способствовало, до этого обморока, развитію въ ней болѣзни, и

какая система леченія была принята тобою... (Зильберману). Извини, мой другъ, что мы занялись такимъ серьёзнымъ разговоромъ... онъ необходимъ для пользы твоей дочери...

адольфъ. Но, батюшка... мнѣ кажется, что мы можемъ поговорить объ этомъ въ другое время...

амалія. Отъ чего-же не теперь?.. За чѣмъ скромничать и скрывать свои знанія отъ другихъ?.. Я увѣрена, что вы заслужите похвалу отъ своего батюшки... а мнѣ будетъ очень-приятно, если отдадутъ справедливость моему доктору..

адольфъ (въ-сторону). И она противъ меня... Боже мой! какъ я выпутаюсь изъ этой бѣды!

шперлингъ. Я совершенно согласенъ съ вами, сударыня... эта скромность вовсе не у-мѣста.. а меня такъ радуеть его преобразование, и все еще такъ сомнительно, что я былъ-бы даже доволенъ теперь тѣмъ, если-бъ увидѣлъ прописанный имъ рецептъ.

амалія. О, если только этого вы хотите, такъ я вамъ могу доставить удовольствіе... Вотъ рецептъ, который я сію минуту получила отъ вашего сына... я его не читала, потому-что не могла-бы разобрать и не поняла-бы ничего... Но васъ онъ удостовѣритъ въ его искусствѣ... Вотъ онъ.. (Отдаетъ Шперлингу записку).

адольфъ (тихо Амаліи). Чтò вы дѣлаете?

шперлингъ (взявъ записку). Ба! да онъ и запечатанъ! странно! (Распечатываетъ, читаетъ про-себя). «Если моя истинная любовь».. Ай да рецептъ!

адольфъ. Батюшка!

шперлингъ. Понимаю все... ты держишься новой методы.

амалія. Но не все-ли равно, какая-бы ни была метода... я только увѣрена, что тутъ для меня должна быть польза.

шперлингъ. О, конечно, и большая польза! Но скажите, съ самага-ли начала онъ пользовалъ васъ по этой методѣ...

амалія. Да... и не только меня, но даже сестру Шарлотту, а потомъ и маменьку.

шперлингъ. Какъ! все семейство!

зильберманъ. А развѣ отъ этой методы ты предвидишь какую-нибудь опасность?

шперлингъ (Зильберману). Да, отчасти... но, къ-счастью, что я здѣсь!.. Совѣтую тебѣ, мой другъ, не дожидаться парохода, а сейчасъ-же послать за лошадьми и отправиться со всѣмъ семействомъ въ Петербургъ... Послѣ того, что ты мнѣ разсказалъ, я

понялъ совершенно болѣзнь твоей сунруги... ты отказалъ ей въ дачѣ и въ ложѣ на итальянскіе спектакли... и вотъ отъ-чего она такъ теперь страдаетъ.

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Какъ, неужели въ-самомъ-дѣлѣ?..

ШПЕРЛИНГЪ. *Inde mali lobis...* Вотъ она!.. выдерживъ только характеръ и ты увидишь, что въ одну минуту я вылечу все твое семейство.

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

ТЪ-ЖЕ, Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ И ШАРЛОТТА.

ШАРЛОТТА. Ахъ, Папенька!

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*цѣлуя ее*). Здравствуй, мой дружокъ!

ШПЕРЛИНГЪ (*съ жемъ Зильберманъ*). Какъ вы теперь себя чувствуете?

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*весело*). Слава Богу!.... (*Спохватаясь*). Ахъ, Боже мой! Что значить привычка... Напротивъ, дурно, очень-дурно!

ШПЕРЛИНГЪ (*Зильберману*). Въ такомъ случаѣ, мы ничѣмъ не рискуемъ.... Начинай атаку.

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*оживъ*). Какъ это для меня неприятно.... а я сію минуту получилъ извѣстіе, которое заставляетъ меня не медля возвратиться въ Петербургъ.... Этого мало, я долженъ взять и васъ съ собою.... Но не безпокойся, я приму все мѣры, чтобы намъ можно было ѣхать спокойнѣе.... Притомъ, мы пригласимъ съ собою вашего доктора...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Все это прекрасно, мой другъ, и я съ удовольствіемъ-бы готова была исполнить твое желаніе; но я увѣрена, что ты и самъ не поѣдешь, если узнаешь, что случилось со мною сію минуту.... Со мной была такая ужасная истерика, что даже Шарлотта, которая видѣла этотъ припадокъ, сама сдѣлалась нездоровою.... (*Шарлоттѣ*). Не правда-ли, мой дружокъ?

ШАРЛОТТА. Да, маменька, совершенная правда.

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*цѣлуя Шарлотту*). Добрая моя дочь!.... И неужели ты думаешь, что я позволю ей ѣхать въ такомъ положеніи?

ЗИЛЬБЕРМАНЪ (*тихо Шперлингу*). Послушай, ужъ не въ-самомъ-ли дѣлѣ онѣ нездоровы?

ШПЕРЛИНГЪ (*Зильберману*). Ну, вотъ, ужъ твоя слабость опять является.... Нѣтъ, видно надобно измѣнить нашъ бой.... Пусть

меня!.... (Г-жа Зильберманъ). Но что-жь вы чувствуете въ эту минуту?

Г-жа Зильберманъ. Ужасную слабость и ознобъ.... А между-тѣмъ у меня наружный жаръ.... Вѣрно, у меня лихорадка....

Шперлингъ (взявъ ее за пульсъ). Позвольте....

Г-жа Зильберманъ. Боже мой! Развѣ вы докторъ?

Шперлингъ. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ... Имѣю честь рекомендоваться, я отецъ Адольфа, вашего доктора....

Г-жа Зильберманъ (желая отдернуть руку). Зачѣмъ-же вы меня объ этомъ не предупредили?

Шперлингъ (продолжая держать ее за пульсъ). Позвольте!.... Въ-самомъ-дѣлѣ!.... Пульсъ не ровень.... Жаръ чрезвычайно-сильнъ....

Зильберманъ (взявъ у нея другую руку). Странно! А съ этой стороны ничего этого нѣтъ....

Шперлингъ. Мы называемъ это перовнымъ жаромъ, или перемежающею лихорадкою.... Дѣйствительно, вамъ нельзя ѣхать.... И вы и ваши дочери должны здѣсь остаться...

Г-жа Зильберманъ. Ахъ, докторъ, какъ намъ пріятно, что мы познакомились съ вами.... Я должна вамъ сказать, что и вашъ сынъ чрезвычайно-искусный докторъ.... Замѣтно, что онъ идетъ по слѣдамъ своего отца....

Шперлингъ. Жаль только, что онъ не можетъ здѣсь долѣе оставаться.... Онъ ѣдетъ въ Петербургъ съ вашимъ супругомъ.... Но, не беспокойтесь, я здѣшній житель, и останусь съ вами, вмѣсто него.... Надѣюсь, что вы также будете мною довольны.

Г-жа Зильберманъ. Вы возвращаете мнѣ жизнь!.... (Смотря на Шперлинга и Адольфа). Я вижу, что въ вашемъ семействѣ таланты наследственны, и потому смѣлю отдаюсь въ ваши руки....

Амалия (въ-сторону). Но ужъ я не отдамся.... Они не понимаютъ, какъ опасно мѣнять докторовъ!

Г-жа Зильберманъ (мужу). Ничего дѣлать, поѣзжай, мой другъ, одинъ.... но не беспокойся, мы будемъ постоянно извѣщать тебя о нашемъ здоровьѣ.... Только, пожалуйста, оставь намъ денегъ.... Мы издержали все.... Ты знаешь, какъ дорого это леченье!....

Зильберманъ (вынимая бумажникъ). Изволь, мой другъ, если это такъ необходимо.... Я вамъ покуда оставлю двѣсти рублей серебромъ....

Шперлингъ (удерживая). Позволь, за чѣмъ-же такъ много?.... Я увѣрею, что со мною у васъ не будетъ никакихъ расчетовъ,

а что до лекарствъ, то онѣ не будутъ дороги: для нихъ нужна одна хина....

Г-жа Зильберманъ. Какъ, хина?

Шперлингъ. Да-съ.... Отъ лихорадки пѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства.... Спросите у моего сына.

Г-жа Зильберманъ (*въ сторону*). Боже мой! Да это коновальъ, а не докторъ!

Шперлингъ. Всѣ эти прогулки, катающа и объѣды мы замѣнимъ спокойствіемъ и діетой... Точно также намъ надобно будетъ отказаться и отъ баловъ, потому-что мы должны будемъ употребить синапизмы.... то-есть, горчичники....

Г-жа Зильберманъ. Помилуйте, да вы меня хотите истеранить!...

Шперлингъ. Чтѣ дѣлать, этого требуетъ моя метода!

ДѢ 8.

Я докторъ истинный, примѣрный,

Особенно ужъ для друзей,

И путь принявъ къ ихъ пользамъ вѣрный,

Тиранию, рѣжу безъ затѣй!

Я добръ, а самъ бранюся съ ними

И чтобъ услугу оказать,

Здоровыхъ дѣлаю больнымъ

А послѣ вылечу опять!

Г-жа Зильберманъ. Но, позвольте...

Шперлингъ. Мнѣ только жаль, что бѣдный мой другъ долженъ одинъ возвратиться въ Петербургъ, и жить въ разлукѣ съ своей милой супругой и дочерью!.... Чтѣ дѣлать, надобно покоряться необходимости!.... Постарайся найти, по-крайней-мѣрѣ, разбѣжаніе.... Это тебѣ легко будетъ сдѣлать, у тебя теперь своя дача....

Г-жа Зильберманъ. Чтѣ такое?

Шперлингъ. Живи покуда на ней, а потомъ, когда начнутся итальянскіе спектакли, ѣзди постоянно въ театръ.... тебѣ теперь не придется ужъ хлопотать о билетѣ: запасаея ложей на всѣ сорокъ представлений!

Г-жа Зильберманъ. Неужели, мой другъ?

Амалия и Шарлотта. Неужели, папѣнька?

Шперлингъ. Да, онъ хотѣлъ было сдѣлать вамъ сюрпризъ, и чрезъ пріятеля своего въ Петербургъ, во-первыхъ абонировалъ ложу, а во вторыхъ купилъ у Штейнфельда на Каменномъ-остро-

въ дачу, нарочно, чтобъ отпраздновать на ней свадьбу своихъ милыхъ дочерей... но свадьба, женихи, все это еще не уйдетъ... теперь только надобно заботиться о своемъ здоровьи.

Г-жа Зильберманъ. Какъ, мой другъ, ты купилъ эту прелестную дачу? Представте себѣ, премиленькій садъ, воздухъ такой, что не возможно быть больвой... если-бъ я знала объ этой покупке, такъ не поѣхала-бы даже сюда... а какой домъ! чудо! особый залъ для театра и концертовъ, бильярдная, и наконецъ, прехорошенькая ванна... вы видите, что не было надобности ѣхать въ Гельсингфорсъ!

Шарлотта. А вы забыли, маменька, бальный залъ?

Г-жа Зильберманъ. Да, и въ саду выстроена бесѣдка для танцевъ!

Шарлотта. Ахъ, маменька, когда мы все это увидимъ?

Г-жа Зильберманъ. Это можетъ случиться очень-скоро, если только ты чувствуешь себя лучше и если это можетъ тебѣ доставить удовольствіе... не-смотря на мою болѣзнь, я готова хоть сейчасъ ѣхать въ Петербургъ...

Зильберманъ. Неужели ты согласна?

Г-жа Зильберманъ. Согласна съ удовольствіемъ... только-бы не усилило это болѣзнь въ Шарлоттѣ...

Шарлотта. О, обо мнѣ не беспокойтесь.

Шперлингъ. Развѣ вамъ лучше?..

Шарлотта. Если маменькѣ угодно, я совершенно здорова.

Шперлингъ (Зильберману). Поздравляю тебя, мой другъ, у тебя самыя послушныя дѣти! Я тебѣ говорилъ, что онѣ у меня какъ разъ выздоравлиють!

Амалия. Надобно-же, чтобъ только я была такъ несчастна!... Теперь все здоровы, кромѣ меня!

Шперлингъ. Ваша болѣзнь совсѣмъ другаго рода... она требуетъ особаго леченія... (Зильберману). Для этого я долженъ имѣть консилиумъ съ тобою...

Зильберманъ. Помилуй, да развѣ я докторъ?

Шперлингъ. Это ничего не значить... Сдѣлай одолженіе, скажи мнѣ твое мнѣніе по этому рецепту... (Отдаетъ ему записку).

Зильберманъ (прочитавъ записку). Что я вижу!... Бѣдный мой Нихтъ! Я я еще привезъ его изъ Стокгольма для того, чтобъ онъ женился на Амалии!

Г-жа Зильберманъ. Какъ! этотъ господинъ, котораго я видѣла здѣсь съ вами, женихъ Амалии?... Прекраснаго-же зятя вы мнѣ выбрали!

АМАЛІЯ. Неужели мой женихъ этотъ Англичанинъ, который такъ опасно боленъ?

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Напротивъ, твой женихъ совершенно въ добромъ здоровьѣ и не думалъ быть больнымъ.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ТЪ-ЖЕ, НИХТЪ (въ теплому стуртукѣ).

НИХТЪ (въ дверяхъ, обращаясь за кулисы). Прикажите мнѣ еще приготовить ванну, да, пожалуйста, потеплѣе!... (Зильберману). А! Это вы?

ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Что это какъ вы закутались?

НИХТЪ. По неволѣ закутаешься, если боленъ! (Указывая на Адольфа) Г. докторъ меня ужасно напугалъ... но я подумалъ: два мнѣнія все-таки лучше одного и отправился къ здѣшнему доктору...

АДОЛЬФЪ (въ-сторону). Попался!

НИХТЪ (Адольфу). Я рассказалъ ему ваше мнѣніе обо мнѣ, но онъ нашелъ меня еще опаснѣе, чѣмъ вы!

АДОЛЬФЪ (въ-сторону). Вотъ вамъ и дѣйствительный медикъ! Шперлингъ (подходя къ Нихту и взявъ его за пультъ). Какъ, и здѣшній докторъ и мой сынъ сказали вамъ, что вы больны?

НИХТЪ. Да-съ!

ШПЕРЛИНГЪ. Въ такомъ случаѣ, они должны-быть справедливы, и я вижу...

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Я вижу только, что въ такомъ положеніи г-ну Нихту нельзя жениться на моей дочери.

НИХТЪ. О, конечно, я теперь не смѣю и думать...

ШПЕРЛИНГЪ (Зильберману). Стало-быть, сынъ мой можетъ надеяться... Онъ кандидатъ послѣ г. Нихта, и ты самъ общалъ... (з-сь Зильберманъ). Не знаю только, смѣетъ-ли онъ ожидать согласія съ вашей стороны?

Г-ЖА ЗИЛЬБЕРМАНЪ. Съ моей стороны нѣтъ никакихъ препятствій, если только Амалія...

ШПЕРЛИНГЪ (Амаліи). А вы что скажете?

АМАЛІЯ. Если угодно маменькѣ...

АДОЛЬФЪ. Ахъ, какъ я счастливъ!

НИХТЪ. Но что-жъ все это значить?

АДОЛЬФЪ. Это значить, что я женюсь на вашей невѣстѣ и что

не имѣя больше надобности въ вашей болѣзни, я вамъ возвращаю полное здоровье!

нихтъ. Подите вы!

Адольфъ. Повторяю вамъ, что вы совершенно-здоровы!

нихтъ. Я вамъ и такъ мало вѣрилъ, но теперь вѣрю еще меньше, потому-что вы мой соперникъ... у меня есть другой, здѣшній докторъ... честный и умный докторъ... онъ приказалъ мнѣ пить здѣсь воды и я до-тѣхъ-поръ не уѣду, пока не кончится курсъ моего леченія... Не даромъ-же я заплатилъ деньги!

Зильберманъ (Шперлингу). Если ужъ онъ непремѣнно хочетъ лечиться, такъ лучше ты возьми его на свои руки.

Шперлингъ. Будь покоенъ, я буду за нимъ наблюдать и на- сильно сдѣлаю его здоровымъ!

Г-жа Зильберманъ (мужу). Я надѣюсь, мой другъ, что мы на первомъ-же пароходѣ отправимся въ Петербургъ!

Шперлингъ. Конечно, что-же еще мѣшкать! тамъ васъ ждутъ двѣ сватѣбы! *nunc est bibendum!*

Зильберманъ. Да, теперь намъ надо думать объ однихъ удо- вольствіяхъ...

нихтъ. Именно! и да здравствуетъ веселье!... Пойду брать ванну!

№ 9.

АМАЛІЯ.

Хоть мы избавились болѣзней,

А мигнѣя вашего все ждемъ,

Для насъ совѣтовъ всѣхъ полезнѣй

Вашъ одобрителный пріемъ!

Неудовольствіе намъ горько,

Какой-то страхъ волнуетъ насъ!...

Поаплодируйте намъ только,

Мы оживемъ опять для васъ!

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1.

Брожу-ль я вечеромъ осеннимъ,
Въ саду заглушемъ и пустомъ,
Мнѣ предстаетъ твой образъ вѣжннй,
И рядомъ тихо мы идемъ.

* * *

Твое-ль я вижу покрывало,
И твой-ли блѣдный, томный ликъ?
Иль межъ вѣтвей угрюмыхъ сосенъ
Луна мнѣ свѣтитъ въ этотъ мигъ?

* * *

И не своихъ-ли слезъ журчанью
Внимаю я въ тиши ночной?
Иль точно, бѣдная подруга,
Рыдать приходишь ты сонной?..

2.

И у меня былъ край родной,
Прекрасенъ онъ!..
Тамъ ель качалась надо мной,
Но то былъ сонъ.

* * *

Семья друзей была жива;
 Со всехъ сторонъ
 Звучали мнѣ любви слова;
 Но то былъ сонъ!

3.

Обо мнѣ съ тобою много
 Толковали, знаю я;
 Но однако-жъ не сказали,
 Чѣмъ больна душа моя.

Всѣ они меня бравили
 Называли хитрымъ, злымъ,
 Головой качали важно,
 И повѣрила ты имъ.

Только худшаго, ты, вѣрно,
 Не узнаешь отъ людей...
 Чтò всего глупѣй и хуже —
 Я таю въ груди своей!..

1845.

А. ПЛЕЩЕВЪ.

РОЗА и РОЗЕТТА.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Скриба и Варнера.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Галюше, мастеровой, работающій на брилльянтика. . . . . Г. Сосницкій.
Роза, } его дочери. . . . . Г-жа Л. Асенкова.
Розетта, } . . . . . Г-жа Самойлова 2.
Кокебертъ, брилльянтикъ . . . . . Г. Мартыновъ.
Анатоль, его сынъ . . . . . Г. Самойловъ.
Маркиза д-Обервильеръ . . . . . Г-жа Вальберхова.
Слуга.

Дѣйствіе въ Парижѣ — 1-е у Галюше, 2-е у Кокеберта.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность чердака. Въ-средиѣ и по-бокамъ двери. На первомъ планѣ, на-лѣво, столъ и старое кресло. На третьемъ планѣ окно, а въ глубинѣ каминъ, на которомъ стоятъ мѣдная лампа и горшокъ съ жасминомъ. На право, на-первомъ планѣ, круглый столикъ, на немъ рабочая корзинка. Въ глубинѣ буфетъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

РОЗА (на правой сторонѣ, шьетъ), РОЗЕТТА (на лѣвой, занята счетами).

РОЗЕТТА. Какъ ни считай, все одно: 30 франковъ въ цѣдлю прихода, а 35-ть въ расходъ... Это ужасно для казначея!.. прошу тутъ заниматься финансами!.. Пока сестрица работаетъ.... бѣдная сестрица!.. (Смотритъ на Розу, которая оборотилась къ ней нѣсколько спиною и уронила работу)... Провѣрять еще разъ, да и за работу.

РОЗА (въ-стороню, читаетъ письмо, которое вынула изъ кармана). «Батюшка никакъ не согласится на нашу свадьбу. Сегодня вечеромъ, въ 11-ть часовъ, я буду у вашей двери... Довѣрьтесь тому, кто васъ такъ искренно любитъ», — подписано «Анатолю» Ахъ, Анатолю, чего вы отъ меня требуете!.. А еще приписка... (Читаетъ.) «Если вы согласны, то поставьте горшокъ съ жасминомъ на окно» О никогда, никогда!.. Оставьте батюшку, моего добраго батюшку... и бѣдную Розетту.

РОЗЕТТА (*вскрикивая*). Тридцать-семь! Тридцать-семь!... Семь франковъ еще въ экономіи.

РОЗА. Чтò съ тобой?.. Чтò тамъ у тебя?

РОЗЕТТА. Чтò у тебя? — ничего у меня, это-то и дурно, что ничего. Деньги такъ скоро выходятъ, а ты еще вчера говорила при батюшкѣ о праздникѣ въ Сенъ-Клу.

РОЗА. Будто тебѣ не хочется быть тамъ?

РОЗЕТТА. Мало-чего хочется! Музыка, танцы!.. Кому-бы не хотѣлось? Надѣюсь, съ нами-бы потанцовали!

РОЗА. Ужъ разумѣется!.. (*Въ-сторону*.) Бѣдный Анатоль!

РОЗЕТТА. Но это опять-бы стоило!

РОЗА. Конечно... Ахъ, если-бы я когда-нибудь могла сдѣлаться богатой... выдти выгодно замужъ, обезпечить батюшку... (*Скоро*.) Ему-бы хоть 500, или 600 ливровъ годоваго дохода.

РОЗЕТТА. Какъ ты великодушна! Я такъ обыкновенно назначаю ему... ну, по-крайней-мѣрѣ, пять или шесть тысячъ.

РОЗА. Стало ты все думаешь выдти за герцога или за маркиза?

РОЗЕТТА. Почему и нѣтъ... когда...

РОЗА. А я была-бы довольна хорошенькимъ молодымъ чело-вѣкомъ, у котораго было-бы много, много... любви и немножко, немножко и... ну, и денежекъ: я думаю, тому очень-приятно, у кого онѣ есть?

РОЗЕТТА. Или тому, кто умѣетъ и безъ нихъ быть довольнымъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ-ЖЕ И ГАЛЮШЕ.

ГАЛЮШЕ (*входитъ чрезвычайно-веселый*).

№ 1.

Бѣдняки, друзья, счастливы!

Право славно мы живемъ:

Мы не праздные лѣнны.

Честнымъ кормимся трудомъ.

Есть и намъ веселья мѣра:

Трудъ, надежда и любовь,

Двѣ, три пѣсни Беранжера —

И бѣднякъ плясать готовъ!

Пусть толпа провозглашаетъ:

«Вот бѣднякъ, прямой чудакъ!»
 Да бѣднякъ не унываетъ —
 И да здравствуетъ бѣднякъ!

РОЗА. Какъ вы веселы, батюшка!

РОЗЕТТА. И, кажется, очень-устали?

ГАЛЮШЕ. А потому, что я бѣжалъ рысью, чтобъ не терять времени... Дай-ка мнѣ стаканъ воды.

РОЗЕТТА. Лучше вина выпейте.

ГАЛЮШЕ. А есть?

РОЗЕТТА. Еще-бы!.. Мы сей-часъ сводили счеты... Вы можете отдохнуть сегодня.

ГАЛЮШЕ. Что ты?

РОЗА. Да, батюшка.

РОЗЕТТА. Мы съ экономіей.

ГАЛЮШЕ. Вотъ?.. а я боялся передержки.

РОЗЕТТА. Напротивъ...

РОЗА (*подаетъ ему стаканъ, а Розетта наливаетъ*).

РОЗЕТТА. Кушайте, батюшка, кушайте безъ думы, — дѣла идутъ хорошо.

ГАЛЮШЕ. И пойдутъ еще лучше, — общаю вамъ.

РОЗЕТТА. Съ порядкомъ и экономіей никогда не пропадемъ.

ГАЛЮШЕ. Именно, правду ты говоришь, Розетта, и счастье никогда одно не приходитъ: знаете-ли, что я принесъ съ собой?... а? Онъ здѣсь, вотъ съ этой стороны. (*Ударяя по карману панталонъ*) бонковый билетъ!

РОЗЕТТА (*удивленная*). Банковый билетъ!

РОЗА (*также*). Возможно-ли?

ГАЛЮШЕ. Да! Вотъ случай! Пусть кто хочетъ разгадываетъ!..

ДѢ 2.

Онъ затруднить всѣхъ нашихъ ворожеекъ,
 Ну, ни одна не дастъ прямой отвѣтъ:
 Какъ вдругъ сюда — въ убежище конеекъ,
 Вселяется, кто-жъ? — тысячный билетъ!

(*вздыхнувъ*) Да жалко то что онъ не домосятъ!

И вѣрно-бъ онъ сконфузился жестоко,

И покраснѣлъ, когда сюда вошелъ,

Но, къ-счастью, цѣня его высоко —

Я челядь всю вое-какъ поизвелъ,

(ударяя по карману).

И общества оныя вовсе не нашель!

РОЗА (облакомаясь на спинку кресель, на лѣвой сторонѣ театра). Разскажете, какъ это?

РОЗЕТТА (садясь на ручку кресель, на правой сторонѣ театра). Пожалуйста, разскажете.

ГАЛЮШЕ (смотритъ на нихъ, вздыхал). Ахъ, гдѣ это времячко, когда вы обѣ, бывало, усадитесь вотъ тутъ, у меня на колѣняхъ!.. Теперь вы стали потяжелѣ... за-то и милѣ! одно другаго стѣнтъ... Ну, такъ слушайте-жъ: кажется, я вамъ ужъ сказаль, что въ тотъ день я былъ немножко навеселѣ.

РОЗЕТТА. Нѣтъ, вы намъ вовсе этого не говорили; да этого съ вами никогда и не бываетъ.

ГАЛЮШЕ. Да!.. Теперь!.. Правда твоя!.. Но въ старину... вѣдь вы этого не понимаете когда недѣлку всю проработаешь, натурально, что въ праздникъ позволишь себѣ немножко повеселиться, понекатъ счастья...

РОЗЕТТА. Развѣ въ винѣ есть счастье?

ГАЛЮШЕ. Ни капли... ни капли!.. Да, видите-ли, оно его и нѣтъ, а кажется точно будто есть!.. Ну, такъ бывало мать ваша, женщина видная, славная — вотъ какъ ты, Роза, — и женщина съ головой — вотъ какъ ты, Розетта, — какъ ни бранить меня, а никакъ не могла исправить отъ этой, какъ она называла, слабости.

РОЗЕТТА. Правда ея!

ГАЛЮШЕ. Что? прошу покорно!.. Мамзель Галюше, или госпожа командирша!... — Эта дѣвушка у меня олицетворенная мораль въ юбкѣ... (Продолжилъ разсказъ). Итакъ брань и нотаніи не помогали; но когда я увидалъ около себя только васъ однихъ, то-есть, сдѣлался для васъ отцомъ и матерью — тогда:

№ 3.

Я жизнь свою обдумалъ строго,

Пришлось попойки отложить.

Чтобъ васъ вести прямой дорогой,

И самъ я прямо сталъ ходить.

Со мной другъ старый разлучился,

Ему поклонъ послѣдній съезъ:

Виноторговец распростился,

И руку подавъ водовозъ.

И всѣмъ этимъ я вамъ обязанъ.

РОЗА. Добрый батюшка!

ГЛЮШЕ. Не торопись... погодимъ гордиться. — Спустя нѣсколько времени, случилось... что я... падалъ изрѣдка. — Но, однажды, — это было въ послѣдній разъ, — Кокебертъ бриллианщикъ, на котораго я работаю, далъ мнѣ для обдѣлки алмазъ въ 2000 франковъ. Я былъ немножко, какъ я вамъ говорилъ... и потерялъ его.

РОЗА И РОЗЕТТА (вскрикивал). Возможно-ли!

ГЛЮШЕ. Да! нужно было поработать, чтобъ не попасть въ бѣду, и не смотря на все стараніе, я не могъ еще заплатить половины. Какъ вдругъ вчера получаю съ почты повѣстку. — Сегодня отправляюсь на почту, и получаю — да прочтите, прочтите.

РОЗА (читая). «Вы должны г. Кокеберту 1000 франковъ. — Вотъ они. Что же касается до вашего новаго кредитора, не безпокойтесь, не старайтесь и узнавать объ немъ, позвольте только ему назваться.

Другомъ честныхъ людей.»

РОЗЕТТА. Неужто все это написано?

РОЗА. Прочти, когда не вѣришь. (Подаетъ ей письмо).

РОЗЕТТА (взглянувъ на письмо, вскрикиваетъ). Ахъ!

РОЗА. Что съ тобою?

РОЗЕТТА. Ничего, ничего!.. Я хотѣла только сказать, что это долженъ быть благородный молодой человѣкъ...

ГЛЮШЕ. Почему же ты знаешь, что это молодой человѣкъ?

РОЗЕТТА (отдавая ему письмо). Впрочемъ, можетъ-быть и старикъ...

ГЛЮШЕ (отстраняя письмо). Нѣтъ, нѣтъ! Оно должно храниться у тебя, Розетта, у моего казначея и министра финансовъ. Мы заплатимъ г. Кокеберту. И такъ какъ теперь на насъ нѣтъ никакого долгу, да здравствуетъ веселье! и все, что я работаю...

РОЗЕТТА. Надо беречь!

ГЛЮШЕ. А поди ты... скука какая беречь!

РОЗЕТТА. Конечно беречь на черной день.

ГЛЮШЕ. У насъ не будетъ чернаго дня.

РОЗЕТТА. Ну, а если заболѣете?

Галюше. Никогда не заболѣю, потому что не хочу болѣть... Я такъ счастливъ, когда вижу васъ подлѣ себя... работаю, любясь вамъ, и работа идетъ сама-собою. А въ воскресенье, когда я возьму васъ обѣихъ подъ ручки и отправлюсь куда-нибудь — проходящія, встрѣчныя и поперечныя, какъ только замѣтятъ ваши фигурки, ваши розовыя шляпочки и такія-же щечки, заглядываясь на васъ, такъ будто и хотятъ сказать: «Вотъ хорошенькія, такъ хорошенькія.» А вы этого не замѣчаете?.. И по этому мы завтра-же отправимся въ Сенъ-Клу.

розетта. Къ чему это? — опять расходы?

галюше. Это мое ужъ дѣло... Есть остатокъ, и я стану его беречь!... (Стучатъ) Кто-бы это?

розетта (идетъ отворить) Г. Анатоль!

роза (въ смущеніи). Анатоль! (Садится у рабочаго стола. Галюше снимаетъ свое платье, надѣваетъ фартукъ и принимается за работу).

ЯВЛЕНІЕ III.

тѣ-же и анатоль.

анатоль (нѣсколько встревоженный). Здравствуйте, г. Галюше! (Раскланивается съ Розою и Розеттою). А я боялся не застать васъ.

галюше. Что вамъ угодно?

анатоль (разстроенный, смотритъ на Розу). Я принесъ вамъ алмазы, которые надо отдѣлать какъ можно скорѣе; они пужны къ сватьбѣ... Такъ я и торопился... впрочемъ, въ случаѣ, если-бы я не нашелъ васъ самихъ, я могъ-бы отдать ихъ одной изъ вашихъ дочерей... мамзель Розеттъ, она старшая.

галюше. Ничуть не бывало!

анатоль. А такъ это мамзель Роза?

галюше (тѣмъ-же тономъ). Ничуть не бывало!

анатоль. Мнѣ кажется однако, что пужно-же одной изъ нихъ быть старѣе — я хотѣлъ сказать моложе.

галюше. Вотъ это-то васъ и сбиваетъ!.. Ничуть не бывало: ихъ обѣихъ далъ мнѣ Господь въ одинъ день.

анатоль. Какъ? — стало, ошѣ...

галюше. Двойнишки!... одинъ возрастъ, и одно имя: Роза Галюше!... одну для отличія, я называю Розетта Галюше.

РОЗЕТТА. Не много-же труда было нашему крестному сочинить имена.

ГАЛЮШЕ. Я не хотѣлъ ничего болѣе,— это имя вашей матери: Марія Роза Галюше! достойная женщина!... честь своего квартала!... И вы у меня будете тоже — не правда-ли?

АНАТОЛЬ (*въ-сторону, продолжая смотреть на Розу, которая опускаетъ глаза*). Она на меня и не взглянетъ!... не скажетъ ни одного слова! Не возможно узнать, согласна-ли она?

РОЗЕТТА (*подавая ему стулъ*). Садитесь, пожалуйста, г. Анатоль.

АНАТОЛЬ. Благодарю васъ. (*Садится*).

РОЗЕТТА. Такъ эти алмазы для свадьбы? Можно ихъ посмотре́ть?

АНАТОЛЬ (*подавая ей*). Сдѣлайте милость!... Контрактъ подписывается завтра!... Завтра!... какъ долженъ быть счастливъ женихъ. (*Смотритъ на Розу*).

РОЗЕТТА. Глядя по тому, какъ, и когда... и если невеста немолода, да нехороша, такъ я думаю...

ГАЛЮШЕ (*за работой*). Да кто тебѣ велитъ такъ думать!

РОЗЕТТА. Алмазы такъ хороши, и если невеста имѣетъ въ нихъ надобность, чтобы украсить себя — плохой знакъ!

ГАЛЮШЕ. А такая невеста, какъ ты, Розетта, можетъ обойтись и безъ ихъ ослѣпительной прелести, потому:

ЛѢ 4.

Что для невесты всѣ брилльянты,

Уборы и цвѣтовъ букетъ,

И дарованья, и таланты,

Когда при нихъ и счетенъ лѣтъ?

Всѣ эти цѣнныя предметы,

И въ нихъ униженный предметъ

Предъ взоромъ Р зы иль Розетты?

(*Указывая то на ту, то на другую*).

При нихъ такой опеки вѣтъ,

Да есть кой-что: восемнадцать лѣтъ!

АНАТОЛЬ (*съ досадою*). Ваша правда, но и красота, по-моему, вовсе не важное дѣло. (*Смотря на Розу*). Характеръ, сердце—вотъ это главное. А то многія, подъ предлогомъ красоты, не боятся жестоко огорчать того, кто ихъ любить.

РОЗЕТТА (смотря то на него, то на Розу). Ахъ, это очень-дурно!

АНАТОЛЬ. Вы согласны?... повергаютъ въ грусть, въ безнадежность.... но, разумѣется, тогда и другая сторона беретъ свои мѣры. (Оборачиваетъ свой стулъ спинкою къ Розѣ, и обращается къ Розеттѣ) Ихъ также забываютъ.

РОЗЕТТА. И очень благоразумно.

АНАТОЛЬ. Согласны?

ГАЛЮШЕ (взглянувъ на Розу, которая встаетъ). Что съ тобой, Роза? ты вся побѣднѣла?

РОЗА (въ-полголоса). Нѣтъ, ничего, батюшка... не безпокойтесь: голова что-то ужасно болитъ.

ГАЛЮШЕ (поспѣшно вставая). У тебя? бѣдняжка!... (Смотритъ на каминъ) Да и что мудренаго: такой сильный запахъ жасмина... а вотъ постой, постой... (Въ то время, какъ Роза дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, что-бы слышать разговоръ Анатоля съ Розеттѣй, говорищихъ тихо, Галюше открываетъ окно, что въ глубинѣ сцены, выставляетъ на него жасминъ, и возвращается къ Розѣ) Ну, что, лучше-ли тебѣ?

АНАТОЛЬ (встаетъ и обращается къ Розеттѣ). Прощайте!... (Идетъ за шляпой, которую оставилъ въ глубинѣ сцены, и замигаетъ выставленный жасминъ).

РОЗЕТТА. Прощайте!

АНАТОЛЬ (въ-сторону). Какое счастье!... Она согласна!... Она будетъ ожидать меня сегодня вечеромъ.

РОЗЕТТА (Анатолю, который опрокинулъ шляпой корзинку съ работою). Что съ вами, г. Анатолю? Вы разроняли все клубки мои и булавки.

АНАТОЛЬ. Ничего, не обращайтесь на это вниманія.

РОЗЕТТА. Хотя помогите мнѣ подобрать ихъ.

АНАТОЛЬ (становясь на одно колено). Съ удовольствіемъ.

РОЗА (увидя жасминъ на окнѣ, бѣжитъ затворить окно). Что я вижу!... (Бѣжитъ къ Анатолю). Не подумайте чего, г. Анатолю...

ГАЛЮШЕ (становясь между ними). Ты куда?

РОЗА. Помочь Розеттѣ подбирать булавки.

ГАЛЮШЕ (указывая на Анатоля, стѣщаго на коленяхъ, чтобы поднимать клубки). Они ужъ вдвоемъ.... Смотри, онъ передъ ней на коленяхъ.

РОЗА. Неужели вы что-нибудь можете думать?

Галюше (*въ полголоса*). Что онъ волокита, почему не такъ? Розетта у меня недурна... но я такихъ вещей не люблю.

роза (*тихо*). Такой богатый молодой человекъ, съ 200,000 состояшя.

Галюше (*также*). Эти-то двухъ-сотъ-тысячные молодчики и опасны для дѣвушки, дочери простаго мастераваго... Ты, вотъ другое дѣло: ты у меня разсудительна, къ тебѣ, не бось, не подступить.... а Розетта рѣзва, весела — это имъ придаетъ смѣлости.... Смотри, смотри, какъ она съ нимъ пересмѣивается. (*Становится между Розеттой и Анатолею, ударяетъ его по плечу и говоритъ строго*). Я васъ не задерживаю, г. Анатолю.... Вы можете сказать г. Кокеберту, ноченному вашему батюшкѣ, что у меня готовы деньги, чтобъ заплатить ему.

Анатолю (*скоро*). Такъ я найду, если вамъ угодно...

Галюше. Нѣтъ-съ, не извольте безпокоиться.... За-чѣмъ-же? Мы-же завтра отправляемся въ Сень-Клу. Такъ-ли, Розетта? (*Подавая руку Анатолю*).

Лѣ 5.

Прошу принять мое почтенье!

(*Розъ*). Ты надъ сестрой имѣй надзоръ.

И разрѣши мое сомнѣнье.

(*Въ-слухъ*). Снести алмазы подъ запоръ!

АНАТОЛЬ (*тихо Розъ*).

Сегодня вечеромъ... въ надеждѣ...

Или удара не снести!...

Галюше (*въ сторону, смотря на Розетту*).

Нѣтъ, прежде брава, лучше прежде

Ее бѣднѣжечку спасти.

Галюше (*въ-сторону*).

Онъ отправляется, — прекрасно!

Безъ васъ покойнѣй будетъ намъ,

Розеттѣ волю дать опасно,

За нею надо быть глазамъ.

АНАТОЛЬ (*въ-сторону*).

Она согласна, это ясно,

Конiecъ всѣмъ горестивымъ мечтамъ,

И я тревожился напрасно,

Когда такъ близко счастье къ намъ.

РОЗА.

Молчать, тапться, какъ ужасно!
 На что рѣшиться? Быть бѣдамъ!
 Нѣтъ, лучше буду я несчастна,
 Но волн чувствамъ я не дамъ.

РОЗЕТТА.

Сестра скрывается, напрасно,
 Я все читаю по глазамъ,
 Она страдаетъ — это ясно,
 Но я погибнуть ей не дамъ!

(Галюше уходитъ на-льво, Анатоль въ среднюю дверь).

ЯВЛЕНІЕ IV.

РОЗА И РОЗЕТТА.

РОЗА. Что, если батюшка не ошибается, если Розетта... Нѣтъ, это невозможно!... (Громко). Послушай, Розетта... я давно все хотѣла спросить у тебя, какъ ты находишь г. Анатоля?

РОЗЕТТА. А что тебѣ?... Такъ, ни хорошъ, ни дуренъ... (Смотря внимательно на Розу). А ты?

РОЗА (въ замѣшательствѣ). Дѣло не обо мнѣ... Но когда онъ приходитъ, а это бываетъ часто, не говоритъ-ли онъ съ тобой... этакъ... особенно... не ухаживаетъ-ли за тобою?

РОЗЕТТА. И не думаетъ!... а за тобой?

РОЗА. Дѣло не обо мнѣ... Но часто бываетъ, что, не-хотя, думаешь о иныхъ людяхъ... да, что таить: батюшка поручилъ мнѣ у тебя объ этомъ повыспросить.

РОЗЕТТА (весело). Въ-самомъ-дѣлѣ?

РОЗА (съ жаромъ). И ко мнѣ, какъ къ сестрѣ и лучшему другу, ты можешь имѣть полную довѣренность. Не далѣе того, какъ сегодня, сейчасъ, г. Анатоль не бралъ тебя за руку?

РОЗЕТТА. Никогда!... а тебя не бралъ?

РОЗА (съ замѣшательствомъ). Дѣло не обо мнѣ... и ты можешь быть спокойна.

РОЗЕТТА. Однако-жъ, я очень беспокоюсь.

РОЗА. О чемъ-же?

РОЗЕТТА. Да о томъ, что ты почти ревнуешь меня... Да, да, ты его любишь.

РОЗА. Замолчи.

РОЗЕТТА. Любишь, любишь!

РОЗА. О, да! и онъ клялся мнѣ, Розетта, что на мнѣ женится.

РОЗЕТТА (*взявъ ее за руку*). Можетъ-быть.... но отецъ его согласится-ли на это?

РОЗА. Я не надѣюсь.

РОЗЕТТА. И ты еще объ немъ думаешь? слушаешь его? и ты еще не попросила его очень-вѣжливо чтобъ онъ болѣе къ намъ не жаловалъ.

РОЗА. Правда твоя, правда! Но тогда я болѣе его не увижу.

РОЗЕТТА. Чтѣ за бѣда!

РОЗА. Я умру съ тоски.

РОЗЕТТА. Нѣтъ, нѣтъ, съ тоски никогда не умираютъ, а начинаютъ иначе вести себя.

№ 6.

Всѣ чувства, мысли, затанъвши
Терпѣть, и молча все любить,
Въ могилѣ сердца грусть сокрывши,
Стараются веселой быть.

РОЗА.

Такое скрытное страданье,
Не въ-силахъ — знаю я — молхъ!

РОЗЕТТА.

Заслуга, гдѣ-жъ для воздаяннй,
Когда не выстрадаешь ихъ?

РОЗА. Какъ видно, что ты никогда не любила... никого не любишь...

РОЗЕТТА (*пожавъ плечами*). Какъ-же!

РОЗА. Возможно-ли?

РОЗЕТТА (*вздыхая*). А я не жалуясь, не говорю никому.

РОЗА. Это нехорошо: сестрѣ должно все сказывать. Такъ, кто-же онъ, Розетта?

РОЗЕТТА. Прехорошенькнй!.. 18 или 19-ти лѣтъ... точно дѣвушка, только съ маленькими усиками.

роза. А когда ты его въ первый разъ увидала?

розетта. Въ тотъ день, помнишь, какъ я надѣла бѣлое ситцое платье .. Я шла на цыпочкахъ, чтобъ незамараться, вдругъ слышу: «Берегись, берегись!».. Смотрю: богатая карета, два лакея сзади въ богатой ливреѣ... лошади чудныя... мимо меня, и обрызгали всю меня грязью Прохожіе хохотать, а я плакать! Только вдругъ ѣхавшій господинъ выходитъ изъ кареты, извиняется, беретъ меня подъ ручку, предлагаетъ свою прислугу, экипажъ — словомъ, непременно хотѣлъ меня довести. Я, разумѣется, этого не захотѣла, но только на другой день, а потомъ ужъ и всякой день, куда-бы я ни выходила, онъ вездѣ за мною слѣдовалъ. Не знаю ужъ, какъ онъ узналъ нашу квартиру.

роза. И ты на него не смотрѣла?

розетта. Никогда! я всегда ходила опустивши глаза, но все-же очень-хорошо разсмотрѣла, что онъ прехорошенькой, блондинъ, съ голубыми глазами, въ которыхъ такъ и горѣли доброта, откровенность и... еще что-то. Однажды, воротясь домой — ты съ батюшкой куда-то уходила, — я нахожу большой картонъ, съ прелестной матеріей и надписью: «На платье мамзель Розеттѣ.» На другой день явились браслеты, серьги, кольцо — и все Розеттѣ. Надо было наконецъ рѣшиться заговорить, и въ тотъ-же день, когда онъ шелъ возлѣ меня по тротуару, я сказала ему очень-сухо: «Прошу васъ, сударь, прислать за вашими подарками; я не принимаю ничего отъ незнакомыхъ.» — Я герцога Октавъ де-Блансакъ, сказалъ онъ, домъ мой недалеко отъ васъ... Я свободенъ, ни отъ кого не завишу, а съ-тѣхъ-поръ, какъ я встрѣтилъ васъ, я люблю васъ, Розетта.» И это онъ сказалъ такимъ голосомъ, такъ... ну, такъ, что сейчасъ видно, что это правда. Ужасно встревоженная, спросила я у него: «Г. Октавъ! Скажите, можете-ли вы на мнѣ жениться?» А онъ — надо отдать ему справедливость — нисколько не колеблясь отвѣчалъ: «Нѣтъ, сударыня.» Онъ поступилъ честно, не хотѣлъ меня обманывать. Его знатная родня, желаетъ, чтобы онъ женился на такой-же знатной невѣстѣ. «Я останусь вѣчно холостымъ», прибавилъ онъ, но проведу жизнь мою съ вами.

ДѢ 7.

Богатство, знатность, что мнѣ въ нихъ!

Оно все ваше — мнѣ-жъ постыло,

Счастливые имъ своихъ родныхъ!

РОЗА.

Какой-же онъ, бѣдняжка, милый!

Да онъ, бѣдняжка, премилый!

Ей, ей, онъ человекъ премилый.

РОЗЕТТА.

Меня вы можете забыть,

Но я все буду съ большей силой

Счастливить васъ, хранить, любить...

РОЗА.

Какой-же онъ, бѣдняжка, милый!

Да онъ, бѣдняжка, премилый!

Ну, право, человекъ онъ милый!

Что-же ты послѣ этого?

РОЗЕТТА. Я отвергла его, запретила ему говорить со мною; онъ послушался, и теперь слѣдуетъ за мной всегда издали, такъ, что я не замѣчаю его, — по-крайней-мѣрѣ, онъ увѣренъ въ этомъ.

РОЗА. Ахъ, какъ мнѣ жаль тебя!

РОЗЕТТА. Нѣсколько дней тому назадъ — ахъ, если-бы ты видѣла, какъ онъ былъ блѣденъ, — я встрѣтила его, взяла за руку и сказала: Г. Октавъ! Если вы все еще меня любите — я требую доказательства! Ваши родные уговариваютъ васъ жениться — исполните ихъ желаніе: я хочу этого!

РОЗА. Что-же онъ сказалъ тебѣ?

РОЗЕТТА. Онъ еще болѣе весь перемѣнился! И потомъ, какъ-бы собравъ все свои силы, онъ отвѣчалъ: «Извольте, я готовъ на эту жертву: я женюсь! но, все буду любить васъ однихъ, и если когда-нибудь вы будете въ нуждѣ, несчастн:

№ 8.

Не забудьте въ этотъ часъ,

Что есть Октавъ, вашъ другъ, всечасно

Живущій только лишь для васъ!

РОЗА.

Какой, бѣдняжка, онъ прекрасный,

Да, онъ бѣдняжка прекрасный!
Какой онъ человекъ прекрасный.

РОЗЕТТА (*расстроганная*).

Съ одною мыслию объ васъ,
Я кончу путь свой горькій, тѣсный,
И тутъ взглянулъ въ послѣдній разъ!..

РОЗА (*также расстроганная*).

Какой, бѣдняжка, онъ чудесный!
Да онъ бѣдняжка чудесный!
Какой онъ человекъ чудесный!

РОЗЕТТА. Я уже не видала его болѣе, но онъ не забываетъ насъ: этотъ билетъ въ 1000 франковъ... Неужто ты думаешь, что я не узнала руки, и тотчасъ-же не догадалась? —

РОЗА. Какъ, эти 1000 франковъ?

РОЗЕТТА. Но мы не должны ими воспользоваться. Мы станемъ работать день и ночь, и, не говоря батюшкѣ, скопимъ эти деньги; но подарка его мы не можемъ принять. Я отошлю его, какъ и все другіе, г. Октаву.

РОЗА. Это огорчить его.

РОЗЕТТА. Ты думаешь? (*Рѣшительно*) Все равно, долгъ прежде всего!

РОЗА. Ты не любишь его.

РОЗЕТТА (*со страстію*) Я? Я не люблю?.. Я не помню себя, никого не вижу, кромѣ его, ни о чемъ не могу думать (*стучатся*).

РОЗА. Ахъ, это вѣрно онъ, Розетта!.. О, сколько ты выше меня!.. А я...

РОЗЕТТА. А что?

РОЗА. Ты не скажешь, батюшкѣ? Не знаю сама, какъ это сдѣлалось, но въ 11-ть часовъ онъ хотѣлъ быть здѣсь... и это онъ.

РОЗЕТТА (*усидя Кокеберта*). Нѣтъ!

РОЗА. Отецъ его!

РОЗЕТТА (*громко*). Г. Кокебертъ!

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ-ЖЕ И КОКЕБЕРТЬ.

КОКЕБЕРТЬ. Что, Галюше у себя?

РОЗЕТТА (*въ сторону*). Вотъ еще каковъ! Что за тонъ: будто не можетъ онъ сказать господинъ Галюше... (*Громко*). Господинъ Галюше сей-часъ будетъ (*Давая особенное значеніе слову господинъ*).*(Роза садится у столика на-льво и начинаетъ работу, чтобы скрыть свое волненіе; Розетта на срединь театра, Кокебертъ на-право).*КОКЕБЕРТЬ (*смотря то на одну, то на другую*). Онъ прехорошенькія! Право! До-сихъ-поръ я еще ихъ не разглядывалъ.

РОЗА. Вы и намъ много чести сдѣлали, сударь, что сами потрудились....

КОКЕБЕРТЬ. Да! Обыкновенно Галюше приходитъ ко мнѣ за работой и заказами—очень-естественно: мастеровой!..

РОЗЕТТА. А вы, господинъ мастеръ!

КОКЕБЕРТЬ. О! я нисколько не чванюсь этимъ, повѣрьте!.. Я врагъ гордости и честолюбія, — равенство моя страсть... И не смотря на то, что я, какъ вамъ, извѣстно:

ЛѢ 9.

При общемъ равенствѣ гражданства,

Имѣю вѣсь особый я:

Довѣрье стараго дворянства,

А въ новомъ есть мои друзья,

Название перваго артиста,

И брилліантовъ есть гора,

Давно титулъ капиталиста,

И привиллегія Двора,

Но не гордись нисколько ими,

Я счастливъ равенствомъ вполне—

И даже, вотъ, съ мастеровыми

Себя держу я на-равнѣ!

РОЗЕТТА (*подавая ему стулъ*). Садитесь, прошу васъ.КОКЕБЕРТЬ (*сядась*). И меня всегда очень обижаютъ, когда за-

ходя къ вельможамъ Сень-Жермейскаго предмѣстья, я слышу изъ гостиныхъ: Кто это тамъ? Кокебертъ бриллианщикъ? — Пусть подождетъ.

РОЗЕТТА. А! они-бы должны сказать: Господинъ Кокебертъ!

КОКЕБЕРТЪ. Разумѣется! (*Въ-сторону.*) Эта дѣвушка понимаетъ вещи.

РОЗЕТТА. У васъ есть сынъ?

РОЗА (*сестръ тихо*). Будь осторожна.

РОЗЕТТА (*также*). Будь покойна, я это устрою. (*Въ-слухъ.*) Сынъ единственный.

КОКЕБЕРТЪ. И воспитанный въ моихъ правилахъ... ни гордости, ни тщеславія! Равенство его страсть. У него будетъ тысячь 200 франковъ, чтобъ сдѣлаться повѣреннымъ, жениться на дѣвушкѣ, у которой будетъ столько-же... никакъ не менѣе.

РОЗЕТТА. Не болѣе?

КОКЕБЕРТЪ. О, почемуже, если найдется и еще болѣе... только-бы онъ былъ счастливъ, — счастье его мнѣ дороже всего.

РОЗЕТТА (*съ радостью*). Это главное! (*Тихо Розѣ*) Не мѣшай же мнѣ. (*Беретъ Кокеберта подъ руку, и отводя на-право, говоритъ ему тихо*). А если-бы онъ полюбилъ молодую, премилую дѣвушку, у которой было-бы сердце, добродѣтель и.... любовь къ нему...

КОКЕБЕРТЪ. Далѣе?

РОЗЕТТА. А далѣе... далѣе ничего... ровно ничего, кромѣ любви — согласитесь-ли вы на ихъ свадьбу?

КОКЕБЕРТЪ. Я? Никогда!

РОЗЕТТА (*презрительно*). Никогда? (*Въ-сторону.*) Надо спасти сестру. (*Тихо Кокеберту*). Если такъ, то я должна извѣстить васъ, будьте осторожны.

КОКЕБЕРТЪ (*удивленный*). Чтó такое?

РОЗЕТТА. Вы думаете, что онъ занимается...

КОКЕБЕРТЪ. Дѣлами!

РОЗЕТТА. Вы думаете, что онъ всякой день ходитъ...

КОКЕБЕРТЪ. Къ повѣренному!

РОЗЕТТА. Сюда! (*Строго*) Чтó вы должны ему запретить!.. (*Скоро*) Сегодня въ 11 часовъ онъ будетъ у нашей двери... для молодой дѣвушки, которой онъ занятъ, и на которой, безъ вашего позволенія, хочетъ жениться.

КОКЕБЕРТЪ (*съ гнѣвомъ*). На васъ, можетъ-быть?

РОЗЕТТА. Какая глупость — развѣ бы я стала тогда говорить вамъ?

КОКЕБЕРТЬ. Правда... такъ на вашей сестрицѣ?

РОЗЕТТА. Это ужъ ваше дѣло, но вы будете знать, по-крайней-мѣрѣ, что семейство Галюше, мастеровыхъ, семейство честныхъ людей.

КОКЕБЕРТЬ (*встревоженный*). Что я узналъ? Какъ, мой сынъ.. Анатоль!...

(*Розетта подошла въ это время къ сестрѣ*).

РОЗА (*тихо*). Ну что?

РОЗЕТТА (*съ твердостью*). Забудь о немъ... будь тверда, Роза!...

КОКЕБЕРТЬ (*подходя къ нимъ*). Извините, сударыня и... я непременно долженъ говорить съ вашимъ батюшкой, во-первыхъ, по порученію знатной дамы, маркизы д'Обервильеръ, во-вторыхъ, о свадебныхъ брилліантахъ ея племянника, герцога Блансака, къ которому я иду отъ васъ.

РОЗЕТТА (*въ волненіи*). Г. Октавъ женится?

КОКЕБЕРТЬ (*грубо*). И очень-скоро.

РОЗЕТТА (*кладя руку на сердце*). Ахъ!

РОЗА. Забудь о немъ! Будь тверда, Розетта...

РОЗЕТТА. Буду! (*Удерживая Кокеберта, которой хочетъ идти*).

Г. Кокебертъ, на одно слово. Такъ-какъ вы увидите сейчасъ г. Октава Блансакъ, то я попрошу васъ сдѣлать одолженіе отдать ему этотъ пакетъ. (*Вынимаетъ изъ кармана и отдаетъ*) Въ немъ билетъ въ 1000 франковъ... — онъ узнаетъ, что это такое.

КОКЕБЕРТЬ. Но отъ кого?

РОЗЕТТА. Отъ Розетты.

ЛѢ 10.

РОЗА И РОЗЕТТА (*вмѣстѣ, каждая въ-сторону*).

Какъ скучно мнѣ, какъ грусть меня терзаетъ!

РОЗА (*Розеттъ, которая хочетъ уйти*).

Куда-же ты? — останься здѣсь со мной!

КОКЕБЕРТЬ (*въ-сторону*).

Какъ я взбѣшенъ, и сына ожидаешь

Отцовскій громъ съ жестокою грозой!

РОЗЕТТА И РОЗА.

Всегда съ тобой мы радости делили,

Такъ ужъ и грусть раздѣлимъ пополамъ!

КОКЕБЕРТЬ.

Меня теперь какъ громомъ поразили!..

Задамъ-же я сынокъ тебѣ, задамъ!

(Розетта уходитъ на-льво).

ЯВЛЕНИЕ VI.

КОКЕБЕРТЬ И РОЗА.

КОКЕБЕРТЬ. Прощайте, сударыня! Я постараюсь принять противъ сына моего такія мѣры строгости, пока еще онъ не увѣдомленъ....

РОЗА *(съ-стороны)*. Какъ его увѣдомить?... *(Подумавъ)* А!... нынче вечеромъ!

КОКЕБЕРТЬ. И я найду... *(Оборачиваясь)* А? кто идетъ сюда? Ахъ, госпожа Маркиза.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ-ЖЕ И МАРКИЗА.

МАРКИЗА *(Кокерберту)*. Благодарю васъ, любезный Кокербертъ, за точность. Вы ужъ здѣсь. Сказали-ли вы г. Галюше, что я буду, и намѣрена говорить съ нимъ наединѣ?

КОКЕБЕРТЬ *(униженно кланяясь)*. Я еще не сказалъ ему о чести, которая его ожидаетъ...

РОЗА. Я сейчасъ скажу ему, сударыня.

МАРКИЗА. А!... это та молодая дѣвушка, что живетъ съ нимъ.

КОКЕБЕРТЬ *(съ досадою)*. Его дочь!

МАРКИЗА. Да!... понимаю! *(Смотря на Розу)* Эти черты... и не смотря на то, что ее окружаетъ, этотъ благородный видъ... *(Розѣ)* Позвольте мнѣ, дитя мое, *(съ чувствомъ)* поцѣловать васъ.

РОЗА. Ахъ, много чести, сударыня.

МАРКИЗА *(поцѣловавъ ее)*. Скажите г. Галюше, что я извиняю его за то, что онъ заставилъ ждать Кокерберта, но мнѣ некогда, особенно теперь. Скажите, что я жду его... Я, маркиза д'Обервильеръ.

РОЗА. Сударыня!... онъ сію минуту будетъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ VIII.

МАРКИЗА И КОКЕБЕРТЬ.

МАРКИЗА. Я-бы всегда узнала ее... отличила-бы изъ тысячи...

КОКЕБЕРТЬ. Какъ вы растроганы!

МАРКИЗА. И не безъ причины... молодая дѣвочка, которую вы видѣли, любезный Кокербертъ, намъ очень близка.

КОКЕБЕРТЬ *(скоро)*. Въ-самомъ-дѣлѣ?

МАРКИЗА. И вы можете заранѣе приготовить для нея ваши драгоценнѣйшіе уборы... потому-что если я не ошибаюсь, она одна изъ самыхъ богатѣйшихъ наслѣдницъ Франціи.

КОКЕБЕРТЬ *(въ-сторону)*. Она! — и она любитъ моего сына... и она хотѣла обвѣнчаться тайно... О!... *(Въ-слухъ)* Но какимъ образомъ...

МАРКИЗА. Тише, вотъ г. Галюше.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТЪ-ЖЕ И ГАЛЮШЕ *(въ рабочемъ платьѣ)*.

ГАЛЮШЕ. Прошу извинить, Маркиза, что я являюсь къ вамъ въ такомъ видѣ... но, боясь задержать васъ — я не перемѣнилъ своего мундира... это нашъ мундиръ... Чѣмъ могу я служить?

МАРКИЗА. Вы это узнаете. *(Кокерберту, который подаетъ стулъ Маркизъ, а другой хочетъ взять для себя)* Я не задерживаю васъ, любезный Кокербертъ, я знаю, васъ ждутъ у герцога Блансакъ...

КОКЕБЕРТЬ. Это не къ спѣху... я знаю...

МАРКИЗА. Напротивъ! Намъ стоило столько хлопотъ уговорить его жениться, что мѣшкать нечего — Поспѣшите къ нему съ вещами — такъ до завтра — мнѣ тоже нужно будетъ вамъ заказать...

КОКЕБЕРТЬ *(въ-сторону)*. Богатая наслѣдница!... Думать нечего, а такъ-какъ мнѣ еще основательно не можетъ быть извѣстно, то, пользуясь этимъ, и можно будетъ... *(Раскланиваясь)* Вашъ слуга, маркиза! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ X.

МАРКИЗА, ГАЛЮШЕ.

ГАЛЮШЕ (*въ-сторону*). Чего ей отъ меня надобно?

МАРКИЗА (*сидитъ*). Прошу васъ меня выслушать, — мнѣ о многомъ надо съ вами говорить.

ГАЛЮШЕ (*беретъ табуретку и садится возлѣ маркизы*). Не обращайтесь на это вниманія, — мнѣ этакъ гораздо-удобнѣе, да и вамъ тоже.

МАРКИЗА. Вы изъ окрестностей Валансьена, г. Галюше?

ГАЛЮШЕ. Такъ точно — какъ и жена моя... моя бѣдная Роза.

МАРКИЗА. Вы знали г. Валенкура?

ГАЛЮШЕ. Еще-бы... земляка! перваго красавца въ околоткѣ, конскрипта, который, побывавъ при Іенѣ, Аустерлицѣ и Ваграмѣ, вернулся генераломъ и продолжалъ драться, какъ солдатъ, пока ударъ пниги, полученный имъ на границѣ, не привелъ его къ намъ... Онъ квартировалъ у насъ, и я горжусь этимъ... хлѣба не было у насъ и куска лишняго, но въ усердіи недостатка не было... Мы и онъ, вмѣстѣ тогда дѣлили горе... Въ нѣсколько дней, которые онъ провелъ у насъ, рассказалъ онъ намъ, какъ, бывши солдатомъ Бонапарта, влюбился онъ въ дѣвушку знатной, древней фамиліи, и какъ черезъ годъ онъ женился на ней, не-смотря на ея мать, знатную маркизу, которая ненавидѣла императора...

МАРКИЗА (*желая прервать его*). Хорошо, хорошо...

ГАЛЮШЕ. Нѣтъ, совсѣмъ не хорошо, потому-что озлобившись на этотъ бракъ, совершенный по приказанію императора, маркиза уѣхала со всѣмъ состояніемъ своимъ въ Россію... Эта женщина, видите-ли, сударыня, немного заботилась о счастіи своей дочери... она была не мать, — а маркиза.

МАРКИЗА. Довольно, довольно, сударь! Женщина, которую вы осуждаете — я сама.

ГАЛЮШЕ (*встрѣвоженный*). Это другое дѣло — надо было сказать прежде, потому-что въ рассказѣ...

МАРКИЗА (*важно*). Время перемѣняетъ мнѣнія, сударь.

ГАЛЮШЕ. Простите, сударыня, извините меня, я не имѣлъ намеренія...

МАРКИЗА. Продолжайте!...

ГАЛЮШЕ. Вотъ я ужъ и забылъ, на чемъ остановился; кажется, я сказалъ вамъ... да, нѣтъ... я не сказалъ вамъ, что, спустя нѣ-

которое время, генераль, который былъ сосланъ въ Брюссель, проездомъ опять былъ у насъ: онъ ѣхалъ тайно въ Парижъ... это было около 20-го марта, я и теперь еще вижу его съ этимъ знакомъ соединенія, букетомъ фиалокъ въ петлицѣ... Г-жа Галюше, супруга моя, была тогда беременна первымъ нашимъ ребенкомъ, и генераль сказалъ ей: *Добрая Роза, жена моя въ такомъ же, какъ и ты положеніи, ты будешь кормить нашего ребенка, не правда-ли? Именно, сказалъ я, и Роза моя отправилась въ Брюссель, гдѣ была тогда жена генерала. Тамъ она, а потомъ и генеральша разрѣшилась дѣвочками, и жена моя взялась привезти обѣихъ въ отечество, потому-что г-жа Валенкуръ поспѣшила къ своему мужу, котораго снова ранили; но на этотъ разъ рада была послѣдняя: бѣдный генераль сраженъ былъ пулею, бѣдная дочь ваша, бѣдная генеральша!...*

маркиза (*утирая слезы, перебиваетъ его*). О, не говорите!... Знаю!... Я получила извѣстіе о кончинѣ ея уже въ изгнаніи, и увѣренная, что мнѣ не остается ничего послѣ дочери, я-бы никогда не увидѣла Франціи; если-бы не дѣло, касающееся нашего состоянія, еще болѣе нашего имени, которое послѣ меня должно перейти г. Блансаку, моему племяннику. Въ бумагахъ, доставленныхъ мнѣ старымъ другомъ генерала, я нашла нѣсколько писемъ дочери къ ея мужу... изъ этихъ писемъ я узнала, что дитя ея было отдано на попеченіе Розѣ Галюше, женѣ вашей.

галюше. Такъ точно!

маркиза. И она жива еще?

галюше. Жива!

маркиза. И она у васъ.

галюше. Отвѣчаю за это.

маркиза (*съ восторгомъ*). Я была увѣрена... это ее видѣла я, сейчасъ, здѣсь...

галюше. Неизвѣстно, г-жа Маркиза!

маркиза. Неужели я ошиблась?

галюше. Ничего не знаю!

маркиза. Чтѣ значитъ это?... Объясните, прошу васъ!

галюше. Вы напоминаете мнѣ грустное время. (*Кладетъ руку на лобъ*) Много мнѣ стоило выгнать о немъ воспоминаніе... Да!... Бѣдная моя Роза должна была возвратитъ въ Брюссель обѣихъ дѣтей, которыхъ кормила. Она писала мнѣ, что выѣдетъ утромъ и будетъ къ вечеру. Вечеръ пришелъ, а извѣстія объ ней не было. Я отправился самъ, спрашивалъ всѣхъ по дорогѣ, и въ

шести миляхъ отъ насъ, въ гостинницѣ, узналъ, что она была убита и ограблена въ лѣсу разбойниками... Убить женщину, у которой не было другой защиты, кромѣ слезъ и криковъ двухъ бѣдныхъ малютокъ!..

маркиза (*въ испугѣ*). А дѣти?

галюше. Не знаю, какою судьбою были они пощажены! Бѣдняжки должны были умереть отъ холоду, когда я нашелъ ихъ. Тогда я взялъ съ собою мое двойное сокровище, обѣихъ окружилъ моею любовью, моими заботами, не спрашивая даже самъ себя, которая изъ нихъ моя дочь. Вотъ все, маркиза, что вамъ угодно было узнать.

маркиза. Это ужасно!.. Но не можетъ быть, чтобы вы не имѣли какихъ-нибудь примѣтъ дитяти, которое вы должны отдать мнѣ.

галюше. Отдать? Вы говорите отдать?

маркиза. Да! Что вамъ за это надо — скажите, вы все получите.

галюше. Что надо мнѣ?... Мнѣ?... Оставьте ихъ у себя обѣихъ.

маркиза. Никогда, никогда! и не надѣйтесь! Вы должны будете объявить...

галюше. И объявляю, что никакая власть въ мѣрѣ не вырветъ ее у меня. Развѣ не я спасъ ихъ и воспиталъ обѣихъ?... Развѣ обѣ обѣ... Да спросите ихъ сами: не любятъ-ли онѣ меня, какъ отца своего? Развѣ могу и я различить ихъ теперь въ любви моей? Вы видите, сударыня, что мнѣ нечего отдавать вамъ нечего!... все мое!

маркиза. Одно слово, г. Галюше. Все считаютъ васъ за человека честнаго!

галюше. Важное достоинство! Да кто же не честный человекъ, кромѣ мошенниковъ!

маркиза (*взявъ его за руку*). Итакъ вы, вѣрно, не захотите обидѣть никого, а между-тѣмъ не боитесь отнять у семьи единственную ея наследницу.

галюше. Что вы хотите сказать?

маркиза (*продолжая*). Лишить ее имени, состоянія, должнаго положенія въ свѣтѣ...

Лѣ II.

Вы сами разсудите здраво;

Услыша истины слова:

Скажите, кто даетъ вамъ право
Отнять у бѣдной всѣ права?
Принявъ къ себѣ дитя чужое,
Вы ей отцомъ хотите быть,
Чтобъ дѣло самое дурное
Прекраснымъ именемъ прикрыть!

ГЛАЮШЕ. Сударыня!...
МАРКИЗА. Противъ желанія моего, я должна буду прибѣгнуть къ другимъ судьямъ. Подумайте хорошенько... припомните... я буду ждать вашего отвѣта — Прощайте, прощайте!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ XI.

ГЛАЮШЕ (одинъ, — ночь наступаетъ, — въ концѣ явленія совершенно темно).

Моего отвѣта!... моего отвѣта!... Отвѣтъ мой будетъ всегда тотъ-же: я оставляю у себя дѣтей. Мнѣ рѣшить, выбрать, сказать одной: ступай! будь знатною дамою, ступай отъ меня! И если это выдетъ моя? стало я ее выгоню. Бѣдная Роза!... бѣдняжка Розетта! Чѣмъ больше думаю... О, да! я равно люблю ихъ! и ту, которую отдамъ въ ту-же минуту буду любить болѣе, потому-что Роза... Роза совершенный портретъ матери!... а Розетта... Розетта совершенно мой портретъ: мой нравъ, мои мысли... И я рѣшусь, вотъ еще! да пусть что себѣ хочетъ говорить эта старуха маркиза, со всеѣмъ своимъ древнимъ дворянствомъ, и такою-же древнею нѣжностью. Пусть она узнаетъ, чего я самъ не знаю!... Да, просто, нѣтъ никакихъ доказательствъ, никакого указанія, никакого средства открыть, которая изъ двухъ ея? Слѣдовательно, обѣ мои! Это ясно, какъ день... И изъ чего я безпокою себя? Не стану говорить ничего моимъ милымъ дѣтямъ. Стану только думать о ихъ счастьи и удовольствіи. Завтра-же въ Сенъ-Клу: этотъ праздникъ ихъ такъ заранѣе восхищаетъ.

ЯВЛЕНИЕ XII.

ГЛАЮШЕ, РОЗА (выходя съ лѣвой стороны).

РОЗА. 11 часовъ! Онъ долженъ меня дожидаться! Кто-то есть здѣсь.... Батюшка!

ГАЛЮШЕ (*размышляя*). Къ тому-же, если-бы я и согласился, захотятъ-ли онѣ? Могутъ-ли онѣ рѣшиться покинуть меня?...

РОЗА (*слушая его, въ глубинѣ сцены*). Что говорить онѣ?

ГАЛЮШЕ (*беретъ и уставляетъ маленький столикъ, на которомъ его работы*). Наша радость, наше счастье, быть всегда вмѣстѣ!... (*Садится къ столику*). И завтра, когда я поведу ихъ подѣ ручки, я хочу, чтобы онѣ были нарядны, чтобы всѣ на нихъ заглядывались.... Приняться за работу!... Онѣ, вѣрно, уже спятъ теперь... А работая во-время ихъ сна, я удваиваю жизнь свою, и могу такимъ образомъ любить ихъ вдвое дольше.

ЛѢ 12.

Ихъ нѣтъ, а все передо мною

Ихъ образъ милый вижу я,

И то одною, то другою,

Всегда полна мечта моя.

Дѣтей и счастье я мѣшаю,

И всѣмъ во снѣ и на яву:

Розеттой счастье называю,

А Розу счастиемъ зову.

РОЗА (*въ-сторону, съ чувствомъ, подходя къ креслу, на которомъ сидитъ ея отецъ*). Добрый батюшка!

ГАЛЮШЕ (*беретъ спичку и засвѣчаетъ свѣчу*). Докторъ говорить, что это сокращаетъ жизнь.... Что за бѣда, если я ихъ оставлю, а не онѣ меня, мои дочери.

(*Роза вскрикиваетъ, и падаетъ на колѣни среди театра*).

ГАЛЮШЕ (*удивленный*). Роза!... И въ этотъ часъ! Въ слезахъ, въ волненіи.... (*Въ-сторону*). Не ждала-ли она старой маркизы? *Въ-слухъ, поднимая ее*. Что съ тобой, дитя мое?.... Что тебѣ нужно?

РОЗА. Милости и прошенія, батюшка! Я очень-виновна!... Я могла думать оставить васъ!...

ГАЛЮШЕ. Ты?

РОЗА. Повинуясь безумному чувству, я, быть-можетъ, бѣжала бы....

ГАЛЮШЕ (*вскрикивая отъ гнѣва*). А!... (*Въ-сторону*). А я искалъ.... (*Съ гнѣвомъ*). Это не моя кровь!... Не моя дочь!... Это дочь знатной матери!...

РОЗА. Но услышала слова ваши, увидѣла, что вы всѣ дни и

ночи посвящаете намъ, и въ ту-же минуту рѣшилась все открыть вамъ, батюшка.... остаться съ вами навсегда! Чувствую, что никого не могу любить болѣе васъ, батюшка!....

ГАЛЮШЕ (*прижимая ее къ сердцу*). А!.... Я узнаю ее!.... Она моя!.... Это мое сокровище, это моя дочь!.... (*Скоро оборотась*). Кто здѣсь?

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТЪ-ЖЕ И РОЗЕТТА (*выходитъ съ лѣвой стороны, пока Галюше и Роза отходятъ на правую*).

ГАЛЮШЕ (*увидя Розетту, которая тихо подкрадывается къ двери*). Что тамъ еще?... И эта не хочетъ-ли уйти?...

РОЗЕТТА (*запираетъ среднюю дверь, беретъ ключъ къ себѣ, оборачивается и видитъ отца*).

ГАЛЮШЕ (*строго*). Что ты тутъ дѣлаешь?

РОЗЕТТА. Ничего, батюшка, я заперла дверь, и вотъ взяла ключъ. (*Показываетъ его*).

ГАЛЮШЕ. А для чего?

РОЗЕТТА (*смотря на Розу*). Мало-ли что можетъ случиться? Все какъ-то безопасноѣ.

ГАЛЮШЕ. Почему? Какая опасность?

РОЗЕТТА. Я обѣщалась не сказывать вамъ.

РОЗА. Я все сказала!

РОЗЕТТА. И тѣмъ лучше!... Но вы могли-бы спать, батюшка, потому-что я была на часахъ, я стерегла честь нашего имени.

ГАЛЮШЕ (*бросается къ ней на шею*). А! Розетта, Розетта!... (*Въ-сторону*). Это тоже моя!.... Это дочь мастерового! (*Стучатся*).

РОЗА (*въ волненіи*). Это онъ!.... Анатоль!

РОЗЕТТА (*отцу*). Онъ!

ГАЛЮШЕ (*тихо Розеттѣ*). Что надо сдѣлать?

РОЗЕТТА. Отворить! Мы все подъ ружьемъ: бояться нечего!...

ГАЛЮШЕ (*пока Розетта отпираетъ*). Она говоритъ правду!... Я долженъ поговорить съ оболетителемъ.

РОЗА. Батюшка!

ГАЛЮШЕ (*поднимая руку*). И мы поговоримъ крупно!

РОЗЕТТА (*старается удержатъ отца, дверь отворяется. Кокебертъ входитъ*).

РОЗЕТТА, ГАЛЮШЕ И РОЗА (*удивленные*). Г. Кокебертъ!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

РОЗЕТТА у стола, КОКЕБЕРТЬ, ГАЛЮШЕ и РОЗА.

КОКЕБЕРТЬ. Я самъ!

ГАЛЮШЕ. Чтѣ приводитъ васъ въ такое время?

КОКЕБЕРТЬ. Вы это узнаете, г. Галюше ... Я долженъ вамъ сказать, что я все знаю, г. Галюше.

ГАЛЮШЕ. И я также!

КОКЕБЕРТЬ. Всякой другой на моемъ мѣстѣ могъ бы оскорбиться, но я не честолюбивъ, не имѣю предразсудковъ, — равенство моя страсть, и я являюсь къ вамъ вмѣсто сына, просить отъ его имени.... отъ моего также. *(Указывая на Розу).* Руки вашей дочери.

ГАЛЮШЕ. Возможно-ли? *(Взглянувъ на Розу, видитъ, что она едва стоитъ, бросается поддержать ее).*

КОКЕБЕРТЬ. Чтѣ съ нею?

ГАЛЮШЕ. Ничего, ничего!.... Съ радости!....

КОКЕБЕРТЬ. Съ условіемъ, что мы займемся контрактомъ безъ всякаго блеску, тихо, и какъ можно скорѣе.

РОЗЕТТА. Да завтра-же.

ГАЛЮШЕ. Въ полдень.

КОКЕБЕРТЬ. Нѣтъ ранѣе; потому-что въ полдень я имѣю честь быть приглашеннымъ на свадьбу г. герцога Блансака.

РОЗЕТТА *(едва не падая)*. Октавъ!

ГАЛЮШЕ. Какъ! И она? Съ ней отъ чего?

РОЗА. Съ радости.... Отъ моего счастья, батюшка. *(Розеттъ).* Сестра!

ГАЛЮШЕ. Приди въ себя....

КОКЕБЕРТЬ. Какова картина!... И моего произведенія!....

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Хорошая гостинная. Въ срединѣ и по бокамъ двери. Два окна. На-право столъ и все нужное для письма.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОКЕБЕРТЬ, АНАТОЛЬ И НОТАРІУСЪ (*пишетъ*).

АНАТОЛЬ. Какъ, батюшка!.. Сегодня!.. я все еще будто не вѣрю.

КОКЕБЕРТЬ. Какъ скоро дѣло рѣшено, я не люблю откладывать: у меня во всемъ такъ.... Подпишемъ контрактъ, а чрезъ недѣлю сватба.

АНАТОЛЬ. Какое счастье!

КОКЕБЕРТЬ. А въ ожиданіи займемся контрактомъ: это нужнѣйшее, важнѣйшее!.. особенно въ такомъ дѣлѣ.

АНАТОЛЬ. Я не думаю, потому-что у бѣдной Розы нѣтъ ничего.

КОКЕБЕРТЬ. Что нужды.... Она можетъ когда-нибудь... (*Указывая на Нотаріуса*) и г. Нотаріусъ означаетъ все согласно съ моими намѣреніями. (*Нотаріусу*) Вы написали! «Все, что можетъ ей когда-либо достаться, по какому-бы то ни было случаю!» (*Нотаріусъ дѣлаетъ утвердительный знакъ*). Если отъ этого и не лучше, то ужъ и худа быть не можетъ. (*Анатолю*). Это предусмотрительность.... Отецъ обязанъ подумать обо всемъ.

АНАТОЛЬ. Вы думали о моемъ счастьи—это главное!

КОКЕБЕРТЬ. Твое счастье... Оно еще недостаточно, подождемъ и увидимъ...

АНАТОЛЬ. Вотъ они.

ЯВЛЕНИЕ II.

(СЫТЪ-ЖЕ, ГАЛЮШЕ, РОЗА, РОЗЕТТА.)

ГАЛЮШЕ (въ праздничной платьи, ведетъ подъ руки обѣихъ до-
щерей, одѣтыхъ по-праздничному и совершенно одинаково).

№ 1.

Вотъ и я съ семьей моею.

И отъ счастья самъ не свой!

(Увидя *Нотариуса*, раскланивается)

Какъ, ужъ пипнуть?.. Честь нубю,

Галюше! *Мастеровой!*

Нывче всё на деньги падки.

Всякой хочеть счету свестъ.

И при лянномъ недостаткѣ

Хоть наличность приобрьеть.

Но съ невѣстою такою

Капиталь нейдетъ влоемъ.

Съ *Розой*, съ этой красотой.

Милліоны нн почему!

(*Нотариусу*) Разглядите вы поближе...

(*Подвождъ Розу*) Не стыдися, пусть глянтъ:

Много-ль, сударь, ихъ въ *Шарпжѣ?*

(*Въ-сторону*) Ротъ разпулъ и молчитъ!

(*Нотариусу*) Такъ приданое вносите,

Хоть немного есть его...

КОКЕБЕРТЬ (удивленный).

Какъ! за нею...

ГАЛЮШЕ.

Не взыщите

КОКЕБЕРТЬ.

(*Скрывая радость*).

Сколько-жъ, сколько?

ГАЛЮШЕ (торжественно).

Ничего!

То-есть ровно ничего!

(Хочетъ).

КОКЕБЕРТЬ. Что это, Галюше!... Къ чему это вы въ свадебномъ нарядѣ?... Я, кажется, сказалъ, что нынче еще только контрактъ.

ГАЛЮШЕ. Все-равно! Съ радости!... Да здравствуютъ любовь и радость, и, какъ поется въ пѣснѣ: «До сватъбы лучше мы попляшемъ». Потому, что послѣ не всегда ужъ удается... (Анатолу и Розѣ). Это не объ васъ сказано... Я увѣренъ, что съ моею Розой вездѣ будетъ радость... (Анатолу) и съ тобою, другъ мой. Вы миѣ позволяете говорить вамъ ты?

АНАТОЛЬ (подавая ему руку). Прошу васъ.

ГАЛЮШЕ. Я всѣмъ дѣтямъ моимъ говорю ты, а у меня ихъ прибавилось: все были дочери, а теперь есть и сынъ... стало, есть надежда, что теперь пойдутъ и тѣ и другіе... Да здравствуютъ любовь и радость!

КОКЕБЕРТЬ. Позвольте, Галюше, я какъ васъ, такъ и сына просилъ и прошу пока сохранять это въ строжайшей тайнѣ.

ГАЛЮШЕ. Вотъ хорошо!.. Я, напротивъ, хотѣлъ-бы опубликовать о нашемъ счастьи, о вашихъ честныхъ намѣреніяхъ.

РОЗА И АНАТОЛЬ (Кокерберту). О вашемъ великодушіи.

КОКЕБЕРТЬ. Именно поэтому-то и надо... Я вовсе не думаю ни выказываться, ни собирать похвалы въ такомъ обыкновенномъ дѣлѣ — счастьи своихъ дѣтей.

ГАЛЮШЕ (ударивъ его по животу). Утверждено и подписано! — молчу! (Подавая ему руку). Руку, дружище! Вы добрый отецъ и славный мальи, и я также!... Послушайте-ка: пока вотъ этотъ господинъ мараетъ бумагу (указывая на нотариуса), нельзя-ли бы (дѣлая знакъ будто пьетъ) а?... за здоровье дѣтокъ!

АНАТОЛЬ (бѣжитъ къ шкафу и приноситъ подносъ съ ликерами).

РОЗЕТТА (тихо Галюше). Батюшка!

ГАЛЮШЕ. Да, рассказывай! Не всякой день выдаемъ дочерей за-мужъ. Я увѣренъ, папа Кокербертъ, тоже не откажется? (Анатолу) Наливай, другъ, наливай!.. полиѣ, полиѣ!.. вотъ такъ! Я заплачу тебѣ въ твою сватъбу... Что это, анисовая?. а?

КОКЕБЕРТЬ. Ромъ, которому болѣе ста лѣтъ.

ГАЛЮШЕ (пьетъ). Довольно пожилъ!.. будетъ съ него!.. (Анатолу). Налей-ка тогоже!.. (Кокерберту) За ваше здоровье! (Ука-

зываетъ на нотариуса). Посматривайте, посматривайте за нимъ: подвигается-ли у него?.. Удивительно, какъ это оживляетъ и веселитъ, особенно когда давно не бывало!.. (Розетта уноситъ со стола бутылку; Галюше хочетъ налить себѣ и не находитъ ее). Кто-же унесъ отсюда?

РОЗЕТТА. Я, батюшка, и на это есть причина.

ГАЛЮШЕ. Да! понимаю! а? Какое сокровище для мужа такая женщина! И я постараюсь найти для нея... вотъ точно такого. (Показывая на нотариуса). Мы и отнесемъ къ нему: ничего, что онъ, до сихъ-поръ, дописать не можетъ.

КОКЕБЕРТЬ (Анатолю). Затвори окна, на улицѣ такой шумъ.

АНАТОЛЬ. Это отъ цѣлой линіи каретъ и экипажей, которые ѣдутъ на дворъ Блансака, напротивъ насъ.

РОЗЕТТА (въ волненіи). Къ г. Октаву!

АНАТОЛЬ. Онъ женится сегодня въ 12-ть часовъ.

РОЗЕТТА (смотря на часы). Еще 10-ть!

АНАТОЛЬ. Но ужъ многіе собрались: въ 9-ть часовъ, когда я относилъ ему брилліанты, было уже довольно!..

РОЗЕТТА. Онъ счастливъ!

АНАТОЛЬ. Надо-бы такъ!.. Впрочемъ, смотри на него, подумашь совсѣмъ другое... Онъ такъ былъ блѣденъ, разстроенъ...

РОЗЕТТА. Не болень-ли онъ?

АНАТОЛЬ. Нѣтъ, но печалень, грустенъ, убить чѣмъ-то, и когда я подаю ему брилліантовый уборъ, —

ДѢ 2.

Я помню, какъ онъ огорчился,

И только вздохомъ отвѣчалъ.

РОЗЕТТА (въ-сторону).

О, мой Октавъ не измѣнился!

РОЗА (Анатолю).

Ужли ни слова не сказалъ?

АНАТОЛЬ.

Взглянулъ презрительно сначала,

И будто высказалъ укоръ,

Какъ вдругъ слеза его упала

На брилліантовый уборъ.

РОЗЕТТА (въ-сторону).

О, поняла я, другъ любимый:

Ей брилліанты отъ тебя,

По этотъ перлъ неоцѣнимый,

Быль для меня, былъ для меня!

Слеза твоя — моя, моя!

АНАТОЛЬ (которому Кокебертъ подаетъ перо). Мнѣ подписывать? (Подходя къ столу). Въ это время пріѣхала къ нему маркиза д'Обервилльеръ....

КОКЕБЕРТЬ и ГАЛЮШЕ. Ну?

АНАТОЛЬ. Вошла съ гордымъ, надменнымъ видомъ, и сказала ему: «Прекрасно, племянникъ! Теперь, когда ты оставилъ свои бредни о гризеткахъ, и выполняешь желаніе своихъ родныхъ, и я привезла тебѣ мое благословеніе. (Подписавъ контрактъ, подаетъ перо отцу). «Женитьба дѣлю самое похвальное!» Тогда и я объявилъ ей о своей.

КОКЕБЕРТЬ (услыша это, оставляетъ контрактъ и быстро подходитъ къ Анатолю). Какъ?... Ты ей сказалъ?

АНАТОЛЬ. Чтѣ я женюсь на мамзель Галюше.

КОКЕБЕРТЬ (горячо). Не я-ли тебѣ приказывалъ молчать?

АНАТОЛЬ. Я полагалъ, что маркизѣ можно знать.

КОКЕБЕРТЬ (тихо). Именно отъ нея-то и должно было хранить тайну... Что-же она отвѣчала?

АНАТОЛЬ. Ничего!... Сурово обратилась къ своимъ лакеямъ, велѣла подавать карету и уѣхала, не простясь даже съ г. Блансакомъ.

КОКЕБЕРТЬ (горячо). О, неблагоразумный человѣкъ! Знаешь-ли ты, чтѣ можетъ случиться?...

ГАЛЮШЕ (спокойно, поднимая перо, которое уронилъ Кокебертъ). Ну, ну, подписывайте... (Подаетъ ему перо).

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ-ЖЕ и СЛУГА (подавая письмо Кокеберту).

СЛУГА. Г. Кокеберту!

КОКЕБЕРТЬ. Такъ и есть! Рука маркизы!... И ко мнѣ! (Вынимаетъ изъ конверта, кромѣ письма, листъ гербовой бумаги). Ба!... и гербовой листъ вамъ, Галюше.

Галюше. Мнѣ? (*Розетта*). На-ка, разбери, если можешь!...

КОКЕБЕРТЬ (*читая*). «Нѣсколько словъ, мною вамъ сказанныхъ, кажется, могли-бы васъ заставить подумать, что та, которую вы избрали для своего сына, происхожденія сомнительнаго».

всѣ. Что это значить?

АНАТОЛЬ. Что это?

КОКЕБЕРТЬ (*съ презрѣніемъ*). Клевета и ложь! Что мнѣ за дѣло, хотя-бы было и такъ!... Прочь предрасудки... И что за бѣда: равенство — моя страсть! Молодые люди любятъ другъ-друга, и мнѣ довольно! Никого не слушаю, ни на что не гляжу!... Соединимъ ихъ, а потомъ разберемъ это... Подписывайтесь!

РОЗА (*бросаясь къ нему*). Благородный человѣкъ!

АНАТОЛЬ (*также*). Добрый, рѣдкій батюшка!...

ГАЛЮШЕ (*взявъ его за руку*). Вы сдѣлали честное, благородное дѣло, но вы будете награждены за это. Успокойтесь: Роза — моя дочь! моя!

РОЗА и АНАТОЛЬ. Какое счастье!

КОКЕБЕРТЬ (*какъ пораженный*). Что я слышу!.. Какъ?.. Она ваша... (*Въ-сторону*) Все пропало! все, все!.. (*Гролко*). Не подписывайте!

всѣ. Почему-же?

КОКЕБЕРТЬ (*съ замѣшательствомъ*). Почему?

РОЗЕТТА (*показывая бумагу, которую прочла*). Потому-что вотъ тутъ препятствіе.

ГАЛЮШЕ (*скоро*). Препятствіе? Подай, подай!.. (*Читая съ трудомъ*). «Основываясь на томъ, что дѣвушка не можетъ выдти за-мужъ безъ позволенія своего отца, и Галюше, не доказавъ прежде, которая изъ двухъ дѣвушекъ именно принадлежитъ ему, не можетъ располагать рукою ни одной изъ нихъ». (*Съ гнѣвомъ*). Этотъ актъ написалъ сумасшедшій.

КОКЕБЕРТЬ. Актъ форменный!

ГАЛЮШЕ. Запрещать мнѣ выдавать замужъ дочерей!..

КОКЕБЕРТЬ. Пока вы не признаете, которая изъ нихъ собственно ваша, это ясно.

ГАЛЮШЕ. Нисколько не ясно, потому-что я самъ не знаю.

КОКЕБЕРТЬ. Въ такомъ случаѣ вы не можете считаться отцомъ.

ГАЛЮШЕ. Какъ?.. Потому, что у меня завелось ихъ двѣ, такъ я не отецъ и одной?

КОКЕБЕРТЬ. Законъ!.. то есть, нѣтъ, не то, а напротивъ... Вы понимаете?.. Потому, что... нѣтъ, я путаюсь... вы видѣли, мой другъ, я не искалъ ни званія, ни богатства... Я выше всѣхъ

этихъ предразсудковъ, но не выше закона, я долженъ ему повиноваться, какъ гражданинъ, какъ брилльянтовыхъ дѣлъ мастеръ, какъ избиратель!..

АНАТОЛЬ. Но, батюшка!..

КОКЕБЕРТЬ (*въ сторону*). Если она дочь знатной дамы, за насъ не отдадутъ, если она дочь Галюше, я самъ не возьму — во всякомъ случаѣ дѣло кончено! (*Громко сыну*) Пойдемъ!..

АНАТОЛЬ. Куда-же?

КОКЕБЕРТЬ. Извиниться предъ Маркизою: если ты и теряешь невѣсту, этого еще недостаточно, чтобы я терялъ свою покровительницу. Я напишу къ ней письмо, которое ты отнесешь ей самъ, съ вещами.

ГАЛЮШЕ (*въ эту время упала въ кресло и погружена въ размышленіе. Бумага у него въ рукахъ, дочери около него*). Но позвольте, сударь!

КОКЕБЕРТЬ. Вы меня знаете: я сама откровенность, я выше всѣхъ предразсудковъ, вы знаете... я не говорю: да! не говорю: нѣтъ! Рѣшите сами, которая ваша, иначе этотъ бракъ невозможенъ ни съ той, ни съ другой!.. (*Анатолу*). Ступай, ступай!.. Пойдемъ! (*Уводитъ съ собою*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

РОЗА И РОЗЕТТА, ГАЛЮШЕ, РОЗЕТТА.

РОЗА И РОЗЕТТА. Что все это значить, батюшка!..

ГАЛЮШЕ. А это значить, что вы обѣ мои дочери, и чтобы ни случилось, я все буду считать васъ своими — иначе мнѣ и невозможно!

РОЗА И РОЗЕТТА. И намъ тоже!

ГАЛЮШЕ. Знаю, но есть обстоятельства, которыя требуютъ, чтобы я отказался отъ одной изъ васъ... это нужно для вашего счастья, но я этого не могу: вы должны рѣшить это сами.

РОЗА. Мы, батюшка?..

РОЗЕТТА. Не быть вашими дѣтьми?..

ГАЛЮШЕ. Я долженъ вамъ сказать въ утѣшеніе, что та, которая оставитъ меня...

РОЗА (*сильно*). Будетъ отвергнута?

ГАЛЮШЕ. О!.. Нѣтъ! Она будетъ знатною дамой, богата, тогда, какъ другая...

РОЗЕТТА. Это я другая!

РОЗА. И я, и я!..

РОЗЕТТА. Мы обѣ другія!

ГАЛЮШЕ. Хорошо, хорошо!.. Вы добрыя дочери!.. Вы составляете мое счастье, и всю эту путаницу... Тутъ пужны не слезы, а мужество. Да! слышишь-ли ты Роза! (*Обрацаясь къ Розеттѣ, которая отвернулась, чтобы утереть слезы*). Слышишь-ли, ты Розетта! У тебя, бывало, хватить храбрости за все семейство. (*Сильно*). Я повторяю вамъ, что надо выбрать одно изъ двухъ... (*съ гнѣвомъ*). надо!

РОЗЕТТА. Батюшка, не браните насъ. (*Твердо*) Избирайте, назначьте сами... мы готовы на все!..

РОЗА. На все! рѣшайте, батюшка!

ГАЛЮШЕ (*испуганный*). Я?... Это ты мнѣ говоришь? Мнѣ рѣшать?

РОЗА. Мы покоримся безъ ропота.

РОЗЕТТА (*тайно утирая глаза*). Мы будемъ послушны!

ГАЛЮШЕ (*становится между ними, съ молчаніи поднимаетъ глаза къ небу*). Оркестръ играетъ тихо мотивъ изъ «Жидовки»). Марія-Роза! Бѣдная подруга моя! Пошли мнѣ, укажи, наставь меня!... Скажи... однимъ біеніемъ сердца, которая дочь наша? Ты не захочешь обмануть меня!... Тебѣ, тебѣ одной я повѣрю... (*Смотритъ внимательно то на ту, то на другую*). Одинаково смотрю на ихъ.... Глаза ихъ полны равною пѣжностью.... (*Цѣлуетъ Розу, прижимаетъ ее къ сердцу, потомъ Розетту*). Сердце бьется равно.... О! онѣ обѣ мои, обѣ мои!

РОЗА и РОЗЕТТА. Да, да! Обѣ ваши! Вы сами сказали!

РОЗА. Останемся всегда вмѣстѣ.

РОЗЕТТА. Никогда не разлучаясь.

ГАЛЮШЕ. Но богатство, которое, можетъ быть, васъ ожидало?

РОЗА. Мы отъ него отказываемся.

РОЗЕТТА. И безъ него обойдемся!

ГАЛЮШЕ. А! Я былъ увѣренъ, что онѣ не промѣняютъ меня на богатство... Стало быть, вы думаете, милыя дѣти мои, что любя другъ-друга, можно прожить счастливо и на чердакѣ, безъ дорогихъ нарядовъ, безъ брилльянтовъ....

ОБѢ. Да, батюшка!

ГАЛЮШЕ. Но женихи, которые нашлись-бы для васъ? А?

РОЗА. Если-бы они нашлись только по этому?....

РОЗЕТТА. Не велика потеря!

РОЗА. Подождемъ еще, и увидимъ!....

ГАЛЮШЕ (*весело*). Именно такъ!

РОЗЕТТА. Что до меня, я никогда не выйду за-мужъ: это была всегдашняя моя мысль.

ГАЛЮШЕ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

РОЗЕТТА. Остаюсь съ вами, буду жить всегда съ вами!....

ГАЛЮШЕ. По холостому?

РОЗЕТТА. Буду вести хозяйство, и у насъ всегда будутъ....

ГАЛЮШЕ. Трудъ и веселье!

РОЗА. Счастье и здоровье.

РОЗЕТТА. И будемъ себѣ веселиться!

РОЗА. Танцовать.

ГАЛЮШЕ. Любить! я васъ, вы меня.

ОБЪ ДОЧЕРИ. Вѣчно, вѣчно!

ГАЛЮШЕ (*съ упоеніи счастья*). Дѣти! Довольно, довольно!

№ 3.

Ахъ дѣти, дѣти, что за сладость

Теперь на сердцѣ у меня!

Веселье, счастье, благо, радость,

Со мною вся моя семья!

РОЗА.

И заживемъ мы по-немногу

РОЗЕТТА.

И счастье вѣрное найдемъ.

ГАЛЮШЕ.

И жизни нашей всю дорогу

Рука мы объ руку пройдемъ!

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ-ЖЕ И АНАТОЛЬ.

АНАТОЛЬ. Уфъ! Какъ измучился!...

РОЗА. Откуда вы?

АНАТОЛЬ. Отъ маркизы, куда посылалъ меня батюшка съ извѣстнымъ письмомъ.

всѣ трое. Ну что же?

анатоль. Чрезъ камердинера велѣно мнѣ сказать: «Подождите... маркиза отвѣтитъ». Я дождался въ небольшой комнатѣ, около гостиной, въ которой была маркиза и нѣсколько чиновниковъ. Они иногда заговаривали довольно громко.... И я, право, не знаю, всегда-ли дурно подслушивать.

розетта. Вовсе не дурно, когда дѣло идетъ объ услугѣ друзьямъ.

анатоль. Я самъ тоже подумалъ, — приставилъ ухо, и вдругъ слышу.... «Я отвѣчаю за этотъ процессъ.... Онъ разорилъ-бы его, если-бъ у него что нибудь было, а у него нѣтъ ничего. Онъ никогда не можетъ быть въ силахъ вести его. — Въ такомъ случаѣ, если нѣтъ другаго средства, начнемте процессъ, сказала маркиза: впрочемъ это не было моимъ желаніемъ. — Позвольте, позвольте, говорилъ кто-то другой. — Тутъ сдѣлалось молчаніе, только и слышался шелестъ бумажныхъ листовъ, которые переворачивали.... Потомъ вслѣдъ за этимъ ужасный крикъ, будто радостный, и всѣ заговорили: «Хочетъ онъ, или нѣтъ, теперь все равно — онъ въ нашей власти, ему отъ насъ не отдѣлаться!»

галюше. Что-бы это могло быть такое?

анатоль. «Только». прибавила маркиза, «не вздумалъ-бы онъ ихъ куда-нибудь скрыть или увезти, тогда все опять потеряно!»

галюше. А! это хорошая мысль.

анатоль. «Ба!» говорили другіе, «онъ не можетъ и подозрѣвать, что ему готовится.... Къ тому-же мы имѣемъ довольно голоса и власти, чтобы ему въ такомъ случаѣ воспрепятствовать... и даже просто арестовать его....»

роза. Арестовать? Васъ?

розетта. Васъ, батюшка! О, пусть придутъ! пусть потребуютъ!

галюше. Хорошо, дочь моя! хорошо, Розетта... Это дитя родилось быть мальчикомъ.

анатоль. Вотъ что я слышалъ, и, не дожидаясь болѣе отвѣта на письмо, побѣжалъ вамъ все это передать.

роза. Благодарю, благодарю васъ, г. Анатолий.... Но какос-же ваше мнѣніе?

анатоль. Мое мнѣніе то, что надо имѣть смѣлость, и не терять головы.... Надо ухъать!

розетта. Вотъ еще!

анатоль. Они съ властью, съ деньгами, съ друзьями!... шутить нельзя — у васъ въ замѣнъ всего этого одинъ я... а я могу только одно — любить васъ, мамзель Роза... а если васъ

разлучать? Я знаю, вы докажете со-временемъ, но покуда съ кѣмъ останутся ваши дочери? кто защититъ ихъ?

ГАЛЮШЕ. Правда!... я ихъ не оставлю.

АНАТОЛЬ. Уѣзжайте съ ней, уѣзжайте!

ГАЛЮШЕ. А если найдутъ силу помѣшать нашему отъѣзду... гдѣ найти защиту и покровительство...

РОЗЕТТА (сильно). Это я знаю!

ГАЛЮШЕ. Ты?

РОЗЕТТА. Да, батюшка... и сію-же минуту (*Садится писать*) Я отвѣчаю за все!

ГАЛЮШЕ. Къ кому-бы это она уѣблаась писать? (*Читаетъ черезъ плечо*) Господинъ герцогъ!... Что? ты знакома съ герцогами, Розетта?

РОЗЕТТА. Да, батюшка:

ГАЛЮШЕ (*продолжая*). Г. Герцогъ... или лучше, другъ мой! (*Удивясь*) И другъ твой?

РОЗЕТТА (*утирая слезу*). Да, батюшка!

ГАЛЮШЕ (*продолжая*). «Вы мнѣ сказали: въ несчаѣіи прибѣгите ко мнѣ — я прибѣгаю». — Стало это честный человѣкъ, Розетта?

РОЗЕТТА. Да, батюшка!

ГАЛЮШЕ (*продолжая*). «Прошу васъ, потому что мѣшкать вельзя, некогда, сдѣлать милость... сейчасъ-же, сейчасъ-же... увези меня!» (*Гильвно*) А?...

РОЗЕТТА (*оканчивая письмо*). Съ батюшкой моимъ и сестрой.

ГАЛЮШЕ. Это другое дѣло.

РОЗЕТТА (*продолжая*). Кто доставитъ вамъ это письмо, объяснить и причину».. Это вы отнесете батюшка, г. Герцогу Блансаку... поспѣшите... это два шага отсюда — онъ, вѣрно, еще не уѣхалъ... свадьба его еще въ 12 часовъ.

ГАЛЮШЕ. И ты хочешь, чтобы онъ насъ увезъ.

РОЗЕТТА. Нѣтъ, но чтобы далъ намъ средства уѣхать — я это и хотѣла сказать ему... все-равно, вы объясните ему... Идите, идите скорѣй.

ГАЛЮШЕ. Ну, а если въ такое время онъ не захочетъ и выслушать меня?

РОЗЕТТА. Скажите только, что это отъ Розетты!

ГАЛЮШЕ. И этотъ прекрасный женихъ... этотъ вельможа... Герцогъ...

РОЗЕТТА. Приметь васъ въ ту-же минуту.

ГАЛЮШЕ. Ты увѣрена?

РОЗЕТТА. Совершенно!

ГАЛЮШЕ (съ упрекомъ). Но такая протекція?...

РОЗЕТТА. О! можете смѣло принять ее...

ГАЛЮШЕ. О, да!... ты у меня рѣдкая и достойная дѣвушка!

Прости меня.. Подождите же дѣти!.. Прежде 12-ти я буду ужъ здѣсь... Г. Анатоль, не оставьте их!

АНАТОЛЬ (указывая на дверь, что на лѣво). Тамъ, у батюшки въ кабинетѣ, онѣ будутъ совершенно спокойны.

ГАЛЮШЕ. А я бѣгу къ моему покровителю, по его милости похищаю дѣтей моихъ, уважу... и знать не хочу маркизы и всѣхъ большихъ господъ.

(Уходитъ въ переднюю дверь, Кокебертъ входитъ съ правой стороны во время послѣднихъ словъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

КОКЕБЕРТЪ (одинъ).

КОКЕБЕРТЪ. Хмъ! знать не хочется большихъ господъ!... Этотъ чудакъ когда-нибудь наживетъ себѣ бѣду... (Увидя маркизу) Ахъ, г-жа маркиза! дѣлаете мнѣ честь...

ЯВЛЕНІЕ VII.

КОКЕБЕРТЪ И МАРКИЗА.

МАРКИЗА. Я получила ваше письмо и поспѣшила.

КОКЕБЕРТЪ. Кажется, не смотря ни на что, Галюше не уступить.

МАРКИЗА. О! это мы еще увидимъ! Я теперь покойна, и пока все наши родные, которые собрались на свадьбу моего племянника Блансакъ, здѣсь, я хочу представить мою внучку сама, подъ настоящимъ ея именемъ и прилично ея званію... Горничныя мои ожидаютъ ее тамъ.

КОКЕБЕРТЪ. Вы имѣете, стало-быть, нѣкоторыя доказательства?

МАРКИЗА. Да, письмо въ нѣсколько строкъ, найденное сегодня утромъ въ бумагахъ генерала, которое писано было въ 1815 году его женою...

КОКЕБЕРТЪ. И это письмо доказываетъ именню, которая изъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ принадлежитъ вашему семейству?

МАРКИЗА. Нѣтъ, но оно даетъ мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, средство узнать ее. Гдѣ Галюше? Вы писали, что онъ здѣсь у васъ!

КОКЕБЕРТЬ. Онъ ушелъ и я даже слышалъ, что, имѣя какихъ-то покровителей, онъ думаетъ увезти своихъ дочерей.

МАРКИЗА (*въ испугѣ*). Все будетъ потеряно!... и если онъ увезетъ ихъ, скроетъ отъ моихъ глазъ...

КОКЕБЕРТЬ. Онъ еще здѣсь... въ моемъ кабинетѣ.

МАРКИЗА (*съ живостью тихо Кокеберту*). Сбѣгайте поскорѣе къ г. Блансаку, моему племяннику, скажите ему, что весьма важное дѣло не позволяетъ мнѣ присутствовать при его бракѣ, чтобы меня не дожидались и ѣхали... Я прошу его извинить меня.

КОКЕБЕРТЬ (*кланяясь*). Слушаю, г-жа маркиза!

(*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНИЕ ЧИИ.

РОЗА И МАРКИЗА.

РОЗА (*въ дверь*). Да, да, Розетта!... Я посмотрю... А! Маркиза!

МАРКИЗА (*подходя къ ней, ласково*). Не бойтесь, дитя мое!... Я хочу только вашего счастья.

РОЗА (*грустно опуская голову*). Оно невозможно!... Слишкомъ-много препятствій къ моему счастью.

МАРКИЗА. Какія-же?

РОЗА (*стыдливо*). Во первыхъ состояніе...

МАРКИЗА (*съ радостью*). Только-то?... говорите со мной откровенно... какъ съ матерью. Ваше сердце только одного этого и желаетъ?

РОЗА (*потупивъ глаза*). Нѣтъ-съ, есть молодой человекъ, котораго я люблю.

МАРКИЗА (*съ грустью*). А!

РОЗА.... Который гораздо выше меня.

МАРКИЗА (*скоро*). Прекрасно, прекрасно!..

РОЗА. Сынъ вашего брильянтика, г. Кокебертъ!

МАРКИЗА (*въ-сторону, съ грустью*). Такая склонность!... (*Въ-слухъ*). Надѣетесь-ли вы, по-крайней-мѣрѣ, что совѣты разсудка и дружбы, выведутъ васъ изъ такого ужаснаго заблужденія... что вы оставите это чувство?

РОЗА (*съ живостью*). Нѣтъ, сударыня, лучше умереть, чѣмъ отъ него отказаться.

МАРКИЗА (*въ-сторону*). Какъ и мать ея! Я недовольно еще была наказана въ моей гордости. Но если-бы мнѣ пришлось даже умѣреть отъ стыда, я признаю дтя мое!.. (*Подаетъ Розѣ письмо*). Это письмо было писано моею дочерью къ ея мужу, который былъ военный!... Генералъ... Прочтите.

РОЗА (*читая съ волненіемъ*). «Брюссель, июнь, 1815.... Другъ мой! Ты желалъ сына, который-бы, какъ и ты, былъ со-временемъ воиномъ. Императоръ и Франція, говорилъ ты, нуждаются въ защитникахъ, но желаніе твое не исполнилось: у насъ родилась дочь!» (*Роза останавливается и смотритъ на маркизу*).

РОЗА (*продолжая*). «Но возвращеніе съ Эльбы и ваши знаки соединенія, о которыхъ ты такъ часто говорилъ мнѣ, вѣроятно, сдѣлали на меня слишкомъ-сильное впечатлѣніе, и у нашей дѣвочки — предупреждаю тебя — у самого сердца знакъ фіялки...» (*Остановясь*). Ахъ!... (*Перечитываетъ письмо съ сильнымъ волненіемъ про себя*).

МАРКИЗА (*Наблюдая за ней*). Это волненіе!.. Стало быть, правда, вы знаете?

РОЗА (*все еще читая*). Да!

МАРКИЗА. Это она!

РОЗА. Она!.. Розетта! Сестра моя! (*указывая на-львую дверь*). Сестра!

МАРКИЗА (*бросаясь туда*). Ея сестра!

ЯВЛЕНІЕ IX.

РОЗА (*одна*). Что я сдѣлала?.. А батюшка воротится, чтобы взять насъ!.. батюшка! Онъ умретъ отъ горести и отчаяніи. (*Бьетъ 12 часовъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

РОЗЕТТА, за нею МАРКИЗА, РОЗА, АНАТОЛЬ.

РОЗЕТТА (*выходя скоро*). 12-ть часовъ!... 12-ть!... (*Съ отчаяніемъ*). Онъ женатъ!... (*Бросаясь на грудь сестры*). Все для меня кончено!

МАРКИЗА (*подходя къ ней*). Что это значить?

РОЗЕТТА. Что Розетта странна была-бы въ вашихъ гостинныхъ... она-бы стыдила ваше общество, вашихъ родныхъ...

МАРКИЗА. Они и твои также.

РОЗЕТТА. Еще большая причина — не дѣлать имъ собою стыда.... Знаю, что я обязана къ нимъ всѣмъ моимъ уваженіемъ, всею благодарностію вамъ, маркиза, но при всемъ этомъ —

ДѢ 4.

Должна сказать вамъ про-себя:

Въ душѣ я дочь мастерового,

И это званье для меня —

Дороже всякаго другаго.

Оставить сестру!... батюшку!...

Мнѣ съ ними жизнь была мила,

И сердце ихъ не позабудетъ!

Семья, гдѣ я сестру нашла,

Отца, и юность провела.

Всегда моей семьей и будетъ!

РОЗА. Хорошо, хорошо! Ты останешься съ нами.

МАРКИЗА. Она отказывается!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЪ-ЖЕ, КОКЕБЕРТЬ (*входитъ въ среднюю дверь*).

КОКЕБЕРТЬ. Маркиза! Какой ужасъ! Какое происшествіе!... Вашъ племянникъ, г. Октавъ....

РОЗЕТТА. Октавъ!

МАРКИЗА. Что-же его свадьба?

КОКЕБЕРТЬ. Онъ больше объ ней и не думаетъ, и слышать не хочетъ....

РОЗЕТТА (*съ живостію, маркизѣ*). Я согласна, согласна!

РОЗА. Что говоришь ты?

МАРКИЗА. Возможно-ли? (*Кокеберту*). Прикажете подавать мнѣ карету.

КОКЕБЕРТЬ. Сю-минуту, г-жа маркиза. (*Уходитъ*).

МАРКИЗА (*Розеттѣ*). Поѣдемъ!

РОЗЕТТА. Съ условіемъ.

АНАТОЛЬ (*смотря въ окно*). Вотъ и г. Галюше!

МАРКИЗА (*спѣша увести Розетту*). Поѣдемъ, поѣдемъ!

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

АНАТОЛЬ И РОЗА.

РОЗА. Батюшка, бѣдный батюшка! Какъ сказать ему, какъ объявить, что у него уже нѣтъ одной дочери?... Тише... это онъ.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТѢ ЖЕ, ГАЛЮШЕ (входитъ напивая).

Трала, ла, ла, трала ла, ла!... Чудный, молодой человекъ! благородный вельможа! вотъ вельможа, какихъ я люблю!... а я люблю вельможу, который не вельможа!... Не бойтесь, дѣти! Да что это вы такъ оба нахмурились? Вы видите, что я веселъ, что я доволенъ! Розетта говорила правду: при одномъ ея имени всѣ двери настежь, — ступай, куда хочешь, и я пошелъ, пошелъ въ будуаръ... будуаръ весь въ шолкъ и золотъ и въ немъ г герцогъ въ славномъ свадебномъ нарядѣ. — Вы отъ Розетты? Такъ точно, г. герцогъ! Я отецъ ея!... Онъ подалъ мнѣ руку! подалъ самъ! Я тотчасъ же ему письмо отъ Розетты и объяснилъ причину. О! вскричалъ онъ, мнѣ не защищать васъ? Положитесь на меня, я болѣе не разстанусь съ вами. Я ѣду съ вами! — А ваша свадьба, сказалъ я ему, это невозможно! — Правда твоя, сказалъ онъ, подожди меня... Онъ ушелъ, и чрезъ нѣсколько минутъ возвращается такой веселый — Конечно! сказалъ онъ: я не женюсь! я свободенъ — ѣденте! Отправимся за мамзель Розеттой и ея сестрицей, — и мы здѣсь, все готово: карета г. герцога внизу и самъ онъ также, онъ васъ ожидаетъ.

РОЗА. Онъ!

АНАТОЛЬ. Онъ самъ?

ГАЛЮШЕ. Самъ, самъ, говорятъ вамъ. Такъ поскорѣе, поскорѣе!... Большой баринъ, какъ онъ ни добръ, дожидаться не можетъ. Скажи сестрѣ скорѣе!... (Анатолю) Теперь я знать не хочу г-жи маркизы... Онъ мой, мой! Увожу все! ѣду со всѣмъ моимъ счастьемъ! (Обратясь къ Розѣ) Что же ты?... Гдѣ же Розетта? Ты не сказала еще ей?

РОЗА. Сказала... но, батюшка...

ГАЛЮШЕ. Да что, что такое, что съ вами сдѣлалось?... Что?... Такъ я самъ пойду за нею. (Хочетъ идти въ дверь на-льво).

РОЗА (*останавливая его*). Батюшка! не входите!
ГАЛЮШЕ. Почему? Я хочу видѣть Розетту, хочу видѣть дочь мою!

РОЗА. Батюшка!

ГАЛЮШЕ. Что, Роза?

РОЗА. У васъ одна только дочь!

ГАЛЮШЕ. А другая? Другая гдѣ?

АНАТОЛЬ. Принадлежитъ маркизѣ!

ГАЛЮШЕ. Кто это сказалъ?... Кто?..

РОЗА. Я!... (*Подаетъ письмо*) Читайте!

ГАЛЮШЕ (*пробѣгая письмо*). Розетта! Розетта!... Счастье мое!... любовь моя! Розетта, единственная радость моя... (*Розѣ*) Нѣтъ, нѣтъ! Прости меня, дитя мое! Это неправда!... Но та, которую теряешь... (*Рыдая*) Розетта!... бѣдняжка!... Она заставляла меня забывать мои горести... утѣшала меня... веселила... а теперь заставила плакать. Они изъ нея сдѣлали тамъ важную даму, отняли у меня, увезли! — (*Падаетъ въ кресло*). Я хочу видѣть ее! Отдайте мнѣ дочь мою!... Гдѣ она?...

(*Двери отворяются, показывается Розетта въ блестящемъ нарядѣ. Маркиза сплунуетъ за нею.*)

РОЗЕТТА (*подходитъ къ Галюше, и становится предъ нимъ на колыни*). Здѣсь!... Передъ вами!

ГАЛЮШЕ (*вскрикиваетъ и поднимаетъ ее*). Ахъ!... (*Всматриваясь въ нее*). Въ этомъ великолѣпномъ нарядѣ... кружевахъ и бриллиантахъ... вы-ли?... Ты-ли, Розетта?

РОЗЕТТА. Всегда!... Г-жа Маркиза приняла мои условія, и вотъ онѣ....

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТЪ-ЖЕ, КОКЕБЕРТЬ И СЛУГА.

КОКЕБЕРТЬ. Ваша карета, маркиза, здѣсь.... также и герцога Блансака...

АНАТОЛЬ. Который хотѣлъ увезти мамзель Розетту.

РОЗЕТТА (*слугѣ*). Проси его подождать... Тебѣ, моя Роза, чтобы выдти за того, кого любишь, мнѣ позволено подарить 200,000 франковъ.

РОЗА И АНАТОЛЬ. Возможно-ли? (*къ Кокерберту*). Позволите-ли вы?

КОКЕБЕРТЬ. Развѣ я когданибудь былъ противъ этого? У нея

200,000, у тебя также — тутъ есть равенство, а равенство — моя страсть.

ГАЛЮШЕ (смотря на Розу, которая возлп Анатоля, и на Розетту, которая возлп маркизы). Такъ онѣ убѣдутъ объ... объ повѣдаютъ меня... А я...

(Роза и Розетта подходятъ къ нему и берутъ его за руки).

РОЗЕТТА. Мы не разлучимся!

РОЗА. Вы будете жить съ нами!

РОЗЕТТА. А я буду навѣщать васъ каждый день.

ГАЛЮШЕ. Каждый день... одинъ разъ?

РОЗЕТТА. И вы также.

ГАЛЮШЕ. Это выйдетъ два!... все равно — это все не то!...

РОЗА И РОЗЕТТА (лаская его). Батюшка!...

ГАЛЮШЕ (утирая слезу). Я эгоистъ! но успокойтесь... я привыкну къ вашему счастью, и кончу тѣмъ, что прошу вамъ его... КОКЕБЕРТЪ (которому вошедшій слуга сказалъ что-то на ухо). Г. герцогъ дожидается!

РОЗЕТТА. Бѣдный Октавъ! (Посмотрѣвая на себя). Къ счастью, онъ отъ того ничего не теряетъ, что подождетъ.

МАРКИЗА (слугѣ) Мы идемъ — (Розеттѣ) Пойдемъ, дочь моя!

РОЗЕТТА (Галюше). До скорого свиданія, батюшка!

ГАЛЮШЕ (держитъ за руку Розу и кланяется Розеттѣ). Прощайте, г-жа герцогиня! (Въ сторону, вздыхая, пока она удаляется). Кажется, рѣшительно, я любилъ ее болѣе... (Взглянувъ на Розу) Нѣтъ, нѣтъ... обѣихъ... одинаково! —

(Роза на-левой сторонѣ подаетъ руку Анатолю, другую отцу, Коккебертъ на-правой сторонѣ, Розетта и маркиза въ глубинѣ, готовая выйти — занавѣсъ опускается).

ФИЛОСОФІЯ И ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ

ВО-ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ГЕРМАНИИ,

Виктора Кажинскаго.

(Окончаніе) *).

Прага 12/24 іюня, 1844.

Липинскій заохотилъ меня побывать въ Прагѣ. Онъ снабдилъ меня письмами къ знаменитому Томашку, къ директору Консерваторіи Киттлю, къ извѣстному композитору Фейту, къ бібліотекарю Чешскаго Музея Ганкль, къ Шафаріку, и къ нѣкоторымъ другимъ пражскимъ знаменитостямъ.

Прага большой городъ, въ которомъ слишкомъ 130,000 жителей, старій, и довольно-грязный; улицы кривыя, строенія однакоже вколѣпны и рѣдкой красоты. Церкви богаты, и заслуживаютъ особеннаго вниманія; всѣхъ болѣе поразили меня красотой соборъ Св. Фейта, (Schlosskirche), и церковь Св. Николая. Исключая собора Св. Стефана въ Вѣнѣ и католической церкви въ Дрезденѣ, я нигдѣ въ Германіи не видалъ церквей лучше здѣшнихъ. Зналъ сму-

* См. Репертуаръ и Паптеонъ, 1846 г., кн. 1, стр. 97.

тнюю, кровавую исторію Чеховъ, нельзя смотреть безъ грусти на эти старинныя здашія, нѣмые свидѣтели столькихъ войнъ, столькихъ религіозныхъ раздоровъ, столькихъ смуть, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій каждый день разливавшихъ кровь чешскую по улицамъ Праги!

Пріѣхавъ въ Прагу, я тотчасъ отправился къ Ганкъ. Онъ принялъ меня очень ласково, повелъ по всему Музею, и показалъ мнѣ библіотеку. Библіотека очень хорошо содержится, и заключаетъ самыя древніе памятники исторіи и литературы славянскихъ племенъ. Музеумъ также отличается собраніемъ рѣдкихъ историческихъ памятниковъ. Я видѣлъ военные доспѣхи Гусситовъ, также шлемъ и латы, которые Янъ Зиска (*) обык-

(*) Янъ Зиска, известный предводитель Гусситовъ въ XV вѣкѣ. Настоящее его имя никому неизвѣстно, а прозвище «Зиска», на чешскомъ языкѣ, значить кривой, одноглазый; онъ лишился одного глаза въ молодости, въ стычкѣ съ Нѣмцами. Зиска былъ ужасомъ враговъ; Нѣмцы бѣжали при одномъ его видѣ. Въ послѣдствіи, когда, при осадѣ Раабской крѣпости, онъ лишился и другаго глаза, онъ сталъ еще страшнѣе. Видъ его внушалъ страхъ и трепетъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что гдѣ былъ онъ, тамъ побѣда была несомнѣнна. Онъ умеръ на границѣ Чешской земли и Моравіи. 11 октября 1424 г., отъ заразы, распространившейся въ его войскѣ. Эней Сильвій (Папа Пій II) говоритъ, что, умирая, велѣлъ онъ себя по смерти выкинуть въ поле, говоря, что лучше быть пожраннымъ птицами небесными, чѣмъ земляными червями. Лѣтописецъ однако-же показываетъ, что онъ приказалъ содрать съ себя кожу, и натянуть ея барабанъ, увѣряя, что Нѣмцы будутъ бѣгать отъ одного звука его. Это обстоятельство, такъ согласное съ духомъ времени, еще болѣе показалось мнѣ достовернымъ, когда я вспомнилъ, что Фридрихъ Великій въ одномъ письмѣ своемъ къ Вольтеру, говорилъ, что онъ взялъ это сокровище въ Прагѣ, и перенесъ въ берлинскую королевскую кунсткамеру. Въ послѣдствіи, въ бытность свою въ Берлинѣ, я посетилъ кунсткамеру, и освѣдомлялся объ этомъ барабанѣ; смотрители отвѣчали, что онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, есть, но такъ ветхъ и изодранъ, что его недавно вынесли и поставили въ какую-то особенную кладовую, со всякимъ старьемъ! Я очень сожалѣлъ, что не могъ видѣть этого необычнаго памятника. — Кромѣ желѣзной палицы, ничего не осталось послѣ Зиски. Эта палица, какъ разсказывалъ мнѣ Ганкъ, долго была привязана къ гробницѣ Зиски, въ Чаславской соборной церкви. Императоръ Фердинандъ I увидалъ эту огромную палицу, и не зная, на чьей гробницѣ виситъ она, приказалъ прочесть надгробную надпись; но только-что услыжавъ страшное имя Зиски, онъ сказалъ: «Будеть, будетъ! этоъ гадъ, хоть онъ и давно умеръ».

новенио надѣвалъ въ сраженіяхъ. Ганка далъ мнѣ снимокъ съ писемъ Іоганна Гусса и Зиска; письмо перваго писано прекрасною латынью къ членамъ пражскаго университета, котораго онъ былъ ректоромъ; письмо другаго — приказъ къ войску, писанный по-чешски, и такъ нечетко, что только изъ сравненія съ другими его рукописями можно догадаться, что это за буквы.

Послѣ обѣда пошли мы къ Томашку. Этотъ знаменитый теоретикъ и профессоръ музыки, извѣстный всей музыкальной Европѣ, человекъ простой, открытый, веселый; говорить все, что ему придется въ голову. Когда я сказала ему, что прѣхалъ въ Прагу за тѣмъ только, чтобы познакомиться съ нимъ, онъ мнѣ просто-душно отвѣчалъ: «Мнѣ это очень-пріятно, но согласитесь, что вы долго заставили меня ждать». Отвѣтъ полный ума и тонкой шутки: Томашку уже семьдесятъ-пятый годъ; но посмотрѣть на его прекрасное, румяное лицо, никакъ не подумаешь, чтобы онъ былъ такъ старъ. Я очень-пріятно провела у него вечеръ. Говорить онъ только по-чешски и по-нѣмецки. Разговоръ его занимателенъ и поучителенъ. Девизомъ его всегда было: «Wahrheit allein ist der Diadem der Kunst»; эти слова онъ подписалъ и на портретѣ, который подарилъ мнѣ на память. Онъ непримиримый врагъ новой итальянской музыки; не можетъ слышать безъ смѣху о Беллини, Доницетти, Пачини, и т. п. Онъ говорилъ мнѣ, что такъ ненавидитъ Доницетти, что если ему трудно будетъ умирать, пусть кто-нибудь ему на-ухо выговоритъ это имя, — онъ тотчасъ испуститъ духъ. Онъ показывалъ мнѣ свои церковныя сочиненія,

а все-таки внушаетъ отвращеніе». Тотчасъ велѣлъ запрягать и къ ночи выѣхалъ изъ города, хотя и располагалъ пробыть въ немъ до утра; ночевалъ онъ за мило даже. Была еще тамъ палица въ 1619 году, когда Императоръ Фердинандъ II побѣдилъ Фридриха V, Курфюрста Пфальцскаго, избравшаго Чехами въ король. Имперцы взяли съ собою палицу и стерли надгробную надпись. Куда ее дѣвали, неизвѣстно. — Посмерти Зиска, одинъ писатель причислилъ его къ святымъ, между-тѣмъ, какъ другіе старались передать имя его потомству въ самыхъ черныхъ краскахъ. Я видѣлъ здѣсь письма Энея Сильвія: въ одномъ изъ нихъ онъ называетъ его: *Diabolus incarnatus, monstrum detestabile, crudele, horrendum, importunum*, и проч. — Зиска былъ небольшого роста, довольно-толстъ. Голова у него была непомѣрновелика; брилъ онъ ее, носилъ огромные усы, и одѣвался въ польскій кунтушъ; такимъ, по-крайней-мѣрѣ, видали я его на вѣсколькихъ портретахъ, весьма-старательно сохранныхъ съ того времени.

изъ коихъ особенно понравился мнѣ послѣдній его *Реквиемъ*. Глубокое знаніе гармоніи соединяется въ немъ съ высокими мыслями, полными истиннаго поэтическаго вдохновенія; Томашекъ превосходно понимаетъ назначеніе музыки, но онъ хочетъ, какъ Лонгинъ, чтобы полетъ даже самой высокой мысли въ музыкѣ, какъ и въ поэзи, былъ управляемъ разумомъ, здравою логикою и строгою наукою. «Не надо», говоритъ онъ, «чтобы читатель видѣлъ науку въ твоёмъ твореніи, но наука и здравый смыслъ должны всегда быть у тебя на-сторожѣ, когда пишешь!»

Я долго разговаривалъ съ нимъ о способахъ развивать свои мысли и переносить ихъ на бумагу. «Не подражайте тѣмъ, кто пишетъ много и скоро; пусть лучше зародившаяся въ головѣ мысль разовьется, дозрѣетъ, окрѣпнетъ; когда будетъ пора вылить ее на бумагу, она сама-собою освободится отъ своихъ оковъ и предстанетъ во всей своей красѣ и въ полномъ вооруженіи, какъ Минерва, выходящая изъ головы Юпитера. Каждое сочиненіе должно соответствовать своему назначенію, удовлетворять всѣмъ требуемымъ условіямъ. А кстати я скажу вамъ въ короткихъ словахъ, что я разумѣю подъ словами «хорошая композиція».

«Въ музыкѣ, какъ и въ живописи, композитору, въ какомъ-бы онъ родѣ ни писалъ, представляются четыре дѣла: мысль, рисунокъ, колоритъ и отдѣлка. Только удовлетворяя этимъ четыремъ условіямъ, музыкальное сочиненіе можетъ быть исполнѣ хорошо. Точно также, чтобы хорошо понять и оцѣнить такое сочиненіе, слушатель долженъ обратить вниманіе на тѣло и на одежду, на духовную его сторону и на удовлетвореніе условіямъ гармоніи и контрапункта.

Условія первой стороны слѣдующія:

1) *Иланъ и соразмѣрность*. Само-собою разумѣется, что мысли должны имѣть между собою связь, и каждая изъ нихъ должна быть надлежащимъ образомъ развита. Для того необходима музыкальная логика. Никто не былъ одаренъ ею въ такой степени, какъ Моцартъ; послушать его квартеты, кажется, читаешь квигу на родномъ языкѣ. Съ какою чистотою плутъ его мысли, съ какою легкостью онѣ между собою связываются! Непостижима организація этого дивнаго челоуѣка! Довольно вспомнить прекрасное *trio* гениевъ во второмъ дѣйствіи «*Волшебной-флейты*» (*Seyd uns zum zweiten Mal willkommen*), или *аріо* Церлины (*Batti, batti, o bel Masetto*) въ «*Донъ Жуанѣ*», чтобы составить себѣ понятіе о легкости, о простотѣ, объ истинно-дѣтской наивности, въ которую онъ перѣдко облачалъ самыя высокія мысли! Мы-

сли его такъ хорошо слетаются одна съ другою, представляютъ такое стройное цѣлое, что всякаго приведуть въ изумленіе, а композиторовъ иногда въ отчаяніе. Въ его произведеніяхъ надо учиться музыкальной логикѣ, столь необходимой въ каждомъ хорошемъ музыкальномъ сочиненіи. Безъ нея никакое сочиненіе не можетъ быть хорошо; ибо, какъ собраніе матеріаловъ, сложенныхъ для постройки зданія, не составляетъ еще самого зданія, такъ точно и мысли, неустроенныя въ надлежащій симметрическій порядокъ, не составляютъ еще музыкальнаго сочиненія. Надо разобрать этотъ хаосъ, и связавши мысли свои цѣпью логики, принаровить ихъ къ основной мысли, къ общей цѣли, которую предполагалъ композиторъ, приступая къ дѣлу.

2) Другое, не менѣе важное условіе, есть *сообразность мыслей съ характеромъ, какой композиторъ думалъ дать своему творенію*, потому, что каждое сочиненіе должно что-нибудь выражать, должно имѣть свой опредѣленный характеръ. Композиторъ воленъ выбрать любое изъ тысячи чувствъ и движеній человеческого сердца; но разъ выбравши одно, онъ обязанъ выдержать его до конца, все части своего зданія приводить къ нему одному.

«Вотъ два условія мысли, духовной стороны произведенія. Другая сторона предполагаетъ также два условія:

1) *Чистоту и правильность языка*. Безъ языка нѣтъ автора. Грамматика композитора — наука гармоніи и контрапункта. Къ тому надо еще присоединить, что отъ композитора, какъ и отъ поэта, каждый имѣетъ право строго требовать ясной и связной передачи мысли.

2) *Знаніе инструментровки и оркестровыхъ эффектовъ*. Оно даетъ мыслямъ болѣе блеску и яркости; оно составляетъ музыкальный колоритъ. Лучшіе руководители въ этомъ дѣлѣ хорошіе образцы и долгое изученіе. Иногда композиторъ не зная, кажется, такъ хорошо оркестровыхъ эффектовъ, какъ Бетговеиъ, въ чемъ свидѣтельствуютъ его симфоніи. (*)

(*) Хорошая инструментровка есть одно изъ главныхъ качествъ драматическаго композитора. Немногіе обладали этою тайною, кромѣ Бетховена, Глюка, Моцарта и Россини. — Вейгль, въ своей *Швейцарской семьѣ*, показалъ, какую красоту можетъ придать мыслямъ искусное употребленіе духовыхъ инструментовъ. Веберъ, въ *Фрейшютцѣ*, въ *Оберонѣ* и въ *Преціозѣ*, довелъ духовые инструменты, особенно валторну, до очаровательной, небесной мелодіи. — Въ итальянскихъ операхъ инструментальная часть совсѣмъ за-

Вотъ главнѣйшія условія хорошаго музыкальнаго произведенія, и для вѣрной оцѣнки произведенія даровитаго художника непременно должно обратить вниманіе на всѣ эти условія.

Видѣлъ я сегодня Фрейшюца. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть театръ, на которомъ, тому назадъ пятьдесятъ лѣтъ, Моцартъ въ первый разъ давалъ Донъ-Жуана. Театръ очень-малъ, гораздо меньше петербургскаго Михайловскаго; но что еще прискорбиѣе, темень и очень-неудобенъ. Снаружи онъ очень-запущенъ, внутри отдѣланъ небогато, но со вкусомъ, и содержится по крайней-мѣрѣ очень-чисто.

Оркестръ порядоченъ; нѣкоторые соллисты очень-хороши; но жаль, что мало согласія въ игрѣ. Недовольно точности, и еще менѣе огня и энергіи. Форте, тѣмъ-болѣе *фортиссимо*, слабы и не производятъ никакого эффекта. Я замѣчалъ этотъ недостатокъ во все продолженіе представленія, не знаю, отъ недостаточнаго ли количества струнныхъ инструментовъ, или отъ неумѣнія дирижера. То-ли дѣло дрезденскій оркестръ: одинъ Анпиевскій постоитъ за десятерыхъ скрипачей! Но если я не совѣмъ былъ доволенъ оркестромъ, то еще менѣе пѣвцами. Есть, правда, нѣсколько хорошихъ артистовъ, на-примѣръ, г-жа *Подгорская*, талантливая актриса и отличная пѣвица, *Стракати*, прекрасный басъ, основательно знающій музыку, *Кутицъ*, баритонъ, отличающійся рѣдкою красотою и силою голоса, г-жа *Кеккертъ* и г-жа *Гроссеръ*, двѣ премилыя пѣвицы; — но никакой точности, никакого согла-

быта. — Согласенъ, оркестръ не долженъ заглушать пѣвца, покрывать его голоса; онъ въ оперѣ долженъ занимать только второстепенную роль, — но не одно и тоже — дать ему второе мѣсто или вовсе не давать никакого значенія. Беллини, Доницетти и другіе, видя въ Парижѣ огромные оркестры, вздумали ими пользоваться, но не служили; пошелъ у нихъ шумъ, трескъ, и никакого эффекта. Писать на большой оркестръ, такъ уже писать какъ пишутъ Спонтини или Мейербергъ. Беллини и Доницетти вводили нерѣдко въ своихъ операхъ второй оркестръ, полковой, на сценѣ который итальянцы называютъ *banda*; онъ можетъ произвести прекрасный эффектъ, но надо уметь имъ пользоваться. Они не умѣютъ производить великихъ эффектовъ искуснымъ употребленіемъ инструментовъ, а пишутъ ихъ огромности оркестра.

сія, никакихъ отбѣнокъ въ *morceaux d'ensemble*. — Г. Эммигерь, играющій Макса, пѣлъ-бы недурно, но кто его просилъ вставлять свои прибавки и прикрасы, нѣрѣдко самыя несообразныя? — Что за несчастная страсть у актеровъ передѣлывать и поправлять творенія первыхъ маэстро? Или они думаютъ, что понимаютъ ихъ лучше самихъ авторовъ? — Не могу я также простить пустыщнику, что онъ, выходя на сцену, въ финалѣ третьяго дѣйствія, выпустилъ все *adagio*, (*Wer legt auf ihn so strengen Bann?*) изъ котораго только будто изъ милости пропѣлъ четыре послѣднія такты, и перешелъ тотчасъ къ *allegretto* (*H-moll, Doch sonst stets rein und bieder*).... Это адажіо, можетъ-быть, лучшее мѣсто въ послѣднемъ финалѣ. Веберъ излилъ въ немъ необыкновенную святость и величіе; контрбасы, выдѣлывающіе въ среднѣхъ этого *анданте* двѣ превосходныя такты *solo*, производятъ дивный эффектъ! Желалъ-бы знать, зачѣмъ это мѣсто выпущено? Нельзя жаловаться на его длину; всего двадцать съ тѣмъ-то тактъ; что же могло быть причиною этого безмысленнаго уродованія? Просто, неуваженіе и непостиженіе твореній великихъ композиторовъ; капельмейстеръ не понялъ красоты этого мѣста! Боже мой, и это въ томъ-же зданіи, за тѣмъ-же пульпетомъ, за которымъ когда-то стояли Моцартъ, Веберъ и Спонтини!

Обетановка, костюмы и машины не слишкомъ удовлетворительны. Видно, что дирекція не ломаетъ надъ ними головы. Волшебныя превращенія и перемѣны не разъ возбуждали общій смѣхъ въ публикѣ.

Хоры очень-хороши. Я вездѣ за границею нахожу хорошихъ хористовъ; здѣшніе, если не превосходятъ берлинскихъ и дрезденскихъ, то и не уступаютъ имъ; это одно, чѣмъ я остался вполне доволенъ въ здѣшней оперѣ.

Въ Прагѣ находится одна изъ давнѣйшихъ и лучшихъ консерваторій въ Германіи. Директоръ ея, Г. Ф. Кеттль, не зналъ, какъ меня принять, — вѣроятно, въ слѣдствіе писемъ Липинскаго; — онъ былъ ласковъ и услужливъ, какъ нельзя болѣе. Онъ человекъ молодой и хорошо-образованный. Вѣжливостямъ его не было конца; онъ водилъ меня по всѣмъ заламъ, просилъ меня экзаменовать учениковъ изъ теоріи, потомъ заставлялъ ихъ играть на разныхъ инструментахъ. Надо сознаться, что я видѣлъ ме-

жду ними молодых людей съ удивительными способностями. Для меня сыграли увертюру Мендельсона (H-moll) и его же увертюру изъ *Фингаловой пещеры*, съ такимъ огнемъ и точностью, что нельзя и желать ничего лучшаго. Мнѣ чрезвычайно-пріятно было видѣть въ оркестрѣ дѣтей 8-ми, 10-ти и 12-ти лѣтъ. Они играли эти трудныя сочиненія съ силою и энергіею, непостижимыми въ ихъ возрастѣ.— Въ заключеніе, Киттель велѣлъ имъ сыграть собственную прекрасную симфонію, подарилъ мнѣ на память партитуру, и звалъ меня завтра къ себѣ на балъ, чтобы представить мнѣ замѣчательнѣйшихъ изъ здѣшнихъ артистовъ.

Сегодня посѣтить я съ Ганкою университетскую бібліотеку. Въ отдѣленіи музыкальныхъ сочиненій нашелъ я партитуру «Донъ-Жуана», написанную собственною рукою Моцарта. Видно, что онъ писалъ ее скоро, однимъ духомъ создалъ это дивное произведение; въ ней очень-мало поправокъ и помарокъ. Партитура увертюры написана на нѣсколькихъ небольшихъ листкахъ, очень-неразборчиво. Разсказываютъ, будто онъ написалъ ее въ день представленія, за нѣсколько часовъ до спектакля. Не знаю, правда-ли это; но по партитурѣ видно, что онъ очень спѣшилъ.

Нашелъ я тамъ также оперу, написанную въ Прагѣ Чехомъ *Козеллохомъ*. Ганка сказывалъ мнѣ, что этотъ композиторъ умеръ въ Прагѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія. Опера его называется: *Il Demofonto*. Я ее пробѣгалъ, и нашелъ мѣста, выраженные, правда, въ старинномъ стилѣ, но часто достойныя Глюка и Сальери. Чехи очень уважаютъ его.

Прага ^{23 июня}_{4 июля} 1844.

Сегодня играли превосходное *оттешто* Мендельсона-Бартольди. — Что за богатство гармоніи! — сколько прекрасныхъ мыслей, сколько вдохновенія и истинно-высокой поэзіи!... — Въ каждомъ письмѣ ты спрашиваешь о Мендельсонѣ, хочешь знать мое мнѣніе о славномъ композиторѣ... Что мнѣ сказать о немъ?... Обыкновенно, великіе люди изъ Нѣмцовъ, при великихъ

мысляхъ, обладаютъ еще большимъ постоянствомъ и трудолюбіемъ; по-этому произведенія ихъ всегда поражаютъ удивительною отдѣлкою, какъ цѣлаго, такъ и частей. Мендельсонъ, если смотрѣть на него съ этой точки, вѣттинный Нѣмецъ; онъ соединяетъ терпѣливое трудолюбіе съ прекрасными мыслями высокой и поэтической души. Онъ испыталъ силы свои почти во всѣхъ родахъ, начиная съ его чудныхъ *Lieder ohne Worte*, для фортепіано, и до симфоній и поэтической увертюры, т. е. отдѣленной отъ драмы, но заключающей въ себѣ самой цѣлую драму.

Ораторія «Paulus» ходитъ въ настоящее время по всей Европѣ, и слава Мендельсона растетъ со-дня-на-день, и растетъ справедливо; ибо этотъ великій композиторъ выказалъ себя съ совершенно-новой стороны, и не приступая даже къ драматической музыкѣ, приобрѣлъ уже славу на трудномъ и скользкомъ пути, по которому никто не умѣлъ идти, кромѣ Бетговена и Гайдна, на пути симфоній! — Нельзя приписать его славы и успѣховъ слѣпому счастью, или благоприятнымъ обстоятельствамъ, которыя такъ часто ставятъ *драматическаго* композитора выше настоящаго его достоинства. Съ инструментальнымъ композиторомъ, съ симфонистомъ, этого быть не можетъ; въ театрѣ всѣ подъ вліяніемъ иллюзій, успѣхъ композитора часто зависитъ отъ таланта поющихъ... здѣсь-же нѣтъ никакого повода къ увлеченію, ничто его не защищаетъ; тамъ рѣшаетъ масса, здѣсь нѣсколько строгихъ, основательныхъ знатоковъ... а они судятъ строго, очень строго! Никогда Нѣмецъ не позволитъ завладѣть престоломъ Бетговена и Гайдна! — Однако-же я не осмѣлюсь рѣшить, гений-ли Мендельсонъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, или нѣтъ? — Не выдавая никогда своего мнѣнія за непогрѣшимое, я скажу только, что изъ того, что я знаю изъ сочиненій Мендельсона, мнѣ кажется, онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые такъ часто встрѣчаются въ литературѣ, въ живописи и въ музыкѣ, и въ которыхъ второстепенныя достоинства, по видимому, превосходятъ главныя; которые, съ помощью труда, усилій, науки и, всего болѣе, живаго и быстрого ума, умѣютъ во многихъ глазахъ наслѣдовать гению. — Мнѣ кажется, что Мендельсонъ не принадлежитъ къ самостоятельнымъ, смѣлымъ лицамъ, каковы І. С. Бахъ, Глюкъ, или Бетховель, которыя среди всякаго рода препятствій открываютъ себѣ и искусству новый путь, и даютъ цѣлой эпохѣ печать особенноти, индивидуальности. Я вижу въ Мендельсонѣ необыкновенный умъ, наблюдательный и сильный, который умѣлъ съ удивительною быстротою и провидательностію соединить въ себѣ

все, что сделано съ давнихъ временъ, усвоить себѣ стихіи современнаго искусства, но который не можетъ имѣть сильнаго и рѣшительнаго вліянія, не можетъ дать новаго духа и направленія будущей эпохѣ. — Знаю, что не разъ величали гениями композиторовъ, далеко уступавшихъ Мендельсону; но мнѣ кажется, что не должно такъ расточать названіе гевія; я высоко цѣню дарованіе и заслуги Мендельсона, но подъ гевіемъ разумѣю только такихъ людей, которые основываютъ направленія, которые въ каждомъ вѣкѣ являются предводителями будущихъ поколѣній, творцами новыхъ мыслей.

Дрезденъ, 13²⁶ августа 1844.

Дождавшись новой, давно-обещанной оперы, пошелъ я въ театр. — Театръ здѣсь-небольшой, но отдѣлавъ съ рѣдкимъ вкусомъ. Статуи Шиллера, Гёте, Шекспира и Мольера занимаютъ нижніе ниши. Если смотрѣть на это зданіе съ архитектурной стороны, какъ на произведеніе искусства, то врядъ ли пайдется равное ему въ Европѣ. Театръ построенъ въ 1841 году, архитекторомъ и профессоромъ Семперомъ.

Давали оперу одного изъ здѣшнихъ капельмейстеровъ, Р. Вагнера, подъ названіемъ *Pienzi*.

Первый здѣшній теноръ, Тихачекъ, одаренъ прекраснымъ и сильнымъ голосомъ, въ которомъ много чувства и драматическаго выраженія; но съ перваго разу какъ-то видно, что онъ мало посвященъ въ тайны науки пѣнія. Когда пѣніе само по-себѣ сильно и выразительно, Тихачекъ передаетъ его хорошо; но когда надо оттънать, или изъ пѣсколькихъ, по-видимому, ничего незначащихъ нотъ, извлекать большой эффектъ, этого Тихачекъ вовсе не умѣетъ. Жаль, въ самомъ-дѣлѣ, что съ такимъ голосомъ онъ не умѣетъ пѣть. Никогда не слыхалъ я въ его пѣніи *piano*, а что еще досаднѣе, онъ не умѣетъ соразмѣрять своихъ силъ и почти всегда переводитъ духъ не у мѣста, такъ, что слушателю перѣдко трудно схватывать смыслъ фразы. Не-смотря на свои недостатки, Тихачекъ лучший теноръ, какого я слыхалъ въ Германіи. Онъ говоритъ мнѣ, что думаетъ будущею зимою посѣтить Петербургъ.

Главную роль въ этой оперѣ занимала г-жа Шрёдеръ-Девриентъ. Эта знаменитая артистка не менѣе отличная актриса, какъ и драматическая пѣвица. Голосъ ея прекрасенъ и звученъ, деклама-

ція благородна. Желалъ-бы я только, чтобъ она не такъ растягивала, когда поеть, что въ живыхъ и энергическихъ мѣстахъ значительно ослабляетъ эффектъ, а иногда даже вредитъ характеру сочиненія. Оркестръ часто долженъ за нею удерживаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ни характеръ музыки, ни самая форма аккомпаньемента того не терпятъ. Голосъ ея съ каждымъ днемъ утрачиваетъ силу и свѣжесть; нынче въ ней видны только прекрасные остатки давно-прошедшаго, но остатки, свидѣтельствующіе о томъ, что была когда-то эта артистка. Какъ хорошая актриса, г-жа Шрёдеръ часто умѣетъ справляться съ такими даже мѣстами, гдѣ голосъ ея не можетъ передать надлежащимъ образомъ музыкальной мысли композитора. Во многихъ операхъ, писанныхъ на высокое сопрано, приходится нѣкоторые нумера перекладывать для нея цѣлымъ тономъ, а иногда и нѣсколькими тонами ниже; легко себѣ вообразить, сколько должны отъ того терпѣть и тѣ аріи, и ихъ инструментовка. Необыкновенная дородность, неестественная игра и пристрастіе къ позамъ, подниманіе вверхъ обѣихъ рукъ и отставленіе лѣвой ноги въ сторону, равно какъ и частое повтореніе однихъ и тѣхъ-же движеній, не мало также отнимаютъ иллюзіи въ глазахъ зрителей. Игра ея, полная энергіи и благородства, въ слѣдствіе показанныхъ причинъ, становится нерѣдко неестественною, и почти всегда *манерной*.—Вижу, что Берліозъ былъ правъ, когда дѣлалъ ей тѣ-же упреки въ письмахъ своихъ о Германіи. Совсѣмъ тѣмъ, у нея бывають иногда минуты такіа великія, что, не-смотря на всѣ ея недостатки, зритель совсѣмъ забываетъ, что онъ въ театрѣ. — Есть еще до-сихъ-поръ нѣсколько ролей, въ которыхъ никакая артистка съ нею не сравняется, напр., роль Армиды, Ромео, Валентины (въ Гугенотахъ) и Фиделіо.

Обстановка хороша и богата. Декораціи превосходны: онѣ писаны Денлешеномъ, декораторѣмъ Большой Французской Оперы. Король заказалъ ему новыя декораціи къ Оберону, которыя будутъ стоить болѣе 10-ти тысячъ талеровъ.

Опера Вагнера имѣетъ много неоспоримыхъ достоинствъ; молодой композиторъ—человѣкъ съ огромнымъ талантомъ; мысли его прекрасны и возвышенны; остается только пожелать, чтобы онѣ были болѣе развиты, и выражены яснѣе и связнѣе. Къ заслугамъ композитора принадлежитъ и то, что онъ самъ составлялъ либретто своей оперы, которое полно прекрасныхъ сценъ и истинно-драматическаго эффекта. — Пятаго дѣйствія я не дослушалъ, потому-что, не-смотря на множество прекрасныхъ мотивовъ, не было мнѣ возможности выслушать до конца, за ужаснымъ

шумомъ трубъ и разнаго рода мѣдныхъ инструментовъ, введенныхъ на этотъ разъ въ оркестръ. Я воротился домой съ страшною головною болью, размышляя о жалкомъ и неистовомъ злоупотребленіи мѣдныхъ инструментовъ, которыми нынѣшніе композиторы пользуются безъ всякой мѣры и безъ всякаго состраданія къ нервамъ слушателей! Всѣ ищутъ *эффектовъ* въ шумѣ, и забываютъ, что эффекты должны лежать въ самыхъ мысляхъ, а инструменты оркестра не что-иное, какъ только средства для выраженія этихъ мыслей! Посмотрѣли-бы они, какіе эффекты умѣли производить Моцартъ, Керубини, Мегюль и Бетховенъ даже съ небольшими оркестрами! Одна труба, употребленная въ настоящемъ мѣстѣ, болѣе произведетъ эффекта, нежели шестьдесятъ трубачей, которые будутъ играть въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ часовъ! Не помню, кто, выходя изъ французской трагедіи, сказалъ: «J'ai entendu force parole, mais je n'ai rien vu, ni rien compris.» — Я могу сказать тоже самое о вчерашней оперѣ: Я видѣлъ множество нотъ, слышалъ рядъ какихъ-то удивительныхъ аккордовъ, слышалъ страшный шумъ и адскій трескъ инструментовъ, но память моя не вынесла оттуда ни одного мотива, ни одной музыкальной фразы». И что мнѣ въ такой музыкѣ, которой, при величайшемъ вниманіи, я все-таки не могу понять? Всего труднѣе для композиторовъ — ясно и связно передавать свои мысли!

Еще нѣсколько словъ о Мендельсонѣ. М. О. Л. ишетъ мнѣ, что, по возвращеніи изъ Англій, онъ провелъ съ ними нѣсколько дней въ Лаубахъ, на Рейнѣ. Вотъ что она говоритъ о немъ: Я не умѣю описать, выразить участіе, которое возбудило во мнѣ присутствіе Мендельсона, — этого великаго поэта инструментальной музыки, — этого необыкновеннаго композитора, который въ дивныхъ, гармоническихъ аккордахъ передалъ языкъ морской тиши (*), — который умѣлъ въ своемъ оттетто выразить всѣ отбѣики самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ страстей!... — Оттетто высокая картина еврейской поэзіи; въ чудномъ анданте, мнѣ кажется, будто я слышу плачь Іереміи на развалинахъ Ниневіи и Вавилона!... — Во всѣхъ своихъ творе-

(*) Въ увертюрѣ — Meeresstille und glückliche Fahrt.

віяхъ, отъ «Веселой пѣсни» (Frühlingslied) до симфоніи, въ которой онъ иногда доходитъ до величія безсмертнаго Гайдна, Мендельсонъ всегда прекрасенъ, всегда великъ, и всегда видѣвъ въ немъ особенный, ему одному принадлежащій колоритъ, что-то совершенно новое и оригинальное....

«По возвращеніи изъ Лондона, онъ навѣстилъ насъ въ Лаубахъ. — Постараюсь очертить его наружность. — Онъ человѣкъ лѣтъ 30 или 35, — ростомъ невеликъ, но хорошо сложенъ. Черные, блестящіе глаза, оживленные священнымъ огнемъ таланта, — ротъ такой, что кисть живописца не могла-бы сотворить лучшаго, орлиный носъ, напоминающій о его происхожденіи, — черные волосы, окружающіе шелковыми кудрями это прекрасное лицо, которое своими чистыми и правильными чертами должно непременно привлечь вниманіе художника... —

«Во всей его наружности проявляется какая-то непривужденность, какая-то очаровательная лѣнь, которая въ мысляхъ невольно вяжется съ душою впечатлительною и богатою впечатлѣніями. — Говоритъ онъ скоро, съ увлеченіемъ и жаромъ; кажется, будто мысли такъ скоро слѣдуютъ у него одна за другою, что надо ихъ ловить на лету... Какъ сильны должны быть его ощущенія! — и какъ ясно долженъ онъ сознавать свои ощущенія!...»

«Когда онъ заговоритъ о музыкѣ, видно, что онъ въ своей сферѣ; невольно покоряешься его могучему влиянію; слова его, подобно божественнымъ лучамъ солнца, просвѣщаютъ и отогреваютъ душу.

«Его легкая и необыкновенно-живая походка невольно напоминаетъ мнѣ мѣрную, плавную походку Мейербера, когда онъ, закинувъ голову назадъ, медленно ходитъ на цыпочкахъ, и обдумываетъ новую музыкальную мысль.

«За фортепіано, Мендельсонъ другой человѣкъ, съ которымъ вы знакомитесь по мѣрѣ того, какъ бѣглые пальцы его пробѣгаютъ по клавишамъ, извлекая изъ нихъ самые неожиданные звуки, самые мелодическіе аккорды, какіе можетъ только создать самое живое воображеніе въ минуту вдохновенія. — Какъ исполнителя, его можно поставить на ряду съ первыми европейскими фортепіанистами; но занимаясь преимущественно композиціею, онъ хранитъ концерты свои для себя и друзей, какъ сокровища своей домашней жизни, слишкомъ чистые, слишкомъ высокіе, чтобы отдать ихъ публикѣ!... —

Лининскій былъ сегодня у меня, и звалъ меня вечеромъ къ себѣ на квартетъ. Онъ говорилъ мнѣ, что написалъ фантазію изъ «Лючии» Донидетти, въ которой главнымъ мотивомъ избралъ прекрасный септуоръ 2-го дѣйствія. Этотъ септуоръ и послѣдняя сцена третьяго дѣйствія лучшія мѣста въ «Лючии», и сдѣлали-бы честь самымъ великимъ композиторамъ. «Вы не повѣрите», говорилъ онъ мнѣ: «какъ трудно писать для вышшихъ Италияцевъ; надо знать этотъ народъ... Ему чрезвычайно трудно угодить. Италияецъ ни о чемъ не размышляетъ, ни во что не вникаетъ; въ отношеніи къ мышленію онъ, просто, животное; онъ хочетъ только наслаждаться некуствами, и судитъ о достоинствѣ произведенія художника только по впечатлѣнію, которое оно произвело на него въ первую минуту. Сужденіемъ его руководствуетъ только болѣе или менѣе пріятное ощущеніе, которое ему причинила музыка. Что-же дѣлать бѣдному композитору, котораго многомѣсячный трудъ будетъ немилосердо осмистанъ въ первое представленіе, если не поправится пресыщеннымъ слушателямъ? Только богатый композиторъ, неуважающійся въ ихъ мнѣніи, и притомъ одаренный необыкновеннымъ гениемъ, можетъ подумать о возвращеніи ихъ на правый путь, и о борьбѣ съ общимъ направленіемъ! Мейерберъ, на-примѣръ, богатъ, миллионеръ, одинъ могъ это сдѣлать, въ 1818 и 19 годахъ, когда былъ со мною въ Италиі; но онъ скоро увидѣлъ, съ какимъ народомъ имѣетъ дѣло, пересталъ писать для него, и вскорѣ переѣхалъ въ Парижъ. Побѣжайте въ Италию, любезный К., и увидите, что совсѣмъ другое дѣло — разсуждать объ этомъ въ Германіи, или быть на мѣстѣ; можетъ-быть, вамъ случится тамъ побывать, тогда вы убѣдитесь сами, какое вліяніе имѣетъ на чувства и понятія народа самый климатъ: вы, можетъ-быть, и сами станете иначе думать; итальяское небо скоро и васъ сдѣлаетъ лѣнливымъ, тяжелымъ, и вы будете думать объ одномъ наслажденіи, о *dolce far niente*».

Вечеромъ я отправился къ Лининскому на квартетъ. Надо слышать, съ какою силою и какимъ выраженіемъ онъ играетъ 11-й квартетъ Бетговена (F.-moll, op. 95); какъ хорошо идетъ у него квартетъ Бетговена *Cis-moll* (op. 131)! — Между тѣмъ и другимъ квартетомъ онъ игралъ со мною сонаты Баха (на фортепіано со скрипкою) и знаменитую *Чортову сонату* (La sonate du diable) Тартини. Лининскій безцвѣтенъ въ исполненіи старыхъ музыкальныхъ сочиненій, Баха, Корелли, Тартини и Бетговена: врядъ-ли кто съ нимъ въ этомъ поспоритъ! Кто умѣетъ лучше

его вникать въ мысли, которыя онъ передаетъ, въ духъ разныхъ школъ, въ характеръ каждаго сочиненія?....

Недавно поставили здѣсь трагедію Софокла, *Антигону*. Любопытно было посмотрѣть на древнюю трагедію, въ ея первобытномъ видѣ, безъ оркестра, безъ декораций, безъ раздѣленія на акты. Сцена была значительно возвышена, мѣсто, обыкновенно занимаемое оркестромъ, занято хоромъ старцевъ и греческаго народа, который во-время отблговъ, называемыхъ у насъ айтрактами, поетъ гимны, относящіяся къ играющей трагедіи.—Хоръ народа играетъ важную роль въ древнихъ трагедіяхъ; онъ разбираетъ дѣла и слова выходящихъ на сцену героевъ, и объясняетъ публикѣ, что было, или что будетъ въ слѣдующемъ явленіи. Декламацию актера, въ особенности длинныя монологи, поддерживаютъ по большей части духовыя инструменты, нѣсколько флейтъ, гобоевъ и кларнетовъ, иногда однѣ арфы. — Декорации представляютъ древнюю сцену, въ глубинѣ дворецъ оивскаго царя, на-право и на-лѣво два входа, одинъ изъ города, другой изъ окружающихъ полей. — Переднюю часть сцены, нѣсколькими ступенями ниже, занимаютъ хоры; тутъ же стоитъ алтарь Бахуса, въ честь коему обыкновенно давались эти представленія. — Обѣ сцены соединяются двумя лѣстницами. Въ декорацияхъ, какъ и въ костюмовкѣ, старались, по возможности, держаться древнихъ образцовъ. — Также строго держался подлинника и нѣмецкій переводчикъ; онъ передалъ его слово-въ-слово, стихъ въ-стихъ. Дѣло трудное, которое однакоже онъ совершилъ съ успѣхомъ. Трудно выразить впечатлѣніе, которое производитъ эта простая драма древняго міра послѣ нашихъ запутанныхъ драмъ. Основаніе трагедіи чрезвычайно-просто: нѣтъ въ ней никакихъ перипетій, никакихъ неожиданныхъ событій. Въ ней рѣчь идетъ объ одномъ: должно-ли отдать Полинику посмертныя почести, или нѣтъ?—Креонъ осудилъ его на вѣчное скитаніе на берегахъ Стикса, и грозитъ смертию нарушителю этого повелѣнія. — Нарушитель—Антигона. — Она схвачена, представлена предъ тирана, который осуждаетъ ее на смерть. Но за злодѣяніемъ слѣдуетъ наказаніе и раскаяніе. Гемонъ, единственный сынъ Креона, тайно любилъ Антигону, и въ отчаяніи лишаетъ себя жизни надъ трупомъ своей возлюбленной. Узнавъ о смерти любимаго сына,

парина съ горд умерщвляетъ себя, осыпая мужа проклятіями. И такъ преступный Креонъ остается одинъ, истерзанный, убитый, тщетно призывающій смерть....

И все тутъ: завязка очень-проста, но какъ все это увлекательно, какая во всемъ удивительная постепенность! Какое сильное впечатлѣніе оставляетъ героическое самоотверженіе дочери Эдиповой, непоколебимая сила ея души, когда она, приведенная къ престолу тирана, ждетъ услышать пзъ устъ ея свои смертный приговоръ!— А когда царь, такъ долго бывшій непреклоннымъ въ своей суровости, является въ концѣ, неся въ объятіяхъ трупъ сына; когда, на колѣняхъ падъ окровавленнымъ тѣломъ, онъ выслушиваетъ отъ невольника повѣсть о смерти жены, и наконецъ, изнемогая подъ тяжкою рукою боговъ, истерзанный, онъ со стономъ вскрикиваетъ четыре раза: Горе мнѣ, горе! — неужели это зрѣлище не поразитъ растроганной души слушателя? — Такъ великія мысли, благородныя, истинныя чувства, хотя и выраженыя въ самой простой формѣ, всегда будутъ производить сильное впечатлѣніе на образованные умы всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Надо непременно хоть разъ въ жизни видѣть это повое и величественное зрѣлище, чтобы имѣть понятіе о древней трагедіи. Мнѣ некогда описывать его подробно, а скажу только, что эта трагедія произвела на меня сильное впечатлѣніе. Актеры хорошо сыграли свои роли: г-жа *Байеръ* (Антигона), г. *Винтеръ* (Креонъ), и г. *Нортъ* (слѣпой старецъ Тирезіасъ), были превосходны. — Музыка къ хорамъ и декламациі написана Мендельсономъ-Бартольди. Музыка хороша и вывѣшенна, во многихъ мѣстахъ истинно-гениальна; въ особенности отличаются всѣ хоры; между прочими, хоръ передъ 4-мъ дѣйствіемъ и хоръ передъ послѣднимъ дѣйствіемъ (въ честь Бахусу) производятъ удивительный эффектъ.

Древнія трагедіи игрались подъ открытымъ небомъ, и должны были производить совершенно-иное дѣйствіе на огромную массу народа. Трагедіи у Грековъ, игравшаяся безъ великихъ декораций, безъ парадовъ и уборовъ, на пространномъ форумѣ, была несравненно-величественнѣе нашихъ драмъ и трагедій, дающихся каждый день на тѣсныхъ, крошечныхъ театрахъ, которые съ своими лампами и жирадолями, съ своими скрипками и барабанами, съ своими искусственными, иногда очень-песклядыми машинами, безпрестанно переменяющимися декорациями и непременною сущерскою конурою, болѣе похожи на баласапъ фокусника, нежели на храмъ Галіи и Мельпомены.

Mutantur tempora et homines! Греческая трагедія была очень хороша въ свое время; нынче другія понятія, другія требованія. Правда, греческая трагедія была величественна, но за-то неизвѣтна была роскошь итальянской оперы, которой речитативы однакоже не что иное, какъ порожденіе декламациі греческихъ драмъ, декламациі, поддерживаемой въ-то время аккордами духовыхъ инструментовъ (tibiae).

Дрезденъ, 13 сентября, 1844.

Ты помнишь славнаго Эміля Девріента, котораго видалъ въ третьемъ году на Михайловскомъ-театрѣ! Я помню, какъ ты восхищался его игрою, — но ты видалъ его только въ драмахъ и трагедіяхъ, въ роляхъ маркиза Поза, Гамлета, Эдмонта, Натана, а не знаешь его съ лучшей, можетъ-быть, стороны его таланта, не видалъ его въ высокой комедіи. — Можетъ-быть, ни одинъ Французъ петербургской труппы не сравнится съ нимъ въ роли Робена въ *Mémoires du diable*. Какая легкость, какія прекрасныя манеры! — Какъ хорошо понялъ онъ характеръ Геркуля Дюбулуа, въ комедіи Дюма: *Сенъ-Сирскія институтки!* Надо посмотрѣть на него также въ довольно-слабой впрочемъ комедіи Тепфера: *Die Wasserkur*; какъ хорошо играетъ онъ Августа, сына, отверженнаго собственнымъ отцомъ! — Но ничѣмъ онъ мнѣ такъ не нравился, какъ въ пьесѣ Гутцкова *»Zopf und Schwerdt«*, въ роли Князя Байрейтскаго. — Онъ великій актеръ, въ полномъ смыслѣ слова; равно хорошъ въ трагедіи и въ комедіи, что чрезвычайно-рѣдко.

Не могу также не упомянуть о двухъ знаменитыхъ здѣшнихъ драматическихъ актрисахъ, г-жѣ *Бергъ* и г-жѣ *Байеръ*. Первая отличается въ старинныхъ классическихъ трагедіяхъ, особенно въ сильныхъ роляхъ, на-примѣръ, Королевы Христины, Королевы Елисаветы, Федры, Леди Макбетъ, Маріи Тюдоръ и т. п.; жаль только, что паружность ея не всегда соответствуетъ такого рода ролямъ. — Г-жа *Байеръ* красавица въ полномъ смыслѣ; она довольствуется ролями не такого высокаго разряда; она превоеходна въ высокой комедіи и въ драмахъ, которыя Нѣмцы называютъ *мѣщанскими* (bürgerliche Dramen), на-примѣръ, «Коварство и Любовь», «Независть къ людямъ и раскаяніе», и т. п.

«Гугеноты» Менербера. — Для такой великой оперы нужна огромная сцена и богатая обстановка. — Есть некоторыя великия произведенія, которыя могут быть исполнены надлежащимъ образомъ только въ Парижѣ; къ числу ихъ принадлежатъ и «Гугеноты». — Здѣсь эта опера значительно сокращена. Г-жа Шрёдеръ въ роли Валентины и Детмеръ въ роли Марселя были очень-хороши. — Бѣльчицкій немного-слабъ для роли Рауля; въ ней не довольно пѣть, надобно быть и хорошимъ актеромъ, особенно играя съ г-жою Шрёдеръ. Оркестръ и хоры шли очень-хорошо. Хоръ пирующихъ, въ 1-мъ дѣйствіи, прислага во второмъ дѣйствіи, солдатская пѣсня, безъ оркестра, насмѣшливый хоръ (Spott-chor) и свадебный хоръ въ 3-мъ дѣйствіи, прекрасное *morceau d'ensemble* въ 4-мъ дѣйствіи, извѣстное подъ названіемъ: «освященіе княжаловъ», хоралъ въ 5-мъ дѣйствіи и всѣ финалы исполнены превосходно.

Г-жа Крите, въ роли Маргариты де Валуа, была очень-хороша; игра ея благородна и непринужденна. Жаль, что голосъ ея слабѣетъ со-дня-на-день, и врядъ-ли она долго еще будетъ въ состояніи пѣть. Если-бы ей дать голосъ немного посвѣжѣе и по-сильнѣе, она принадлежала-бы къ числу великихъ пѣвицъ.

Дрезденъ $\frac{20 \text{ сентября}}{2 \text{ октября}}$ 1844.

Недавно давали здѣсь оперу Глюка (*) *Армиду*. Это картина великой кисти, огромныхъ размѣровъ, рода (*genre*) высокаго, истинно драматическаго. Глюкъ то же, что Софокль, Корнель! У него каждая нота, каждая фраза—мысль, и мысль великая, гениальная! Невозможно, въ-самомъ-дѣлѣ, слушать его музыки безъ какого-то религіознаго благоговѣнія. Справедливо говорили

(*) Христофоръ Глюкъ, творецъ французской большой оперы, родился въ 1709 году. Оперы его долго не имѣли никакого успѣха въ Германіи, и только въ Парижѣ, и то не съ перваго раза, успѣли оцѣнить его великія произведенія. Онъ долго жилъ во Франціи, борясь со всякаго рода препятствіями. Оперы его: *Ифигенія въ Тавридѣ*, *Альцестъ*, *Армида*, *Эхо* и *Нарциссъ*, *Орфей* и некоторыя другія имѣли тамъ огромнѣйшій успѣхъ. Въ 1780 году онъ оставилъ эту страну и переехалъ въ Вѣну, гдѣ и умеръ 15-го Ноября 1787 года.

мѣѣ Спонтини: «Gluck c'est la religion; là il n'y rien à changer, car chez lui le oui est *oui*, et le non est *non*!» Да, у Глюка каждое слово петинно, каждое слово свято. Глюкъ пророкъ, который ни одного слова не вымолвилъ безъ нужды*), ни одной ноты не поставилъ на бумагу безъ цѣли.

Опера сыграна очень-хорошо. Тихачекъ (Ринальдо) былъ превосходенъ; его звучный и сильный голосъ, полный драматическаго выраженія, былъ тутъ совершенно на мѣстѣ. Г-жа Шрёдеръ-Девриентъ была также очень-хороша, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ 3-мъ и въ 5-мъ дѣйствіяхъ, произвела сильное впечатлѣніе на публику, такъ, что, по окончаніи оперы, ее вызвали, что у Ньидевъ чрезвычайно-рѣдко.

Хоры и оркестръ шли превосходно. Хоръ духовъ ненависти въ 3-мъ актѣ, и хоръ пастуховъ (чудесный *chœur d'ensemble*) въ 4-мъ актѣ, возбудили всеобщій восторгъ. Оркестръ игралъ прекрасно. Фюрстенау, какъ нельзя лучше, передалъ соло флейты, въ арии Ринальда въ Арמידиномъ очарованномъ саду. Отлично также передали струнные инструменты извѣстную фразу Армиды въ концѣ третьяго дѣйствія:

«O ciel! quelle horrible menace!

Je frémis! tout mon sang se glace!»...

когда вторыя скрипки берутъ на нижнемъ D, роль тремоланда, между тѣмъ, какъ контрабасы играютъ длинную хроматическую фразу, которая такъ хорошо изображаетъ сердечное страданіе несчастной любовницы; они останавливаются только, когда Армида, переиспещая тоскою, съ воцмемъ вскрикиваетъ:

«Amour, cruel amour, viens calmer mon effroi

Et prends pitié d'un coeur qui s'abandonne à toi!»

Въ эту минуту, будто призванная любовь сжалилась надъ страданіями своей жертвы, струнные инструменты замолкаютъ, — флейты, гобои, кларнеты и валторны играютъ очаровательную

(*) Когда въ первый разъ играна Армида, публика не поняла гениальнаго произведенія, и приняла его очень-холодно. Молодой Моцартъ со слезами бросился на шю Глюку, браня неповѣрливость слушателей. Глюкъ преспокойно отвѣчалъ ему: «Успокойся, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ они отдадутъ мѣѣ справедливость».

вѣбесную мелодію, сладкую надежду, бальзамъ для истерзаннаго сердца; — только вторыя скрипки до конца акта остаются на своемъ прѣжнемъ D, будто указываютъ на предчувствіе, на тайную мысль Армиды, страшную мысль, которую несчастная желала-бы скрыть отъ себя самой, мысль о близкой смерти... которую готовить утрата любовника. Въ этой сценѣ я могъ хорошо оцѣнить здѣшній оркестръ. Какая постепенность, какое выраженіе! — Вторыя скрипки берутъ это D на двухъ струнахъ разомъ, просто D, и D на баскѣ, что производитъ неожиданный, дивный эффектъ; вдругъ кажется будто число скрипокъ въ оркестрѣ удвоилось! Какое блаженство для Липинскаго — быть во главѣ оркестра, составленнаго изъ такихъ артистовъ (*)!

Эта опера поставлена со всевозможнымъ стараніемъ и рѣдкимъ богатствомъ; пѣвцы и оркестръ выноляютъ ее съ видимымъ уваженіемъ, какое всегда должно чувствовать къ твореніямъ такого великаго генія. Творенія Глюка принадлежатъ къ небольшому числу произведеній, на которыя успѣхъ или неудокъ искусства, и разные перевороты музыкальныхъ школъ и эпохъ, не могутъ имѣть никакого вліянія. Надо замѣтить (я говорю по опыту), что въ каждомъ произведеніи искусства, только то, что истекаетъ изъ его духа, что происходитъ изъ его души, сѣдалища чувствъ, то, что, такъ сказать, принадлежитъ исключительно его духовной сторонѣ, производитъ впечатлѣніе на душу слушателя; напротивъ же, все то, что есть результатъ размышленія и разчета, что разчитано на сильный и неожиданный эффектъ, хотя-бы, впрочемъ, оно имѣло огромнѣйшее достоинство, останется только мимоходнымъ ощущеніемъ, и поразитъ только нервную систему слушателя. Должно еще замѣтить, что когда духовная часть музыкальнаго сочиненія есть плодъ высокаго творчества, то такое произведеніе никогда не погибнетъ, въ какое-бы время оно ни было написано и какой-бы школы ни носило на себѣ форму.

Таковы и творенія Глюка; всѣ его мысли велики и возвышенны, потому что родились изъ истиннаго вдохновенія. Никогда

(*) Дрезденскій оркестръ такъ хорошъ, что врядъ-ли гдѣ найдется лучшій. К. М. Веберъ вспоминаетъ въ письмахъ своихъ, что не разъ случалось ему въ *аллегро* увертюры Фрейшюца или Оберона, давать только *летро* первыхъ тактъ, и потомъ садиться преспокойно, положивъ палку на пюльпеть.

онъ не поддавался подъ духъ времени и мимолетныи вкусъ, никогда не подчинялся ни прихотямъ пѣвцовъ, ни требованіямъ моды; прибывъ во Францію, онъ не далъ себя давить, какъ Корнель, не далъ себя приковать къ Прокрустову ложу, по смѣло рассторгъ цѣпи, которыя въ то время были налагаемы на всѣхъ художниковъ безъ изъятія. Ни крики и насмѣшки энциклопедистовъ, ни очевидное равнодушіе публики къ его сочиненіямъ, ни верадбіе и пренебреженіе, съ которыми пѣвцы уродовали его великія мысли, ни бѣдность, иногда даже шужда, ничто не могло отвратить его отъ предположенной цѣли; однимъ его утѣшеніемъ была надежда, «что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ его узнаютъ, и отдадутъ ему справедливость». Если-бъ въ немъ было менѣе вѣры въ себя-самого, (что такъ необходимо для исполненія великихъ замысловъ), менѣе отважности и твердости, разумѣется, онъ уступалъ-бы духу времени, требованіямъ публики и пѣвцовъ; и при всемъ своемъ гениі, создалъ-бы произведенія вѣрныя современному стилю и колориту, вылитыя въ формы, принятыя тогда всею толпою подражателей, этихъ жалкихъ *seruus pecus* Горациа, немѣющихся собственныхъ идей, и потому обращающихъ всегда голову въ ту сторону, куда обращена голова ихъ типа; творенія его состарѣлись-бы и подпали-бы участи произведеній всѣхъ современныхъ ему композиторовъ, — были-бы уже забыты, наравнѣ со всѣми операми того времени! Но истина драматическаго выраженія, влекущая за собою четоту стиля и независимость отъ ограниченій формы, останется всегда нова, ибо всегда и вездѣ независима отъ моды и отъ вкуса толпы; прекрасныя партитуры Глюка всегда останутся прекрасными, потому что вылились изъ сердца, которое никогда не старѣется.

Таковъ былъ Глюкъ; смѣлымъ и быстрымъ шагомъ шелъ онъ къ предположенной цѣли. — Остается намъ теперь разсмотрѣть, успѣлъ ли онъ, не смотря на всѣ препятствія, являвшіяся ему на пути, довершить свое дѣло? Высокая степень совершенства, на которую онъ поставилъ драматическую музыку въ отношеніи къ драматической истинѣ, высшая-ли степень ея совершенства? послѣдняя-ли цѣль нашихъ желаній? Могутъ-ли теперь его музыкальныя драмы удовлетворить нашимъ требованіямъ и высокимъ понятіямъ объ искусствѣ? — Нѣтъ. — Авторъ «Армиды» превосходно чувствовалъ и понималъ истинное назначеніе оперы, зналъ, какими средствами ее поднять и поставить на ту высоту, о которой безпрестан-

но мечталъ, но для исполненія этого громаднаго дѣла жизнь человѣческая слишкомъ-коротка....

Замѣтимъ къ тому-же, что Глюкъ уже поздно началъ думать о своей реформѣ, и, видя, что въ Германіи никто не поддерживаетъ его, не понимаетъ его цѣли, не находя никакого сочувствія въ своихъ землякахъ, и горя любовью къ искусству, онъ оставилъ свою родину, и сталъ, какъ Ѳемистоклъ, на чужой землѣ некать сердце, которыя умѣли-бы понимать его. Въ то время опера во Франціи подчинялась строгимъ и смѣшнымъ правиламъ, была холодна, однообразна и связана предписаніями Академіи, наравнѣ съ трагедіею. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы дать французской оперѣ - серіи, которой онъ истинный основатель, надлежащее мѣсто, и развить ея значеніе; однакоже, надо замѣтить, что все усилія его послужили къ тому только, чтобы указать намъ, какою она должна быть, и можетъ быть со-временемъ. Глюкъ для насъ нынѣ Родосскій колоссъ, единственный маякъ, руководящій насъ по неизвѣстному морю; но далеко еще гавань, къ которой мы направляемъ путь! Да и правду сказать, до сихъ-поръ мы еще не имѣемъ совершенной оперы, такой, которая вполне удовлетворяла-бы всемъ требуемымъ условіямъ. Когда-бы опера-серія была написана въ истинно драматическомъ духѣ, и представляла бы высокій и достойный трагическій предметъ, коего образы, вѣрно снятые съ природы, возвышались-бы вполне соотвѣтственной музыкою, и коего такая опера была-бы прекраснѣйшимъ и совершеннѣйшимъ драматическимъ зрѣлищемъ, и гораздо-сильнѣе и вѣрнѣ дѣйствовала-бы на умы, нежели все извѣстныя до-сихъ-поръ трагедіи и драмы. Но какъ ни въ одномъ дѣлѣ смертнаго человѣка не можетъ быть совершенства, такъ и опера-серія должна еще пройти много ступеней, прежде нежели достигнетъ высшей своей точки. Глюкъ однакоже всехъ ближе поставилъ ее къ совершенству; Керубини и Мегиоль достойно шли по слѣдамъ его, и много развили систему Глюка; а изъ живущихъ въ наше время композиторовъ, по моему мнѣнію, одинъ Спонтини вполне понялъ мысль своего предшественника, и сохранилъ ее чистою и незапятнаною во всехъ своихъ твореніяхъ.

Потому-то онъ такъ вые ко цѣнить Глюка: когда я, черезъ нѣсколь-ко дней послѣ представленія Армиды, навѣстилъ его въ Берлинѣ, и рассказалъ ему, съ какимъ восторгомъ она была принята въ Дрезденѣ, глаза старца наполнились слезами, и онъ сказалъ мнѣ съ жаромъ: «Въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя не поблагодарить театральную ди-

рекции за то, что она, давая такія оперы, поддерживаетъ тѣмъ священный огонь искусства, и, по-крайней-мѣрѣ, предохраняетъ вкусъ публики отъ совершенной порчи, не давая ей слушать, какъ въ Парижѣ, исключительно произведенія новѣйшихъ композиторовъ, которые почти все такимъ жалкимъ образомъ употребляютъ во зло данную имъ отъ природы способность, и такъ отвращаютъ публику отъ истинно-изящнаго, что она уже не знаетъ, что хорошо, что дурно, ибо дурное стало прекраснымъ... И что за адскій неумолимый громъ мѣдныхъ инструментовъ, которымъ только прикрываютъ слабую обработку квартета (струнныхъ инструментовъ)! Что ни говорить, а новѣйше, что самые сильные, самые блестящіе и самые разнообразныя эффекты все лежатъ въ струнныхъ инструментахъ, — въ нихъ заключается петинная сила! шумъ и стукотня вовсе не сила!... И они это знаютъ, эти господа, облачившіеся въ жреческое платье, и обманывающіе и обольщающіе другихъ своимъ пагубнымъ примѣромъ! Религія музыки осквернена и поправа ногами, храмъ Эвтерпы сталъ синагогою! Истинное преставленіе себѣ!...» и проч., и проч.

И никогда не забудь-бы этихъ словъ тотъ, кто видѣлъ-бы, какъ я, дивное выраженіе его лица, когда онъ ихъ говорилъ.

Гаспаръ Спонтини родился 17-го ноября, 1778 г., въ деревенкѣ *Miomanni*, близъ мѣстечка Дези, въ Папской области. — На 14-мъ году вступилъ онъ въ Консерваторію *della Pietà* въ Неаполь, и черезъ годъ получилъ званіе *primo maestro*. Въ 1795 г. (17-ти лѣтъ) поставилъ онъ первую свою оперу: *I puntigli delle donne*. Въ 1796 г. поѣхалъ онъ въ первый разъ въ Римъ и написалъ тамъ: *Gli amanti in cimento*; потомъ отозванъ въ Венецію писать *Amor segreto*. — Возвратившись въ Римъ, въ 1797 году, онъ написалъ *l'Isola disabitata*, для пармскаго театра, но не могъ самъ ѣхать ставить ее, потому-что въ то же время ангажированъ капельмейстеромъ въ Неаполь, гдѣ и поставилъ вскорѣ *l'Eroismo ridicolo*. Отозванный на время во Флоренцію, (1798 г.), далъ онъ тамъ *Teseo riconosciuto*, а по возвращеніи въ Неаполь поставилъ *la Finta filosofa*, и въ 1800 г. *la Fuga in maschera*. Въ теченіе 1800 и 1801 г. написалъ онъ въ Палермѣ (для неапольскаго двора, имѣвшаго тамъ тогда свое мѣстопробываніе) двѣ оперы-буффы: *I quadri parlanti*, и *Il finto*

Pittore, и оперу серію *Gli Elisi delusi*. — По возвращеніи на твердую землю, написал онъ въ Римѣ *Il geloso e l'Audace*, потомъ въ Венеціи *Le metamorphosi di Pasquale*; *Chi più guarda meno vede*, и *la Principessa d'Amalfi*. Это послѣднія оперы, поставленныя имъ въ Италиі.

Въ 1803 году пріѣхалъ онъ въ Парижъ, гдѣ сначала занимался преподаваніемъ музыки, а въ 1804 году поставилъ на Итальянскомъ театрѣ старую свою оперу: *la Finta filosofa*, которая принята хорошо, и выдержала десять съ чѣмъ-то представлений. Не такъ счастливъ былъ Спонтини съ новою своею оперою, *Юлія*, которую черезъ нѣсколько мѣсяцевъ написалъ вдвоемъ съ Феемъ (Fay) для французской Комической-оперы. Черезъ годъ эта же опера, значительно переделанная, дана подъ другимъ названіемъ: *Le pot de fleurs*, но опять безъ успѣха. Въ іюнѣ 1804 г. Спонтини поставилъ комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ: *La petite maison*, во время представленія коей актеръ Эллериу, посмѣявшись на сценѣ надъ неудовольствіемъ публики, подалъ поводъ къ самой неприятой сценѣ, какая когда-либо видана въ театральн. залѣ. Разъяренные зрители оставили партеръ, вскочили на сцену, изломали лавки, кресла, разбили инструменты въ оркестрѣ, люстры... пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ для очищенія залы. — Слабыя до сихъ поръ произведенія Спонтини ни мало не предвѣщали его будущаго генія. Есть люди, которые еще въ дѣтскихъ лѣтахъ выказываютъ необыкновенныя дарованія, но со временемъ не оправдываютъ поданныхъ надеждъ: таковы были Гуго-Гроциусъ, Пикъ-дела-Мираподоль, Анна Марія Шурманъ и проч.; но есть опять такіе, которые не только до взрослыхъ лѣтъ не выказываютъ своихъ способностей, но даже не подають рѣшительно никакихъ надеждъ: таковы были Карлъ XII, Милтонъ, Глюкъ, Свентини, Ньютонъ... и даже самъ Шекспиръ!

Для біографической полноты и вѣрности должны мы назвать еще нѣсколько твореній Спонтини, принадлежащихъ къ первому періоду его артистической жизни, и доставившихъ ему также мало славы, какъ и первыя произведенія. — *Милтонъ*, опера въ одномъ дѣйствіи, дана въ декабрѣ, 1804 года, *Eccelsa Gara*, итальянская интермедія, игранная въ театрѣ Лувуа, въ 1806 году, и *Ораторія*, исполненная безъ успѣха на томъ-же театрѣ, ничего не прибавили къ славѣ композитора. Но счастливыя связи въ тогдашнемъ парижскомъ обществѣ доставили ему скоро мѣсто директора музыки Императрицы Жозефины. Это отличное положеніе должно было вознаграждать его за долгія неудачи и за на

паденія недоброжелательныхъ артистовъ. — Притомъ это мѣсто дало ему возможность побѣдить всякія препятствія къ приведенію въ исполненіе главнѣйшаго предиріятія въ его жизни, именно — къ постановкѣ на сцену его *Весталки*.

Авторъ либретто, Жуп, поручилъ его было сначала Меглюю, потомъ Керубини, но оба возвратили его, говоря, что невозможно написать занимательной музыки къ такому сухому предмету. — Жуп, огорченный отзывомъ двухъ великихъ композиторовъ, послѣ долгаго размышленія, обратился наконецъ къ Спонтини, хотя безъ большой надежды на его силы и способности. Спонтини самъ говорилъ мнѣ, что онъ тутъ въ первый разъ нашелъ сюжетъ, повравившійся ему и наполнившій его истиннымъ усердіемъ къ труду и вдохновеніемъ. Завистники болѣе чѣмъ когда-либо принялись унижать славу Спонтини, и всѣми средствами мѣшали представленію его новой оперы. Въ такомъ безпокойствѣ доковчилъ ее Спонтини. Приказаніе двора устранило всѣ затрудненія дирекціи, и тотчасъ начались репетиціи. Но тутъ поднялись новыя препятствія, новая брань. Принужденный минутно уступать требованіямъ пѣвцовъ, занимавшихъ первыя партіи, на каждомъ шагѣ поправлять и измѣнять фразы, иногда даже совершенно передѣлывать многія мѣста своего сочиненія, онъ принудилъ актеровъ, оркестръ и хоры тянуть репетиціи болѣе года; а безчисленныя перемѣны въ партитурѣ довели расходъ на переписку до неброютной суммы — десяти тысячъ франковъ. Еслибъ не высокое покровительство, поддерживавшее постоянно усилія композитора, то, можетъ-быть, его «Весталка» вовсе не была-бы играна! — Наконецъ наступилъ долго-жданый день представленія (15 декабря 1807), и блестящій успѣхъ увѣичалъ трудъ художника! Не-смотря на насмѣшки оркестровыхъ музыкантовъ, учителей и учениковъ консерваторіи, несомнѣнныя достоинства, являющіяся въ этомъ гениальномъ твореніи, восхитили, очаровали всю публику, и многиѣ оправдали высокое покровительство, дарованное композитору. — Успѣхъ былъ всеобщій; опера эта держится болѣе тридцати лѣтъ, а Французскій Институтъ освятилъ ея успѣхъ, единогласно назначивъ этой партитурѣ десяти-лѣтнюю премію, установленную Наполеономъ.

Съ этого времени начинается второй періодъ жизни и трудовъ Спонтини, — періодъ великій, свѣтлый, утверждающій славу его въ потомствѣ.

Векоръ послѣ «Весталки» явился *Фернандо Кортезъ* (1809), опера, заключающая въ себѣ много замѣчательныхъ красотъ, полная

сильныхъ и истинно-драматическихъ положеній. Всѣ дуэты, и *morceaux d'ensemble*, особенно сцена бунта, и мѣсто взрыва кораблей, производятъ удивительный эффектъ. Речитативы Спонтини истинно-драматически, сильны, связны, полны энергій; нѣкоторые можно смѣло поставить на ряду съ речитативами Глюка. Инструментовка необыкновенно искусна.

Въ 1810 году Спонтини принялъ мѣсто директора парижской Итальянской-оперы, или *Оперы-буффы*, какъ ее тогда называли. Слава его росла съ каждымъ шагомъ. Казалось, счастье вело его за руку; отъсюду сынались на него почести. Спонтини, предавшись новымъ трудамъ, и предавшись имъ съ усердїемъ и любовью, или не могъ, или не хотѣлъ заниматься исключительно администраціею Итальянской-оперы; ибо, не-смотря на то, что подъ его управленіемъ были знаменитѣйшіе пѣвцы, Гарсія, Кривелли, Такинарди, Барилли, Ангрисани, и пѣвицы — Барилли, Феста, Корреа, Сесси, — онъ однакоже въ 1812-мъ году долженъ былъ сложить съ себя званіе директора.

Въ 1816 году написалъ онъ прекрасную свою партитуру *Les Danaïdes*, исполненную великихъ достоинствъ. Вахханалія въ 3-мъ дѣйствіи принадлежитъ къ лучшимъ его твореніямъ. — Черезъ два года поставилъ онъ большую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, *Олимпію*, которая имѣла такой-же успѣхъ, какъ «Фернандо Кортесъ.» — Это послѣдняя его опера, написанная для французскихъ театровъ.

Въ 1820 году, по приглашенію короля прусскаго, Спонтини поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ назначенъ первымъ придворнымъ капельмейстеромъ и директоромъ Королевской Оперы, съ жалованьемъ въ 36 тысячъ франковъ, кромѣ другихъ выгодъ, данныхъ ему по контракту. — Всѣмъ извѣстно пребываніе Спонтини въ Берлинѣ и привязанность къ нему покойнаго короля, который всегда защищалъ его своею высокою дружбою. Первая опера его, игранная въ Берлинѣ, была «Олимпія», которой 3-е дѣйствие передѣлано извѣстнымъ литераторомъ-музыкантомъ Готманомъ. Зимой 1821 года Спонтини написалъ, къ придворному празднику, оперу-балетъ *Лалла-Рукъ*, изъ извѣстной поэмы Томаса Мура. — Въ послѣдствіи онъ воспользовался нѣкоторыми мѣстами для новой своей оперы *Шурлагаль*, данной на Королевскомъ-театрѣ.

Въ 1825 году представлена въ первый разъ его большая волшебная опера *Альсидоръ*, а черезъ четыре года большая опера-серія *Агнеса Фонъ-Гогенштауфенъ*, которую онъ цѣнитъ выше всѣхъ

своихъ произведеній. Подъ желѣзнымъ управленіемъ такого директора, Берлинская опера заняла первое мѣсто во всей Германіи; оркестръ довелъ онъ до *non plus ultra* совершенства. «Выраженія: *нельзя, невозможно*, я выключилъ изъ своего словаря въ Берлинѣ», говорилъ мнѣ Спонтини: «во-время моего управленія, когда я говорилъ пѣвцамъ и оркестру: я такъ хочу, такъ должно быть — въ самомъ дѣлѣ такъ и бывало.» Правда, что весь театръ чувствовалъ его власть; музыканты и пѣвцы не разъ великъ жаловались на его тиранство; но, надѣясь на доброе расположеніе короля, онъ не обращалъ на это вниманія, и по-прежнему дѣйствовалъ по припѣтымъ правиламъ. — Увѣрили меня въ Берлинѣ, что Спонтини такое вліяніе имѣлъ на музыкантовъ и пѣвцовъ однимъ своимъ орлинымъ взглядомъ, что оркестръ дрожалъ отъ страха, когда онъ приходилъ на пробу — И было чего бояться: Спонтини былъ хозяиномъ, царемъ въ своемъ оркестрѣ; отъ него одного зависѣло удаленіе кого-бы то ни было изъ театра, и принятіе на незанятое мѣсто. Неудивительно, что, не-смотря на многочисленныхъ почитателей, которыхъ Спонтини нашелъ въ Германіи, не-смотря на милость и привязанность короля Фридриха Вильгельма III, онъ нашелъ также множество враговъ, старавшихся уронить его славу. Не только возставали противъ достоинства его новыхъ сочиненій, но даже выражали сомнѣніе, точно-ли Спонтини—авторъ «Весталки»!.. — Самымъ явнымъ врагомъ его былъ *Рельштабъ*, который печаталъ противъ него множество статейъ по разнымъ журналамъ. Оскорбленный Спонтини прибѣгнулъ къ суду; но осужденіе его противника на нѣсколько мѣсяцевъ на тюремное заключеніе не только не помогло ему въ общественномъ мнѣніи, но еще увеличило число его враговъ. Явились новые обвиненія. Какой-то Мюллеръ напечаталъ брошюрку: *Спонтини и Рельштабъ*; Рижскій капельмейстеръ Дорнъ написалъ книжонку: *Spontini in Deutschland, oder unpartei-sche Würdigung seiner Leistungen während seines Aufenthalts daselbst in den letzten zehn Jahren.* — Не разъ Спонтини принужденъ былъ самъ защищаться въ журналахъ противъ такого рода нападеній; ссора его съ генеральнымъ смотрителемъ королевскихъ театровъ, Барономъ Фонъ-Редерномъ, была также источникомъ безпрестанныхъ непріятностей. Этимъ причинамъ, можетъ-быть, должно приписать его поѣздки въ Италію и въ Парижъ. Въ Парижѣ было вакантное мѣсто въ Институтѣ, на которое онъ избралъ съ условіемъ, чтобы ему совсѣмъ оставили Берлинъ и жить въ Парижѣ. Спонтини не могъ тотчасъ

рѣшиться; дружба, связывавшая его съ королемъ, уваженіе и милости, которыми онъ пользовался при дворѣ, на-время изгладили изъ памяти его неприятности, которыя недавно еще встрѣчалъ онъ въ Берлинѣ. Онъ возвратился въ Берлинъ, гдѣ между-тѣмъ смерть Фидриха Вильгельма III въ одно мгновеніе измѣнила положеніе его при дворѣ. Неосторожное письмо, напечатанное имъ въ одномъ журналѣ, сочтено за оскорбленіе новаго монарха. Нѣмцы болѣе чѣмъ когда-либо возстали на него. Спонтинъ позванъ къ суду, для объясненія по письму; но король остановилъ дѣло, и не только освободилъ его отъ обвиненія, но еще увеличилъ милости, оказанныя Спонтину покойнымъ отцомъ. — Тутъ начинается третій періодъ жизни Спонтина, періодъ торжества и наградъ. Новый король назначилъ ему пожизненную пенсію въ награду за его великія заслуги, съ дозволеніемъ ѣхать, куда пожелаетъ. Спонтинъ отправился въ Парижъ, гдѣ избранъ въ пожизненные члены Королевскаго Института. Пышце (1844) взялъ онъ отпускъ на лѣто, и пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ его встрѣтилъ съ музыкаю и съ радостными криками; король посѣтилъ его на дому. — Всѣ недоразумѣнія, всѣ неудовольствія Берлинцевъ на Спонтина, возбужденныя прежде интригами нѣсколькихъ враговъ Спонтина, можетъ-быть и оскорбленныхъ имъ, со-всѣмъ кончилися. Всѣ Пруссакки самыя пламенные его почитатели и въ послѣднее его прибываніе въ Германію не разъ выказывали ему свидѣтельства своего уваженія.

Папа недавно далъ Спонтину титулъ графа ди-Санто-Андреа, въ награду за многія его богоугодныя учрежденія въ Италіи. Онъ украшенъ орденами: Почетнаго Легіона; Прусскимъ *Pour le mérite*, Краснаго-Орла, — Папскимъ Св. Григорія, и многими другими.

Дрезденъ, $\frac{26 \text{ сентября}}{8 \text{ октября}}$ 1844.

Видѣлъ я сегодня «Фрейшюца», — онъ шелъ очень-незавидно — *Берингеръ*, игравшій *Макса*, нестерпимый актеръ, и въ добавокъ не умѣеть пѣть. Въ большой аріи въ 1-мъ дѣйствии онъ такъ сбился съ тона, что долго не могъ пайтись, а мы между-тѣмъ имѣли неописанное удовольствіе слышать нѣсколько тактъ пѣлыми тремя тонами выше оркестра!

Случается это, правда, съ самыми лучшими пѣвцами (извѣстно,

какъ трудно, разъ сбившись съ тону, среди пѣнія услышать оркестръ, играющій тихо подъ ногами), но надо имѣть необыкновенныя достоинства и пользоваться большимъ уваженіемъ въ публикѣ, чтобы она легко прощала такія ошибки! Счастье для Берингера, что на него даже никто не обращаетъ вниманія. Онъ то, что на всѣхъ театрахъ называютъ подставными, берегутъ его на черный день.

Детмеръ, въ роли Каспара, очень-хорошъ: — это одинъ изъ лучшихъ Каспаровъ, какихъ я видалъ.

Г-жа *Тиле* очень мнѣ понравилась: она молода, ловка, хороша собою. Голосъ у нея хорошій и пріятный, хотя и не слишкомъ-сильный; интонація вѣрная и очень-чистая. Она играла роль *Denchen*, пѣла хорошо; но въ игрѣ ея не было довольно свободы и веселости, которая такъ рѣзко и наивно отличаетъ ея характеръ отъ задумчиваго, сладко-мечтательнаго характера *Блюкурой* певѣты *Макеа*.

— Объ остальныхъ и не спрашивай... aut bene, aut nihil...

Репетиціи «*Біанки и Гвальтьеро*» идутъ своимъ чередомъ — Я принужденъ былъ нѣкоторые нумера для г-жи *Шрёдеръ* переложить ниже, иногда даже измѣнять цѣлыя фразы. Г-жа *Шрёдеръ* была когда-то великою артисткою... это видно и теперь; но нельзя-же пѣть всю жизнь, при всевозможной доброй волѣ; пора-бы ей, кажется, оставить сцену, пока еще сцена ее сама не оставила. Г-жа *Шрёдеръ-Девриентъ*, забывая о своихъ лѣтахъ, старается на себя одну обращать все вниманіе публики. Это исключительное занятіе собою, это смѣшное, ребяческое кокетство въ женщинѣ ея лѣтъ, всегда было для меня нестерпимо. Она явно пренебрегаетъ публикой, и выказываетъ свое неудовольствіе каждый разъ, какъ появленіе ея на сценѣ не произведетъ желаннаго дѣйствія. Я помню, что въ концѣ 2-го дѣйствія «*Оберона*», въ послѣднемъ аллегро (12-8) большой аріи *Реціи*, одна изъ верхнихъ нотъ измѣнила ея надеждамъ; сошедши со сцены, она ушла въ уборную, и въ порывѣ досады скинула съ себя костюмъ и поѣхала домой, не сказавъ ни слова дирекціи. Нельзя было безъ нея начать 3-го дѣйствія; *Рейсенгеръ*, *Фишеръ*, *Липпийскій* побѣжали къ ней, и едва усиленные просьбы ихъ склонили ее воротиться въ театръ и кончить піесу. — Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ прошло слишкомъ полтора часа. — И послѣ этого ска-

жуть, что г-жа Деврисея истинная артистка, съ любовью къ искусству, и уваженіемъ къ великому имени Вебера?!

На нѣмецкомъ-театрѣ давали сегодня «Лючію ди Ламермуръ». — Къ чему? Дрезденцы уже видали въ этой оперѣ Моріани! За чѣмъ Нѣмцамъ браться за итальянскія оперы, когда ихъ Богъ не на то назначилъ! Г-жа Джентилуоло должна-бы держаться легкой французской музыки, — роль Лючіи не по ней. — У Бѣльчицкаго прекрасный голосъ; но для роли Эдгара надо быть и хорошимъ актеромъ, а Бѣльчицкій не умѣетъ вернуться по человѣчески на сценѣ. За чѣмъ давать такія оперы въ Саксоніи, когда публика вовсе не хочетъ, и не жалуется этой музыки? Театръ почти пустъ; зрители раздѣлялись на двѣ партіи; одна спала, другая только что звѣвала. — Право, подумаешь, имъ ничего нельзя давать, кромѣ Моцарта и Бетховена; этимъ господамъ такъ они всегда рады! Во вторникъ давали Фиделію; я думаю, меня задавятъ у входа: столько было народу! Я видѣлъ нѣсколько Нѣмцевъ, вышедшихъ изъ кассы со слезами на глазахъ, потому-что не было билетовъ. Лининскій и нѣкоторые другія лица, заслуживающія довѣрія, неразъ увѣряли меня, что когда король Фридрихъ Августъ ангажировалъ превосходную итальянскую труппу на нѣсколько мѣсяцевъ, онъ принужденъ былъ разсылать билеты даромъ въ день представленія, иначе пришлось-бы ему одному сидѣть въ театрѣ; и не-смотря на то, никто почти не хотѣлъ ходить въ театръ; а труппа однакоже была превосходная. — Не надо упускать изъ виду, что вкусы разныхъ народовъ въ отношеніи къ музыкѣ и поэзіи также различны, какъ ихъ характеры и ихъ понятія. — Лучшая итальянская опера, нѣтая въ чужой странѣ, чужими нѣвцами, всегда останется только драматическимъ концертомъ; гдѣ Итальянецъ восхищается, гдѣ онъ тронуть, — Нѣмецъ видитъ только сборъ мотивовъ, вложенныхъ въ болѣе или менѣе счастливыя формы арій, каватинъ, дуэтовъ, терцетовъ, часто не имѣющихъ между собою никакой логической связи. По моему мнѣнію, человѣческій голосъ можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ, какъ звукъ, и какъ роль; — мнѣ кажется, Итальянцы болѣе ищутъ перваго, и потому нѣвучестъ для нихъ первая и единственная заслуга, первое условіе ихъ оперы; — Нѣмцы, напротивъ, болѣе требуютъ драматической истины, чаще ищутъ музыкальныя

драмы, нежели такія оперы, какія мы нынче привыкли только называть операми. — Итальянская опера (я говорю только о хороших операх) всегда будетъ имѣть преимущество передъ другими. На сторонѣ Итальянцевъ — пѣвучесть, языкъ, самый удобный для пѣнія изъ всѣхъ европейскихъ языковъ. Нѣмецкій языкъ не такъ удобенъ, французскій еще менѣе; впрочемъ, опытъ показываетъ намъ, что на каждомъ языкѣ можно пѣть и имѣть оперы, и, что въ такой оперѣ пѣніе теряетъ въ отношеніи къ звуку, сравнительно съ итальянскимъ языкомъ, то она выигрываетъ въ выразительности, силѣ, значеніи словъ и т. д. Итальянская кантата правится Французамъ, Нѣмцамъ, Славянамъ, и спѣтая хорошо и хорошимъ голосомъ, она можетъ ихъ восхищать, очаровывать; но никогда она не вдохновитъ ихъ, не возбудитъ къ великимъ дѣламъ, какъ родной языкъ, на языкѣ родномъ, хотя-бы исполненіе его болѣе походитъ на музыкальную декламацию, нежели на искусное концертное пѣніе. — Каждый народъ долженъ имѣть свою оперу, свою драму, свою комедію; и потому всякіе споры о превосходствѣ той или другой музыки смѣшны и ни къ чему не ведутъ. По моему, два рода музыки — хорошая и дурная; впрочемъ въ музыкѣ, какъ и въ литературѣ, *tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux.*

Дрезденъ, ^{28 октября}
_{10 ноября} 1844.

Бренные остатки Вебера перевезены сюда изъ Лондона (изъ Moorfield Chapel), сыномъ его, Максимилианомъ Веберомъ, и похоронены на кладбищѣ *Dresdner Friedhofe*, съ торжественностію и пышностію, рѣдкою у Нѣмцевъ. Въ католической церкви исполненъ превосходный Реквиемъ Керубини. Несмотря на дурную погоду, на похоронахъ было болѣе 800 человекъ. Королевская фамилія со всѣмъ дворомъ слѣдовала за погребальнымъ поѣздомъ саксонскаго капельмейстера. На мѣстѣ, гдѣ онъ похороненъ, будетъ поставленъ бронзовый памятникъ, для котораго собирается подписка во всей Европѣ.

Удивительно, что Англичане, которые нынѣ съ такимъ рвешіемъ, съ такою жадностію собираютъ автографы замѣчательныхъ людей, столько мѣтъ не осмѣлились ничего взять изъ покоевъ, въ которыхъ жилъ и умеръ великій композиторъ. Молодой Веберъ раз-

сказывалъ мнѣ, что, прїѣхавши въ Лондонъ, онъ нашелъ въ квартирѣ отца не только всѣ его бумаги петронутыми, но даже на столѣ некомпенный квартетъ и другія музыкальныя предпріятія, прерванныя преждевременною смертію. Это благоговѣніе къ имени Вебера, гостя, умершаго на чужой землѣ, дѣлаетъ честь Англичанамъ.

Сегодня, на ренетіи, актеры жаловались, что Донъ-Паскуале, который играетъ на-дняхъ, принятъ очень-холодно и не имѣлъ успѣха. Какъ-же быть иначе, когда Нѣмцы возмутятся за оперу-буффу, которой вовсе не умѣютъ пѣть? Что опера принята холодно, ни чуть не удивительно; здѣшняя публика такой музыки не любитъ и не хочетъ ее. Я не говорю, что Донъ-Паскуале можетъ сравниться съ извѣстными операми-буффами, каковы: *L'Italiana in Algieri*, *La Cenerentola*, *Il Barbiere di Siviglia*, *Il Matrimonio segreto*, и т. п.; музыка Донъ-Паскуале слаба, безцвѣтна; но повѣрьте, что если ее хорошо споютъ Итальянцы, она доставитъ удовольствіе слушателямъ. Люблю васъ и уважаю, Нѣмцы! вы великій, ученый народъ, но ради Бога не беритесь за чужое дѣло, за оперы-буффы; немногіе изъ васъ понимаютъ, что такое итальянская метода пѣнія, и въ чемъ заключается тайна буффа. Итальянцы гораздо умнѣе васъ; они никогда не рѣшатся пѣть Фрейшютца или Иессонды. За-чѣмъ-же вамъ хвататься за итальянскія и французскія оперы, когда онѣ вовсе не по-васъ. Да будетъ вамъ сегодняшній случай въ урокъ: три, четыре мѣсяца учили оперу, — и на одинъ разъ!

Вчера давали Донъ-Паскуале во-второй разъ, но для однихъ стѣнъ; души живой не было въ театрѣ.

Сегодня почтеннѣйшая публика въ газетахъ благодаритъ дирекцію за новую оперу, но покорнѣйше проситъ не давать ее болѣе!

Soll man den ehrlichen Musiker so quälen mit Musik, wie ich heute gequält worden bin und so oft gequält werde? Wahrhaftig, mit keiner Kunst wird so viel verdammter Missbrauch getrieben, als mit der herrlichen, heiligen Musica, die in ihrem zarten Wesen so leicht entweiht wird! Habt Ihr wahres Talent, wahren Kunstsinn? gut, so lernt Musik, leistet was der Kunst

Würdiges, und gebt dem Geweihten Euer Talent hin im rechten Maass Wollt Ihr ohne das quinkeliren? — nun so thut's für Euch und unter Euch, und quält nicht damit den Kappelmeister Kreisler und Andere». —

Hoffmann (Johannes Kreisler's musikalische Leiden).

Сегодня былъ я приглашенъ на обѣдъ къ г-мъ S*** и долженъ былъ битые два часа слушать, какъ хозяйскія дочери играли на фортепіано. Боже, что за игра! — Правда, механизма довольно, бѣглость пальцевъ удивительная; но никакого стиля въ игрѣ, никакой связи, никакихъ отгѣнковъ, ни малѣйшаго понятія о характерѣ піесы! — Съ трудомъ я могъ узнать давно-знакомаго мнѣ автора.

Что за страсть у родителей щеголять слабыми, нездѣрными талантами дѣтей? Или они въ-самомъ-дѣлѣ воображаютъ, что слабая игра или пѣніе дочерей ихъ также восхитятъ чужихъ, какъ и ихъ самихъ?... Это со мною случается уже не въ первый разъ; еще въ Вильнѣ несколько разъ приходилось мнѣ слушать хозяйскихъ дочекъ, сестрицъ и проч. и проч. Выучитесь сперва основнымъ правиламъ искусства, потомъ успѣете подумать о выказаніи своихъ талантовъ; — ибо гдѣ рѣже нашего встрѣчается основное знаніе музыки между дамами?... Сколько у насъ дамъ училось музыкѣ, и забыли ее, потому-что плохо учились! Кто не знаетъ обычнаго дамскаго отвѣта: «Какъ вышла замужъ, совсѣмъ кинула»... А между-тѣмъ, по слабости материнской, она сама принимается давать своей дочкѣ уроки музыки, кладетъ ей слабые пальчики на фортепіано, правитъ и мучитъ ее рученки, а не толкуетъ никакихъ началъ искусства.... потому-что сама ихъ никогда не знала!...

Когда дѣвочка подростаетъ и становится барышнею, уже ей, умѣющей немного побряцать, не захочется сѣсть опять за бую каваръ, за осповательное ученіе, и она идетъ себѣ по ложному пути; по нѣскольку часовъ въ день правитъ пальцы, а о тайнствахъ искусства и не думаетъ. И всѣ эти муки приведутъ къ разнѣриванію фантазій или попури Гюнтена на любимые мотивы изъ Лючіи, или изъ Анны Болены... а подѣ-часъ останавливаются и на вальсахъ и кадрилихъ; да и въ тѣхъ недовольно будетъ выраженія, чтобы ихъ слушать съ удовольствіемъ, и недовольно такты, чтобы подѣ нихъ танцовать.

У насъ, по большей части, и самая цѣль ученія музыкѣ самая анти-артистическая. — Да и къ чему матушки учатъ дочерей играть на

фортепиано? скажемъ откровенно. — Къ тому, что это необходимое условіе гостиннаго воспитанія, — даже лучший способъ выдать дочь замужъ. У насъ музыкѣ учатся изъ тщеславія... такъ уже принято, чтобы каждая молодая, хорошо-воспитанная дѣвица умѣла танцовать, (это первое условіе), говорить по-французски и играть на фортепиано... пѣніе уже принадлежитъ къ самому полному и блестящему воспитанію... это роскошь!...

И что выходитъ изъ такого ученія? У кого изъ нашихъ дамъ хватить терпѣнія чему-нибудь учиться основательно? Кто изъ нихъ, принимаясь за музыкальную піесу, вникнетъ сначала въ характеръ ея, въ мысль, въ духъ ея, въ духовную сторону сочиненія? А какъ-же передать ее, какъ выразить въ звукахъ мысль, выраженную на бумагѣ мертвыми гіероглифами, когда играющій самъ сперва не вникъ въ нее, какъ слѣдуетъ, не понявъ ея вполне?

Одно, можетъ-быть, средство учить дѣвицъ музыкѣ — заставлять ихъ играть тріо, квартеты, играть съ аккомпаньементомъ другихъ инструментовъ, — объясняя имъ съ самаго начала тайны музыкальнаго ритма и искусства аккомпанированія, но не позволяя имъ между-тѣмъ пренебрегать механизмомъ пальцевъ, необходимымъ для блестящей игры. — Не менѣе важенъ и выборъ піесъ; ибо, какъ я уже не разъ говорилъ, хорошіе образцы — лучшіе руководители учениковъ. Когда у насъ постоянно передъ глазами произведенія великихъ артистовъ, вкусъ нашъ очищается и образуется; оттуда рождается порядокъ въ нашихъ мысляхъ, чувства наши становятся тоньше, чище и возвышеннѣе, мышленіе совершенствуется, становится свѣтлѣе, обширнѣе, и мы непримѣтно переходимъ въ новый, прекрасный міръ, въ міръ неизвѣстныхъ намъ до того тайнъ, къ которымъ теперь данъ намъ ключъ.

Но обратимся опять къ фортепиано.

Чистота звука, и свободный и легкій механизмъ, вотъ непремѣнныя условія хорошаго фортепианиста; но они не составляютъ еще единственнаго его достоинства. — Много надо вкуса, чтобы уберечься отъ двухъ крайностей, въ которыя впадаютъ даже величайшіе артисты; не надо ограничить себя одною бѣглостью и искусствомъ быстро сыпать неистощимое множество нотъ и аккордовъ; но также не надо ограничиваться одною выразительностью, чего впрочемъ не терпять фортепиано; только соединеніе этихъ двухъ достоинствъ образуетъ великаго артиста.

Измѣненія, происшедшія до-сихъ-поръ въ фортепианной игрѣ,

можно привести къ тремъ главнымъ періодамъ: къ первому принадлежитъ связный стиль, — когда пальцы обѣихъ рукъ играли четыре или пять особыхъ партій; это система болѣе гармоническая, нежели мелодическая. Этотъ періодъ заключается Іоанномъ Себастьяномъ Бахомъ, величайшимъ и удивительнѣйшимъ музыкальнымъ гениемъ. Въ то время надо было быть одареннымъ сильною гармоническою организаціею, и все пальцы имѣть равно способные побѣждать всякія трудности. Трудности такого рода такъ велики, что въ теперешнее время немного найдется артистовъ, которые были-бы въ состояніи хорошо выполнять сочиненія Баха или Генделя. — Второю періодъ открываетъ Карлъ Филиппъ Эмануэль Бахъ. Чувствуя необходимость нравиться мелодіею, фортепианисты начали отступать отъ строгаго стила предшественниковъ, и вводить въ свои сочиненія комбинаціи разныхъ гаммъ; это лѣтъ 60 составляло красоту фортепианной игры. — Тутъ уже не громоздили трудности, а главное достоинство виртуоза болѣе полагалось въ выразительной и блестящей игрѣ, нежели въ побѣжденіи трудностей. Основателемъ этой школы въ Германіи былъ сынъ Іоанна Себастьяна Баха; за нимъ шли: Моцартъ, Мюллеръ, Бетговенъ и Дюссекъ. — Клементи пошелъ по тому-же пути и усовершенствовалъ догматическую часть искусства фортепианной игры; — къ этому-же періоду принадлежать его ученики и послѣдователи, Крамръ, Кленгель и другіе. — Третій періодъ начинается съ Гуммеля и Калькбреннера. Эти великіе артисты, сохраняя, что было великаго и прекраснаго въ механизмѣ предшествовавшей школы, ввели въ фортепианный стиль блестящіе полеты ракеты: они основаны на быстромъ схватываніи далекихъ интервалловъ, и на скопленіи и группированіи пальцевъ въ движеніи независимыхъ другъ отъ друга гаммъ. — Это нововведеніе, которое могло-бы обогатить фортепианную музыку, если-бы не вошло въ злоупотребленіе, совершенно измѣнило искусство игры на этомъ инструментѣ. Какъ скоро сдѣланъ первый шагъ къ смѣлости исполненія, какъ скоро сказано, что переиспленіе всякаго рода механическихъ трудностей будетъ составлять главное достоинство фортепианиста, все одинъ за другимъ стали бѣгать въ запуски, и некому было остановить ихъ на этомъ пути. Мошелесъ, развѣсившій бѣглость пальцевъ до невѣроятной степени, не остановился передъ трудностями, о которыхъ первые основатели этой школы, Гуммель и Калькбреннеръ, даже и не думали. — Герцъ еще превзошелъ его своими гибельными скачками и наборомъ нотъ, и имѣлъ такой-же успѣхъ, какъ и Мошелесъ; все молодые фортепианисты

пошли по его слѣдамъ. — Одинъ изъ его послѣдователей, Шункъ, придумалъ еще удивительнѣйшіе скачки. Наконецъ Листъ, Тальбергъ и Шопенъ превзошли всѣхъ, и довели фортепианную игру до *plus ultra* совершенства. — Хотя Фильдъ принадлежитъ къ тому-же времени и той-же школѣ, однакоже онъ отъ нея отступилъ, и занимаетъ самостоятельное мѣсто. Кто не слышалъ пьянаго Джона, тотъ не можетъ имѣть никакого понятія о томъ, какіе чудные звуки можно извлекать изъ фортепiano! Его пальцы были одарены чутьемъ мимозы, чувствительностію сердца, точно такъ, какъ составы Листа вооружены дивною силою английскихъ стальныхъ пружинъ. Когда Фильдъ игралъ на Тишнеровомъ роялѣ (которыя онъ предпочиталъ фортепианамъ Клемента и Бродвуда) прекрасное модерато изъ рондо своего 3-го концерта, казалось, будто онъ водить мокрымъ пальцемъ по чашкамъ стеклянной гармоники; онъ проникалъ въ самую глубь сердца звуками своей шотландской золотой арфы, и слушатели плакали... ибо никто еще, кажется, кромѣ Фильда, не пѣлъ такъ хорошо, и съ такимъ чувствомъ на этомъ неблагодарномъ, непѣвучемъ инструментѣ.

Нынче фортепианисты стараются не правиться, а только удивлять. Мысль для нихъ ничто, все ихъ достоинство заключается въ бѣглости!... Ошибочность, нелѣпость этого направленія искусства уже поразила умы людей съ истиннымъ талантомъ. Мошелесъ, болѣе всѣхъ способный превозмогать всякія трудности, остановился на этомъ пути, и перешелъ къ выразительности, къ которой теперь и стремится, какъ прежде стремился къ ломанію пальцевъ. Шопенъ, Калькбреннеръ и другіе противятся потоку; вѣроятно, имъ не будетъ недостатка въ послѣдователяхъ, и фортепианная музыка сдѣлается достойною своего начала!...

Сегодня (1/19 ноября) первое представленіе оперы А. Ф. Львова, «Біанка и Гвальтiero».

Я еще не видывалъ здѣсь такой толпы. Театръ полонъ. Опера принята съ восторгомъ, хотя пѣвцы на этотъ разъ пѣли не вполне удовлетворительно. Оркестръ, подъ управленіемъ Рейсигера, шелъ чудесно. — Миттервурцеръ, въ роли Князя Сиджизмондо, былъ превосходенъ. — По окончаніи оперы публика вызвала композитора.

Послѣ спектакля, композиторъ далъ большой ужины, на который приглашены все пѣвцы и все члены оркестра. Каждый изъ капельмейстеровъ говорилъ отъ имени всей капеллы рѣчь, которая кончалась громкими восклицаніями и народнымъ нашимъ гимномъ — *Боже Царя храни*, пропѣтымъ Нѣмцами. Потомъ, при звукѣ трубъ и литавръ, Рейсенгеръ возложилъ на голову композитора лавровый вѣнокъ, а Липинскій вручилъ ему отъ имени Королевской капеллы дипломъ, подписанный всеми директорами и членами оркестра.

Во все время ужина оперные хористы, собравшись подъ нашими окнами, пѣли разные стихи, написанные въ честь композитору.

Ужинъ продолжался до 3-го часу по-полуночи.

Сегодня второе представленіе «Біанки», которая на этотъ разъ шла гораздо-лучше. Опера принята съ рѣдкимъ въ нѣмецкой публикѣ восторгомъ. Пирамъ и угощеніямъ конца не было!... Черезъ нѣсколько дней мы ѣдемъ въ Берлинъ....

Берлинъ 15/27 ноября 1844.

Сегодня Спонтини пригласилъ насъ въ Королевскій Музыкальный Институтъ, гдѣ прекрасный оркестръ сыгралъ съ огнемъ и энергіею двѣ его увертюры, изъ «Кортеса» и изъ «Агнесы». Что за смѣлость, что за сила и за огонь въ его твореніяхъ!....

Я принужденъ былъ идти сегодня съ дамами нашими въ итальянскую оперу. Что за жалость! Есть впрочемъ одна хорошая пѣвица Скьерони-Нулли. Голосъ у нея сильный и выразительный, но необработанный.

Играли оперу Верди «Навуходоносора». Отъ роду не слыхалъ я такой жалкой музыки! Верхъ нелѣпости! Хочешь знать, что такое музыка Верди? Тѣ-же, что почти все новыя итальянскія оперы: собраніе нѣсколькихъ дуэтовъ, терцетовъ, арій, довольно

пеладно сплоченныхъ между собою, къ которымъ въ началѣ предѣлана какая-то коротенькая, шумная увертюра. Въ сравненіи съ нимъ, Дондзетти покажется Моцартомъ!

Кстати, въ этой оперѣ (какъ и во всѣхъ почти пылѣвшихъ итальянскихъ операхъ) есть второй оркестръ на сценѣ (*banda*); авторъ написалъ марши и молитвы, которыя Вавилоняне и Евреи играютъ на сценѣ на кларнетахъ, фаготахъ и т. д. Знаю, что нынче никто не обращаетъ вниманія на такіе промахи*), но если терпѣть подобныя несообразности и нелѣпности, то я спрашиваю, къ чему дѣлать для оперы новые костюмы? Навуходоносоръ очень-хорошо могъ-бы пѣть во фракѣ.

Замѣчательно, что эта опера принята въ Италіи съ восторгомъ, доходившимъ до фанатизма, до безумія! Композитора закидывали вѣнками и букетами! Ни Веберъ, ни Мейерберъ, ни Россини даже никогда не удостоивались такихъ почестей! Грустно подумать, что въ Италіи, отечествѣ столькихъ чудныхъ произведеній искусства, обѣтованной землѣ артистовъ, до того упало понятіе объ истинной красотѣ! Напрасно Овидій говоритъ, что Богъ создалъ насъ такъ, чтобы мы всегда смотрѣли на небо: «*Erectos ad sidera tollere vultus*»; люди однакожъ такъ охотно склоняются къ землѣ!— Не разъ дѣлалъ я себѣ вопросъ: отъ-чего дурная статуя, или картина, на которой были-бы написаны странныя фигуры, безъ всякой соразмѣрности, никогда не считались за хорошія произведенія искусства? Отъ чего безобразный домъ, сколоченный безъ вкуса и безъ плана, никогда не считался за хорошій памятникъ архитектуры? Между-тѣмъ какъ жалкія, слабыя трагедіи, написанныя плохимъ, варварскимъ слогомъ, піесы, которыя на закусномъ языкѣ обыкновенно называются «*pièces à grande recette*», имѣли нерѣдко огромный успѣхъ, возбуждали даже всеобщій восторгъ? Отъ-чего оперы, подобныя Велизарію, Линдѣ ди Шамуни, Роберту Деверѣ, Маріи ди Роганъ, Навуходоносору и множеству другихъ, нашли своихъ защитниковъ, своихъ почитателей, и имѣли успѣхъ почти на всѣхъ европейскихъ театрахъ? Какая можетъ быть тому причина? — Развѣ та только, что на сценѣ *все и вся* находятся подъ вліяніемъ пльози, и что тамъ весь успѣхъ піесы почти всегда зависитъ отъ дарованій и искусства двухъ, трехъ артистовъ, нерѣдко одного! Увлеченная восхитительною игрою Макреди или Рашель, публика не хочетъ, не

*) Кларнетъ, какъ известно, изобрѣтенъ въ 18-мъ стол.

можетъ, не имѣть времени задумываться о значеніи мыслей, объ истинѣ словъ, высказываемыхъ съ жаромъ и чувствомъ, а между-тѣмъ неимѣющихъ иногда между-собою никакой связи, невыражающихъ никакой мысли. — Рубини и Паста возвеличатъ, опозтизируютъ каждую оперу, отстоятъ ее собственною грудью. Какой успѣхъ имѣли Анна Болепа и Робертъ Леверё, исполненные этими артистами? — Счастливы Донидзетти, что партитуры этихъ оперъ не печатаны. «Печать — пробный камень драматическихъ сочиненій», говоритъ Вольтеръ; и точно, — сколько піесъ, хорошо поставленныхъ, сыгранныхъ искусными актерами, сначала имѣли замѣчательный успѣхъ; когда-же напечатаны и хладнокровно разобраны въ кабинетѣ, не могли выдержать сравненія съ самыми слабыми произведеніями! Число истинныхъ знатоковъ, людей, способныхъ основательно опѣнить достоинства каждаго произведенія человѣческаго ума, очень-невелико; болѣе же рѣшаетъ голосъ толпы, руководимой по болѣе части духомъ партіи, или ослѣпленіемъ повизны; она кричитъ, рукоплещетъ, бросаетъ цвѣты, — или бранитъ, свищетъ и кидаетъ гнилыми яблоками. — Между-тѣмъ, одни истинные знатоки, тѣ самые, которые менѣе всѣхъ судятъ и рядятъ объ искусствѣ, тѣ управляютъ *à la longue* судомъ и мнѣніемъ публики. Сколько нынче съ восторгомъ откапываемъ произведеній, нѣкогда осмѣянныхъ и втоптаныхъ въ грязь; — и сколько сочиненій, превознесенныхъ до небесъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ забыто!... Правду говорилъ Вольтеръ: «*Il faut un siècle pour mettre aux choses leur véritable prix dans le genre*»... Такъ и должно быть, и иначе даже быть не можетъ. Художественное произведеніе, какъ золото, должно перегорѣть въ горнилѣ, чтобы, какъ золото, получить вѣковую цѣнность.

НЕВѢСТА ПЕТРА II.

Воздухъ радостно волнуеть
Наше русское ура;
Вся Москва кипить, ликуеть....
Есть невѣста у Петра!
И стоитъ въ огромной залѣ,
У высокаго окна,
Безъ тоски и безъ печали,
Горделивая княжна.

Передъ нею тотъ, кто бремя
Тяжкой муки перенесъ,
Тотъ, кто ей въ былое время
Стоилъ много горькихъ слезъ,
Тотъ, кто въ сладкихъ ожиданьяхъ
Мнилъ ее назвать своей,
Тотъ, кто былъ въ ея мечтаньяхъ
Всѣхъ дороже и милѣй.

Говорилъ онъ: «Ахъ! ужели
Все сокрылося, какъ сонъ?
Неужли я въ-самомъ-дѣлѣ
Счастья видѣть васъ лишень?
Неужели все, что было, —
Все — я долженъ позабыть?
То, что сердце такъ любило,
Развѣ можно разлюбить?»

«И давно-ли жизнь сулила
 Столько счастья для души?
 Такъ судьба меня любила,
 Дни такъ были хороши!...
 Рокъ ласкалъ меня, какъ сына,
 Въ счастья жизнь текла моя.
 А теперь!... Екатерина!...
 О! за что наказанъ я?

«Какъ жестоко я обмануть!
 И тебѣ меня не жаль?...
 Слезъ не жди!... Огъ не капуть!
 Изсушила ихъ печаль!
 Но ужель ты все забыла?...
 Наши клятвы къ небесамъ?
 Неужель ты измѣнила
 И надеждамъ и мечтамъ?»

«О! увѣрь, что умоляла
 Ты жестокаго отца,
 Что тебя не привлекала
 Слава Царскаго вѣнца,
 Что, покорна приказанью,
 Ты должна Его любить,
 Что себя ты на страданья
 Согласилась осудить!»

«Вѣрь! корона тяжелѣе
 Обручальнаго вѣнца!
 Не пади, Княжна, подъ нею!
 Не гнѣви, Княжна, Творца!
 Погубила гордость Еву, —
 Страшны гордыя мечты!
 Здѣсь любовь — вѣнецъ для дѣвы —
 Вспомни Меншикову ты! —»

Замолчалъ онъ, но сурово
 Горделивая Княжна
 На безумца молодого
 Посмотрѣла, холодна.
 И тоской и сожалѣньемъ,

Строгий взоръ не запылалъ,
Онъ не выразилъ мученья,
Онъ надежду отнималъ.

— «Графъ! слова твои напрасны!!!
Я увѣрена въ себя!
Ждетъ меня удѣлъ прекрасный
И покорна я судьбѣ.
Цѣнь-ли дается мнѣ судьбою,
Я возьму ее, повѣрь,
Также твердою рукою,
Какъ вѣнецъ беру теперь!

«Какъ ты страненъ, Милезино!
Развѣ можешь ты мечтать,
Что съ тобой Екатерина
Будетъ плакать и страдать?...
Прошлымъ днямъ не возвратиться!
Я ихъ помнить не должна.
Не забудь! — Императрица,
Милезино, — не Княжна!

«Съ этихъ поръ о прежней жизни
Я не смѣю вспоминать;
Я супругу и отчизнѣ
Мысли всѣ должна отдать,
Чувства прежнія коронѣ
Въ жертву я должна принести, —
Нѣтъ мнѣ прошлаго на тронѣ,
Только будущее есть!...

«Ахъ, меня ты дурно знаешь,
Если вздумалъ упрекать!
Чувствъ моихъ не понимаешь,
Иль не хочешь ихъ понять.
Я любила въ этомъ мѣрѣ
Больше всѣхъ тебя, повѣрь!
Развѣ хочешь, чтобъ въ порфирѣ
Та-же я была теперь?...

«Мнѣ сказалъ отецъ суровый,

Горделивый мой отецъ ;
 — Дочь! тебя ждетъ жребій новый,
 Царскій ждетъ тебя вѣнецъ!
 Позабудь мечты пустыя,
 Возвеличь нашъ славный родъ!
 На тебя глядитъ Россія,
 И надѣется народъ.

— Ты къ себѣ Монарха страстью
 Сильной можешь приковать,
 И Его составить счастье,
 И Россіи счастье дать.
 Отрокъ Царственный душою
 Слабъ; хотъ добръ, но молодъ Онъ!
 Онъ, плѣнившися тобою,
 Зломъ не будетъ увлеченъ.

— И себя ты съ нимъ прославишь!
 Отъ враговъ остережешь,
 Въ путь прямой Царя отправишь
 Отъ совѣтовъ злыхъ спасешь,
 Укрѣпишь въ Немъ духа твердость,
 Власти царственной оплотъ,
 И враговъ увидишь гордость
 Долгорукихъ славный родъ! —

«И тогда все поняла я,
 Жизнь возвысилась моя,
 И о долгѣ помышляя,
 Графъ, тебя забыла я!
 Хотъ къ тебѣ сама природа
 Страсть зажгла въ моей крови,
 Но любовь всего народа
 Выше, Графъ, твоей любви!

«И теперь пора разстаться!
 Не на время — навсегда.
 Намъ ужъ больше не видаться
 Въ этой жизни никогда!
 Ваша честь мнѣ въ томъ порукой!
 Просить васъ теперь Княжна,

А о страсти къ Долгорукой
Знать Царица не должна!

«У Царей свои законы, —
Есть священный долгъ у нихъ —
И сіяніе короны
Выше всѣхъ страстей земныхъ!
Графъ!... смотрите!... я хотѣла
Хладнокровіе хранить,
Не успѣла, не сзумѣла....
Ахъ! и я могу любить!...»

«Слезы льются!... Ихъ причину
Вамъ легко теперь понять!
Пусть онѣ Екатерицу
Будутъ вамъ напоминать!...
Но теперь пора проститься —
Графъ! ужъ ждетъ меня народъ!...
Руку вамъ свою Царица
На прощаніе даетъ!»

И съ тоскою и слезами
Онъ къ ногамъ ея упалъ,
Онъ горячими устами,
Плача, руку цѣловалъ,
Грудь его любовь терзала
Сердце мучила тоска —
И въ рукѣ его дрожала
Эта блѣдная рука!...

ВЪ ЗОТОВЪ.

ГРАФИНЯ ДЕ-МОНРІОНЪ.

Повѣсть Фредерика Сульѣ.

(Продолженіе).

УІІІ.

СВИДАНІЕ СЪ ЛЬВИЦЕЙ.

Г-жа де-Шаммортеъ пошла за Леоной къ каретѣ, стоявшей за темной аллеей; онѣ сѣли, и, по приказу Леоны, карета поѣхала. Сильви, предаваясь ужасному отчаянію, не говорила ни слова, и Леона продолжала безстыдно клеветать ей на ея соперницу; Сильви, сказать правду, ея вовсе не слушала; она измѣрала въ это время всю бездну своего паденія. Въ одинъ и тотъ-же день тайна страсти, съ которой она боролась всѣми силами души, перешла въ руки двухъ соперницъ.

Но въ этой душѣ, полной отчаянія и ревности, стыдъ — быть во власти Леоны былъ мучителенъ несравненно-менѣе, чѣмъ мысль быть игрушкой соперницы. Леона слишкомъ-хорошо знала женское сердце для того, чтобы не продолжать клеветать, хотя Сильви, казалось, ея вовсе не слушала. Въ эту минуту — это были слова на-вѣтеръ; но Леона знала хорошо, какъ оглушительно раздадутся они потомъ въ ухахъ г-жи де-Шаммортеъ.

Наконецъ онѣ пріѣхали на мѣсто свиданія, выбранное Леоною; эта послѣдняя еще издали замѣтила Бриаса, который прохаживался взадъ и впередъ — и потому тотчасъ-же опустила сторы.

— Оставайтесь въ каретѣ, сказала Леона: я постараюсь быть такъ близко отъ васъ, что вы все услышите.

Она велѣла остановиться, вышла и сдѣлала какой-то знакъ кучеру, который шагомъ поѣхалъ за нею. Показался Бріась.

— Вы видите, какъ я аккуратенъ, сказалъ онъ ей.

— И я тоже.

— Итакъ, началъ Бріась: могу-ли я знать наконецъ, чему я обязанъ этою милою аккуратностію.

— Одному дѣлу, чрезвычайно-важному для васъ, и, можетъ-быть, для меня.

— Если такъ, сказалъ Бріась, понижая голосъ: то мы можемъ пойти по другой аллеѣ, или велѣть вашему кучеру остановиться.

— Мой кучеръ, отвѣчала Леона: имѣетъ съ одной стороны неогрѣненное достоинство быть глухо-нѣмымъ, а съ другой, въ глазахъ людей, которые могутъ съ нами встрѣтиться — онъ все-таки свидѣтель и слушатель нашего разговора.

— У васъ удивительная предусмотрительность, Леона; говорите-же и скажите мнѣ, для чего вы назначали мнѣ это свиданіе, мнѣ, который, въ своемъ смиреніи, никогда васъ не просилъ о свиданіи.

— Я вамъ это прощаю, отвѣчала Леона. Когда голова занята отношеніями, доношеніями и разными дѣловыми бумагами, тогда конечно некогда думать ни о чемъ, кромѣ серьезныхъ вещей. Мнѣ-же нужно говорить съ вами о вашихъ дѣлахъ; знаете-ли вы, за-чѣмъ здѣсь Монтекленъ?

— Вѣроятно, для того, чтобы привести въ порядокъ свое имѣніе. Такъ я думаю, по-крайней-мѣрѣ.

— Нѣтъ. Г. де-Монтекленъ живетъ здѣсь для г-жи де-Монріонъ.

— Онъ? прервалъ Бріась: невозможно, — онъ-бы сказалъ мнѣ объ этомъ.

— По этому случаю, начала опять Леона: я вамъ должна рассказать одинъ маленькій анекдотъ, котораго вы, можетъ-быть, не знаете. Есть на свѣтѣ нѣкто г. Виллонъ, бывшій прикащикъ г. и г-жи Торé, теперь владѣлецъ ихъ бывшаго торговаго дома; этотъ г. Виллонъ, экзель-обожатель мадмуазель Жюлі Торé, сохранилъ къ г-жѣ де-Монріонъ родъ страстнаго культа, который заставлялъ его дѣлать самыя безумныя глупости для того, чтобы помѣшать своему идолу выдти за-мужъ за разорившагося дипло-

мата, влюбленнаго гораздо-больше въ нѣвніе г-жи де-Монрионъ, чѣмъ въ ея особу, по-крайней-мѣрѣ, сколько я могу думать.

— Вы ошибаетесь, Леона; если любовь можетъ замѣнить деньги, то я не знаю никого, кто-бы былъ достойнѣе меня руки графини.

— Какъ? сказала Леона, насмѣшливымъ тономъ: вы любите ее до такой степени, и говорите это мнѣ...

— Я и забылъ, что вы смертельно ее ненавидите за имя, которое она носитъ, и за другое, которое вы сами носите. Но что за дѣло до моей любви, какова-бы она ни была: надобно будетъ, можетъ-быть, отказаться отъ всѣхъ моихъ намѣреній.

— Развѣ вы получили какія-нибудь новости изъ Парижа?

— Нѣтъ, сказала отрывисто Бриась.

— Или васъ беспокоитъ прїездъ Монтеклена?

— Нѣтъ... я увѣренъ, что Монтекленъ даже вовсе не знаетъ графини де-Монрионъ.

— Правда, но очень желаетъ узнать.

— Почему-же вы это думаете?

— Я вамъ говорила сейчасъ — объ одномъ г. Виллономъ.

— Да — я и забылъ. Но что-же общаго между этимъ господиномъ и Монтекленомъ?

— Вотъ что. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я была на балу въ Оперѣ и сидѣла въ фойе, когда вдругъ кто-то сѣлъ подлѣ меня; — это былъ Монтекленъ, который скучалъ тамъ, какъ и вездѣ, по-обыкновенію. Мы слишкомъ-явные и прекренніе враги съ нимъ, а потому я предоставила его скучѣ, и хотѣла уже сойти съ мѣста, когда увидѣла г. Виллона. Я позвала его, и фарфоровый фабрикантъ, который уже около часу съ отчаяніемъ смотрѣлъ на черныя атласныя маски, тотчасъ-же сѣлъ подлѣ меня. Между г-жою де-Монрионъ и г. Виллономъ есть тайны.

— Что вы хотите сказать? вскричалъ съ живостию Бриась: вы хотите оклеветать графиню?

— Вы правы, я не такъ выразилась; я должна-бы сказать, что есть тайны между мамзель Торé и г. Виллономъ.

— Такъ или иначе, но это все-таки клевета на самую чистую, на самую достойную изъ всѣхъ женщинъ.

— Которая, вѣроятно, первая, прервала Леона: заставила васъ испытать истинную любовь.

— Она, по-крайней-мѣрѣ, заставила меня понять любовь, которая уважаетъ то, что любить.

Леона вдругъ сильно закашляла; она услышала въ каретѣ глухія

рыданія. Бриась остановился — потому-что шумъ этотъ поразилъ и его уши. Но Леона начала снова.

— Что-же дѣлать, любезный Бриась? У каждаго бываетъ маленькая разбѣянность; вы забыли сейчасъ о моей ненависти къ г-жѣ де-Монрионъ, и признались въ вашей любви къ ней; я въ свою очередь забыла объ этой любви и позволила говорить своей ненависти, — потому, мы квиты. Только ужъ не лучше-ли прекратить разговоръ? Вы, кажется мнѣ, вовсе не расположены слушать добрыхъ совѣтовъ.

— Преступите прямо къ нимъ.

— Да, если только вы не станете прерывать меня.

— Я васъ слушаю.

— Я вамъ сказала, что позвала г. Виллона, и что онъ сѣлъ между г. Монтекленомъ и мною. Тогда я воспользовалась всею свободою маски, чтобы пересказать все, что только я знала о свадьбѣ мадуазель Торé и попала такъ мѣтко, что несчастный фарфорщикъ пришелъ въ самую неистовую и въ самую смѣшную ярость. Онъ, кажется, началъ уже грозить мнѣ и на мой смѣхъ обратился къ Монтеклену съ вопросомъ, можетъ-ли порядочный чело­вѣкъ метить женщинѣ, которая позволяетъ себѣ безстыдныя клеветы на-счетъ самой чистой, самой достойной изъ женщинъ. Да, именно, кажется, онъ употреблялъ тѣ-же самыя выраженія, какъ и вы Бриась. Вѣроятно, ужъ любовь къ этой госпожѣ заставляетъ ея обожателей говорить совершенно-одинакія пошлости. Не-смотря на свою зѣвоту, Монтекленъ насъ внимательно слушалъ. На вопросъ г-на Виллона, онъ только пожалъ плечами, и отвѣчалъ ему съ своей обыкновенной безстыдно-невозмутимой дерзостью.

— Глупо вамъ обращать на все это вниманіе. Развѣ вы не узнали г-жи Леоны Амабъ, прежде бывшей г-жи де-Камбюръ? Услыхавши эти слова, фарфорщикъ, кажется, готовъ былъ схватить меня за горло, но, къ-счастью, удержался въ границахъ и я оставила его съ громкимъ смѣхомъ, хотя взбѣщенная на Монтеклена, который вырвалъ у меня мою жертву. Я не терала ихъ изъ глазъ, — они начали говорить другъ-съ-другомъ; я нѣсколько разъ прошлась по фойё; они продолжали говорить съ такимъ-же жаромъ. Потомъ, я часа два сидѣла въ ложѣ, и когда возвратилась въ фойё — они все-таки были вмѣстѣ: судите сами, сколько подробностей о г-жѣ де-Монрионъ могъ узнать Монтекленъ въ продолженіе этого долгаго разговора. Вы его знаете

и знаете, слѣдовательно, какъ искусно достигаетъ онъ своихъ цѣлей.

— Онъ! перервалъ Бриасъ: я думаю напротивъ, что онъ совершенно-равнодушенъ ко всемъ этимъ интригамъ и вовсе невиненъ въ намѣреніяхъ, какія вы предполагаете.

— Ну, послѣ этого нечего и говорить, сказала Леона. А! вы считаете Монтеклена равнодушнымъ и невиннымъ... Я знала, что онъ очень-уменъ, но не думала, чтобы онъ успѣлъ увѣрить въ своей ничтожности дипломата, какъ вы.

— Все это очень-хорошо, прервалъ Бриасъ: но какое-же отношеніе между этой встрѣчей на оперномъ балу и прибытіемъ сюда Монтеклена?

— Такое, что Монтекленъ, который ничего никому не говорить, который вовсе не знаетъ г-жи де-Монрионъ, который все ей не занимается, писалъ къ...

Слова Леоны были прерваны появленіемъ Монтеклена, который сказалъ ей, улыбаясь:

— Какъ? вы распечатываете мои письма, сударыня?

Леона съ чудесной быстротою подавила въ себѣ удивленіе и отвѣчала смѣло и покойно:

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, но если вы хотите, чтобы ваша корреспонденція была такой-же непроницаемой тайной, какъ ваши мысли, то не должны повѣрять вашихъ писемъ слугамъ, которые, вмѣсто того, чтобы подать г-жѣ Амабъ письмо, гдѣ вы ее благодарите за приглашеніе, подаютъ ей письмо на имя г. Луи Виллона.

— И это письмо, сударыня....

— Я читала только адресъ, но и этого было мнѣ достаточно для заключенія, что г. маркизъ де-Монтекленъ находится въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ г. Виллономъ.

— Что-же далѣе, сударыня?

— Предоставляю вамъ самимъ, господа, выводить заключеніе; цѣль моя достигнута; я хотѣла только разяснить для каждаго его истинныя цѣли.

Она поклонилась и, сама отворивши дверцы кареты, быстро вскочила въ нее и заперла еще быстрѣе.

— Я понимаю ея цѣль, сказалъ Бриасъ: она очень-ясна,—это погубить г-жу де-Монрионъ.

— Бриасъ, вскричалъ Монтекленъ, не спуская глазъ съ удалявшейся кареты.

— Или другая, можетъ-быть, продолжалъ Бріасъ: заставить насъ перерѣзать другъ-другу горло.

— Бріасъ! повторилъ Монтекленъ, указывая на карету.

— Если только она не хочетъ.

— Бріасъ! въ третій разъ вскричалъ Монтекленъ страшнымъ голосомъ: Леона была не одна въ каретѣ, тамъ сидѣлъ кто-то.

— Шаммортенъ, можетъ-быть, сказалъ Бріасъ съ ужасомъ.

— Нѣтъ, — женщина.

— Женщина? Но кто-же?

— Г-жа де-Шаммортенъ.

— Невозможно, вскричалъ Бріасъ, блѣднѣя.

— Я видѣлъ только ножку въ черномъ атласномъ башмакѣ, и едва-ли есть другая такая ножка, безъ исключенія даже ножки г-жи де-Монрионъ, которой я вовсе не знаю.

— Сильви, Сильви! вскричалъ Бріасъ: и она слышала все, что я говорилъ. Но это невозможно, но за часъ до этого она ненавидѣла Леону.

— Когда я вамъ говорилъ вчера, что эта женщина задумала что-нибудь ужасное, вы смѣялись...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ — говорилъ Бріасъ: не можетъ-быть, чтобы это была г-жа де-Шаммортенъ Какъ? какимъ искусствомъ, могла она сдѣлать это?

— Не знаю... но я увѣренъ въ этомъ. Бріасъ, вы мнѣ не все сказали.

— Клянусь честью, я не скрылъ ничего.

— Вы думаете? Но вы не знаете, что съ этой змѣей, которая хуже библейской, опасно всякое слово, всякое удареніе. Какъ она назначала вамъ свиданіе?

— Очень-просто.

— Она прямо назначила вамъ часъ и мѣсто?

— Дайте вспомнить... Нѣтъ, она назначила сперва утро, полдень, потомъ два часа.

— Понимаю, сказалъ Монтекленъ съ гнѣвомъ! вы соглашаетесь на всякій часъ, кромѣ одного.

— Это правда.

— И вѣроятно, таже исторія повторилась съ мѣстомъ?

— Да... но я трепещу, Монтекленъ.

— Учились-ли вы математикѣ, Бріасъ?

— Чтò за вопросъ.

— Отвѣчайте мнѣ: знаете-ли вы, отъ чего прямая линія есть самый краткій путь отъ одной точки къ другой?

— Это не доказывается.

— Вздоръ, Бриасъ,—это одно изъ тѣхъ положеній, которыхъ истина-прекрасно доказывается цѣлѣостію другихъ противоположныхъ. Когда Леона нашла, что всѣ часы дня и всѣ мѣста для васъ совершенно-равны, кромѣ одного — въ ней родилась математическая увѣренность, что въ этотъ часъ и на этомъ мѣстѣ вамъ назначено свиданіе. Егдо — она была при вашемъ свиданіи съ г-жою де-Шаммортепъ.

— Но съ какою цѣлію?

— Не знаю, что вы говорили, — но неужели вы не знаете, что Леона прикрываетъ свои пороки проступками другихъ женщинъ? Теперь, когда у нея въ рукахъ ваша тайна и тайна г-жи де-Шаммортепъ,—понимаете ли вы, какую роковую власть имѣетъ она надъ вами?

— Къ-счастію, вскричалъ Бриасъ, съ искренностью, которая заставила Монтеклена улыбнуться, къ-счастію, что Сильви невинна, что она никогда не забывала своего долга.

— Такъ, Бриасъ, — сказалъ ему Монтеклиенъ: но она была довольно-неосторожна, чтобы показаться вполне виновною.

— Я долженъ съ нею видѣться! перервалъ Бриасъ съ живостію

— Захочетъ ли она? Будетъ ли это возможно?

— Такъ что же дѣлать?

— Надобно, чтобы Шаммортепъ былъ у васъ въ рукахъ.

— Но Сильви знаетъ давно уже истину.

— Безъ сомнѣнія, но г. Амабъ ея не знаетъ, а онъ въ состояніи убить свою жену.

— Вы его не знаете, Монтеклиенъ: онъ убьетъ, пожалуй, Шаммортепа, но пальцемъ не тронетъ жены.

— Вы правы. Но чертъ возьми — у насъ есть удивительный помощникъ въ нашемъ дѣлѣ.

— Кто же?

— Полковникъ Томасъ Рьенъ.

— Какъ это?

— Садитесь на лошадь, Бриасъ; надобно увидѣться съ нимъ прежде, чѣмъ онъ будетъ сегодня вечеромъ у Шаммортепа. Поѣдемте, я вамъ объясню все это на дорогѣ.

IX.

РЕЗУЛЬТАТЪ.

Шаммортенъ, который являлся къ Леонѣ съ обыкновеннымъ визитомъ, для того, чтобы объясниться съ ней на счетъ ея вчерашней холодности, возвратился чрезвычайно-раздосадованный тѣмъ, что не нашелъ ее дома. Онъ узналъ, что жена его еще не прѣѣзжала, и хотѣлъ уже ѣхать къ г-ну де-Монталѣ, когда увидѣлъ карету г-жи Амабъ, въѣзжающую на дворъ. Онъ спачала обрадовался, что жены его нѣтъ дома. Шаммортенъ твердо былъ увѣренъ, что Сильви послала къ Леонѣ приглашеніе, но не со всемъ былъ спокоенъ на счетъ пріема. Есть тысяча способовъ быть въ высшей степени дерзкимъ, не измѣняя нисколько свѣтской учтивости, и въ особенности женщины знаютъ все эти способы.

Потому онъ былъ радъ, что первый визитъ Леоны будетъ принятъ только г. и г-жою де-Рюджанъ и имъ. Вѣчныя претензіи г. де-Рюджанъ ручались ему за его любезность, а страшная исторія, которой онъ испугалъ свою тещу, увѣряла его въ прекрасномъ пріемѣ его Леоной. Г. де-Шаммортенъ былъ крайне удивленъ, увидя, что изъ кареты Леоны вышла г-жа де-Шаммортенъ. Сильви была блѣдна и взволнована, Леона покойна и грустна. Обѣ казались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ одна съ другою.

Въ эту минуту въ головѣ г. де-Шаммортена скользнула мысль очень-страшная, хотя очень-естественная.

По настояніямъ Леоны, которой честолюбіе въ особенности стремилось къ тому, чтобы вступитъ наконецъ въ міръ, до-сихъ-поръ для нея закрытый, онъ вытребовалъ приглашеніе ея на праздникъ въ замкъ г. де-Рюджанъ.

Разумѣется, одержавши эту побѣду, онъ былъ-бы очень недоволенъ, если-бы пріемъ, сдѣланный Леонѣ, слишкомъ-явно противорѣчилъ приглашенію; и между-тѣмъ былъ еще болѣе недоволенъ совершенно-неожиданною дружбою между Сильви и г-жою Амабъ. Шаммортенъ слишкомъ-хорошо зналъ Леону, чтобы не знать также, что дружба съ нею неприлична для Сильви. Появленіе г-жи Амабъ въ его салонѣ, среди ста другихъ женщинъ, и въ шумѣ праздника, было фактомъ слишкомъ-неважнымъ, и по его разчетамъ должно-было вовсе остаться безъ послѣдствій. Въ эту минуту онъ готовъ былъ раскаиваться въ своемъ успѣхѣ.

Прежде еще, чѣмъ Шаммортеи успѣлъ войти въ залу, гдѣ были г. и г-жа де-Рюджанъ, Сильви представила уже Леону отцу и матери; она разсказала, что, возвращаясь пѣшкомъ отъ г-де-Монталѣ, встрѣтилась въ лѣсу съ г-жою Амабъ, которая ѣхала къ ней съ визитомъ, и потому предложила ей мѣсто въ каретѣ. Сильви прибавила, что она чрезвычайно рада этой встрѣчѣ, подавшей ей случай лучше узнать и оцѣнить свою прекрасную сосѣдку.

Пока Сильви говорила это, г. де-Рюджанъ, котораго застали въ распlohъ, въ плафрокѣ, разсыпался въ извиненіяхъ и поклонахъ, а г-жа де-Рюджанъ принужденными учтивостями старалась прикрыть удивленіе отъ поступковъ дочери, и досаду на радость г. де-Рюджанъ.

Шаммортеи вошелъ въ салонъ въ ту минуту, когда г. де-Рюджанъ ускользнулъ изъ него наконецъ, чтобы идти заняться своимъ туалетомъ. До сихъ поръ г-жа де-Рюджанъ только кланялась и кусала себѣ губы, но наконецъ принуждена была улыбнуться самымъ граціознымъ образомъ, когда Леона сказала ей:

— Безъ г-жи Шаммортеи, сударыня, я никакъ-бы не могла узнать въ васъ ся матушку. Скорѣе-бы я подумала, что у нея есть сестра.

— Правда, что я была очень-молода еще, когда вышла за г. де-Рюджанъ, сказала маменька, жеманясь.

Шаммортеи, еще больше недовольный, подошелъ и поклонился Леонѣ съ видомъ самымъ холоднымъ и церемоннымъ. Она отвѣчала на его поклонъ въ высокой степенн скромно, и обращаясь по-прежнему къ г-жѣ де-Рюджанъ, сказала ей:

— Позвольте мнѣ, сударыня, избавить себя отъ церемонныхъ фразъ въ отношеніи къ женщинѣ съ вашимъ умомъ, и сказать вамъ откровенно, что ваше приглашеніе было для меня чрезвычайно-лестно, потому-что хотя это приглашеніе сдѣлано мнѣ отъ имени г-жи де-Шаммортеи, но, какъ я должна думать, съ вашего согласія.

— Безъ сомнѣнія, сударыня.

— Вы удвоиваете его цѣну, и съ первой минуты доказываете мнѣ истину того, что было мнѣ говорено сто разъ, того, что нельзя лучше васъ соединить доброту и любезность съ умомъ и добродѣтелью.

Шаммортеи встревожился. Онъ подумалъ, что тѣща его пойметъ, что Леона надъ ней насмѣхается; но Шаммортеи не зналъ еще крѣпкой силы человѣческаго тщеславія. Эта лесть, очень-не-

тонкая, только приятно пощекотала г-жу де-Рюджанъ. Она улыбнулась, начала жеманничать, и разговоръ принялъ обыкновенный оборотъ обыкновеннаго двухъ-минутнаго визита. Леона поднялась съ мѣста, не смотря на настоянія г-жи де-Рюджанъ. Дамы проводили ее до дверей залы; Шаммортеъ хотѣлъ идти за ней дальше. Леона остановила его, сказавши ему тихо.

— До-завтра! Будьте осторожныѣ!

Когда она вышла, Шаммортеъ взглянулъ на жену; та была погружена въ глубокую задумчивость. Онъ обратился къ тещѣ.

— Ну вотъ, сударыня, вы видѣли эту страшную женщину, которой не хотѣли принимать... Что вы о ней думаете?...

— Она, кажется, очень-добрая женщина, о которой говорятъ много дурнаго, какъ и обо всѣхъ, которые имѣютъ несчастье быть красавицами, сказала г-жа де-Рюджанъ.

— Говорятъ, что она умна, началъ опять Шаммортеъ, съ улыбкой.

— Можетъ-быть, отвѣчала г-жа де-Рюджанъ: но что я замѣтилъ въ ней, такъ это въ особенности — здравыя сужденія.

— И особенно, сказала Сильви, убѣжденнымъ тономъ: идеи слишкомъ необыкновенныя.

— Какъ вы такъ хорошо могли ее узнать въ нѣсколько минутъ? спросилъ Шаммортеъ.

— Мы были вмѣстѣ болѣе часу.

— И что-же она вамъ говорила?

Сильви взглянула на мужа съ саркастическимъ видомъ, и оставляя салонъ, сказала:

— Вамъ будетъ, можетъ-быть, очень-неловко слушать то, что она мнѣ говорила.

Шаммортеъ не зналъ, что сказать, и тѣща, вѣроятно, готовилась спросить его объясненія на эту фразу, когда вошелъ г. де-Рюджанъ съ сияющимъ лицомъ, потирая руки, и качаясь самымъ развязнымъ образомъ.

— Вы пришли слишкомъ-поздно, сказала ему г-жа де-Рюджанъ: птичка уже улетѣла.

— А! сказалъ г. де-Рюджанъ: хорошо, очень-хорошо.

— Вамъ это весело, сударь?

— Но я не имѣю привычки печалиться.

— Вы старый дуракъ, сказала, пожимая плечами, г-жа де-Рюджанъ. Впрочемъ, г-жа Амабъ вовсе не то, что вы думаете... Это женщина съ достоинствомъ, съ умомъ...

— Вѣрю.

— И всякое волокитство только сдѣлаетъ васъ смѣшнымъ.

— Прошу васъ вѣрить этому, отвѣчалъ г. де-Рюджанъ, пронически кланяясь женѣ, которая вышла изъ салона, и тотчасъ-же обратился къ Шаммортену.

А! Шаммортенъ, удивительная вещь! Меня застали въ неглиже, я побѣжалъ одѣваться, и хотѣлъ возвратиться въ залу, какъ вдругъ услышалъ прощанія. Вы отворили дверь, я отскочилъ въ сторону, и едва только дверь затворилась, я явился передъ ней. Сказать вамъ правду, Шаммортенъ, я старался вамъ вредить. Я ей сказалъ, кажется, что прошу у нея позволенія поправить неучтивость моего зятя, и проводить ее до кареты, и потомъ, взявши ее руку, прибавилъ, что надобно, просто, не умѣть жить, чтобы уступить кому-нибудь такую прекрасную руку. Я пожалъ ей руку, и чортъ меня возьми, она покраснѣла.

— Пожалуй, она и къ этому способна, сказалъ Шаммортенъ съ досадою.

— Рѣшительно, мой милый, она чудесна... Но я хочу быть скромнымъ.

И г. де-Рюджанъ съ торжествующимъ видомъ отправился въ паркъ.

— Да, она всѣхъ околдовала! подумалъ Шаммортенъ.

И онъ ушелъ, болѣе чѣмъ когда-либо недовольный успѣхомъ Леоны, хотя симъ добивался, чтобы ее приняли.

Теперь, мы перервемъ на нѣсколько минутъ нашъ разговоръ, чтобы сообщить читателю нѣкоторыя письма его героевъ.

Отъ полковника Томаса Ръенъ къ г-жѣ Мюллеръ, въ Кельнѣ.

20 мая.

«Я уже писалъ къ вамъ вчера, милая матушка, о томъ, какъ я приѣхалъ въ эту сторону. Я рассказалъ вамъ обо всѣхъ, кого я встрѣтилъ, и передалъ все, что отъ нихъ узналъ. Но я еще ни видалъ ни г. де-Монталё, ни знаменитой г-жи де-Монрионъ. Я надѣялся встрѣтиться съ ними у Шаммортена, къ которому я ѣздилъ вчера вечеромъ. Но ихъ не было. Утромъ были у меня съ визитомъ и чрезвычайно удивили меня.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, Монтеклепъ вдругъ вскричалъ:

— Полковникъ, помните-ли вы Шершельское дѣло?

— Какъ не помнить, pardieu! сказалъ я ему и безъ васъ это была-бы для меня, вѣроятно, послѣдняя кампанія.

— Ну такъ, полковникъ, вспомните-же, что вы сказали въ эту минуту, опять бросаясь въ сраженіе.

— Моя очередь придетъ, надѣюсь!

— Если вы мнѣ напоминаете это, сказалъ я Монтеклену: значитъ, моя очередь пришла?

— Вы угадали.

— Въ чемъ-же дѣло?

— Дѣло очень-важное, и тайна должна умереть здѣсь.

— Я жду.

— Должно просить г-жу Амабъ молчать о томъ, что она видѣла вчера.

Вамъ понятно будетъ, конечно, мое изумленіе при этихъ словахъ.

— Я не знаю г-жи Амабъ, сказалъ я ему.

— Вѣрю.

— Я видѣлъ ее вчера въ первый разъ.

— Вѣрю и этому. Но я сочту величайшей услугой съ вашей стороны, если просьба объ этомъ будетъ сдѣлана вами отъ своего имени, и особенно, когда вы не дадите ей почувствовать, что она внушена вамъ мною или Бриасомъ.

— Но какую-же силу можетъ имѣть надъ г-жою Амабъ просьба челоуѣка, почти вовсе ей незнакомаго?

— Полковникъ, отвѣчалъ мнѣ Монтекленъ: я не опредѣляю границъ этой силы, но надѣюсь на нее.

— Г. де-Монтекленъ, сказалъ я ему наконецъ: это становится очень-дурною шуткою. Повторяю вамъ, что я не знаю г-жи Амабъ, и что вы хотите заставить меня играть въ отношеніи къ ней вовсе неумѣстную роль.

— Полковникъ, отвѣчалъ мнѣ Монтекленъ, съ своимъ сардоническимъ видомъ: — вы не можете и вообразить всего, что вы можете, такъ какъ до Шершельскаго дѣла, я не воображалъ, что могу спасти жизнь челоуѣка ударомъ хлыста. Я ударилъ просто — и все тутъ. Такъ и вы теперь, скажите просто г-жѣ Амабъ, что вы не хотите, чтобы она говорила о томъ, что видѣла и слышала вчера, и клянусь вамъ, что вамъ удастся, какъ мнѣ удалось.

— Если-бы дѣло шло не о долгъ, сказалъ я Монтеклену: я-бы смотрѣлъ на все это совершенно иначе, — но вы обязываете меня моимъ словомъ, такъ и быть: услуга за услугу, — я сдѣлаю то, что вы хотите.

— Благодарю васъ, полковникъ, сказалъ мнѣ Монтекленъ:

мы будемъ квинты, и тогда каждый можетъ безъ опасенія и осторожности идти къ своей цѣли.

И онъ тотчасъ-же удалился, вмѣстѣ съ Бриасомъ, который во все это время разсматривалъ меня, какъ любопытнаго звѣря.

Что это значитъ, матушка? Этотъ человекъ, стало-быть, меня знаетъ? Онъ знаетъ, можетъ-быть, кто я, по-крайней-мѣрѣ, знаетъ мои отношенія къ Леонѣ.... отношенія! Но развѣ я сказалъ неправду, что я не знаю ее.

Когда я сказалъ Леонѣ, она спросила меня:

— Отъ васъ-ли эта просьба Томасъ?

— Что нужды? отвѣчалъ я: — такъ надо, это долгъ.

Она общала мнѣ молчать.

Вечеромъ я былъ у Рюджановъ, и понялъ тотчасъ-же то, что отъ меня хотѣли скрыть. Когда г. де-Рюджанъ разсыпался въ похвалахъ Бриасу, г-жа де-Шаммортенъ обратилась къ нему и сказала:

Вамъ слѣдуетъ сказать, справедливы-ли эти похвалы, потому что знаете ее больше всѣхъ насъ.

Бриасъ не отвѣчалъ ни слова. Монтекленъ цѣлый вечеръ усердно и постоянно волочился за г-жою де-Рюджанъ. Кто этотъ человекъ? чего онъ хочетъ? хотѣлось-бы мнѣ спросить о немъ Леону. Надобно подождать до завтра. Я не забуду никогда вашихъ наставленій, и знаю вашу нѣжность къ ней. Послѣ-завтра, я увижу г. де-Монталѣ — и буду наблюдать за нимъ, прежде еще, чѣмъ дойду до страшнаго объясненія. За пятнадцать лѣтъ до сего, въ разговорѣ, который рѣшилъ мою судьбу, онъ явился мнѣ образцомъ неблагодарности и жестокости, а между-тѣмъ, его считаютъ честнымъ человекъ! Вѣроятно, это маска — увидимъ!

X.

АРТЮРЪ ДЕ-МОНТЕКЛЕНЪ КЪ ЛУИ ВЕЛЛОНУ.

23 мая.

Я уже говорилъ вамъ, мой милый, что горизонтъ одѣлся тучами; молнии начали прорѣзываться по небу, слышались отдаленные раскаты грома; атмосфера полна была электричества; все предвѣщало бурю и буря, наконецъ, разразилась.

Былъ чудесный вечеръ. Замокъ Рюджановъ блисталъ сіяніемъ

свѣчь, благоухалъ цвѣтами; полы лоснились, — новыя ливреи надѣты были на лакеевъ.

Тестъ былъ одѣтъ удивительно: въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, въ черныхъ панталонахъ, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и лаковыхъ башмакахъ, въ бѣломъ жеметѣ и черномъ галстукѣ. Онъ походилъ на только-что кончившаго курсъ студента, который снялъ мундиръ и впервые надѣлъ бальный костюмъ.

Тѣща, не желая отставать отъ мужа, надѣла атласное розовое платье и множество брилліантовъ.

Шаммортевъ былъ-бы очень порядоченъ, если-бы только оставилъ претензіи на двадцатипятилѣтнюю талію. Мучительно-стянутое брюхо тѣмъ не менѣе однако сохраняло свою почтенную наружность.

Что касается до г-жи де-Шаммортевъ, — она была прекрасна, какъ женщина, которая создана, которая хочетъ и умѣетъ быть красавицей. Она одѣлась въ простое бѣлое платье изъ индѣйскаго муслина, — и на головѣ ея артистически наколото было нѣсколько простыхъ цвѣтовъ. Такъ шелъ къ ней этотъ нарядъ, такъ была она въ немъ свободна и непринужденна, что я увѣренъ въ участіи Леоны въ этомъ туалетѣ, какъ увѣренъ вообще въ ея вліяніи, потому-что бѣдная женщина казалась веселою и счастливою. Леона страшно-опасный наставникъ, и Шаммортевъ можетъ поплатиться очень-дорого за воспитаніе жены.

Мнѣ любопытно было видѣть пріемъ — и потому я пріѣхалъ довольно-рано и засталъ только человѣкъ тридцать. Пришлось по-неволѣ приводить на память прошедшее, ибо я нашелъ нѣсколько старыхъ друзей моего отца, которые видали меня ребенкомъ и почли за нужное рассказывать мнѣ о моихъ ребяческихъ глупостяхъ; — тутъ же нашелъ я нѣсколько, когда-то дѣвочекъ, которыхъ, бывало, сажалъ я къ себѣ на колѣни, а теперь дѣвушекъ, весьма-расположенныхъ къ брачному состоянію, пацгае віго, какъ говорится по латыни. Все это меня страшно состарило. Мнѣ тридцать два года, любезный Виллонъ — и я — ровно ничто, благодаря этому дикому старику Монталѣ, который теперешнею моралью выкупааетъ практическую безнравственность молодости.

Но вы его глубоко уважаете: онъ хранительная звѣзда, къ которой вы безпрестанно обращаете глаза. Я общалъ уважать его, и въ особенности заботиться о вашей звѣздѣ. Оставляю,

слѣдственно, въ сторону мою законную ненависть и продолжаю мой разсказъ.

Я ушелъ отъ воспоминаній отцовъ и отъ надеждъ дочекъ и спрятанія у окна, за большимъ занавѣсомъ. Такимъ-образомъ, я могъ смотрѣть на дворъ, гдѣ тянулись рядами кареты гостей, и между тѣмъ продолжать шпіонствовать въ залѣ.

Въ особенности хотѣлось мнѣ замѣтить, какое впечатлѣніе произведетъ явленіе Бриаса: онъ былъ принятъ, какъ всѣ, ни болѣе, ни менѣе, и поблѣднѣлъ въ-слѣдствіе этого.

Чтобы скрыть свое смущеніе, онъ началъ лекать кого-нибудь глазами, и попалъ на сеньёра Аннибала, де-Рюджанъ, который оттащилъ его въ сторону ко мнѣ, чтобы говорить о прекрасной г-жѣ Амабъ. Я опять сталъ смотрѣть на дворъ, и наконецъ показала карета Амабовъ.

Входъ Леоны въ залу былъ чудесенъ: она была прекрасна, она была спокойна, она была скромна; она казалась счастлива и между тѣмъ смущена необыкновеннымъ приѣмомъ, и потупивъ глаза, сѣла на мѣсто, нарочно оставленное ей подлѣ г-жи де-Шаммортенъ. Старый Рюджанъ былъ внѣ-себя отъ восторга: она какъ-будто сыскала его взглядомъ и поклонилась. Бриасъ, который не могъ уйти отъ дружбы стараго купидона, долженъ былъ поклониться въ свою очередь, что было очень-глупо съ его стороны. Но я смотрѣлъ только на Леону и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ ея взглядъ, обращавшійся робко на окружающихъ. Слѣдя за нимъ, я у дверей увидѣлъ громаднаго Гектора де-Монталѣ, въ бѣломъ галстукѣ, упизанномъ брилліантами: онъ былъ гнусенъ. Не таковъ былъ полковникъ Томасъ Рьень, стоявшій въ двухъ шагахъ отъ него; — его высокій ростъ и тонкая талія чудесно обрисовывались чернымъ фраккомъ, застегнутымъ на всѣ пуговицы до самаго бѣлаго галстука, на которомъ видѣлась его командорская ленточка.

Такъ-какъ вы утверждаете, мой милый Виллонъ, то я не хочу вамъ противорѣчить, я допускаю, что полковникъ Томасъ — сынъ одной доброй Нѣмки, иллюминатки т. е., полусумасшедшей, живущей въ Кельскомъ монастырѣ, что эта г-жа Мюллеръ вмѣстѣ съ тѣмъ и крестная мать Леоны, я все это допускаю — но чортъ меня возьми, если чистая аристократическая кровь не течетъ въ жилахъ этого человѣка; его орлиный носъ, его тонкія губы — все это показываетъ, и покойный г. Мюллеръ, просто, Амэстрионъ въ этомъ случаѣ.

Какъ-бы то ни было, но собраніе становилось очень-многочи-

сленно, въ салонѣ дѣлалось душно. Г-жа Шаммортепъ съ невѣроятной аффектаціей продолжала впрочемъ наполнять его женщинами. Оркестръ уже четыре или пять разъ игралъ прелюдію, — но г-жа де-Шаммортепъ не хотѣла ничего слышать, и вмѣсто того, чтобы подать знакъ къ началу танцевъ, сѣдилась опять подлѣ г-жи Амабъ. Кстати, я и забылъ совершенно о г. Амабъ; онъ выпалъ на долю Шаммортена. Вдругъ отворилась дверь, и я увидѣлъ фею.

Виллонъ, мой добрый другъ, вы сказали мнѣ однажды: «Я буду любить ее цѣлую жизнь безъ надежды, потому что теперь разстояніе, отдѣляющее ее отъ меня, безконечно; но если-бы нужно было отдать когда-нибудь имѣніе и жизнь для того только, чтобы спасти ее отъ самаго маленькаго огорченія, — я сталъ-бы думать, что не вовсе даромъ жилъ на землѣ». — Вы мнѣ сказали это — и зная, что она должна прѣхать въ эту сторону, прибавили: «Храните ее, защищайте ее, и если когда-нибудь будетъ грозить ей опасность — увѣдомьте меня, и я явлюсь тотчасъ-же спасти ее.» Вы мнѣ все это сказали, Виллонъ, и хотя между мной и ею есть тайна, которую вы знаете и которой она не знаетъ, тайна, которая расположила меня въ ея пользу, — признаюсь вамъ, когда вы мнѣ сказали это, я не расхохотался вамъ прямо въ лицо потому только, что жалѣлъ всегда о сумасшедшихъ. Но — если кто-либо изъ насъ сумасшедшій, Виллонъ — такъ это я, а не вы. Я видѣлъ ее, Виллонъ, прекрасную, чистую, величавую, наивную — одѣтую, какъ герцогиня. Когда отъ лучей ея глазъ поблѣднѣли свѣчи и салонъ озарился небеснымъ сіяніемъ, когда я увидѣлъ улыбку на ея пурпуровыхъ устахъ, на этихъ улыбающихся и говорящихъ розахъ, когда я увидѣлъ эти бѣлыя плечи, эти руки, объятія которыхъ нераскрыты никому, эти дѣтскіе пальцы, этотъ станъ, который гнется какъ стальная шпала, Виллонъ, Виллонъ — я былъ пораженъ, ослѣвленъ, уничтоженъ... Я сталъ презирать себя и находить васъ слишкомъ дерзкимъ. Какъ! вы ее любите, Виллонъ? Клянусь душою, я не посмѣлъ-бы любить ее.

Нѣтъ, клянусь всѣмъ на свѣтѣ, я не буду любить ее. Но, если-бъ я любилъ ее, эту женщину, я сдѣлался-бы ея рабомъ, ея лакеемъ, я посадилъ-бы ее на тронъ, я поставилъ-бы алтарь или, скорѣе, заперъ-бы ее въ башню, сторожилъ-бы самъ входъ и убилъ-бы ее за одну мысль о комъ-нибудь другомъ, кромѣ меня. Нѣтъ, успокойтесь Виллонъ, я не буду любить ее, я вовсе не хочу сдѣлаться ни безумнымъ, ни смѣшнымъ.

Я не говорю, разумѣется, ни слова о васъ. Ваша натура выносить подобную любовь — тѣмъ лучше. Я слишкомъ властолюбивъ и самолюбивъ, чтобы надѣть на себя такія оковы. Въ особенності-же, я слишкомъ эгоистъ для этого. Если бъ я любилъ ее, вашу звѣзду, вашъ идеалъ, вашу Жюлі — я-бы не принадлежалъ себѣ болѣе. Потому что надобно же наконецъ перестать говорить этими глупыми метафорами; это была Жюлі, это была графиня де-Монріонъ. Свѣтлая ореола, ее окружавшая, была такъ ярка, что я едва могъ замѣтить фигуру г. де-Монталё, который велъ ее подъ руку. Этотъ проклятый старикъ, благодаря ей, прошелъ мимо меня, — и я не почувствовалъ желанія разожить ему голову. Она — рѣшительно фея.

Вы спросите меня, какъ я могъ такъ много видѣть, такъ много открыть совершенствъ, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ея входа въ залу. Но дѣло въ томъ, что это время было продолжено самымъ оскорбительнымъ образомъ. Г-жа де-Монріонъ, вошедши въ этотъ полукругъ женщинъ, пожирившихъ ее глазами, стала искать хозяйки дома; та сидѣла подлѣ Леоны и слишкомъ педовко — явно наклонилась къ ней, не желая видѣть г-жи де-Монріонъ. Жюлі, наконецъ, увидала г-жу де-Шаммортенъ и подошла къ ней. Г. де-Монталё остановилъ ее, узнавши Леону. Онъ, вѣроятно, думалъ, что г-жа де-Шаммортенъ, замѣтивши ихъ, встанетъ и пойдетъ на встрѣчу, желая избавить ихъ отъ непріятности столкнуться лицомъ къ лицу съ Леоной.

Г-жа де-Шаммортенъ была неумолима; она упорно продолжала обращаться къ Леонѣ и не замѣчать ни г. де-Монталё, ни г-жи де-Монріонъ. Это было замѣчено. Г-жа де-Монріонъ осталась спокойною, но г. де-Монталё, поправивши галстухъ, хотѣлъ было удалиться. Наконецъ, кто-то изъ дамъ сталъ звать г-жу де-Шаммортенъ, она была неподвижна. Все это начинало становиться даже скандальнымъ, когда г. де-Рюджанъ, или угадавши намѣренія дочери или повѣривши дѣйствительности ея разсѣянности, съ живостию прошелъ залу, взявъ за руку Жюлі и подвелъ ее къ г-жѣ де-Шаммортенъ, сказавши громко:

— Дочь моя, г-жа де-Монріонъ давно уже ждетъ васъ.

Старый Амадисъ, съ его смѣшными претензіями, былъ однако умнѣе въ эту минуту Шаммортена, который все это видѣлъ и только отиралъ съ чела холодный потъ.

Г-жа де-Шаммортенъ оборотилась довольно небрежно, встала какъ можно медленнѣе, поклонилась какъ можно холоднѣе, и, бросивши кругомъ себя разсѣянный взглядъ, сказала:

— Отъ-чего вы такъ поздно? Въ большой гостиной нѣтъ больше мѣста, и я должна васъ по-неволѣ посадить въ уголь.

Она взяла Жюлі за руку и повела къ дверямъ, гдѣ встрѣтила свою мать и поручила посадить графиню въ первой гостиной, гдѣ были еще только одни мужчины. Г. де-Рюджанъ завладѣлъ г. де-Монталё, невидавшимъ потому этой послѣдней неучтивости. Въ салонѣ нѣкоторыя фізіономіи измѣнились отъ этого, и во первыхъ, какъ я вамъ говорилъ уже, Шаммортенъ, который рвалъ свою перчатку; потомъ Бриасъ, который походилъ на опьянѣлаго, — далѣе г. Амабъ, просто позеленѣвшій. Полковникъ Томасъ Рьенъ неподвижно, внимательно смотрѣлъ на графиню.

Леона глядѣла на г-жу де-Монрионъ съ очаровательною улыбкою и, оборотившись къ своей сосѣдкѣ, замѣтила ей тихо.

— Она чудесно-хороша.

Кареты тѣснились на дворѣ, — но все собрались, и потому я вышелъ изъ-за моего занавѣса въ ту минуту, когда взгляды Леоны, казалось, искали кого-то. Я прямо подошелъ къ ней и сказалъ:

— Я здѣсь.

— Видѣли вы ее? спросила она, вовсе не отрицаясь, что искала меня.

— Да, отвѣчалъ я, не спрашивая, о комъ она говорила.

— Простили-ли вы г. де-Монталё?

— Нѣтъ.

— Куда вы?

— Иду смотрѣть на нее.

— Неужели вы начинаете нападенія взглядами, какъ вотъ этотъ маленькій человѣчекъ, который стоитъ подлѣ Монталё.

— Онъ очень-милъ, отвѣчалъ я, — это сынъ моего антекаря.

— Советую вамъ представить его дочери вашего фарфорщика.

— Надобно, чтобы сначала меня самого представили.

— Можете попросить моего мужа.

— Но вы-бы въ такомъ случаѣ-никогда его не простили: я лучше попрошу Бриаса.

— Если-бы онъ осмѣлился сдѣлать это, Сильви была-бы, можетъ-быть, въ состояніи его простить.

— Я не хочу подвергать его этому страшному прощенію, и не стану представляться: я буду продолжать на нее смотрѣть.

— За-чѣмъ?

— Чтобы видѣть ее.

— Стало-быть, въ этомъ особенное наслажденіе?

- Для меня оно понятно въ первый разъ.
 — И вы не видали ничего лучше.
 — Ничего.
 — Чтобы быть злымъ, вы становитесь невѣжливъ.
 — И чтобы вы не подражали мнѣ, я васъ оставляю.

Я былъ нѣсколько доволенъ тѣмъ, что хоть тѣмъ-нибудь омрачить торжество Леоны и пошелъ въ первую залу, гдѣ намѣлъ уже Жюлі, ходящую между двухъ или трехъ дѣвушекъ. Полковникъ Томасъ одинъ только пошелъ за мною въ комнату, гдѣ сидѣла поклонутая красавица; онъ глядѣлъ на нее чрезвычайно странно, клянусь вамъ. Была ли то ненависть, или удивленіе и любовь? Этого я не могу объяснить, но дѣло въ томъ только, что глаза его бросали отъ себя лучи, которые испугали Жюлі, когда она съ ними встрѣтилась. Она обратилась ко мнѣ. Вѣроятно, я смотрѣлъ на нее точно также, какъ полковникъ, потому, что она, кажется, оскорбилась.

Къ счастью для меня поданъ былъ знакъ къ началю танцевъ. Необходимость заставила перейти многихъ въ другую залу. Г-жа де-Шаммортенъ подала примѣръ. За недѣлю еще первая кадрили была общана ею Бриасу, — онъ вспомнилъ объ этомъ, но г-жа де-Шаммортенъ прошла мимо его съ какимъ-то барономъ де ла Тротьеръ.

Это вывело Бриаса изъ его огульного состоянія, и онъ, по видимому, готовъ былъ схватить за горло длиннаго барона. Я остановилъ его во-время и сказалъ ему:

— Не дѣлайте глупостей: ангажируйте г-жу де-Монрионъ.

Бриасъ повиновался съ отчаяніемъ, и, какъ все безхарактерные люди, вдался въ крайность, и сталъ прямо противъ г-жи де-Шаммортенъ. Вдругъ явился Леона съ Гекторомъ. Привидѣ ея, на Сильви сошло какое-то вдохновеніе злобы; она указала Леонѣ на мѣсто противъ себя, и дерзко сказала Жюлі:

— Извините, сударыня, вотъ мое vis-à-vis.

Бриасъ остался, какъ громомъ пораженный. Гекторъ не видалъ ничего; г-жа де-Монрионъ упала почти безъ чувствъ на крезело.

Шаммортенъ, видѣвшій весь этотъ театральнй эффектъ, хотѣлъ было подойти, но былъ прикованъ къ своему мѣсту взглядомъ Леоны. Полковникъ, смотрѣвшій на все спокойно, удалился съ недовольнымъ видомъ.

Бриасъ, потерявшись, не зналъ, что сказать г-жѣ де-Монрионъ, кромѣ того, что онъ въ отчаяніи, не имѣя другаго vis-à-vis; я уже хотѣлъ было ангажировать одну изъ презрѣмыхъ дамъ и

идти на помощь къ Бріасу и графинѣ де-Монріонъ, — но даже смущеніе и робость, выразившіяся на этомъ прекрасномъ лицѣ, не могли меня заставить сдѣлать что-нибудь пріятное для почтеннаго Монталё.

Онъ только что вошелъ, гордый своей добродѣтелью, своей репутаціей, своимъ перствомъ, самимъ-собою, и я оставилъ Бріаса, и я забылъ Жюлі. Наконецъ, она увидѣла г. де-Монталё, робко прокралась къ нему и увлекла его въ другую комнату.

Старый Монталё вѣрить не хотѣлъ тому, что ему говорила Жюлі — а она между-тѣмъ плакала, она, непорочная вдова, бѣлая Валпирія, цѣломудренная Венера, — она плакала?... И знаете-ли, Виллонъ, что отвѣчалъ ей достойный предметъ вашего поклоненія?

— Здѣсь никто не можетъ оскорбить меня такимъ образомъ!

Но надобно-же было чѣмъ-нибудь это кончить. Г. де-Монталё рѣшился потребовать объясненія и показать Жюлі, что она совершенно ошиблась въ намѣреніяхъ г-жи де-Шаммортея. Онъ послалъ лакея попросить тихонько г. и г-жу де-Рюджанъ, или г. де-Шаммортея, или, въ крайнемъ случаѣ, даже г-жу де-Шаммортея. Но г. де-Рюджанъ сидѣлъ за вистомъ; г-жа де-Рюджанъ танцевала, Шаммортея не сыскали, а г-жа де-Шаммортея просила подождать ее съ-минуту. Бріасъ вошелъ въ комнату, и смущенный встрѣчею, сталъ спрашивать меня:

— Извините, сказалъ ему г. де-Монталё: вы ангажировали г-жу де-Монріонъ, и потому, скажите-же ей, прошу васъ, что г-жа де-Шаммортея не имѣла никакого дурнаго намѣренія.

Бріасъ потупился въ землю, не отвѣчая ни слова.

— Развѣ вы думаете, сударь, продолжалъ г. де-Монталё: что г-жа де-Шаммортея имѣла намѣреніе оскорбить мою племянницу?

— Что вы это говорите, мой добрый другъ? сказала Сильви, входя въ эту минуту. Я, напротивъ, думала сдѣлать очень-пріятное царницѣ красоты, вашей прекрасной племянницѣ, давая ей возможность говорить съ г. Бріасомъ.

— О! сударыня! отвѣчала Жюлі.

Взглядъ ея былъ такъ краснорѣчивъ въ эту минуту, и мнѣ показалось, что она все знаетъ.

— Это, по-крайней-мѣрѣ, любви позволенная, отвѣчала г-жа де-Шаммортея, и которой неосторожность заглядитъ, какъ я надѣюсь, бракъ. Я-же хотѣла ускорить его — и, право, въ отчаяніи отъ того, что не успѣла въ своемъ намѣреніи.

Г. де-Монталё, который, какъ человѣкъ *sapientis et fortis*, считаетъ обязанностію ничего не знать, сталъ искать на стѣнахъ разрѣшенія этой загадки. Г-жа де-Монпріонъ взглянула на Сильви съ такимъ глубокимъ состраданіемъ, что я быль тронуть.

— О! сударыня, сказала она: подь чью власть вы попали?

Она, казалось, все угадала, все поняла, и жалѣла о безумной ревности Сильви. Г. де-Монталё взялъ руку племянницы, и сказалъ громко слугѣ:

— Карету — и передайте г. де-Шаммортену, что я надѣюсь видѣться съ нимъ завтра утромъ.

Онъ вышелъ. Сильви колебалась съ минуту, и, можетъ-быть, сказала-бы что-нибудь г. де-Монталё, если-бъ этотъ проклятый Бріасъ, самый несчастный изъ всѣхъ дипломатовъ, не сказалъ ей:

— О! я знаю, сударыня, кто научилъ васъ оскорбить чистѣйшую добродѣтель; но клянусь вамъ, что я отпущу за это.

Ревность и бѣшенство совершенно овладѣли г-жою де-Шаммортенъ.

— Да, это ваша обязанность, какъ жениха, отвѣчала ему Сильви.

Я думалъ, что истощились уже всевозможныя перипетіи драмы, какъ вдругъ, входитъ толстый Монталё, и спрашиваетъ съ смущеніемъ:

— Жениха? чьего?

— Вашей прекрасной кузины, г-жи де-Монпріонъ.

Гекторъ едва не бросился на Бріаса, и его остановило только присутствіе г-жи де-Шаммортенъ. Но она еще не совсѣмъ ушла, какъ онъ подошелъ къ Бріасу, и сказалъ страннымъ голосомъ:

— Я васъ убью, Бріасъ.

Г-жа де-Шаммортенъ остановилась и не могла удержаться отъ крика; ей стало страшно.

— *Par Dieu!* отвѣчалъ Бріасъ: вы меня крайне обяжете.

Сильви слышала этотъ отвѣтъ, и не знаю, что-бы она сдѣлала, если-бы не показался Шаммортенъ. Сильви ушла подь покровительство и защиту Леоны. Гекторъ, разгнѣванный, или, точнѣе, разъяренный, остановилъ мужа на проходѣ, и сталъ просить его быть у него секундантомъ противъ Бріаса.

Шаммортенъ спрашивалъ объясненія, когда вошелъ слуга и подалъ ему написанную карандашемъ записку.

— Отъ кого?

— Отъ г. маркиза де-Монталё.

— Развѣ онъ уѣхалъ?

— Но, кажется, ему нечего было болѣе дѣлать, отвѣчалъ Бріасъ.

— Въ это время Шаммортеи читалъ записку.

— Вотъ! вскричалъ онъ: еще новая бѣда.

— Какъ, мой старый бездѣльникъ дядюшка, сказалъ Гекторъ: хочеть также драться?

— Не думаю; впрочемъ, записка очень-суха... Но что-же произошло здѣсь? продолжалъ Шаммортеи.

— Не знаю, сказалъ Гекторъ: я ничего не видалъ.

— Господа, перервалъ Шаммортеи: не угодно-ли вамъ возвратиться въ залу; пожалуйста безъ скандаловъ; все это мы постараемся объяснить завтра.

Они ушли и я вышелъ изъ-за занавѣса.

Что вы на это скажете, другъ Виллонъ?... Все это не чудесная преледія ужаснѣйшаго безпорядка? Потому-что, при помощи Леоны, очень можетъ статься, что въ дѣло вмѣшаются г. Амабъ, длинный баронъ, полковникъ и я самъ. Между-тѣмъ, думая, что могу быть тѣмъ-нибудь полезенъ Бріасу, хотъ тѣмъ, чтобы не дать ему быть убитымъ этимъ скотомъ, Гекторомъ, — я тоже отправился въ залу. Но напрасно искалъ я тамъ Рюджановъ и Шаммортеи: они воспользовались фуроромъ танцевъ и исчезли. Леона улетѣла съ ними — также пропали и Гекторъ, и Бріасъ. Амабъ игралъ въ карты съ полковникомъ и двумя богачами-откупщиками. Какъ всегда водится, богачи очищали карманы артиста и солдата. Они сидѣли въ спальнѣ г-жи де-Шаммортеи, а будуаръ подлѣ нея, къ моему величайшему удивленію, былъ запертъ. За дверьми слышался глухой шумъ голосовъ.

Признаюсь вамъ, я-бы несколько не посовѣстился поделушничать, но надобно было быть осторожнымъ. Я занялъ мѣсто Амаба, который проигралъ уже очень-много, и доставилъ себѣ удовольствіе выиграть у двухъ скупцовъ съ сотню луддоровъ.

Но въ то время, какъ я игралъ, дверь открылась и вышли Рюджаны. Шестидесяти-лѣтній зефиръ выпорхнулъ съ смущеннымъ, но вмѣстѣ и съ торжествующимъ видомъ. Г-жа де-Рюджанъ была просто въ отчаяніи.

— Это ужасъ, ужасъ! шептала она.

— Э!... возразилъ мужъ: что-же такое? Онъ еще мойхъ лѣтъ.

Черезъ минуту потомъ вышли Шаммортеи съ женою. Она плакала.... Была, слѣдовательно, сцена, и воспослѣдовало объясненіе... Я не сомнѣвался, что дѣло шло объ обидѣ, сдѣланной

г-жѣ де-Монрионъ. Я началъ надѣяться, что въ этомъ предпріятіи Леона авось-либо сломаеть свои ядовитыя когти. Я рассчитывалъ кое что на Бриаса, когда вдругъ къ моему величайшему удивленію, онъ явился съ Леоной, которую слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, и къ довершенію всего, показался Гекторъ. Онъ казался въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Бриасомъ. Передо мною совершилось позорное дѣло, и черезъ нѣсколько минутъ потомъ, Бриасъ вальсировалъ съ г-жою де-Шаммортенъ; безумная женщина была, по видимому, въ восторгѣ отъ того, что его простила — и трепетала отъ страсти въ объятіяхъ Бриаса.

Но гдѣ и когда получилъ онъ это прошеніе? Какъ совершилось примиреніе Бриаса и Гектора? Я ходилъ за ними, желая что-нибудь вывѣдать, надѣясь на глупость одного и на нескромность другаго. Они были оба запечатаны, какъ завѣщанія. Я взглянулъ на Шаммортена. Онъ одинъ былъ мраченъ и недоволенъ. Я подошелъ къ нему и заговорилъ о г-жѣ де-Монрионъ.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это — не его дѣло. Другаго я ничего не могъ отъ него вывѣдать.

Вотъ все, что я могу передать вамъ, любезный Виллонъ... Но будьте покойны, я еще живу — отвѣчайте мнѣ одно только: если я влюбленъ въ Жюлі, простите вы мнѣ, или нѣтъ? Да, или нѣтъ? Прощайте!

«Моптекленъ».

XI.

СИРОТА.

На другой день, г. де-Монталё рано утромъ вошелъ въ комнату Жюлі. Она не ложилась; глаза ея были красны отъ слезъ и бессонницы, но въ эту минуту, казалось, необоримая рѣшимость заняла у нея мѣсть отчаянія, овладѣвшаго ею наканунѣ.

— Я пришелъ поговорить съ вами о вчерашнемъ происшествіи, сказалъ ей г. де-Монталё. Я написалъ, какъ вы знаете, нѣсколько строкъ къ Шаммортену; надѣюсь, онъ сдѣлаеть мнѣ честь пріѣхать объясниться, иначе я самъ поѣду требовать объясненія. Но для ясности полной, и вы должны отвѣчать мнѣ со всею откровенностью. Между вами и г-жой де-Шаммортенъ должно-было произойти что-нибудь, что побудило ее сдѣлать эту

обиду. Отвѣчайте, Жюлі... Я вашъ покровитель, я смотрю на васъ, какъ на свою дочь, я хочу знать всю истину.

Г-жа де-Монріонъ слушала г. де-Монталё съ покойнымъ и рѣшительнымъ видомъ. Когда онъ кончилъ, она отвѣчала твердо:

— Я дочь честныхъ родителей, и горжусь ихъ именемъ; но я понимаю, что мое происхожденіе оскорбляетъ людей, принадлежащихъ къ другому классу. Г-жа де-Шаммортенъ, вѣроятно, хотѣла мнѣ дать понять, что у нея я не на своемъ мѣстѣ.

— Г-жа де-Монріонъ вездѣ на своемъ мѣстѣ; та, кого я зову племянницей, имѣетъ право на всеобщее почтеніе, возразилъ маркизь.

— Вы видите однако, что это не такъ, сударь.

— Вы не говорите мнѣ истины, Жюлі, сказалъ г. де-Монталё. Вы пріѣхала сюда, и домъ Рюджановъ былъ для васъ открытъ. Г-жа де-Шаммортенъ принимала васъ и въ Парижѣ, и здѣсь, какъ самую близкую пріятельницу. Перемена въ ея обращеніи произошла только съ тѣхъ-поръ, какъ она здѣсь почевала. Вы знаете, какъ она торопилась уѣхать, не смотря на то, что вы ее удерживали... Не оскорбили-ли вы ее чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ, сударь.

— Знаю, что вы не могли имѣть этого намѣренія, но, можетъ-быть, отъ непривычки къ понятіямъ свѣта, вамъ не совсѣмъ знакомаго, вы тронули ее чѣмъ-нибудь за живое?

— Вы видите сами, сказала Жюлі, съ печальною улыбкою, что виновата должна быть непремѣнно я; всего лучше, слѣдовательно, оставить этотъ міръ, для котораго я перождена.

— Вы не въ спокойномъ состояніи души, Жюлі, и потому отвѣчаете мнѣ съ горечью. Все дѣло, можетъ-быть, просто въ какомъ-нибудь ребячествѣ... рассказывайте-же мнѣ все. Вспомните, не произошло-ли между вами и г-жою де-Шаммортенъ чего-нибудь необыкновеннаго?

— Если-бы и произошло что-нибудь такое, отвѣчала Жюлі съ твердостью: я лучше позабуду объ этомъ.

— Вы меня страшно огорчаете, Жюлі: я не привыкъ никогда видѣть васъ такою холодною, такою гордою. Я прошу у васъ объясненія, и вы не хотите дать его.

— Да, вы сказали правду, я не хочу.

Г. де-Монталё былъ, повидимому, раздраженъ этимъ отвѣтомъ.

— Не забудьте, вскричалъ онъ, что вы носите имя моей сестры, и что если это имя я готовъ защищать противъ всѣхъ каждаго, то и потому, что вѣрю, что вы носите его безъ упрека.

— Это имя сударь, сказала Жюли: вы знаете, какъ оно досталось мнѣ. Оно было даю мнѣ, какъ вознагражденіе, но я уважала и уважаю его, и потому-то не хочу подвергать его оскорбленіямъ, и потому-то хочу оставить эту сторону.

— Жюли, Жюли! вскричалъ г. де-Монталё, изумленный этой твердой рѣшимостью: это значитъ сказать мнѣ, что я не способенъ защитить васъ.

— О, нѣтъ, сударь, возразила Жюли съ неумолимою кротостью: это значитъ спасти васъ отъ безцѣльной борьбы за меня, борьбы, отъ которой я бѣгу первая.

— То-есть, другими словами, вы хотите меня оставить, сказалъ г. де-Монталё, голосомъ, болѣе разстроганнымъ, нежели сколько, можетъ-быть, желалъ.

— О, не говорите такъ, вскричала Жюли: ибо моя благоразумная рѣшимость будетъ мнѣ слишкомъ-дорого стоить.

— Но что за причина этой рѣшимости?

— Безполезно говорить вамъ объ этомъ.

— Право, это, наконецъ, очень-странно, сказалъ Монталё, глубоко оскорбленный. Я взялъ васъ къ себѣ, какъ дочь, и хотя не могъ дать вамъ этого имени, но за то хотѣлъ сдѣлать завѣщаніе....

— О нѣтъ, нѣтъ, перервала съ живостью Жюли: не дѣлайте этого, не окружайте меня врагами, которые никогда не простятъ мнѣ вашихъ благодѣній?

— Что это значитъ, Жюли? Вы обвиняете племянника моего, Гектора?

— Нисколько, сударь.

— Однако онъ одинъ могъ-бы жаловаться на мои распоряженія въ этомъ случаѣ, и притомъ жалобы могли-бы быть предотвращены, если-бы вы мнѣ позволили только утвердительно отвѣчать на его предложенія.

— Простите мнѣ, сударь, или я напому вамъ, что вы сами не слишкомъ уважаете г. Гектора де-Монталё.

— Я знаю его недостатки, недостатки, происходящіе отъ слишкомъ горячей натуры, отъ грубаго воспитанія, отъ грубаго образа жизни, но Гекторъ человѣкъ честный, онъ носитъ прекрасное имя, онъ молодой, храбрый, и предложеніе его мнѣ по сердцу. Притомъ же, я не отвѣчалъ еще ему формально. Послушайте, Жюли, я очень-много думалъ объ этомъ предметѣ, я понимаю, что васъ пугаетъ въ Гекторѣ; но съ другой стороны, бракъ съ нимъ соединилъ-бы очень много выгодъ.

— Этотъ бракъ невозможенъ сударь, сказала Жюлі, съ болѣзненнымъ движеніемъ.

— Невозможенъ?

— Простите мнѣ, сударь, продолжала Жюлі съ сильнымъ волненіемъ... вы были для меня другомъ, покровителемъ, вы хотѣли замѣнить мнѣ отца и мать, такъ рано отнятыхъ у меня судьбою. Вѣрите, вѣрите, что никогда признательность не была такъ искренна и глубока, какъ моя; но если я убѣждена, что мое присутствіе у васъ можетъ для васъ самихъ быть источникомъ несчастій, повѣрьте, мой благородный другъ, во мнѣ станеть мужества для разлуки съ вами, горькой, но къ сожалѣнію необходимой.... Я должна уѣхать.

— Но что же будетъ съ вами, когда вы останетесь однѣ въ мірѣ, безъ друзей, безъ родныхъ?

— У меня есть братъ, сударь.

— Вѣтренникъ... ребенокъ!

— Несчастіе естариваетъ скоро, и съ необходимостью быть защитникомъ для сестры, братъ мой получить и достоинство.

— Есть что то странное во всемъ этомъ, и я думалъ, было, что заслуживаю вашу откровенность, горько сказалъ г. де-Монталё.

Жюлі, которая до-сихъ-поръ сохраняла грустную, но не оборимую твердость, не могла болѣе владѣть своимъ отчаяніемъ. Она вскричала съ рыданіями:

— Оставьте меня.... Умоляю васъ, не заставляйте меня говорить вамъ о причинѣ дерзости г-жи де-Шаммортенъ.

— Она имѣла, стало-быть, причину? съ живостью перервалъ маркизъ.

Въ эту минуту колоколъ замка возвѣстилъ о прибытіи постороннихъ, и г. де-Монталё доложили, что г. де-Рюджанъ съ господами Шаммортенемъ и Бриасомъ просятъ позволенія его видѣть.

— Подождите меня, Жюлі, сказалъ онъ: мы не можемъ разстаться, — такъ вы не уѣдете, не увидѣвшись со мною.

— А между-тѣмъ, это было-бы лучше, сказала г-жа де-Монрионъ.

— Подумайте, что отправиться въ эту минуту, значило-бы принять обиду.

Г. де-Монталё вышелъ; Жюлі долго смотрѣла въ слѣдъ ему съ горестью и гнѣвомъ, но вдругъ, казалось, утвердилась въ своей рѣшимости, и вскричала:

— Да, я уѣду.... Но я не сдѣлаю, какъ они.... Я не оставлю слабыхъ и сиротъ.

Она надѣла мантилью, вынула изъ бюро кошелекъ, и тотчасъ-же оставила замокъ, никому ничего не сказавши.

ХИ.

ОТКРЫТІЯ.

Когда г. де-Монталё вошелъ въ залу, онъ холодно поклонился гостямъ, которые тамъ его ожидали. У Шаммортепа и Бриаса былъ церемонный и торжественный видъ, и самъ г. де-Рюджанъ дѣлалъ всевозможныя усилія надъ собою, чтобы сохранить строгую важность.

— Я ждалъ только васъ, г. де-Шаммортепъ, сказала Монталё, но очень радъ, что гг. де-Рюджанъ и де-Бриасъ угодно было приѣхать съ вами.

— Мы всё думали, отвѣчалъ Шаммортепъ, что объясненіе, котораго вы требовали, всего лучше можетъ быть сдѣлано вашимъ старымъ другомъ. То, что передастъ вамъ г. де-Рюджанъ, пояснитъ и прісутствіе Бриаса, котораго болѣе всѣхъ другихъ должно было удивить поведеніе г-жи де-Шаммортепъ, потому что онъ ангажировалъ г-жу де-Монріонъ. Племянникъ вашъ, Гекторъ де-Монталё, тоже долженъ былъ присутствовать при этомъ объясненіи, но онъ отказался, и мы всё понимаемъ, почему.

— Объ этомъ я могу лучше судить, когда услышу то, что можетъ мнѣ сказать Рюджанъ. Говорите, другъ мой, я васъ слушаю, прибавилъ г. де-Монталё, подавши своимъ гостямъ знакъ садиться.

Всѣ сѣли, и г. де-Рюджанъ, покачавшись съ-минуту на креслахъ, кашлянулъ и перевелъ дыханіе, потомъ началъ вѣтреннымъ и самодовольнымъ тономъ.

— Послушайте, Монталё, хоть я говорю и въ присутствіи зятя, котораго не хотѣлъ-бы осуждать въ его нравственныхъ правилахъ, хотя я говорю и въ присутствіи г. де-Бриаса, молодаго человѣка, который долженъ вѣрить въ непогрѣшимость сѣдыхъ волосъ, но все-таки, по-неволѣ, я долженъ вамъ напомнить, что мы были молоды... что мы не всегда были благоразумны, въ примѣръ чего я приведу, пожалуй, и приключеніе въ Кельпѣ.

Г-нъ Монталё наморщилъ брови и отвѣчалъ строгимъ тономъ:

— Иныя воспоминанія моеи молодости оставили по себѣ сожалѣнія, ни одно не оставило угрызений совѣсти.

— Вы думаете, и я вовсе не хочу начинать спора, который лѣтъ за тридцать чуть было насъ не поссорилъ.

— При томъ, продолжалъ съ важностью г. де-Монталё: я вовсе не вижу, къ чему эти воспоминанія, въ дѣлѣ, которое васъ привело сюда.

— Простите мнѣ, любезный другъ, но было необходимо напомнить вамъ, что люди самые твердые подвержены иногда страстямъ и заблужденіямъ, и счастливы тѣ, продолжалъ старый фатъ, кто не потерялъ еще страстей.

— Извините, сказалъ сухо г. де-Монталё: но я не думаю, чтобы вы пришли сюда проповѣдовать правила вашей морали. Прошу васъ прямо приступить къ дѣлу, и чтобы избѣжать бесполезныхъ разсужденій, я требую, чтобы вы сказали мнѣ причины болѣе чѣмъ страннаго поступка г-жи де-Шаммортеуъ, въ отношеніи къ г-жѣ де-Монрионъ; мы старые друзья, Рюджанъ, я могу все выслушать, когда честный человѣкъ говоритъ мнѣ ясно, хотя и жестоко.

— Вотъ въ томъ-то и трудность, вскричалъ г. де-Рюджанъ, прыгая на креслахъ. Но, Монталё, вы должны сами угадывать. Все извѣстно, чортъ возьми—вотъ въ чемъ сила! все извѣстно!

— Г. де-Шаммортеуъ, нетерпѣливо перервалъ маркизъ: не хотите-ли вы говорить яснѣе маркиза? Признаюсь, я становлюсь совершенно-непонятливъ.

— И я съ своей стороны, отвѣчалъ Шаммортеуъ, признаюсь, что мнѣ будетъ трудно сказать прямо кое-какія вещи человѣку, котораго я привыкъ почитать.

— Ну, такъ я обращаюсь къ вамъ, г. де-Бріасъ—началъ опять Монталё, все болѣе и болѣе приходя въ удивленіе.

— Извините, сказалъ Бріасъ: я не могъ отказаться быть свидѣтелемъ, но есть такіе деликатные пункты, до которыхъ я не считаю себя въ правѣ касаться.

— Господа, началъ опять г. де-Монталё, съ гордостью: все это, наконецъ, становится оскорбительно. Что-же такое сдѣлалось?... считаете-ли вы меня виновникомъ того, что сдѣлалось, или, по-крайней-мѣрѣ, сообщникомъ?

— Мы близки къ истинѣ, сказалъ г. де-Рюджанъ, поправляя свои манжеты; потомъ съ улыбкою на устахъ, продолжалъ: Ну,

Монталё, позвольте теперь съблать вамъ нѣсколько вопросовъ и напомнить нѣсколько чиселъ. Вы пріѣхали сюда прошлаго года осенью.

— Въ первыхъ числахъ октября.

— Г-жа де-Монрионъ носила еще трауръ, и наши сношенія съ ней ограничивались только нѣсколькими визитами.

— Все это я хорошо знаю. Жюлі была больна, и воспоминаіе объ ужасной смерти ея родныхъ не оставляло ее ни на минуту!

— Она была больна, продолжалъ г. де-Рюджанъ... прекрасно. Вы помните, что въ половинѣ октября вы уѣзжали, кажется, въ Неверъ.. Отсутствие ваше продолжалось съ недѣлю.

— Дней съ десять, однимъ словомъ, все время выборовъ, отъ которыхъ я хотѣлъ устранить Монтеклена, что мнѣ и удалось.

— Знаете-ли вы, что въ это время, г-жа де-Монрионъ ѣздила въ Исеудёнъ.

— Да, чтобы устроить свои дѣла съ покупщикомъ дома ея отца. Я самъ пріѣхалъ за нею въ Исеудёнъ.

— Въ какомъ состояніи вы ее нашли?

Г. де-Монталё остановился, какъ-бы пораженный пришедшимъ на память обстоятельствомъ, отвѣчалъ, смотря испытующимъ взглядомъ на г. де-Рюджанъ:

— Я ее не нашелъ, — потому что наканунѣ моего пріѣзда, она уѣхала.

— Ну, такъ, мой милый Монталё, сказалъ г. де-Рюджанъ: въ самый день вашего бесполезнаго путешествія въ Исеудёнъ, одна молодая женщина прибыла въ маленькую деревушку Сень-Фаронъ...

— Далѣе!

— И эта молодая женщина отдала на руки одной крестьянкѣ прекраснаго новорожденнаго ребенка, съ метрическимъ свидѣтельствомъ, которымъ ему давалось только имя Жюля и гдѣ была написано, что онъ родился отъ неизвѣстныхъ родителей.

Г. де-Монталё слушалъ съ совершенно-изумленнымъ видомъ.

— Но какое-же отношеніе все это можетъ имѣть къ г-жѣ де-Монрионъ? сказалъ онъ наконецъ.

— Эта молодая женщина, продолжалъ г. де-Рюджанъ: въ то же время отдала крестьянкѣ сумму въ пять-сотъ франковъ за мѣсяцы кормленія ребенка. Черезъ недѣлю потомъ, она была опять, и потомъ уѣхала. Это было въ концѣ октября.

Г. де-Монталё вздрогнулъ.

— Эпоха нашего пріѣзда! вскричалъ онъ.

Г. де-Рюджанъ продолжалъ:

— Незнакомка впрочемъ не забывала ребенка; подарки, платья посылались изъ Парижа къ кормилицѣ, — потомъ лѣтомъ, она опять прѣехала. Наконецъ, за мѣсяць до этого, посѣщенія сдѣлались чаще.

— И эта молодая и прекрасная женщина? спросилъ г. де-Монталё задыхающимся голосомъ.

— Г-жа де-Монрионъ, отвѣчалъ г. де-Рюджанъ, склоняя голову.

Г. де-Монталё бросилъ почти помѣшанный взглядъ на Бриаса и Шаммортена, которые не говоря ни слова, подтвердительно кивали головами.

— Невозможно! вскричалъ г. де-Монталё: невозможно—вамъ солгали!

— Ваша горестъ и изумленіе, перервалъ г. де-Рюджанъ, оправдываютъ васъ, по-крайней-мѣрѣ, въ моихъ глазахъ, ибо, надобно вамъ признаться, мой милый Монталё, совпаденіе вашего отсутствія съ отсутствіемъ г-жи де-Монрионъ заставило иныхъ подозревать васъ въ связи съ нею.

— Это сонъ, это сонъ, это сонъ! повторялъ г. де-Монталё.

Потомъ онъ всталъ и сказалъ съ живостію:

— И трое благородныхъ людей смѣютъ являться съ подобной клеветой!. Но скажите мнѣ, Рюджанъ, скажите мнѣ, господа, кто вамъ разсказалъ все это?

— Сама кормилица! отвѣчалъ г. де-Рюджанъ.

— Кормилица! повторилъ маркизъ. Какъ? вы видѣли эту женщину?

— Хотя дочь моя и сказала намъ это вчера, но мы не осмѣлились-бы являться къ вамъ безъ доказательствъ.

— Доказательствъ! повторилъ опять маркизъ де-Монталё.

— Да, продолжалъ г. де-Рюджанъ: доказательствъ. Г. де-Шаммортенъ, г. де-Бриасъ, вашъ племянникъ и я, слышавшіе вчера объясненіе Сильви, мы тотчасъ послѣ бала отправились къ крестьянкѣ. Имя ей — Жанна-Дромри и она, въ-слѣдствіе нашихъ убѣжденій, наконецъ сказала намъ, что дама называлась Жюлі Торё..

— Это дѣйствительно ея фамилія, сказалъ маркизъ съ ужасомъ: но, можетъ-быть, ее носить и другая.

— Г. де-Бриасъ говорилъ то-же, продолжалъ Рюджанъ: потому мы наконецъ добились, что кормилица призналась намъ и въ

томъ, что она видѣла, какъ дама входила въ вашъ паркъ и какъ ей кланялся сторожъ.

— Но перерывалъ маркизъ дрожащимъ голосомъ.

— И кормилица спросила сторожа...

— Что-жъ онъ отвѣчалъ ей?

— Что это графиня де-Монпріонъ.

Старый маркизъ склонилъ голову, но черезъ минуту гордо поднялъ ее.

— Господа, сказалъ онъ: я долженъ видѣть эту женщину— здѣсь есть адекій замыселъ, не такъ-ли г. де-Шаммортенъ? прибавилъ онъ съ сарказмомъ.

— Я не знаю ничего больше того, что сказалъ вамъ г. де-Рюджанъ, отвѣчалъ Шаммортенъ, встревоженный.

— А вы г. де-Бриасъ? обратился маркизъ къ молодому чело-
вѣку.

— Я обязуюсь только молчать обо всемъ этомъ.

XIII.

НОВЫЯ ОБВИНЕНІЯ.

Черезъ нѣсколько минутъ потомъ, г. де-Монталё, старый Рюджанъ, Бриасъ и Шаммортенъ сидѣли въ каретѣ, и ѣхали въ деревню Сень-Фаронъ. Г. де-Рюджанъ сѣлъ въ кабриолетъ г. де-Монталё, — Бриасъ и Шаммортенъ слѣдовали за ними въ фаэтонѣ.

— Одно слово, Рюджанъ, сказалъ г. де-Монталё, оставшіе на единѣ съ старымъ зефиромъ: и пусть это слово будетъ послѣднее.

— Я понимаю, что поведеніе г-жи де-Монпріонъ должно сильно огорчать васъ.

— Дѣло идетъ не о г-жѣ де-Монпріонъ, но объ этомъ глупомъ Кельнскомъ происшествіи, о которомъ вы вспомнили такъ неловко и некстати.

— Простите, любезный маркизъ, — сказалъ г. де-Рюджанъ: но, клянусь душою, если я вспомнилъ о прошломъ, то потому только, что считалъ васъ виновникомъ нынѣшняго. Вы поступили благоразумно, Монталё, вы избѣгли брака и можете до-сихъ-поръ еще порхать бабочкою, какъ во время Софи.

— Рюджанъ, вы знаете мой рѣшительный приговоръ объ этой недостойной женщинѣ: пожалуйте, перестанте говорить о ней.

— Какъ хотите, а я все таки увѣренъ, что Софи была невинна... это васъ сердить, — ну оставимте этотъ разговоръ... Но что же вы думаете о г-жѣ де-Монрионъ?

— Я думаю, что этого быть не можетъ... Жюли свободна, она могла выйти замужъ, за кого хотѣла. Нѣтъ! это не правда, — здѣсь скрывается или какой-нибудь постыдный замыселъ, или ужасная ошибка.

— Постарайтесь разглядѣть лучше насъ.

— Но кто же этотъ несчастный?..

— Несчастный! сказалъ г. де-Рюджанъ, приглаживая тщательно свои рѣдкіе волосы: этотъ эпитетъ вовсе не годится. По-крайней-мѣрѣ, я вовсе не прилагалъ его къ вамъ, когда думалъ, что...

— Это была-бы мерзость изъ мерзостей.

— И торжество изъ торжествъ, перервалъ г. де-Рюджанъ. Ахъ! она чудесная женщина.

Маркизь пожаль плечами.

— И когда подумаешь, продолжалъ г. де-Рюджанъ, что, можетъ-быть, ей одной только изъ всѣхъ женщинъ я никогда не строилъ курь... Я смотрѣлъ на нее, какъ на свѣтъ. Ахъ, мой милый, почтеніе къ женщинамъ—всегда ужасная глупость; ну, да ужъ въ другой разъ меня больше не обмануть.

Пока почтенный зефиръ надоѣдалъ г. де-Монталё своими готическими ибжностями, Шаммортенъ и Бріасъ молчали.

Наконецъ, Шаммортенъ первый нарушилъ молчаніе.

— Это удивительно-глупое дѣло, Бріасъ, сказалъ онъ.

— Весьма-печальное, замѣтилъ Бріасъ.

— Знаете-ли, кто разсказалъ всѣ эти подробности моей женѣ?

— А она вамъ не сказывала кто?

— Никакъ не хотѣла. Но вы, вѣроятно, знаете — вы нисколько незамѣшаны въ этомъ дѣлѣ, а огорчены больше всѣхъ насъ.

— Знаете что? нетерпѣливо прервалъ Бріасъ: я-бы хотѣлъ быть за тысячу лѣе отсюда.

Они были уже недалеко отъ жилища Жанны Дромри, и вышли изъ кареты, когда маркизь вдругъ остановился, узнавши г-жу де-Монрионъ, быстро вышедшую изъ хижины и удалившуюся также быстро. Бріасъ и Шаммортенъ принуждены были поддерживать его.

— О! несчастная! прошептала г. де-Монталё... Теперь все объяснилось и мнѣ нечего болѣе здѣсь дѣлать.

Въ отвѣтъ на это послышался сардонической смѣхъ; все оборотились и увидали Монтеклена, выѣхавшаго изъ-за чаши дёрёвьевъ верхомъ на лошади.

— Что вы здѣсь дѣлали? спросилъ его Бриастъ.

— Удивлялся логикѣ г. де-Монталё, отвѣчалъ Монтекленъ со смѣхомъ.

— Г. де-Монтекленъ, перервалъ Монталё, съ гордостью: вы забываете, съ кѣмъ вы говорите.

Монтекленъ презрительно взглянулъ на него, и пошелъ къ хижинѣ.

— Куда вы? вскричалъ г. де-Монталё.

— Къ этой женщинѣ — у меня есть съ нею дѣло, отвѣчалъ Монтекленъ презрительно.

Все взглянули одинъ на другаго, съ изумленнымъ видомъ, и г. де-Монталё прошептала глухимъ голосомъ:

— Нѣтъ, я не пойду туда... Но я долженъ видѣть Жюли.

Онъ и его спутники сѣли въ карету.

XIV.

ЗАМЫСЕЛЪ.

Гекторъ де-Монталё между тѣмъ, который былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ происшествій, задумывалъ въ это время великолѣпный планъ. Какъ увидимъ въ послѣдствіи, планъ этотъ не имѣлъ недостатка ни въ смѣлости, ни въ ловкости; бѣда была въ томъ только, что его могло разрушить малѣйшее препятствіе. Когда призвали его быть свидѣтелемъ объясненій, данныхъ Жанною Дромри, онъ молчалъ, и только спросилъ тихо эту женщину.

— Никто другой не навѣщалъ этого ребенка?

— Никто, отвѣчала ему кормилица.

Гекторъ вздохнулъ свободно.

Черезъ часъ потомъ, онъ былъ на Лаворданской фермѣ. Леда выбѣжала къ нему на встрѣчу съ веселою улыбкою, но онъ сказалъ ей грубо:

— Намъ надобно поговорить о важномъ дѣлѣ. У васъ ключъ отъ бесѣдки?

— Вотъ онъ, робко отвѣчала Леда, вынимая ключъ изъ кармана.

Онъ первый вошелъ туда: она послѣдовала за нимъ, — по изъ окна фермы ихъ видѣлъ вѣрный гаскоонецъ полковника Али-Мулей, получившій отъ полковника приказаніе наблюдать за Гекторомъ.

Гекторъ и Леда оставались долго въ бесѣдкѣ: Али-Мулей слышалъ только рыданія и моленія. Только подъ конецъ разговора, Гекторъ, подходя къ дверямъ, сказалъ довольно-громко:

— Если только ты скажешь, несчастная!

— Я буду молчать... отвѣчала дрожащимъ голосомъ Леда. Али-Мулей скрылся за деревья.

— Хорошо, сказалъ Гекторъ, быстро отворяя дверь и останавливаясь на порогѣ, потому что ему послышались голоса Леоны и полковника.

И въ-самомъ-дѣлѣ, показался полковникъ Томасъ Рьень и за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи Леона.

Полковникъ обошелъ домъ и Леона закричала ему издали:

— Что?

— Вы ошиблись, здѣсь нѣтъ никого.

— Пойдемте-же ко мнѣ, сказала Леона.

— Теперь нѣтъ, холодно отвѣчалъ полковникъ: мы поговоримъ объ этомъ когда оба мы, вы и я, будемъ спокойнѣе.

— Берегитесь, Томасъ: вы желаете мщеніе и добитесь средствъ.

— Да, недостойныхъ.

— А если нѣтъ другихъ?... Но, мы еще увидимся.

— Да, отвѣчалъ Томасъ Рьень.

Они разошлись въ разныя стороны.

Гекторъ, съ торжествующимъ видомъ, пошелъ по дорогѣ къ дому г. де-Монталѣ. Леда съ отчаяніемъ возвратилась на ферму.

XV.

ДОПРОСЪ.

Жюли, возвратясь въ замокъ, нашла маркиза де-Монталѣ сидящимъ на большихъ креслахъ и погруженнымъ въ тяжкую думу.

Онъ слышалъ, какъ Жюлі вошла, но не видалъ ея. Ему горько было видѣть краску стыда на лицѣ женщины, которую онъ любилъ, какъ нѣчто изящное, чистое, благородное, наивное.

Но онъ первый прервалъ молчаніе.

— Что вамъ угодно, сударыня? спросилъ онъ съ принужденной холодностью.

— Я пришла просить у васъ объясненія, сказала она.

Г. де-Монталё поднялъ глаза и встрѣтилъ спокойный и гордый взглядъ Жюлі.

— Послушайте, сударыня, началъ онъ, помолчавъ съ минуту, я не хочу обвинять васъ.

— Г. де-Монталё, прервала Жюлі, съ горькою улыбкою: судья по-крайней-мѣрѣ обязанъ объяснить обвиненному его преступленіе.

— Я не судья вашъ.

— Г. де-Монталё, сказала Жюлі съ пропіею: не будете играть словами. Вы увѣрены, что оскорбленіе, сдѣланное мнѣ вчера, мною заслужено, — вы увѣрены въ этомъ съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣлись съ г. де-Рюджаномъ, съ его зятемъ и съ г. де-Бріасомъ, а потому я требую, чтобы вы сказали мнѣ, въ чемъ меня обвиняютъ.

— Если вы способны выслушать это, сударыня, то я, по-крайней-мѣрѣ, не въ силахъ повторить вамъ въ лицо это обвиненіе.

— Но, стало-быть, это что-нибудь гнусное? вскричала Жюлі: все равно впрочемъ, я должна знать.

— Берегитесь, Жюлі, возразилъ г. де-Монталё, печальнымъ и угрожающимъ тономъ.

Отчаяніе овладѣло Жюлі отъ этихъ словъ.

— Гдѣ вы были, строго сказалъ г. де-Монталё: когда у меня сидѣли г. де-Рюджанъ и его спутники?

— Такъ меня упрекаютъ за мои посѣщенія деревни Сень-Фаронъ? отвѣчала Жюлі съ легкою пропіею.

— Вы знаете, стало-быть, кому принадлежить этотъ ребенокъ.

— Знаю, отвѣчала Жюлі спокойно.

— Кому-же?

— Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ... Но если только этимъ оскорбляется строгая нравственность г-жи де-Шаммортевь, то я должна сказать вамъ, что изъ уваженія къ ней, я не оставляю этого невиннаго творенія.

— Но васъ обвиняютъ Жюлі, но говорятъ, что этотъ ребенокъ вашъ.

Пораженная этими словами, Жюлі упала въ обморокъ.

— Жюлі, дочь моя, говорилъ г. де-Монталё, приводя ее въ чувства — утѣшься, никто въ мірѣ не повѣритъ этой клеветѣ.

— Но вы могли-же повѣрить, отвѣчала Жюлі.

— Да... прости меня, но ты дашь мнѣ доказательства, которыми я обезоружу клеветниковъ.

— Доказательство! о! никогда, вскричала Жюлі — никогда, хотя-бы никто изъ людей не подалъ мнѣ руки, хотя-бы никто не явился защищать меня отъ клеветы.

Дверь залы отворилась въ эту минуту, и кто-то сказалъ важнымъ, хотя грубымъ тономъ.

— Сударыня, найдется человѣкъ, который защититъ васъ отъ клеветы.

Это былъ Гекторъ де-Монталё.

XVI.

МОЛБА.

Въ низенькой залѣ Брикорской фермы, по обѣимъ сторонамъ камина, сидѣли полковникъ и арендаторъ; посреди ее, вокругъ стола, Леда и двѣ служанки занимались какимъ-то шитьемъ. Полковникъ былъ озабоченъ; Брикоръ, напротивъ, гордясь обществомъ Томаса, блисталъ гордой радостью. Онъ уже хотѣлъ было сперва пригласить всѣхъ своихъ сосѣдей, чтобы доставить имъ случай обѣдать вмѣстѣ съ полковникомъ, но Томасъ изъявилъ желаніе участвовать въ простомъ семейномъ кругу, и не безъ удивленія успѣлъ ужинать за этимъ столомъ, вокругъ котораго выстроилось болѣе двадцати слугъ, и за которыми возсѣдала прекрасная Леда.

И точно, если есть еще во Франціи кое-какіе слѣды старинной патриархальной жизни семействъ, то, безъ сомнѣнія, ее можно найти только у арендаторовъ. — Полковникъ съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту картину тихой, трудолюбивой жизни, столько отличной отъ беззаботной и бродячей жизни солдата. Но, или это сравненіе заставило его сдѣлать довольно-грустные размышленія, или ему пришла мысль, что подъ этимъ наружнымъ счастьемъ скрывается преступленіе и несчастіе, — такъ или иначе,

а онъ дѣлался все болѣе задумчивъ, и уже нѣсколько минутъ глубокая тишина царствовала въ большой залѣ, какъ вдругъ вошелъ Али-Мулей, напѣвая арію изъ оперы.

— А! это ты, сказалъ ему Брикоръ: гдѣ-же ты ужиналъ?

— Я прежде обѣда никогда не ужинаю, отвѣчалъ очень весело Гасконецъ. А какъ перваго нумера недостаетъ, то я еще не приступалъ ко второму.

И онъ снова принялся напѣвать свою арію, въ то время, какъ одна изъ служанокъ ставила ему приборъ на концѣ стола.

— Что ты тамъ поешь? сказалъ полковникъ.

— Это, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, клочекъ изъ аріи, которую я слышалъ, какъ пѣла парижская пѣвица въ Алжирѣ. Конечно, я прибавляю къ ней кой-какія собственныя украшенія, но вѣдь это потому, что мы, дѣти юга, всѣ большіе музыканты. Впрочемъ, полковникъ, я могу вамъ передать ее во всей ея простотѣ, и съ словами.

Онъ запѣлъ ригурнель.

— Но это, кажется, сказала Леда: арія Мейербера: «Il va venir».

— Вы угадали, отвѣчалъ Али-Мулей: это мнѣ льститъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что у васъ очень-вѣрное ухо, г. ж. Брикоръ.

— Но гдѣ ты былъ и что дѣлалъ цѣлый день? спросилъ арендаторъ.

— Я ходилъ снимать планъ съ одной мызы въ окрестностяхъ; я также хочу *оставить* службу, и зажить сповѣшно.

— А! вотъ это хорошо, отвѣчалъ Брикоръ: поселись въ нашей сторонѣ, и возьми себѣ такую-же славную жену, какъ моя.

— Налей мнѣ вина, сказалъ Али: у меня застрѣла въ горлѣ ветчина.

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ залу вошелъ виконтъ Гекторъ де-Монталё. Али запѣлъ опять свою арію.

Гекторъ былъ принятъ радушно, какъ всегдашній поѣститель дома, но, казалось, онъ былъ недоволенъ встрѣчею съ полковникомъ. Впрочемъ они поклонились другъ-другу очень-ласково, даже ласковѣе, нежели наканунѣ, пбо чувствовали, что могутъ оба помѣшать другъ-другу въ своихъ намѣреніяхъ. Брикоръ, весьма-довольный тѣмъ, что доставилъ полковнику такого важнаго собесѣдника, какъ г. виконтъ де-Монталё, подѣлалъ къ Али-Мулею, и принялся разговаривать съ нимъ вполголоса.

Но все, что Гекторъ и Томасъ могли сказать другъ-другу, было скоро сказано, такъ, что разговоръ болѣе одушевленный, про-

исходившій между Брикоромъ и Али-Мулей, завладѣлъ общимъ вниманіемъ.

— Чортъ возьми! Да гдѣ это ты узналъ?... говорилъ Брикоръ, съ видомъ удивленія и недовѣрчивости

— Кто знаетъ! отвѣчалъ Али-Мулей, пережевывая свои слова и ветчину: эти вещи узнаются не гдѣ-нибудь, а вездѣ; слушающая въ передней, гуляя въ окрестностяхъ парка, смотря на солнце и луну.

— Но это невозможно! говорилъ Брикоръ.

— Я не говорю, чтобъ это было возможно, а говорю, что объ этомъ говорятъ.

Быть-можетъ, нѣкоторымъ изъ присутствующихъ очень хотѣлось узнать эту новость, которая казалась столько неправдоподобною Брикору, но никто не рѣшился открыть своего любопытства. Разговаривающіе продолжали.

— И ты очень-хорошо сдѣлаешь, если не будешь этого повторять, говорилъ Брикоръ. Предполагать, чтобы... Нѣтъ, это ужасная ложь! Г-жа де-Монріонъ женщина благородная, она неспособна.... Послушай, это такъ глупо, что я не могу понять, кто могъ это сказать.

— Положимъ, что это глупо; но все-таки объ этомъ говорятъ.

— Да въ чемъ дѣло? сказалъ Гекторъ, будучи не въ силахъ болѣе молчать.

При имени г-жи де-Монріонъ полковникъ сталъ слушать внимательнѣе, Леда вздрогнула.

— Такъ, глупость, г. виконтъ, сказалъ Брикоръ: Али-Мулей увѣряетъ, что вездѣ говорятъ, что графиня де-Монріонъ скрыла ребенка въ деревнѣ Сентъ-Фаронъ.

Ужасъ изобразился на лицѣ виконта, а Леда, нагнувшись надъ работою, старалась скрыть судорожную дрожь своихъ рукъ.

— Это ложь, сказалъ съ гнѣвомъ Гекторъ.

— Я не отрицаю, продолжалъ неустрашимо Али-Мулей: но слухъ идетъ, и даже говорятъ, что это ее ребенокъ.

— Ея! вскричала Леда глухимъ голосомъ, поднявъ голову. Она была страшно-блѣдна; испуганные ея глаза быстро перебѣжали отъ Гектора къ мужу.... Ты видишь, продолжалъ Брикоръ, обращаясь къ Али; не я одинъ удивляюсь подобной паглости. Не правда-ли, Леда, вѣдь это невозможно?... Ты ее знаешь, — она всегда была такъ добра къ тебѣ.... Да не далѣе, какъ сегодня, она присылала за моею женою, чтобы сдѣлать ей, по своему обыкновению, какой-нибудь подарокъ....

Леда поникла головой, руки тщетно искали работу, она ничего не видала, дыханіе ея было стремительно....

— Посмотри, что ты сдѣлалъ съ моею женою твоими глупыми разказами, сказалъ грубо Брикоръ: она такъ добра, такъ чувствительна ... Будетъ, успокойся, Леда.

Онъ поцѣловалъ ее, и взялъ за руки. Несчастная плакала.

— И вы не пошли къ г-жѣ де-Монрионъ? сказалъ Гекторъ, обращаясь къ Ледѣ.

— Нѣтъ.... не пошла, отвѣчала Леда прерывистымъ голосомъ.

— А кто-жъ бы угощалъ полковника? сказалъ Брикоръ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Гекторъ: если все то, что рассказываетъ этотъ человѣкъ, справедливо, то вы очень-хорошо сдѣлаете, если совѣмъ не пойдете туда.

Леда выпрямилась и съ выраженіемъ, которое заставило Гектора вздрогнуть, отвѣчала:

— О! я пойду, г-нъ виконтъ; я пойду, я уже должна была бы тамъ быть.

— Это совершенно бесполезно, грубо отвѣчалъ Гекторъ: я сейчасъ отъ моего дяди, и Жюлі тамъ нѣтъ.

Полковникъ съ пламенемъ въ глазахъ слѣдилъ за Гекторомъ, Ледой и арендаторомъ.

— Извините, извините, г. виконтъ, сказалъ Брикоръ: но вы не совѣтуете Ледѣ идти въ замокъ, если все это справедливо. Значитъ, вы думаете, что это можетъ быть справедливо?

Гекторъ, какъ бѣшеный медвѣдь, качался на своемъ стулѣ, судорожно-сжатые пальцы его рукъ раздавили ручку раздувального мѣха.

— Я говорю, я говорю..... отвѣчалъ онъ грубымъ и мрачнымъ голосомъ, что если подобнаго рода несчастіе случится въ семействѣ, то посторонніе не должны въ него вмѣшиваться....

— Г. виконтъ правъ, подхватилъ Али-Мулей: это дѣло касается до дядюшекъ и племянничковъ, когда нѣтъ ни отца, ни матери, ни брата.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Гекторъ: и никто не знаетъ, какой подвергаетъ себя опасности, вступаясь въ подобныя дѣла.

— Но, если, сказала Леда, грудь которой высоко вздымалась, а голосъ заставлялъ Гектора вздрогнуть: но если она оклеветана... если другая виновна... не-уже-ли должно ее оставить? Не-уже-ли...

— Всегда нужно быть благоразумнымъ, сказалъ важно полковникъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, самое лучшее — не говорить о подобныхъ вещахъ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ съ наглымъ хладнокровіемъ Али-Мулей: мнѣ очень-непріятно, что я сообщилъ вамъ эту новость, хотя вездѣ говорятъ, что графиня была за это выгнана съ бала отъ г-жи де-Шаммортенъ.

— Выгнана! вскричала Леда, вставая съ страшной рѣшимостью: выгнана... г-жа де-Монпріонъ... выгнана и за...

— За глупую и смѣшную молву, отвѣчалъ полковникъ, приближаясь къ Ледѣ и принуждая ее сѣсть.

— Да, отвѣчалъ Али-Мулей, съ жестокой настойчивостію: глупый, смѣшной слухъ и которому никто не вѣритъ, будьте увѣрены, г-жа Леда. Потому-что сегодня-же одинъ богачъ, извѣстный во всемъ околдкѣ, аристократъ, будь я проклятъ, если говорю не правду! отправился просить руки графини, не-смотря ни на какіе слухи, которые идутъ про нее.

Гекторъ всталъ, кровь такъ сильно бросилась ему въ голову, что онъ зашатался. Полковникъ неволью былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ. А бѣдная Леда, казалось, лишилась чувствъ; она вполнѣ была-бы похожа на статую, если-бы изъ полуоткрытаго рта не вылетало тяжкое, шипящее дыханіе. Но, къ счастью, въ эту минуту Брикоръ воскликнулъ съ энтузіазмомъ:

— Вотъ истинно-благородный человѣкъ! Вотъ какъ отвѣчаютъ на подобныя слухи.... Я согласенъ, что необходимо быть строгимъ съ тѣми, которые забываютъ прямую дорогу, но за-то всегда нужно бѣжать на помощь бѣдной невинной женщинѣ, обезчещенной безстыдной клеветой.... И я желалъ-бы въ эту минуту быть виконтомъ, маркизомъ, чтобы сказать графинѣ, какъ я почитаю и уважаю ее.... По этому ты пойдешь, Леда, ты пойдешь, вѣдь она присылала за тобой... и ты узнаешь, кто этотъ благородный молодой человѣкъ, который просилъ руки графини.

— Стало-быть, кто-нибудь просилъ руки.... сказала Леда, при-дя нѣсколько въ себя.

— Да нѣкто, отвѣчалъ Али-Мулей: человѣкъ, который имѣетъ особенныя причины думать, что графиня невинна. При этихъ словахъ несчастная Леда устремила испуганный вздоръ на Гектора: онъ былъ страшно-блѣденъ, и только глаза, налитые кровью, горѣли какъ два угля. Леда протянула къ нему дрожащую руку, и судорожнымъ, едва понятнымъ голосомъ проговорила.

— Вы.... вы....

Силы ее оставили и она упала на стулъ.

— Что за сильное участіе беретъ она во всемъ этомъ? сказалъ Брикоръ, съ удивленіемъ осматриваясь кругомъ.

— Не ты-ли мнѣ говорилъ, отвѣчалъ съ поспѣшностію полковникъ, что жена твоя болѣзненна и раздражительна? Она сегодня устала, ей нужно отдохнуть и успокоиться.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ Гекторъ смущеннымъ голосомъ, приблизясь къ Ледѣ: а завтра она увидитъ, какъ мало надобно обращать вниманіе на пустые слухи.

Съ-минуту холодное и страшное молчаніе царствовало въ залѣ; арендаторъ ходилъ кругомъ, какъ человѣкъ, которому нанесли сильный ударъ въ голову, разстроившій его мозгъ.

— Да, сказалъ наконецъ Брикоръ, глухимъ, взволнованнымъ голосомъ.... поди лягъ и успокойся, Леда, поди...

Леда повиновалась, но Брикоръ, противъ своего обыкновенія, не поцѣловалъ ея. Она встала, какъ автоматъ и, сопровождаемая двумя служанками, вышла.—По удаленіи Леды, арендаторъ провелъ рукою по лбу, какъ человѣкъ, ищущій мысли, которая безпокоитъ и мучитъ его.

— Теперь я долженъ узнать.... вскричалъ онъ, смотря на Гектора.

Но въ это время новое лице вошло въ залу. Это былъ Монтекленъ, беззаботный и веселый, какъ всегда.

— Право, да вы все здѣсь, Брикоръ, полковникъ Монталё? а я разослалъ къ вамъ приглашеніе! я надѣюсь, что вы не откажетесь, господа.

— Да въ чемъ дѣло? спросилъ полковникъ.

— Дѣло въ томъ, что мы завтра охотимся за кабаномъ, котораго открылъ мой камердинеръ, отвѣчалъ Монтекленъ съ лукавымъ видомъ.

Монталё, не-смотря на свое положеніе, не могъ удержаться отъ смѣха.

— Безъ сомнѣнія, вы сами будете предводительствовать охотой.

— Вы смѣетесь, сказалъ серьезно Монтекленъ. Если такъ, — держу пари, хотя по вашему мнѣ и въ двери тепекаго собора не попасть пулей, — что убью кабана подъ вашимъ носомъ, такъ, что вы не посмѣете до него дотронуться.

— А! чортъ возьми, согласенъ! но въ чемъ состоитъ пари?

— Что хотите.

— Право — охотиться у васъ на двѣсти лундоровъ.

— Идетъ, отвѣчалъ Монтекленъ, и прибавилъ, обратясь къ

полковнику: г-жа де-Шаммортепъ и безъ сомнѣнія Леона, неустрашимая амазонка, будутъ участвовать въ охотѣ, которая окончится обѣдомъ у меня.

Брикоръ во все время разговора сидѣлъ безмолвно, поддерживая руками голову. Подозрѣнье мучило его. Монтекленъ воспользовался этимъ, чтобъ сказать Гектору:

— До завтра

— До завтра, отвѣчалъ этотъ и быстро вышелъ.

— А я буду на охотѣ? спросилъ Али-Мулей.

— Безъ сомнѣнія, и изъ первыхъ, отвѣчалъ Монтекленъ. Теперь, Брикоръ, пойдемъ со мною въ замокъ, прибавилъ онъ. Ты долженъ сдѣлать нѣсколько наставленій моимъ людямъ.

— Извините, г-нъ маркизъ; извините, жена моя нездорова....

— Болѣзнь первъ. Ты почувешь у меня.... Я надѣюсь, что ты меня не оставишь, дѣло идетъ о моей чести....

— О вашей чести? вздрогнувъ, сказалъ Брикоръ.

— О моей чести охотника.

— Это правда.... отвѣчалъ Брикоръ: я не хочу здѣсь оставаться. Потомъ, взглянувъ Монтеклену прямо въ лицо, онъ прибавилъ: Притомъ-же я долженъ кое о чемъ спросить васъ, г. маркизъ.

XVII.

ШПИОНЪ.

Монтекленъ и Брикоръ ушли. Полковникъ удалился въ свою комнату.

— Итакъ, сказалъ Али-Мулей, когда они остались одни: увѣрены-ли вы въ невинности г-жи де-Монрионъ на-счетъ сентъ-фаронскаго ребенка?

— Да, отвѣчалъ задумчиво полковникъ.

— А вѣдь я хорошо ихъ помучилъ, отвѣчалъ Али-Мулей, смѣясь.

— Ты далеко зашелъ, ибо несчастная готова была измѣнить себя....

— Да вѣдь она больна первами? сказалъ Али, презрительно улыбаясь. Чудесная болѣзнь! Она даетъ право смѣяться, плакать, говорить дерзости своему мужу, мучить слугъ, блѣднѣть,

дрожать, падать въ обморокъ; не отвѣчать, не понимать... Я больна, у меня разстроены нервы, вотъ и все, а Брикоръ вѣрять.

Томасъ не слушалъ болтовни солдата, который между-тѣмъ приготавливалъ ему постель.

— Да, но какъ ты узналъ, спросилъ вдругъ полковникъ, что Гекторъ просилъ руки г-жи де-Монрионъ?

— Очень-просто я слѣдилъ за толстымъ ловеласомъ до самаго замка, откуда онъ вышелъ съ старымъ маркизомъ, своимъ дядею; они шли рядомъ, какъ лучшіе друзья въ мірѣ, размахивая руками и глубоко вздыхая.

— Твое намѣреніе жениться на Жюлі доказываетъ мнѣ благородство твоихъ чувствъ, говорилъ старый маркизъ: но, кромѣ слѣпой увѣренности въ ея невинности, ты долженъ имѣть другія причины. Я думаю, прибавилъ Али, и очень-хорошія.

— И что онъ отвѣчалъ?

— Да вѣдь онъ не столько глупъ, сколько толстѣ, продолжалъ Али, убирая постель. Онъ отвѣчалъ: «Я никогда не оскорблю г-жу де-Монрионъ вопросомъ объ оправданіи.»

— Я тебя понимаю, сказалъ дядя, но ты можешь сдѣлать этотъ вопросъ другимъ. А! старый перъ Франція, прибавилъ Али, громко захохотавъ: не правда-ли что онъ во вкусѣ рококо. Да гдѣ-жъ бы было великодушіе, старый добрякъ, если-бы племянникъ разсказалъ тебѣ, что онъ это дѣло знаетъ, какъ свои пять пальцевъ?

— И ты думаешь, сказалъ полковникъ, что маркизъ намѣренъ исполнить желаніе Гектора? Али съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего господина, потомъ, убѣдившись, что ударъ будетъ вѣренъ, онъ продолжалъ:

— Я думаю, что вы очень-хорошо сдѣлаете, открывъ старому маркизу западню, въ которую влечетъ его милый Гекторъ; иначе проститесь и съ красавицей, и съ наслѣдствомъ.

При этомъ отвѣтъ полковникъ, ходившій задумчиво по комнатѣ, вдругъ остановился, какъ левъ, внезапно пораженный пулей; глаза его блистали страшной угрозой.

— Что ты сказалъ, негодяй? вскричалъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Я сказалъ, отвѣчалъ Али, что съ вашей стороны было-бы преступленіе позволить такому животному, какъ этотъ виконтъ, жениться на такой прекрасной и молодой женщинѣ, какъ г-жа де-Монрионъ, и еще глупѣ лишиться наслѣдства его дяди, которое по всѣмъ правамъ принадлежитъ вамъ....

Глухое ужасное восклицаніе прервало слова солдата.

— А! ты подематривать за мной, негодяй! Ты мой шпионъ! И въ первомъ порывѣ гнѣва онъ бросился на Али, — но тотъ уже былъ на другомъ концѣ стола.

— Ты мнѣ дорого заплатишь за это!

— Минуту, полковникъ, позвольте, сказалъ Али: ваше бѣшенство не всегда бываетъ благоразумно. Вы, какъ собаку, пустили меня по слѣдамъ виконта, и хотите, чтобъ я не слышалъ дичи, которая пролетаетъ у меня подъ носомъ. Это невозможно!

— Но, негодяй, сказалъ полковникъ, увидавъ несправедливость своего гнѣва: за-чѣмъ ты слѣдилъ за мной? если-бы ты не слушалъ, ты не зналъ-бы.

— Но кто-жъ виноватъ, отвѣчалъ Али, что вы прогуливались, разговаривая громко съ г-жою Амабъ возлѣ самыхъ тѣхъ кустовъ, за которыми я караулилъ Виконта?

— За-чѣмъ ты меня не предупредилъ о твоей засадѣ?

— Но помилуйте, полковникъ, отвѣчалъ Али: развѣ это было возможно?...

Томасъ не слушалъ; быстрыми шагами онъ ходилъ по комнатѣ; казалось, что открытіе, сдѣланное Али-Мулеемъ, уничтожало всѣ его планы и намѣренія. Наконецъ онъ остановился передъ Али.

— Когда я, разставшись съ г-жою Амабъ, встрѣтилъ тебя въ лѣсу, и когда ты мнѣ объявилъ о свиданіи Гектора съ Ледой и о своихъ подозрѣніяхъ на счетъ этого ребенка, и мы условились о сценѣ нынѣшняго вечера, почему ты тогда-же не сказалъ мнѣ, что ты меня слышалъ?

— Потому-что я знаю васъ лучше, нежели вы сами, полковникъ; потому-что мы были одни въ пустынной и удаленной отъ всякаго жилища аллеѣ и что вы бросились-бы на меня, какъ это вы сейчасъ сдѣлали.

— Но ты могъ-бы бѣжать отъ меня!..

— А если-бъ вы послали мнѣ пулю въ слѣдъ?

— Убийство, мерзавецъ! вскричалъ полковникъ, блѣднѣя отъ негодованія.

— Нѣтъ, полковникъ, отвѣчалъ Али, не убійство, вы храбрѣйшій изъ всѣхъ храбрыхъ, а такіе люди неспособны къ подобному дѣлу; но въ васъ есть что-то желтое, зеленое, которое бросается вамъ въ голову, когда вы разсердитесь, и тогда вы уже ничего не видите. А здѣсь я былъ увѣренъ, что минута вашего гнѣва пройдетъ безъ несчастья — и вотъ почему я не ранилъ, какъ сегодня вечеромъ объявилъ вамъ объ этомъ.

Полковникъ протянулъ ему руку.

— Ты всегда будешь моимъ вѣрнымъ Али, не правда-ли?

— Полковникъ, вскричалъ Али: еще не зная вашей исторіи, я принадлежалъ вамъ и тѣломъ и душою, и готовъ былъ пожертвовать для васъ моею жизнію. Но теперь, когда я знаю все несправедливости, сдѣланныя вамъ по случаю вашей матери.. я весь вашъ т. е. при нуждѣ могу всадить добрую пулю въ правый глазъ вашего кузина..

— Тише, Али, сказалъ Томасъ. Итакъ я могу на тебя надѣяться.

Али медлилъ отвѣтомъ, и уже полковникъ началъ подозрѣвать его въ корыстолюбіи; но тотъ предложилъ ему условіе, которое заключались въ томъ, чтобы имя г-жи де-Монріонъ осталось чистымъ и незапятнаннымъ, ибо онъ не зналъ, что гнусное предложеніе г-жи Амабъ съ негодованіемъ было отвергнуто Томасомъ. Полковникъ разувѣрилъ его.

— Никогда, сказалъ онъ: не рѣшусь я основать моего богатства на безчестьи невинной женщины! Скорѣе откажусь отъ своихъ правъ и мщенія..

— Прекрасно, превосходно сказано, вскричалъ Али!

— Одно беспокоитъ меня, продолжалъ полковникъ: оправданіе графини повлечетъ за собою гибель другой женщины, къ которой съ этого вечера я чувствую глубокое состраданіе.

— Состраданіе къ Ледѣ! воскликнулъ Али, — и пустился доказывать полковнику, со всею жаромъ южнаго жителя, что эта женщина не стоитъ ни жалости, ни состраданія, что она неблагодарна, что она погубила бѣднаго Брикора, товарища его и друга. Но Томасъ успѣлъ смягчить Али, представивъ ему, что это сдѣлаетъ болѣе вреда самому Брикору, который можетъ умереть съ отчаянія.

— Мы увидимъ, говорилъ полковникъ: быть-можетъ, оправданіе г-жи де-Монріонъ совершится безъ гибели несчастной Леды; къ счастью, Монткленъ увелъ съ собою Брикора, а то я не знаю, что могло-бы случиться.

— Кетати, этотъ господинъ также меня беспокоитъ.

Въ ту минуту, когда Али произносилъ эти слова, полковникъ далъ ему знакъ молчанія. Они стали прислушиваться; легкій шорохъ послышался ввизу подъ ихъ окнами, и потомъ кто-то тихо кашлянулъ.

— Что это такое? спросилъ полковникъ.

— Это, вѣрно, Виконтъ, сказалъ Али, вертится около гнѣзда, когда коршуна нѣтъ.

Они стали прислушиваться и снова услышали имя Леды, очень ясно произнесенное.

— Это онъ, клянусь всѣми чертями, это онъ! вскричалъ Гасконецъ: постой, голубчикъ, я тебѣ пошлю кое-что.

Онъ схватилъ ружье и, быстро отворивши окно, закричалъ:

— Кто тутъ? отвѣчай, или я стрѣляю..

Насмѣшливый и нетерпѣливый голосъ отвѣтилъ снизу:

— Не стоить труда, Али-Мудей: ты сдѣлалъ глупость, которая убьетъ, можетъ-быть, скорѣе твоихъ пуль.

Это былъ голосъ Монтеклена, который тотчасъ поспѣшно удался.

XVIII.

РАЗГОВОРЪ.

— Кстати, говорилъ Бріасъ Монтеклену, допивая свою чашку чая: что за странная мысль пришла вамъ вчера въ голову — составить охоту, и пригласить на нее цѣлый свѣтъ, даже это чудище Монталё, за знакомство съ которымъ вы меня упрекаете?

— Цѣлый сантиметръ съ прошедшаго года, отвѣчалъ Монтекленъ, застегивая свое охотничье платье. Я толстѣю, Бріасъ, пора мнѣ жениться.

— Какъ, Монтекленъ, вы носите прошлогоднее платье?...

— Я очень-счастливъ, что оно не годилось моему камердинеру, иначе я принужденъ-бы бѣжать въ черномъ.... Охоту я умѣю импровизировать, а платье нѣтъ.

— Однако вы уже давно составили проектъ вашей охоты....

— Нѣтъ, эта мысль пришла мнѣ за минуту до моего приѣзда въ Шаммортенъ.

— По-крайней-мѣрѣ, вы увѣрены, что кабанъ есть?

— Кабанъ всегда есть, но не всегда его найдешь.

— Это что-то похоже на прогулку съ цѣлію мистифицировать.

— Я никогда никого не мистифицирую, Бріасъ.

— Послушайте, Монтекленъ, оставьте на минуту вашу танцовственную роль; я не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно обмануть

молчаливостью.... У васъ есть какой-нибудь планъ, какая-нибудь цѣль?

— Такъ-какъ вы очень-искусный дипломатъ, то сдѣлайте мнѣ честь, отгадайте ихъ.

— Быть-можетъ, продолжалъ Бріасъ: ваша встрѣча съ г-мъ Виллономъ заставила васъ обратить вниманіе на г-жу де-Монрионъ.

— Почему-же и нѣтъ?

— Я очень-счастливъ, сказалъ Бріасъ, что открытіе маленькихъ грѣшковъ этого 'ангела чистоты' препятствуетъ мнѣ продолжать мое завоеваніе.

— Итакъ вы отказываетесь?

— Конечно, продолжалъ Бріасъ: неужели вы думаете, что мнѣ придетъ охота усыновить какого-нибудь маленькаго Виллона; ибо я начинаю вѣрить, что бывший коми... Бріасъ остановился посреди своей фразы, пораженный испуганнымъ видомъ, съ какимъ смотрѣлъ на него Монтекленъ.

— Ахъ! мой бѣдный Бріасъ, сказалъ Монтекленъ: мой дорогой и несчастный другъ, вы, у котораго голова такъ прекрасно устроена, вы, представившій министру такую замѣчательную записку по случаю вопроса о Сиріи, вы, предвидѣвшіе до самыхъ малѣйшихъ подробностей поведеніе Англіи въ дѣлѣ о Маркизскихъ островахъ... вы полагаете, вы думаете, что г-жа де-Монрионъ способна къ грѣшкамъ.... въ которыхъ ее обвиняютъ!

— Такъ вы не вѣрите этимъ слухамъ? сказалъ Бріасъ.

— Вы сами не болѣе меня вѣрите этому. Бріасъ, вѣдь мы не дѣти!.. Смотрѣли-ли вы прямо въ лицо этой женщинѣ? Есть-ли на этой атласной кожицѣ хоть одна складка, въ которой могло-бы спрятаться раскаяніе? Замѣтили-ли вы хоть одинъ сомнительный лучъ въ этомъ ясномъ взорѣ, изливающимъ наружу всю ея душу? Ея улыбка свѣжа и открыта, какъ едва распустившійся цвѣтокъ?... Итакъ, перестаньте, Бріасъ, обвинять меня въ утонченной хитрости съ вами и не принимайте на себя вида дурачка, чтобъ обмануть меня.

— Вы женитесь на ней?

— Имѣю сильное желаніе.... говорю вамъ, Бріасъ.... Но....

— Но....

— Но дѣлю въ томъ, что старый Монталэ есть одинъ изъ моихъ друзей.

— Который думаетъ, что она виновна ... и слѣдовательно, даетъ вамъ свободу....

- Неправда, Бріась: добрякъ стыдится своей глупости....
- Такъ онъ знаетъ, что она невинна?
- Опять неправда. Онъ думаетъ, но не знаетъ.
- А вы, вы, можетъ-быть, знаете?
- Да, я знаю.
- Вы мнѣ расскажете....
- Прежде нежели думать о другихъ, подумайте о самомъ-себѣ.
- Чтò вы хотите сказать?
- А вотъ чтò.

Монтекленъ сѣлъ напротивъ Бріаса, и началъ такъ:

- Итакъ, слушайте меня, мой другъ: вы въ когтяхъ у Леоны.
- Ни мало.
- Если такъ, сказалъ Монтекленъ, вставая: то не будемъ объ этомъ говорить.... каждый для себя....
- Вы говорите, что я въ когтяхъ у Леоны?
- Да, мой дипломатъ, вы въ рукахъ у Леоны, она можетъ васъ уничтожить...: неужели вы этого не знаете?
- Я знаю, что она открыла тайну г-жи де-Шаммортенъ и мою... но Сильви невинна, клянусь вамъ!
- А на долго?... не сегодня-ли у васъ назначено съ ней свиданье у г-жи Амабъ?

— И если это такъ?

— И вы, Бріась, вскричалъ Монтекленъ, вы позволяете женщинѣ, которую вы любите, или скорѣе не любите, пользоваться покровительствомъ какой-нибудь Леоны!... Но, Бріась, даже если бы она была виновна — хотя это неправда — она носить имя г-жи де-Шаммортенъ, имя столь-же благородное, какъ и ваше, Бріась.... А кто любитъ женщину, подобную ей, тотъ просто обольститъ ее, украдетъ у ея мужа, увезетъ, погубитъ, но никогда не осквернитъ прикосновеніемъ съ этой цинически-распутной женщиной.

— Вы проповѣдуете съ кафедры, Монтекленъ, сказалъ Бріась, стараясь улыбнуться: вѣдь я не могу-же, чортъ возьми, заботиться о связяхъ г-жи де-Шаммортенъ болѣе ея мужа, который позволяетъ ей видаться съ г-жою Амабъ.

— Со стороны мужа это глупо, а съ вашей это неблагородно, ибо вы знаете, что этимъ свиданіемъ вы ставите Сильви и себя въ зависимость отъ Леоны.

— Да Боже мой! сказалъ нетерпѣливо Бріась: развѣ мы уже не зависимъ отъ нея, благодаря свиданію, въ которомъ она насъ застала въ лѣсу?

— Но я не виноватъ, я васъ предупредилъ...

— Кто-же могъ предполагать?

— Что мышьякъ отравляетъ? Весь свѣтъ, Бріасъ, исключая дипломатовъ, которые думаютъ, что они все знаютъ и что никакая хитрость не можетъ укрыться отъ ихъ проницательности.

— Но чего вы хотите? что мнѣ дѣлать?

— Покажѣте ничего, ибо эта охота разстроитъ ваше свиданіе.

— Неужели вы устроили ее для этой цѣли?

— И для многихъ другихъ.

— А нельзя-ли сообщить ихъ мнѣ?...

— Мы это увидимъ, сказалъ Монталё: только общайте мнѣ, въ-продолженіе всей охоты не обращать вниманія ни на взгляды, ни на вызовы, и не преслѣдовать ни Сильви, ни Леоны, общайте мнѣ сегодня-же сказать г-жѣ де-Шаммортенъ, что вы не хотите видѣть ее до-тѣхъ-поръ, пока она не прекратитъ всякихъ сношеній съ г-жою Амабъ.

— Но это значить погубить Сильви... Леона способна рассказать о нашемъ свиданіи г-пу Шаммортеу.

— Что-жъ? Сильви отперется и вы тоже. Какъ-будто вы не знаете, что ложь есть послѣднее прибѣжище всѣхъ неисполняющихъ своихъ обязанностей?...

— Это такъ, но зачѣмъ искать опасности, когда ее можно избѣжать?

— Бріасъ, вы безумецъ, не будемъ говорить болѣе объ этомъ. Я приму другія мѣры, вскричалъ Монтекленъ. Онъ сильно позвонилъ.

— Гдѣ Брикоръ? сказалъ онъ вошедшему слугѣ.

— Г-нъ Брикоръ готовъ отправиться съ собаками и уже назначилъ всѣмъ мѣста...

— Скажите ему, чтобъ онъ подождалъ меня... а что я приказалъ?...

— Все готово, г-нъ маркизъ.

— Маршъ! на лошадей, Бріасъ!

— Послушайте! сказалъ Бріасъ, приближаясь съ смущеннымъ видомъ къ Монтеклену: я готовъ послѣдовать вашимъ совѣтамъ... и обещаю не видать сегодня Сильви.

— Наконецъ! вскричалъ Монтекленъ: а если вы хотите оказать мнѣ большую услугу, то я могу облегчить для васъ исполненіе вашего обѣщанія: употребите всѣ ваши силы, всю вашу

быстроту и преслѣдуйте Брикора, не покидая его ни на минуту.

— Охъ! это трудная работа!... Брикоръ въ состояніи уморить самого кабана.

— Не бойтесь, сегодня онъ не будетъ гоняться за кабаномъ.

— Еще тайна!

— Которую вы уже давно-бъ узнали, если-бъ не спорили попустому... Итакъ знайте...

Въ эту минуту вошелъ Брикоръ.

— Извините, г-нъ маркизь, сказалъ онъ: все готово къ охотѣ. Приказанія розданы охотникамъ; къ тому-же пріѣхалъ Лалуэтъ: Г-нъ Гекторъ де-Монталё предлагаетъ его къ услугамъ г-на маркиза, а мнѣ-бы нужно было идти на ферму.

— Охотникъ Монталё! вскричалъ, смѣясь, Монтекленъ: это нашъ непріятель; нѣтъ, Брикоръ, ты мой генералъ и я никому, кромѣ тебя, не хочу быть обязаиъ побѣдой.

— Г-нъ маркизь, отвѣчалъ Брикоръ съ важнымъ и настойчивымъ тономъ: я долженъ возвратиться на ферму.

— Какъ! сказала Монтекленъ съ видомъ упрека: это первая услуга, которую я прошу отъ тебя, и ты мнѣ отказываешь! Я этого никогда не забуду, Брикоръ.

— Ахъ! г. маркизь, сказалъ арендаторъ сквозь слезы: не говорите мнѣ этого... я остаусь; между тѣмъ, видите-ли, мнѣ необходимо быть на фермѣ, я долженъ...

— Очень-хорошо, отвѣчалъ Монтекленъ: ты можешь идти, но минуту подожди меня здѣсь, мнѣ также нужно сказать тебѣ кое-что. Бріасъ, на одно слово. Онъ увелъ его въ сосѣдній кабинетъ.

— Сядьте на лошадь, Бріасъ, поспѣшно сказалъ Монтекленъ: скачите на ферму и скажите Ледѣ, чтобъ она стряталась, чтобъ она пришла сюда, чтобъ она поспѣшила, потому-что Брикоръ сейчасъ будетъ тамъ; пусть она углубится въ Наваретскій лѣсъ и придетъ въ паркъ черезъ подземелье. Вотъ ключъ отъ прохода... Спѣшите, Бріасъ, или бѣдная женщина погибла!

— Какъ?... Брикоръ?...

— Еще не знаетъ, но подозрѣваетъ. Я задержу его, пока вы воротитесь.

— Неужели это опять продѣлка Леоны?

— Нѣтъ, это цѣловкость полковника и глупость Алл-Мулея. Безъ него съ прошедшаго вечера несчастная была-бы въ безопасности.

Бріасъ ускакалъ, а Монтекленъ возвратился въ ту комнату,

гдѣ былъ Брикоръ. Нѣсколько времени продолжалось молчаніе, которое Монтекленъ, желая выиграть время, не старался, размѣтается, прерывать.

— Вы хотѣли со мной говорить, г. маркизь, сказалъ наконецъ Брикоръ.

— Да, въ-самомъ-дѣлѣ, сухо отвѣчалъ Монтекленъ: мнѣ нужно съ тобой говорить, или скорѣй тебѣ нужно со мной говорить, Брикоръ. Вчера, когда мы выходили отъ тебя, ты хотѣлъ что-то спросить у меня?

— Это правда, сказалъ съ замѣшательствомъ Брикоръ.

— Такъ почему-же ты этого не сдѣлалъ?

— Когда мы пришли сюда, г-нъ маркизь удалился тотчасъ къ себѣ въ комнаты. Я хотѣлъ его видѣть, мнѣ отвѣчали, что онъ заперся.

— Но я скоро вышелъ, притомъ сегодня утромъ ты имѣлъ случай десять разъ говорить со мною.

— Это правда, г-нъ маркизь, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ, но Брикоръ: вотъ видите-ли, я разсудилъ, что есть вещи, о которыхъ не должно говорить.... Вы понимаете, прибавилъ онъ, глотая слезы: если это то, что я думаю, или скорѣй, если это не то.... Что вы хотите, а мнѣ нечего вамъ говорить.

Монтекленъ съ глубокимъ состраданіемъ смотрѣлъ на усилія несчастнаго, старавшагося скрыть муки, раздиравшія его сердце.

— Однако, сказалъ онъ, болѣе кроткимъ голосомъ: ты съ угрозой бросилъ мнѣ вчера эту фразу: «При томъ я имѣю спросить васъ кое о чемъ?» Что заставило тебя такъ говорить?

— Я виноватъ, г-нъ маркизь, я прошу у васъ извиненія.... отвѣчалъ Брикоръ.

— Но, что съ тобой Брикоръ? и что значить это обхожденіе со мной?... Ты знаешь, что мы неслишкомъ-большіе друзья съ г. виконтомъ Монталё.

Брикоръ поблѣднѣлъ.

— И однако, это не помѣшало тебѣ, когда онъ тебя просилъ, участвовать во всѣхъ его охотахъ.... а теперь, когда я имѣю нужду въ тебѣ противъ него....

— Г-нъ маркизь, отвѣчалъ Брикоръ, стиснувъ зубы: я долженъ идти домой, я долженъ видѣть Леду.... Въ моей головѣ родилось подозрѣніе; видите-ли, я не могу ѣхать такъ на охоту рядомъ.. случится несчастіе. Я увѣренъ.

— А, любезный другъ, да ты съ-ума сошелъ со вчерашняго

вечера... и безъ сомнѣнія, по-случаю этого подозрѣнія, ты хотѣлъ у меня спросить о чемъ-то... просить совѣта, вѣроятно?

— Нѣтъ, г. маркизь... нѣтъ, я раздумалъ, вы мнѣ откажете въ совѣтѣ, и обманете опять...

— Брикорь....

— А! послушайте, порывисто вскричалъ Брикорь: я не умѣю читать того, что написано на бумагѣ... но я прочту въ ея глазахъ, въ ея голосѣ, въ ея страхѣ.

— Да на кого ты сердиться, о комъ говоришь? спросилъ наивно Монтекленъ, стараясь вызвать наружу бурю его сердца, и тѣмъ ослабить страшный гнѣвъ арендатора.

— Ни о комъ... это касается меня, отвѣчалъ Брикорь: я долженъ идти, г. маркизь, непременно... Притомъ, прибавилъ онъ, стараясь возбудить въ себѣ чувство непокорности, котораго у него не было: я не слуга вашъ, а арендаторъ... Мой контрактъ не говоритъ...

— Очень-хорошо, сказалъ Монтекленъ: если мы дошли до того, то въ такомъ случаѣ всѣ наши сношенія должны быть въ порядкѣ... Вотъ, прибавилъ онъ, отворяя одинъ секретеръ: счетъ поправокъ и передѣлокъ, который мнѣ кажется слишкомъ-великъ.

— Я заплачу его, отвѣчалъ Брикорь

— Нѣтъ, продолжалъ сухо Монтекленъ: ты уже разъ обвинилъ меня въ обманѣ...

— Я это сказалъ... я.. г-нъ маркизь, вскричалъ Брикорь... я сказалъ, что вы меня обманули, вы, виновникъ моего счастья, моего состоянія... Нѣтъ, я этого не говорилъ.

— Ты тотчасъ сказалъ это, когда мы говорили съ тобой о вопросѣ, который ты хотѣлъ мнѣ сдѣлать, помнишь?

— Ахъ! да, это правда, отвѣчалъ Брикорь.

— Въ чемъ-же я обманулъ тебя?

— Если такъ, отвѣчалъ арендаторъ: если я долженъ вамъ все сказать... вы хотите? Г-нъ маркизь, помните-ли вы это письмо, которое писала мнѣ жена моя, когда она будто-бы ѣздила къ своей матери въ Парижъ?...

— Ну, это письмо...

— Я просилъ прочесть его мнѣ г-жу де-Монрионъ.

— Ты былъ не увѣренъ въ этой женщинѣ и просилъ меня перечитать.

— Да, г-нъ маркизь, и вы мнѣ сказали, что оно содержитъ точно то, что мнѣ сказала г-жа де-Монрионъ; т. е., что моя же-

на поѣхала къ больной матери въ Парижъ; по это письмо есть страшная ложь, — вы прочли совсѣмъ другое.

— Какъ!...

— Да... да... Во-первыхъ потому-что г-жа де-Монрионъ, читая, дрожала, заикалась и не знала что сказать.... И вотъ почему я пришелъ къ вамъ.

— Я нашелъ совершенно то-же, что и графиня.

— Да... да... Напередъ распросивъ меня и заставивъ все вы сказать.... вы повторили мнѣ мое-же.... и потомъ это письмо, вы, не хотѣли мнѣ отдать его.

— И я сказалъ тебѣ причину.... въ концѣ былъ счетъ, необходимый для меня.

— Въ такомъ случаѣ, если тамъ былъ счетъ, вы должны сберечь это письмо. Не угодно-ли будетъ вамъ возвратитъ мнѣ его?

— Я думаю, мнѣ трудно будетъ его отыскать, отвѣчалъ Монрионъ, съ замѣшательствомъ. Я, можетъ-быть, сжегъ его.

— Вы видите, вскричалъ Брикоръ.... я былъ увѣренъ.... прощайте, г-нъ маркизъ....

Бриасъ входилъ въ эту минуту.

— Брикоръ, сказалъ Монтекленъ: быть-можетъ, оно у меня цѣло.

— Благодарю.... кричалъ Брикоръ, удаляясь: чтобъ узнать истину, я не имѣю нужды ни въ комъ.

— Что, Бриасъ? вскричалъ Монтекленъ.

— Леды нѣтъ дома, отвѣчалъ Бриасъ: г-жа де-Монрионъ прислала за ней утромъ и она тотчасъ ушла.

— Если такъ, сказалъ Монтекленъ: то я не думаю, чтобъ она возвратилась.

Въ эту минуту звуки трубъ, раздавшіеся на дворѣ замка, возвѣстили отъѣздъ.

XIX.

УГОЛЬНЯ.

Г-жа де-Монрионъ точно прислала за Ледой еще разъ утромъ, и та велѣла сказать графинѣ, что она сейчасъ будетъ, но вмѣсто того, чтобъ идти по дорогѣ въ замокъ Монталѣ, она

вдругъ повернула въ сторону и пошла по направленію къ тому убѣжищу, въ которомъ мы ее видѣли съ Гекторомъ де-Монталё. Этотъ послѣдній уже давно ждалъ ее тамъ.

— Наконецъ, это вы, сказала оцъ. Вотъ уже часъ, какъ я здѣсь.

— Я часто дождалась болѣе, отвѣчала Леда: когда поискъ кабановъ, или бутылка недопитаго вина удерживали васъ гдѣ-нибудь.

— Теперь не до споровъ, сказалъ виконтъ: намъ грозитъ ужасная опасность.

— Какая опасность? спросила Леда.

— Развѣ вы не слышали вчера, что говорилъ этотъ негодяй солдатъ? Развѣ вы не замѣтили, какое лицо сдѣлалъ Брикоръ?

— Право нѣтъ, отвѣчала Леда: я только замѣтила ваше лицо и, признаюсь, я никогда не видала человѣка, до такой степени испуганнаго.

Кровь бросилась въ лицо Гектора.

— Послушайте, Леда, сказалъ онъ грубо: избавьте меня отъ вашихъ упрековъ и эпиграммъ, — я сегодня не расположенъ выслушивать ихъ. Притомъ надобно на что-нибудь рѣшиться. Итакъ что вы намѣрены дѣлать?

— Я? что вамъ за дѣло до этого, г. Виконтъ! Не вы-ли раздѣлили вашу жизнь отъ моей, и какъ можетъ будущій супругъ графини де-Монрионъ заниматься тѣмъ, что касается презрѣнной жены арендатора Брикора?

— Я васъ понимаю, Леда; такъ вотъ что оскорбляетъ и раздражаетъ васъ! Но будемъ разсуждать хладнокровно, Леда, я не могу быть вашимъ мужемъ, я не могу убить Брикора... я долженъ думать о моемъ будущемъ, о моемъ состояніи...

— И о г-жѣ де Монрионъ.

— О ней? отвѣчалъ Гекторъ: чортъ меня поберетъ, если я забудусь о ней! Я хочу только, чтобы состояніе Монталё не перешло въ руки этой жеманной дуры.

— И по этому вы женитесь на ней? Это очень-искусно. Тѣмъ болѣе, что никто, кромѣ васъ, не имѣетъ болѣе правъ доказать ея невинность.

— Вы смѣетесь надо-мною, Леда? вскричалъ неустово Гекторъ. Я вамъ сказалъ, что вы должны на что-нибудь рѣшиться.

— Я уже рѣшилась. Вы дѣйствовали по своему, я буду дѣйствовать по своему.

— А какъ, позвольте узнать?

— Вы совѣтовались-ли со мной, когда шли просить руки г-жи де-Монрионъ?

— Я пришелъ васъ спасти, я пришелъ васъ избавить отъ гнѣва Брикора, а вамъ угодно разговаривать со мной такимъ образомъ!..

— Я не прошу вашего покровительства.

— Такъ зачѣмъ-же вы пришли сюда?

— Не вы-ли подали мнѣ сигналъ, который означаетъ, что вы желаете со мной говорить. Я пришла, — что вамъ угодно?

Гекторъ не отвѣчалъ. Гнѣвъ овладѣлъ имъ вполне.

— Леда, сказалъ онъ наконецъ рѣшительнымъ тономъ: слушайте меня. Я составилъ проектъ и хочу, чтобъ онъ удался. Мнѣ необходимо состояніе моего дяди, а мой бракъ съ г-жою де-Монрионъ есть единственное средство получить его... Если вы меня любите, вы должны мнѣ помочь въ этомъ.

Эти послѣднія слова смутили спокойствіе отчаянья, которое приняла на себя Леда. Она задрожала всѣмъ тѣломъ, и улыбка, полная презрѣнія и угрозы, затрепетала на ея губахъ.

— Если я васъ люблю, говорите вы... то я должна помочь вамъ жениться... на моей соперницѣ... это очень-хорошо... А какъ я могу вамъ помочь?

— Утверждая, что вы не знаете о существованіи и рожденіи этого ребенка.

— Что-жъ изъ этого будетъ?

— Будетъ то, что Жюлі, обвиняемая со всѣхъ сторонъ, должна будетъ принять предложеніе единственнаго человѣка, который хочетъ и можетъ ее спасти.

Въ этихъ словахъ открылась вся гнусность расчетовъ Гектора. У Леды вырвался жестоко-горькій смѣхъ.

— А! вскричала она: счастливая женщина! И какого благороднаго мужа доставляю я ей въ награду за то, что она хотѣла меня спасти!

— Леда, сказалъ грозно Гекторъ: я васъ заставлю молчать.

— Безъ сомнѣнія, чтобы г-жа де-Монрионъ не узнала о вашей подлости и не велѣла выгнать васъ изъ своего дома.

— Леда, вы будете молчать.

— Да, продолжала г-жа Брикоръ, съ глазами, блестящими отъ гнѣва: чтобы мужъ мой, узнавъ, какъ низко вы насмѣялись надъ дружбой, которую онъ питалъ къ вамъ, не далъ вамъ пощечины, убивъ напередъ меня...

— Леда!...

— И не убилъ-бы васъ, хотя вы и виконтъ...

— Леда, повторилъ Гекторъ страшнымъ голосомъ: вы будете, я васъ заставлю молчать...

— А если я не буду молчать? вскричала Леда, смѣривъ Гектора пламеннымъ взглядомъ: если я не безстыдна и не подла, если я не допущу погибнуть другой подъ тяжестью моего проступка, если я устала жить во лжи и страхѣ; если сердце мое разрывается при мысли, что я обманула челоуѣка, желавшаго моего счастья, и для кого?.. О Боже!.. для того, который презираетъ и оставляетъ меня; если я признаюсь въ моемъ преступленіи, и открою васъ?

Глухой, страшный, бѣшеный крикъ отвѣтствовала на эти слова. Гекторъ подскочилъ къ Ледѣ, схватилъ ее руки своими широкими и мощными руками и бросилъ ее передъ собой на колѣни, замахнувшись на нее кулакомъ. Леда опустила голову. Монталё поспѣшно отвернулся и, задыхаясь отъ бѣшенства, произнесъ, проиически улыбаясь:

— Но вы не скажете этого, Леда; вамъ нельзя: Бриккоръ васъ убьетъ, — вы это знаете?

— Пусть онъ убьетъ меня, въ порывѣ отчаянія вскричала Леда: онъ имѣетъ на то право.

— Безумная!...

— Нѣтъ, г. виконтъ, нѣтъ; но я не позволю, чтобъ, обезсечивъ бѣдную Леду, вы бросили ее потомъ, когда скупость заставляеть васъ предпочесть богатство моей любви. Я не хочу, слышите-ли вы, я не хочу, обремененная стыдомъ и муками, прибавить къ нимъ еще стыдъ, что я погубила ту, которая имѣла ко мнѣ хоть каплю жалости, и мученіе видѣть, какъ вы будете смѣяться надъ моими страданіями.

— Вы съ ума сошли, Леда, повторилъ Монталё, лицо котораго сперва побагровѣло, а потомъ посинѣло.

— Еще разъ нѣтъ, г. Виконтъ, я въ полномъ умѣ, и вы откажетесь отъ г-жи де-Монпріонъ или я расскажу все.

— Леда! вскричалъ Гекторъ задыхающимся голосомъ...

— А! продолжала Леда, дойдя до этого припадка слѣпнаго гнѣва, который не видитъ ничего, даже самой смерти, летающей надъ головой: а! вы шли къ вашей цѣли, не обращая вниманія на бѣдную женщину, попавшуюся вамъ на дорогѣ! Вы раздавили ее! О, если такъ, то эта женщина, которую вы надмѣнно презрѣли, остановитъ васъ и откроетъ все низкое лукавство вашего поведенія...

— Леда, проговорилъ Гекторъ, сжимая руками ея голову, какъ будто чувствовалъ, что она готова распасться: Леда, замолчите!

— Нѣтъ, продолжала Леда.... вы заставили меня долго трепетать, долго страдать... нѣтъ, я буду говорить... я...

Въ эту минуту Гекторъ схватилъ ее своими желѣзными руками, и, проходя мимо, можно было бы слышать страшный, полный отчаянной тоски, крикъ, если-бы лѣсъ не огласился вдругъ веселыми звуками трубъ. Спустя нѣсколько времени, Гекторъ вышелъ изъ развалины. Онъ былъ смертельно блѣднѣнъ, губы дрожали судорожно, глаза, какъ у помѣшаннаго, бесмысленно вращались въ своихъ орбитахъ. Онъ заперъ дверь и твердымъ шагомъ пошелъ къ лошади, привязанной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ угольни, сѣлъ на нее и, какъ молнія, помчался сквозь кустарникъ, иглы котораго рвали грудь благороднаго животнаго, а вѣтви хлестали ему въ лицо. Быть-можетъ, онъ долго скакалъ-бы съ равнымъ неистовствомъ, если-бы не замѣтилъ въ небольшомъ разстояніи отъ себя толпу всадниковъ, приближавшихся шагкомъ.

XX.

ОХОТА.

Брикоръ, оставивъ замокъ, отправился тотчасъ на ферму. Ужасное подозрѣніе мучило его. Онъ видѣлъ страхъ Леды, ея гнѣвъ, замѣшательство Гектора де-Монталё во-время разсказа Али-Мулея, онъ слышалъ намѣки окружавшихъ его, онъ чувствовалъ невыносимую тоску и, во что-бы то ни стало, положилъ видти изъ этого мучительнаго состоянія души и узнать истину. Съ этими мыслями онъ вышелъ изъ замка Монтеклена и отправился на ферму, намѣреваясь распросить Леду.

Подходя къ своему дому, онъ встрѣтилъ полковника и Али-Мулея, которые шли на сборное мѣсто охоты. Томасъ спросилъ его, участвуетъ-ли онъ въ травлѣ кабана?

— Я, вѣроятно, сейчасъ присоединюсь къ вамъ, полковникъ, отвѣчалъ Брикоръ: и, можетъ-быть, охота будетъ лучше, нежели вы думаете.

Съ этими словами онъ вошелъ въ домъ.

— Гдѣ Леда? спросилъ полковникъ у Али.

— За ней приходили отъ г-жи де-Монріонъ, и она уже давно ушла.

— Безъ сомнѣнія графиня приготовила все, что нужно для бѣгства этой несчастной, сказалъ полковникъ Али-Мулею. Пойдемъ тише, чтобы видѣть, что будетъ дѣлать Брикоръ.

Арендаторъ пришелъ прямо къ маленькой комнаткѣ, занимаемой Ледой. Ненадя ея тамъ, онъ сошелъ внизъ, быстро пробѣжалъ по всемъ службамъ, не говоря ни слова служанкамъ и слугамъ, работавшимъ на дворахъ. Поиски его были тщетны. — Тогда онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ видомъ челоуѣка, который готовъ лишиться разсудка, и позвалъ одну изъ служанокъ, но такимъ страшнымъ, дикимъ голосомъ, что та засмѣялась и, обернувшись назадъ, сказала:

— Что за голосъ съ того свѣта зоветъ меня?

— Это я! сказалъ Брикоръ.

Бѣдная служанка смутилась и онѣмѣла, увидя блѣдное лицо арендатора и страшный взглядъ, который онъ бросилъ на нее.

— Гдѣ моя жена? спросилъ Брикоръ.

— Графиня де-Монріонъ присылала часъ тому назадъ за г-жою Брикоръ, и ваша жена тотчасъ ушла.

— Хорошо! сказалъ Брикоръ, выходя изъ воротъ.

Въ эту минуту челоуѣкъ на лошади подскочилъ къ воротамъ:

— Эй! закричалъ онъ: г-нъ Брикоръ!.. Милая, гдѣ г-жа Брикоръ?

— Да она у васъ, отвѣчала служанка.

— Ее нѣтъ у насъ, отвѣчалъ слуга: когда я сегодня утромъ пріѣзжалъ сюда, г-жа Брикоръ сказала мнѣ, что придетъ за мной въ слѣдъ, а вотъ и до-сихъ-поръ ее нѣтъ. Я не знаю, зачѣмъ г-жа Брикоръ нужна графинѣ, но я никогда не видалъ нашу госпожу такой нетерпѣливой.

— Это странно! сказала служанка: г-нъ Бриасъ тоже пріѣзжалъ за ней.

Брикоръ остановился, и пожиралъ глазами слугу.

— А! сказалъ онъ ему: моей жены нѣтъ у васъ....

— Нѣтъ, потому-что я за ней пріѣхалъ.... Скажите, гдѣ она, мнѣ вѣрно скакать за ней.

Брикоръ оперся на столбикъ, находившійся возлѣ него.

— Вы не знаете, гдѣ она, эй! вы? закричалъ слуга, обращаясь къ прочимъ работникамъ.

— Я знаю, я знаю, сказалъ Брикоръ....

— Такъ пошлите ее поскорѣй къ намъ, сказалъ слуга: кажет-ся, что очень нужно.

Брикоръ пропустилъ его, не поднимая глазъ, и остался, какъ будто громомъ пораженный.... Трепещущія губы его шептали несвязныя слова. — Она.... Она съ нимъ.... говорилъ онъ.... гдѣ же.... гдѣ.... О.... у него... Да.... Хорошо....

Онъ вошелъ въ домъ, взялъ ружье, и хотѣлъ идти вонъ изъ фермы, какъ вдругъ раздались звуки трубъ; это было въ то самое время, когда онѣ раздались и для Монталё.

— О, если она съ нимъ! вскричалъ Брикоръ, онъ опоздаетъ на сборное мѣсто!

И тотчасъ онъ бросается въ конюшню, сѣдлаетъ одного изъ быстрыхъ своихъ скакуновъ и, вооруженный ружьемъ и охотничьимъ пожомъ, мчится во весь духъ по направленію, въ которомъ мы встрѣтили полковника и Али-Мулея. Онъ быстро достигаетъ ихъ.

— Куда ты такъ несешься? закричалъ ему полковникъ, пустивъ свою лошадь рядомъ съ его.

— На сборное мѣсто охоты, отвѣчалъ Брикоръ.... И если его тамъ нѣтъ, я поскачу къ нему....

— Да о комъ ты говоришь? спросилъ полковникъ....

— Оставьте меня, полковникъ, отвѣчалъ Брикоръ, пустивъ во весь опоръ своего скакуна.

Но подъ Томасомъ была славная лошадь, и онъ могъ ровнять-ся съ конемъ Бригора.

— Брикоръ! кричалъ онъ ему: Брикоръ! отвѣчай.... кого тебѣ надо?.... куда ты?

— Вы увидите....

Въ эту минуту они примчались на перекрестокъ, гдѣ пересѣкалось нѣсколько дорогъ, проходившихъ черезъ лѣсъ, и увидали въ недалекомъ разстояніи отъ себя Гектора де-Монталё, спокойно ѣхавшаго возлѣ Леоны, а впереди ихъ г-жу де-Шаммортенъ съ мужемъ и г-на Амаба. Спокойный видъ Гектора остановилъ на минуту бѣшенство Бригора, который однако сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ:

— Какъ, г-нъ виконтъ, вы еще не на сборномъ мѣстѣ?

— Это моя вина, отвѣчала Леона: г-нъ де-Монталё былъ такъ добръ, что захотѣлъ пожертвовать мнѣ своимъ временемъ.... вотъ уже болѣе часа, какъ я его удерживаю возлѣ себя....

Брикоръ повѣсилъ голову; до-сихъ-поръ его преслѣдовала мысль, что Гекторъ былъ съ Ледой въ его собственномъ домѣ. Но гдѣ-

же была Леда, если ея не было у графини де-Монпрювъ? Мысли его переменялись, — онъ не зналъ, что ему дѣлать, вертѣлся на одномъ мѣстѣ, то поварачивался назадъ, то ѣхалъ на-право, то на-лѣво, и наконецъ хотѣлъ возвратиться домой, какъ вдругъ показались Монтекленъ и Бриасъ.

Видъ Бриаса напомнилъ ему слова служанки, и хотя онъ не подозрѣвалъ лично послѣдняго, но мысль, что богатые дворяне поддерживали другъ-друга и скрывали между собою безчестье ничтожнаго челоуѣка, какъ онъ Брикоръ, заставила его предположить, что Бриасъ могъ быть повѣреннымъ Монталё.

По этому арендаторъ хотѣлъ уже спросить у Бриаса причину его прѣзда на ферму, но былъ предупрежденъ Монтекленомъ, который, подскакавъ къ нему, сказалъ весело:

— Вотъ это гораздо-лучше, Брикоръ; не оставляй меня. Признаться тебѣ, я такъ былъ обиженъ твоимъ поспѣшнымъ уходомъ и нежеланьемъ участвовать въ моей охотѣ, что уже послалъ было Бриаса за Ледой, чтобы привести съ ней въ порядокъ наши дѣла, и такимъ-образомъ не имѣть съ тобой никакихъ сношеній. По счастью, Бриасъ не засталъ ее дома, и потому ни слова о нашемъ неудовольствіи. Маршъ на охоту, и дадимъ о себѣ знать этому Монталё!.. Вѣрю тебѣ мою честь, Брикоръ! — Арендаторъ растерялся и, не зная, что ему дѣлать, отвѣчалъ какъ попало, и обѣщалъ работать изъ всѣхъ силъ.

Въ это время общество почти уже собралось, и потому всѣ отправились къ кустарнику, въ которомъ должны были напасть на звѣря.

— Когда мы будемъ стрѣлять? Когда кабанъ выбѣжитъ изъ круга? спросилъ Гекторъ.

— Какъ это можно! отвѣчалъ Монтекленъ: я хочу сперва потравить его, — безъ этого и охота не въ охоту.

— Пожалуй, услыхавъ трубы, онъ перешелъ въ другое мѣсто, сказалъ Монталё: вы знаете, кабаны не слишкомъ любятъ эту музыку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ хладнокровной увѣренностью Монтекленъ: мои трубы въ состояніи удержать его болѣе часа въ его логовищѣ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Гекторъ: благоразумнѣе будетъ стрѣлять по немъ.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, вскричалъ Монтекленъ: даже если онъ опрокнется на собакъ и лошадей, я непременно хочу убить его своими собственными руками.

— Этой иголкой, которая у васъ на боку? спросилъ смѣясь Гекторъ.

— Не безпокойтесь, Монталё, отвѣчалъ Монтекленъ, презрительно улыбаясь: мои иголки дѣлають иногда такія дыры, что никакой иголкой не зачистишь.

Скоро разговоръ сдѣлался общимъ, и безпрестанно слышались разсужденія о томъ, какъ узнать слѣдъ, годъ и полъ кабана, все это перемѣшанное, разумѣется, техническими словами охотниковъ. Впрочемъ черезъ нѣсколько времени началась и охота; пустили гончихъ, и Монтекленъ, какъ послѣдній изъ псарей, послѣся по лѣбу, громкимъ голосомъ одобряя собакъ: го! го! гу! тамъ, тамъ, гу!

Но кабанъ, противъ ожиданій Монтеклена, побѣжалъ совсѣмъ въ другую сторону, и долженъ былъ увлечь за собой охоту на очень-большое разстояніе отъ того мѣста, гдѣ она началась. Монтекленъ съ такимъ жаромъ, энтузіазмомъ и криками полетѣлъ вслѣдъ за нимъ, что Гекторъ, обманувшись этой ложной горячностью, понесся самъ за Монтекленомъ, ибо ненависть къ этому послѣднему и тщеславіе охотника, подстрекали его неумолимо. Брикоръ, не зная, какъ объяснить свои подозрѣнія, безсознательно увязался за Гекторомъ. Бриасъ, полковникъ, Шаммортенъ и Амабъ, составляли общество Леоны и г-жи де-Шаммортенъ, такъ, что всё наконецъ устремились по одному направленію, какъ-будто одушевленные однимъ жаромъ, хотя въ самомъ-то дѣлѣ ни одинъ изъ присутствующихъ не былъ собственно занятъ охотой.

Мало-по-малу общество раздѣлилось на малѣйшія группы: Леона впереди, рядомъ съ полковникомъ. Шаммортенъ, претендовавшій на участіе въ разговорѣ, слѣдовалъ не подалеку отъ нихъ, Амабъ за Шаммортенемъ, между-тѣмъ, какъ Сильви и Бриасъ, лошади которыхъ не были такъ крѣпки и имѣли нужду въ сбереженіи, остались одни позади.

— Слышали-ли вы новости? сказала Леона полковнику.

— Какія? отвѣчалъ полковникъ: что г-жа де-Монріонъ невинна?

— Ба! продолжала Леона, вы думаете? Я признаюсь, для меня нужны доказательства болѣе убѣдительные. Послѣ исторіи Сентъ-фаронской деревни...

— Вы знаете лучше меня, что она невинна, сказалъ строго полковникъ.

— Откуда-же мнѣ это знать?... Все, что я знаю, это то, что

Монталё, который въ состояніи жениться на тряпочницѣ, если только ея корзинка будетъ набита банковыми билетами, женится на графинѣ и сверхъ-того возьметъ еще и ребенка.

— Я думаю, что онъ можетъ это сдѣлать лучше, чѣмъ кто-либо другой....

— Да къ нему пристало все смѣшное... впрочемъ и приданое великолѣпно.

— Я не то говорю, вы притворяетесь, что не понимаете меня, Леона: Гекторъ женится потому, что онъ знаетъ, кому принадлежитъ это дитя....

— А! такъ г-жа де-Монрionъ съ нимъ откровенна?

— Леона, отвѣчалъ полковникъ: вы говорите со мной серьезно, или вы думаете, что со мной можно обращаться, какъ съ г-мъ Амабомъ или какъ съ какимъ-нибудь Шаммортенемъ?

— Разуверьтесь, полковникъ, продолжала Леона съ невыразимой улыбкой презрѣнія: я не имѣю желанія сдѣлать вамъ эту честь.

Томасъ удержалъ порывъ гнѣва, возбужденный такой надмѣнной выходкой.

— Поймите меня хорошенько, сударыня, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: я не думаю и не хочу вмѣшиваться въ дѣло, въ которомъ вы хотите очернить доброе имя невинной женщины.

— Но кто васъ вмѣшиваетъ въ него, г-нъ полковникъ Томасъ Рень, если не вы сами, проповѣдывающій мнѣ невинность г-жи де-Монрionъ?... Да, Боже мой, докажите намъ это, убѣдите насъ въ этомъ; я не *хочу*, я не *думаю* вамъ мѣшать. Сдѣлайте лучше, женитесь на прекрасной любимицѣ маркиза. Сдѣлайте одолженіе, что намъ за дѣло до того?

Полковникъ отвѣчалъ съ негодованіемъ.

— Одно слово, Леона: вы клялись моей матери помогать мнѣ въ моихъ намѣреніяхъ....

— И я готова это сдѣлать.

— Вы знаете, въ чемъ состоитъ цѣль моей жизни?

— Да, въ восстановленіи добраго имени вашей матери.

— Это доброе имя, оно въ вашихъ рукахъ.

— Это правда.

— Какую цѣну вы полагаете за него?

— Разореніе и безчестіе г-жи де-Монрionъ, сказала Леона, бросивъ ему эти слова насмѣшливымъ голосомъ.

— Никогда! отвѣчалъ полковникъ съ негодованіемъ.

Леона остановила свою лошадь, и когда Шаммортенъ и Амабъ поровнялись съ ней, она весело сказала имъ :

— Впередъ, господа, впередъ, неужели я должна подавать вамъ примѣръ? Поскачимъ въ весь опоръ, Викторъ, и вы также г-нъ де-Шаммортенъ и докажемъ полковнику, что хотя африканскіе бѣгуны прекрасно гарцуютъ подъ великолѣпными мундирами, но не могутъ однако равняться съ нашими въ этой неровной и исполненной всякихъ трудностей странѣ.

Всѣ трое поскакали впередъ, а полковникъ, задумчивый и мрачный, остался назадъ. Онъ хотѣлъ было присоединиться къ Бріасу и Сильви, но въ это время увидалъ Монтеклена, который приближался къ нему вскачь. Подскакавъ къ Томасу, Монтекленъ, осадилъ свою лошадь и поспѣшно сказалъ ему :

— Полковникъ, хотите спасти жизнь одной женщинѣ?

— Чтò за вопросъ?

— Такъ не оставляйте этой ален, она одна ведетъ въ Лавордавъ. Брикоръ хочетъ возвратиться туда, онъ объявилъ объ этомъ Али. Удержите его на четверть часа, на десять минутъ.

— Чтò случилось?

— Вы это знаете, полковникъ; но ради Бога задержите Брикора... я скачу въ Лавордавъ... Я спрячу Леду, которая можетъ быть воротилась... но вотъ онъ... прощайте.

Монтекленъ исчезъ, какъ молнія, а полковникъ поѣхалъ навстрѣчу Брибору.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СМЪСЪ.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯНИКЪ.

(Разсказъ Альфонса Карра.)

Въ обширной мастерской находились два молодые художника. Одинъ изъ нихъ работалъ передъ мольбертомъ, пользуясь послѣднимъ свѣтомъ умирающаго дня; другой, развалившись на красномъ диванѣ, курилъ табакъ изъ трубки съ предлиннымъ турецкимъ чубукомъ, и держалъ въ рукахъ нераспечатанное еще письмо. У обоихъ молодыхъ артистовъ предлинные волосы и бакенбарды — непремѣнные атрибуты гениальности.

— Не знаю, сказалъ художникъ, дѣлавшій кейфъ: что мѣшаетъ мнѣ предать это письмо такой-же участи, какой предаль я послѣднее, полученное мною назадъ тому два мѣсяца. Какое-то странное предчувствіе не позволяетъ мнѣ съечь его, не читавши, тѣмъ болѣе, что это рукописаніе моего любезнѣйшаго батюшки. Я почти навѣрно могу разсказать содержаніе обоихъ послѣднихъ посланій его: въ первомъ, при всякомъ случаѣ, были упреки и угрозы, во второмъ, безъ всякаго сомнѣнія, упреки и добрые совѣты; а очень-возможно, что въ этомъ второмъ вложенъ и банковской билетикъ.... — Чортъ возьми! вскричалъ онъ, распечатавъ письмо и прочитавъ первыя строки: вѣдь я не ошибся: корреспонденту нашему поручено выдать мнѣ сто франковъ.

— Сто франковъ! воскликнулъ другой художникъ, кладя въ сторону кисть.

— Да, сто франковъ, торжественно отвѣчалъ первый. Надобно сознаться, что отцы, право, лучше, нежели какими ихъ предста-

влиють. Однакожъ онъ напоминаетъ мнѣ про одно очень-важное дѣло. Дядя мой въ арсеналѣ очень-боленъ. Я непременно долженъ побывать у него. Вѣдь дядюшка-то этотъ золотой человѣчекъ: мнѣ достанется послѣ него значительное наслѣдство, и потому я непременно виновать, что въ цѣлые три года былъ у него всего только два раза. Завтра же отправляюсь къ нему. Да вотъ плохо, я вѣдь не знаю хорошенько дороги.

— Не безпокойся, ужъ я напишу тебѣ маршрутъ.

Завтра наступило. Племянникъ, прежде чѣмъ пуститься въ такое далекое путешествіе для посѣщенія любезнаго дядюшки, захотѣлъ позавтракать. Вопросъ, кому изъ двухъ друзей озаботиться заготовленіемъ завтрака.

— Я не пойду, я еще въ туфляхъ, сказалъ Евгений.

— Я тоже не пойду, сказалъ Артуръ: я не хочу придти къ дядюшкѣ въ грязныхъ сапогахъ.

Поспорили, поспорили, и вздумали разрѣшить споръ на рапирахъ. Кто первый получитъ ударъ, тому и идти за завтракомъ. Берутъ рапиры и становятся въ позицію. Артуру достался первый ударъ; но такъ какъ маски, рапиры и перчатки сняты уже со стѣны, то дѣло и не остановилось на первомъ ударѣ. Фехтованье продолжалось цѣлый часъ, пока наконецъ противники, измученные и соскучившіеся отъ этой экзерциціи, положили оружія.

— Сколько драгоценнаго времени потерялъ я! сказалъ Артуръ: мнѣ-бы давно уже пора быть у дядюшки. Фланёрство прегадкая привычка. Нельзя представить, сколько она мнѣ повредила. Правъ былъ какой-то философъ, который сказалъ: Дѣлай прежде всего то, что должно-бы уже быть сдѣлано.

— Это правоученіе, примолвилъ Евгений, тоже закуривая трубку и садясь возлѣ Артура: въ особенности можетъ быть приложено къ тебѣ, потому что ты охотнѣе всего не дѣлаешь ничего.

— Что правда, то правда, отвѣчалъ фланёръ: я гораздо-выше тѣхъ людей, которые никогда не могутъ быть спокойны, и мучать себя изъ ничего. Мое правило: Дѣлай то, что лучше ничего, или не дѣлай ничего.

— Однако теперь одѣваться и идти было-бы, я думаю, лучше, чѣмъ не дѣлать ничего, замѣтилъ Евгений.

— Я отнюдь не оуждаю фланёрства, продолжалъ Артуръ, не обращая вниманія на это замѣчаніе, потому что: «La paresse est un don, qui vient des immortels». Но если хочешь, чтобы фланёрство было истиннымъ наслажденіемъ, то долженъ быть фланёромъ безъ страха и безъ упрека, безъ заботы и безъ раскаянія; должно приобрести право быть фланёромъ тѣломъ и душою.

Съ этими и другими подобными имъ разсужденіями принялся онъ за свой туалетъ. На такой рѣдкой и важной визитъ нельзя-же отправиться въ старомъ, поношенномъ черномъ галстухѣ, подумалъ онъ, и въ-слѣдствіе того приготовилъ бѣлый, сложилъ его какъ можно поакуратнѣе и повѣсилъ на спинку

кресель; но потомъ, забывши объ этомъ, вытеръ объ него, вмѣсто полотенца, руки. Что дѣлать, галстухъ былъ пзмятъ и перепачканъ, — пришлось взять другой. Сыскавши другой, Артуръ сѣлъ и сталъ складывать его на колѣнахъ. Но ему такъ хорошо, такъ удобно было на диванѣ! Онъ опять закурилъ трубку. Голова его покоилась на мягкой подушкѣ, и онъ предался тому усаждительному состоянію между сномъ и бдѣніемъ; въ которомъ передъ полу-закрытыми глазами на голубыхъ облакахъ клубящагося дыма, такъ, кажется, и танцуютъ разныя странныя фантастическія фигуры, то быстро исчезающія, то появляющія вновь. Фантазия окрыляется, и покидая тяжелое, какъ будто цѣпями скованное тѣло, летаетъ вокругъ, подобно птичкѣ, ускользнувшей изъ кѣтки и порхающей вокругъ нея, какъ будто насмѣхаясь надъ оплошавшимъ птицеловомъ. Въ подобномъ состояніи собственное я совершенно исчезаетъ; свою собственную жизнь, со всеми ея разнообразными воспоминаніями и впечатлѣніями, разсматриваешь такъ, какъ покойно и удобно сидящій зритель смотритъ на разыгрываемую предъ нимъ драму. Какъ ни старайся удержатъ какую-нибудь печальную мысль или ощущеніе, все онѣ, какъ молнія пролетаютъ въ головѣ, и, подобно арлекину, начинаютъ кривляться и строить уморительныя фарсы въ облакахъ табачнаго дыма.

Однакожъ Артуръ высвободился, хотя почти съ нечеловѣческимъ напряженіемъ, изъ этого созерцательнаго состоянія. Онъ вычистилъ свою шляпу и ушелъ. На темной лѣстницѣ встрѣтился ему кто-то и учтиво спросилъ его.

Господинъ Артуръ дома?

— Нѣтъ, онъ давно померъ.

Спрашивавшій покачалъ головою и воротился назадъ.

— Очень-радъ, что онъ не узналъ меня, подумалъ Артуръ, и храбро пустился къ арсеналу. Дорога вела его по бульварамъ.

Бульвары въ мартѣ мѣсяцѣ всегда бываютъ очень-оживлены и многолюдны. Цвѣточницы продаютъ первые гіацинты, наполняющіе воздухъ ароматическимъ весеннимъ благоуханіемъ. Дамы, выпорхнувъ изъ мѣховыхъ самоповъ, выходятъ изъ узкихъ сырыхъ улицъ, погрѣться на веселнемъ солнышкѣ. Артуръ скоро забылъ про любезнаго дядюшку. Онъ остановился передъ фокусникомъ, только что собиравшимся показать какую-то штуку, которая, по словамъ его, превзойдетъ все, видѣнное доселѣ почетвѣйшею публикою, но все никакъ не могшимъ собраться, потому-что ему надобно было сперва показать мпожество другихъ штукъ; и потомъ онъ каждому, кто хотѣлъ заплатить двадцать су за коробочку съ угольнымъ порошкомъ, дастъ даромъ кусокъ мыла для вывода пятенъ.

«Эта утоляющая боль, бальзамическая спеція, кричитъ фигляръ, есть превосходнѣйшее средство противъ гніенія зубовъ. Сю- же минуто я буду имѣть честь доказать это публичнымъ опы-

томъ. Поди сюда, ты, невинный ребенокъ! Видители-ли, господа и госпожи, зубы у этого мальчика черны, какъ уголь; я посыпаю немножко моего порошка на эту щеточку, смачиваю его водою — не подумайте, что это какая-нибудь особенная, приготовленная вода, я беру ее изъ перваго попавшагося ручья — я чищу мальчику зубы, и видите-ли, они въ одну секунду сдѣлались бѣлы, какъ свѣтъ.»

Необыкновенной штуки все еще нѣтъ какъ нѣтъ. Артуръ терпѣетъ наконецъ терпѣше и идетъ прочь. Но фокусникъ бѣжитъ за нимъ, крича: Милостивый государь! Милостивый государь!

Взоры всѣхъ присутствующихъ обращаются на Артура. Онъ останавливается и краснѣетъ.

— Государь мой, говоритъ фокусникъ, съ свойственною этимъ людямъ наглостью: за-чѣмъ вы унесли мои шары? Я только ими и добываю себѣ кусокъ насущнаго хлѣба.

Артуръ всыхнулъ отъ досады. Огромная толпа собралась вокругъ нихъ.

— Я и не думалъ брать твоихъ шаровъ, безстыдный паяцъ, вскричалъ Артуръ: убирайся къ чорту!

— Извините, сударь, они у васъ въ шляпѣ.

Фокусникъ безъ перемонъ снимаетъ шляпу съ Артура и достаетъ оттуда три большіе шара. Фокусъ былъ исполненъ отлично; всѣ присутствующіе дивятся чуду. Только одни невѣрующіе покачивая головою, говорятъ: «Да вѣдь онъ съ нимъ за одно!»

Артуръ спѣшитъ удалиться, хотя ему очень хотѣлось хорошенько отдуть фокусника палкою. Онъ проходитъ, не останавливаясь, мимо электрическихъ машинъ и другихъ физическихъ аппаратовъ; но наконецъ вниманіе его снова привлечено тѣми живыми карикатурами, которыя мастерскою рукою даме такъ удачно передаются въ «Charivari» и другихъ юмористическихъ альбомахъ.

«Новое открытіе!» болтаетъ смѣшной человекъ такъ проворно, какъ только позволяетъ ему заткнутая за щеку огромная табачная жвачка: «въ высшей степени сообразное съ духомъ времени и вполне достойное занять самое почетное мѣсто въ нашемъ столь богатомъ изобрѣтеніями вѣкѣ. Смотрите, господа и госпожи, настоящая, ничѣмъ незамѣнимая зажигательная масса, которая уничтожаетъ всѣ возможныя зажигательныя спички и огнивы на свѣтѣ. Вы берете почти что ничего этой массы кончикомъ ножа, или кончикомъ вашей палки или — словомъ, кончикомъ чего-бы то ни было; потрете чуть-чуть о свѣтильню, и въ ту же минуту у васъ есть огонь. Этотъ феноменъ не только приноситъ пользу, но посредствомъ его можно и забавляться самымъ остроумнымъ и приятнымъ образомъ. Ничто не можетъ доставить такого приятнаго увеселенія въ обществѣ! Вы на балу у банкира или у какой-нибудь другой важной особы; не-

ловкій гость хочеть снять со свѣчи и тушить ее. Темно хоть глазъ выколи; каждый пользуется темнотою, чтобы шеннуть что-нибудь хорошенькое на ухо своей собесѣдкѣ. Но у вась въ карманѣ мое изобрѣтеніе; выдостаете незамѣтный кусочекъ массы; бьетесь объ закладъ, на бутылку, на двѣ бутылки шампанскаго, что вы сей часъ-же безъ всякихъ спичекъ и огнивъ зажжете свѣчу...

Артуръ идетъ далѣе, но едва успѣлъ онъ выбратъся изъ толпы, какъ его хватаетъ за воротъ другая карриатура изъ Слагиваги. Онъ частію съ испугомъ, частію съ досадою оглядывается кругомъ. Сова выпучила на него страшные безжизненные глаза; три безвредныя змѣи, прозванныя ручными ехиднами, выглядываютъ изъ ящика съ сѣномъ, на столѣ лежитъ множество ученыхъ птицъ, притворившихся мертвыми. Владѣлецъ всего этого продаетъ чудное мыло для вывода пятенъ.

Тщетно Артуръ старается вырваться. Непрiятель крѣпко держитъ его. Толпа собирается.

— У господина страшно засаленъ воротничкъ. Какъ можно носить такой фракъ!

Артуръ отпускаетъ полновѣсную оплеуху этому пятновыводчику, такъ что опрокидываетъ его на землю вмѣстѣ со столомъ его, и со всѣми змѣями и птицами, а самъ пускается скорыми шагами прочь, и чтобы избѣжать взоровъ любопытныхъ, идетъ на удачу въ совершенно-незнакомую ему улицу, которая приводитъ его въ другую, а та въ третью. Онъ не знаетъ больше, гдѣ онъ, долго бродитъ то туда, то сюда, и наконецъ замѣчаетъ, что идетъ по дорогѣ назадъ къ своей квартирѣ.

Идти къ дядошкѣ уже поздно, — пора обѣдать, и потому Артуръ возвращается домой, рѣшившись отправиться къ дядошкѣ на другой день.

На слѣдующее утро Артуръ встаетъ очень-рано. Такъ какъ въчѣрашнемъ туалетѣ онъ много потерялъ драгоценнаго времени, то и рѣшается сегодня обриться съ холодною водою. На Артурѣ одна туфля красная и одна желтая; красная была его законная; мало того даже заплаченная паличными, собственность, а желтая принадлежитъ Евгенію. Достальной костюмъ Артура состоитъ изъ красныхъ утреннихъ шараваръ и голубой полосатой блузы.

Бритье съ холодною водою истинное самоотверженіе; уже однихъ приготовленій къ нему сопряжены съ многоразличными неприятостями. Мыло очень-медленно распускается въ холодной водѣ, и ускользаетъ изъ руки, какъ вишневая восточка, которую хочешь удержать между пальцами.

Именно такъ и случилось съ нашимъ художникомъ: только-что онъ взялъ мыло, какъ оно ускользнуло у него изъ рукъ и исчезло подъ диваномъ.

Артуръ принимается доставить его оттуда палкою, но отъ

сильнаго удара этой палки, мыло летитъ черезъ всю комнату и прямо вонъ изъ дверей, которыя на ту пору были отворены. Артуръ за нимъ, но оно летитъ внизъ по лѣстницѣ. Два раза удается Артуру догнать бѣглеца; онъ хочетъ удержать его ногою; но мыло, какъ ртуть, ускользаетъ изъ-подъ ноги и, поучивъ новыи толчекъ, еще быстрѣе летитъ внизъ по ступенькамъ. Артуръ снова пускается за нимъ; почти опрокидываетъ попавшихся ему на-встрѣчу женщину съ ребенкомъ, раздираетъ о гвоздь рукавъ рубашки, и наконецъ успѣваетъ поймать бѣглеца подъ ногами лошадей стоявшаго у дверей фiakра.

Чтобы поскорѣе укрыться отъ взоровъ любопытныхъ, изъ которыхъ одни смотрѣли на эту продѣлку улыбаясь, а другіе покачивая головою, Артуръ спѣшитъ убѣжать домой, вбѣгаетъ по лѣстницѣ — мастерская заперта. Артуръ слышитъ въ ней плачь ребенка и брань женщины.

— Молчи, молчи, говорила эта женщина: черезъ часъ все кончится, и мы пойдемъ.

— О Богъ мой! сказалъ самъ-себѣ Артуръ. Это опять тотъ мальчишка съ обезьяньей рожей, съ котораго Евгенийъ снимаетъ портретъ. Миѣ нельзя показаться въ этомъ костюмѣ. Что дѣлать! Стоять цѣлый часъ на лѣстницѣ въ разорванной рубашкѣ! Ужасно!

Наконецъ безконечно-долгой часъ прошелъ; но уже опять было поздно идти къ дядюшкѣ. Опять день потерявъ.

Артуръ почти всю ночь не смыкаетъ глазъ, чтобы только пораньше встать и, не торопясь заняться своимъ мучительнымъ туалетомъ. Онъ придумывалъ тысячи болѣе или менѣе правдоподобныхъ отговорокъ, которыми будетъ извиняться передъ дядюшкою въ томъ, что такъ долго не бывалъ у него. Онъ просыпается раненъ. Утро кажется ему мрачнымъ и дождливымъ.

— Дождь, ворчитъ онъ съ досадою: миѣ опять нельзя идти.

Артуръ ошибался, дожда вовсе не было. Голубая занавѣска, повѣшенная Евгениемъ передъ окномъ, производила этимъ оптическій обманъ. Однако-жъ время заняться туалетомъ еще не ушло, когда Артуръ сдѣлалъ это открытіе.

Евгений остался одинъ въ мастерской; Артуръ ушелъ.

Основательныя показанія, данныя ему другомъ, заставляли надѣяться, что на этотъ разъ онъ счастливо доберется до арсенала.

Евгений работаетъ надъ давнымъ-давно начатою картиною. Стоя передъ мальбертомъ, онъ подаетъ самъ-себѣ совѣты, хвалитъ или хулитъ себя, подражая голосу и словамъ своего учителя, и пересыпая все это нравоучительными разсужденіями въ слѣдующемъ монологѣ.

— Почему вы работаете безъ муштабеля?

Гдѣ мой муштабелъ? Я всегда долженъ отыскивать ихъ, когда они миѣ понадобятся. Миѣ непременно надобно-бы имѣть уче-

ника (гарн), который бы подавал мнѣ муштабель, когда я хочу работать. Никто не служить намъ хуже насъ самихъ. Вы написали здѣсь зажженную свѣчу, прекрасно: но что эта свѣча освѣщаетъ? Дѣлайте-же свѣтъ? Вы боитесь, вы не смѣете сдѣлать свѣтъ? Такъ; еще немножко. А, вотъ теперь свѣча освѣщаетъ. Немножко киновари. Гдѣ моя киноварь?... Жоржъ, сказалъ онъ, обращаясь къ малому, служившему моделью: не съѣлъ-ли ты моей киновари? Мнѣ непременно нужна вотъ здѣсь киноварь. Вотъ берлинская музуръ, но это не одно и то же. Если-бы у меня былъ ученикъ, такъ ужъ, вѣрно, мнѣ не пришлось-бы искать киновари. Мнѣ непременно нужно имѣть ученика.

А, вотъ наконецъ моя киноварь. Кто это вдумалъ положить ее въ шлемъ? Здѣсь все въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Вѣдь я очень-хорошо помню, что положилъ киноварь въ большой рыцарскій сапогъ.

Вотъ такъ глазъ! нечего сказать, продолжаетъ онъ. Если-бы вы хорошенько смотрѣли на модель, такъ ужъ вѣрно-бы не сдѣлали такой грубой ошибки. Какой огромный, мертвый глазъ! Опустите-же вѣку; такъ, такъ, еще немножко. Если вся фигура будетъ у васъ походить на эту ногу, такъ можете быть увѣрены, что она будетъ самая плохая на всей выставкѣ, и вы прекрасно сдѣлаете, если подпишите внизу: *Éricier pinxit.*

— Ты можешь теперь отдохнуть, Жоржъ; я часа на полтора уйду. Если кто меня спроситъ, скажи, что я ушелъ открывать источники Нила.

Евгеній уходитъ. Минуту спустя является комиссіонеръ съ письмомъ и спрашиваетъ Евгенія. Жоржъ отказывается ему, и комиссіонеръ уходитъ, не оставивши письма.

Письмо это было отъ Артура. Путешествіе его въ арсеналъ было не такъ удачно, какъ онъ предполагалъ. Забота о туалетѣ заставила его по-утру забыть про завтракъ. Но на вольномъ воздухѣ желудокъ тѣмъ скорѣе взялъ свои права. Артуръ входитъ въ кофейный домъ и прензрядно завтракаетъ. Собираясь продолжать свое путешествіе, вспомнилъ онъ, что не захватилъ съ собою денегъ. Что тутъ дѣлать? Артуръ приказываетъ подать себѣ еще чего-то и пишетъ къ Евгению, чтобы тотъ сыскалъ и прислалъ ему его кошелекъ.

Посланный приноситъ письмо обратно. Чѣмъ-же заплатить за завтракъ. Артуру невозможно ни уйти изъ кофейной, ни отпустить комиссіонера. Онъ посылаетъ опять комиссіонера къ другому пріятелю, и спрашиваетъ себѣ пятый стаканъ воды съ сахаромъ.

— А если и Рожера нѣтъ дома, что мнѣ дѣлать! Комиссіонеру надобно будетъ заплатить, а счетъ за завтракъ все растеть да растеть. Скверная исторія!

Мимо кофейной проходитъ молодая дама. Артуръ спѣшитъ къ дверямъ съ шляпою въ рукахъ и смотритъ съ удивленіемъ ко-

торое можно принять за воодушевленіе художника, встрѣтившаго наконецъ свой идеалъ. Однако-жъ эта дама возбудила въ немъ не простой энтузіазмъ артиста. Артуръ, именно, однажды утромъ, идя съ толкучаго рынка съ двумя гипсовыми фигурами, стариннымъ шлемомъ и китайскимъ зонтикомъ, повстрѣчалъ эту даму, и красота ея сдѣлала на него быстрое и глубокое впечатлѣніе. Какъ видно, глубокія впечатлѣнія и нынче еще не вышли изъ употребленія у молодыхъ людей: — Артуръ въ одно мгновеніе почувствовалъ восторгъ, воодушевленіе, отчаяніе, ревность; одна изъ гипсовыхъ фигуръ выскользнула у него изъ рукъ и разбилась въ дребезги; онъ хотѣлъ было пуститься вслѣдъ за незнакомкою, но вспомнилъ, что павьюченъ, какъ носильщикъ, и потому принужденъ былъ отказаться отъ этого плана.

Артуръ цѣлые три дня былъ задумчивъ и печаленъ. Въ особенности одно ужасно мучило его, именно то, что, вѣроятно, онъ произвелъ на эту даму совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели какое она произвела на него. Весь костюмъ его былъ тогда очень смѣшонъ; пріемы пеловки, изумленіе его глупо. Цѣлыя двѣ недѣли Артуръ не выходилъ иначе, какъ въ самомъ лучшемъ костюмѣ: если давали какую-нибудь новую піесу, онъ, навѣрно, уже былъ въ театрѣ. Чуть солнышко проглядывало сквозь ноябрскій туманъ, онъ тотчасъ-же отправлялся въ Тюльерійскій-садъ, и подъ всякою проходящею шляпкою искалъ голубыхъ глазъ своей прекрасной знакомки. Онъ непремѣнно рѣшился изгладить первое непріятное впечатлѣніе и, по-крайней-мѣрѣ, поставить себя передъ красавицею, хотя на степень незнакомаго и, слѣдовательно, совершенно-носторонняго человѣка.

Спустя два мѣсяца, онъ увидѣлъ ее во второй разъ, въ театрѣ; но она сидѣла очень-далеко отъ него, и не-смотря на всѣ старанія, ему не удалось обратить ея вниманія на свою разукрашенную фигуру. Возвратившись домой, онъ тотчасъ написалъ на память портретъ прекрасной незнакомки; постоянное созерцаніе этого портрета не мало способствовало развитію и поддержанію въ немъ его мечтательной страсти. Но съ самаго этого вечера, не-смотря на всѣ свои старанія, Артуръ нигдѣ болѣе не встрѣчалъ прекрасной незнакомки.

Артуръ, какъ мы сказали, узнавши подъ чернымъ блондовымъ вуалемъ голубые глаза своей прекрасной знакомки, тотчасъ бросился было изъ кофейной; но только-что хотѣлъ онъ переступить за порогъ, какъ вспомнилъ про незаплаченный завтракъ, и тотчасъ-же подумалъ, что, если-бы онъ, очертя голову, вышелъ изъ кофейной и пустился за своимъ идеаломъ, то его, вѣрно, догнали-бы и схватили, какъ влута, который вздумалъ позавтракать на даровщинку!... Итакъ, онъ со вздохомъ возвратился опять на свое мѣсто, спросилъ себѣ шестой стаканъ сахарной воды, и взялъ первый попавшійся подъ руку журналъ. Наконецъ явился пріятель, къ которому онъ писалъ; Артуръ взялъ у

него денегъ, и заплатилъ за завтракъ и за шесть стакановъ сахарной воды.

— Ну, любезный другъ, сказалъ спаситель въ бѣдѣ: такъ какъ я заплатилъ уже за твой завтракъ, такъ позволь мнѣ принять на себя все прочія издержки твои на нынѣшній день, и потому я приглашаю тебя на обѣдъ.

Когда Артуръ воротился домой, Евгеній только-что собрался идти обѣдать.

— Ну!

— Ну!

— Видѣлъ дядю?

— Нѣтъ.

— Отъ чего-же?

— Бульвары опять виной моего несчастія. Я остановился по-смотреть на женщину-исполниа, которая, знаешь, послѣ польской войны была Полячкою, а послѣ осады Антверпена Бельгійкою. На аффишъ стояло: «Большое число знатоковъ, которые слышали о ея чудесной красотѣ, и видѣли ее, единогласно объявили, что ее по всей справедливости, можно назвать царицею высокорослыхъ женщинъ». Я взошелъ въ балаганъ и удостоился чести быть отличеннымъ этою царицею.

— Въ-самомъ-дѣль?

— Передъ всею многочисленною дубликою, она сказала мнѣ: Если господино угодно будетъ стать возлѣ меня, то всякій убѣдится, что, не-смотря на его славный ростъ, онъ не достанетъ мнѣ и по-плечо. Я важною поступью взошелъ на эстраду и простоялъ такъ долго возлѣ царицы высокорослыхъ женщинъ, пока она считала это нужнымъ. — Ахъ! продолжалъ Артуръ, вздыхая: я видѣлъ кое-что гораздо-поинтереснѣе всего этого. Я остановился у одного фокусника. Фокусникъ потребовалъ для какой-то штуки часы. Я далъ ему мои, и увѣряю тебя, штука была презабавная. Но покаместъ онъ дѣлалъ ее, прошла мимо дама въ голубой шали. Дама эта была моя прекрасная незнакомка. Я хотѣлъ было пуститься за нею; она шла по бульварамъ, именно по той дорогѣ, по которой мнѣ надобно было идти къ дядюшкѣ. Но не могъ-же я оставить часы свои фокуснику. Я подошелъ къ нему, и сказалъ: Подайте мои часы.

— Въ одну минуту, сударь.

— Мнѣ надобно идти.

— Въ пять минутъ все кончится.

— Мнѣ нельзя ждать ни минуты.

Зрители начали ворчать и побраивать меня.

— Развѣ вы боитесь, что я украду ваши часы. Ну, такъ возьмите-же ихъ изъ этой вазы, въ которую я ихъ положилъ.

Я поспѣшно опустилъ руку въ вазу и — вытаскиваю большую луковцу. Все хохочуть. Вишь себя отъ гнѣва, я требую своихъ часовъ, получаю и бѣгу прочь, — но незнакомка моя уже про-

пала. Если-бы она продолжала идти по бульварамъ, такъ я, вѣрно, увидалъ-бы еще ее. Отъ бульвара отъѣзжалъ въ эту минуту кабриолетъ. Я бѣгу за нимъ. Онъ поѣхалъ шибко, однако я обогналъ его, заглядываю — въ кабриолетѣ сидитъ мужчина въ синихъ очкахъ.

Артуръ получаетъ отъ отца письмо. Въ этомъ письмѣ между прочимъ заключалось слѣдующее: Извѣсти меня, какъ можно скорѣе о твоёмъ дядѣ, который, какъ я слышалъ, очень боленъ. Я не спрашиваю, былъ-ли ты у него, потому что объ этой важной обязанности, вѣроятно, столько-же напоминаетъ тебѣ собственное твое сердце, сколько собственный твой интересъ, и чтение, которымъ ты обязанъ мнѣ и твоему дядѣ.»

— Завтра же иду, во что-бы то ни стало! воскликнулъ Артуръ съ геройскою рѣшительностію.

И ровно черезъ шесть недѣль по полученіи родительскаго посланія, Артуръ, наконецъ, счастливо добрался до арсенала. Домъ дяди его былъ завѣшенъ чернымъ сукномъ; изъ него только что вынесли гробъ и поставили на печальную колесницу; провожатые въ траурѣ сѣли въ кареты и фiakры. Артуръ остолбенѣлъ; однако философія скоро ободрила и успокоила его, заставивъ разсудить, что онъ видитъ очень-обыкновенное и естественное происшествіе. Три особы, показавшіяся ему какъ-будто нѣсколько знакомыми, пригласили его сѣсть съ ними въ послѣднюю оставшуюся карету. Артуръ послѣдовалъ этому приглашенію, и поѣхалъ сперва въ церковь, а потомъ на кладбище, не говоря во всю дорогу ни одного слова, и чувствуя по временамъ нѣкоторыя угрызения совѣсти, что онъ, по собственной своей винѣ, не засталъ дяди на смертномъ одрѣ. Похоронная процессія прибыла на кладбище. Когда гробъ опустили въ могилу и бросили на него нѣсколько лопать земли, выступилъ впередъ какой-то траурный господинъ, откашлялся, и самымъ плачевнымъ голосомъ началъ надгробное слово усопшему.

И это лицо Артуръ какъ будто гдѣ-то и когда-то видалъ. Безъ всякаго сомнѣнія, думалъ онъ: этотъ молодой человекъ, который, вѣроятно, степеннѣе и счастливѣе меня, долженъ быть полнымъ и единственнымъ наследникомъ моего любезнаго дядюшки.

«Для оставшихся здѣсь на землѣ, сказалъ между прочимъ ораторъ: разлука гораздо-печальнѣе; покойнику, утрату котораго мы оплакиваемъ, уготовано мѣсто на небесахъ, мѣсто, достойное его добродѣтели; а мы — мы остаемся здѣсь на землѣ, чтобы только оплакивать его...»

— Нечего и сомнѣваться, подумалъ Артуръ: дядюшка завѣщалъ этому господину свое помѣстье въ Байе.

«Никто, продолжалъ огорченный наследникъ: никто не исполнялъ добросовѣстнѣе заповѣди: да не увѣсть шуйца, что творитъ десная. И потому ни одинъ бѣднякъ, которыхъ онъ осыпалъ

своими благодѣяніями, не явился сюда оплакивать потерю своего благодѣтеля, потому что ни одинъ не зналъ, откуда посылались ему эти благодѣянія.

— Ему же достался и домъ въ Парижѣ, подумалъ Артуръ.

«Многіе говорили, что душевныя способности покинули его. — Да, онъ не жилъ уже земною жизнью.»

— Ни гроша нельзя дать за мою часть въ наслѣдствѣ послѣ дядюшки, сказалъ самъ-себѣ Артуръ.

«Онъ былъ слишкомъ чистъ, слишкомъ добръ, для этого свѣта, наполненнаго зломъ и пороками.»

— Я, вѣрно, не получу даже ни одной изъ его акцій на желѣзныя дороги.

Могилу зарыли, печальная процессія отправилась обратно. Три спутника Артура разговорились о своихъ дѣлшкахъ; Артуръ не говорилъ ни слова. Эта похоронная сцена и мысль, что онъ самъ виноватъ въ потерѣ ожидаемаго наслѣдства, нагнали на него тоску. Онъ вышелъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ. Подходя къ бульварамъ, онъ замѣтилъ толпу праздныхъ зѣвакъ, собравшуюся около дорожной кареты, у которой почтальионъ связывалъ оборвавшіеся постромки. Артуръ инстинктивно вмѣшался въ эту толпу. Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу. Онъ обернулся — это былъ его дядя!

Артуръ поблѣднѣлъ и стоялъ нѣсколько минутъ, какъ окаменѣлый, не говоря ни слова; потомъ съ неподдѣльною радостію (кто же бы сталъ сомнѣваться въ томъ?) бросился къ дядѣ на шею.

— Миѣ-бы гораздо-пріятнѣе было, любезный племянникъ, сказалъ дядя: если-бы ты обнималъ меня хотя и не такъ горячо, да за-то почаше.

Артуръ не выпускалъ дядю изъ объятій.

— Такъ это точно вы, любезный дядюшка? Вы въ моихъ объятіяхъ? Я не вѣрю собственнымъ глазамъ своимъ!

— Дѣло очень-просто, сказалъ дядя, съ трудомъ вырываясь изъ объятій племянника: я отправлюсь въ Байе, чтобы провести тамъ остатокъ лѣта.

— Но, дорогой дядюшка, вѣдь я сейчасъ только...

— Отъ меня, можетъ-статься? Бѣдный Дюбуа, сосѣдъ мой, ты выдалъ его у меня — вѣдь его сегодня хоронятъ.

— Какъ? Такъ это точно были не вы?

— Чтó — я?

— Но вѣдь я вотъ уже цѣлые четыре часа оплакиваю васъ.

Дядя разразился смѣхомъ.

— Я буду въ Байе, выдавать за мужъ твою кузину.

— Какую кузину?

— Дочь твоей тетки по матери; она вотъ уже съ годъ живетъ со мною.

— Дочь моей тетки Марты?

— Именно. Она еще не знаетъ будущаго своего мужа; но я уже все устроилъ: она будетъ очень-счастлива. —

Постромки были готовы. Дядя сѣлъ въ почтовую карету, и сказалъ:

— Поцѣлуй ручку своей кузины; вѣдь ты, можеть-статься, никогда больше не увидишь ее; она съ мужемъ будетъ жить въ его помѣстьяхъ, которыми онъ самъ управляетъ.

Артуръ поднесъ къ губамъ прекрасную ручку, которую, по приказанію дяди, протянули ему изъ кареты; потомъ заглянулъ въ карету и узналъ въ кузинѣ — идеаль свой, въ голубой шали. Карета поѣхала, и Артуръ почти безсмысленно смотрѣлъ въ слѣдъ за нею до-тѣхъ поръ, покуда она не исчезла въ вечернемъ сумракѣ.

СЛЕЗА МАЛЮТКИ.

(Разсказъ Э. Лемуаня).

Предупреждаю моихъ читателей, что сцена, которую намѣренъ я описать, происходила въ Парижѣ, въ одномъ изъ театраль-ныхъ фойе. Кто не знаетъ, что такое театральное фойе въ Парижѣ? Это есть мѣсто, гдѣ собираются, отъ 6-ти часовъ вечера до 12-ти ночи, актеры, актрисы, директоры, авторы, поэты, журналисты; однимъ-словомъ, собирается общество друзей или, по принятому техническому выраженію, *товарищей*. Здѣсь не услышите вы много пустословія, натянутыхъ фракъ, и т. п.; здѣсь не стараются выразить свой умъ, свои достоинства, но всякій желаетъ разсказать что-нибудь пріятное, забавное, и даже, довольно-часто, очень-трогательное. Недавно случилось мнѣ услышать тамъ разсказъ, который тронулъ меня истинно до глубины души, и который я намѣренъ передать вполне моимъ читателямъ; если онъ не произведетъ на нихъ такого же дѣйствія, такъ, вѣроятно, потому только, что я не сумѣю такъ хорошо пересказать его, какъ слышалъ самъ, въ чемъ и прошу списхожденія заранѣе.

Разговоръ, по обыкновенію, начался съ погоды, и наконецъ дошелъ до одной бѣдной дебютантки, которая, вышедши первый разъ на сцену, до того оробѣла, что не могла выговорить ни одного слова. Слово: робость, подало поводъ къ разговору болѣе отвлеченному.»

— Робость — болѣзнь неизлечимая, замѣтилъ одинъ изъ слу-

шателей: ужь какъ создасть кого сама природа, или смѣлымъ, или робкимъ...

— Такъ точно, какъ она-же создаетъ насъ пылкими или холодными, продолжалъ другой, игроками или скупцами, склонными къ добру или ко злу. Повѣрьте мнѣ, что мы все зависимъ отъ нашей крови и темперамента. Сколько мы видимъ примѣровъ, что несчастные умираютъ на эшафотѣ, а причиною тому рѣшительно темпераментъ ихъ. Будь преступникъ другаго тѣлосложенія, онъ преспокойно кончилъ-бы жизнь въ своей постелѣ. Многіе утверждаютъ, что люди по большей части зависятъ отъ воспитанія: вздоръ, никогда не соглашусь съ этимъ: человѣкъ остается точно такимъ на всю свою жизнь, какимъ создала его природа. Счастливъ тотъ, кого побаловала она при рожденіи, и горе тому, кого она не пошадилла!

— Полно-те господа, прервалъ третій слушатель: весь вашъ разговоръ основанъ на самомъ ужасномъ матеріализмѣ. Слушая васъ, подумаешь, что весь родъ человѣческой, просто, чума, которой только стоитъ связать руки и ноги, надѣть камень на шею, да и въ воду. Неужели вы думаете, что человѣкъ, который имѣетъ смѣшныя привычки, пороки или страсти, не можетъ отъ нихъ исправиться, если захочетъ?

— Отъ смѣшныхъ привычекъ можетъ, но отъ пороковъ и страсти никогда. Я васъ прошу: докажите мнѣ хоть одно превращеніе гордеца, игрока или скупца.

— Превращеннаго скупца? — Доказательство здѣсь, на лицо, передъ вами. — Это я самъ! вскричалъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ драматурговъ, человѣкъ добрый, честный, щедрость котораго вошла въ поговорку между товарищами.

— Вы были скупцомъ? вы?

— Да, я былъ скупъ, какъ Гарпагонъ; нѣтъ, хуже, я былъ черствѣе, суровѣе его; а теперь, благодаря Бога, я радикально излечился отъ такой нравственной болѣзни.

— Да кто-же совершилъ надъ вами это чудо? —

— Кто?... Слеза малютки...

При этихъ словахъ вниманіе слушателей удвоилось, и все какъ можно ближе придвинулись къ разсказчику. Разсказъ мой начинается съ 1834 года, съ того самаго времени, какъ я представилъ первую мою пиесу на Сень-Мартенской театрѣ. Пиеса эта сдѣлала самый значительный сборъ, принесла мнѣ порядочный доходъ, и — почему не сказать правды? — составила мою извѣстность. Въ то самое время получаю я разъ два письма изъ Марселя, одно отъ директора тамошняго театра, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что затрудненія въ обстановкѣ пиесы требуютъ непременно моего личнаго присутствія, и про-

силъ, чтобы я самъ назначилъ сумму, какая нужна мнѣ на поѣздки въ Марсель. Я долженъ былъ тотчасъ-же ѣхать.

Другое письмо было слѣдующаго содержанія.

«Милостивый государь!

Жена и дочь вашего брата умирають отъ нищеты. Нѣсколь-ко сотъ франковъ могутъ спасти ихъ отъ смерти, а ваше при-сутствіе возвратитъ имъ здоровье.»

Докторъ Ламбергъ.

Я уже сказалъ вамъ, и не стыжусь повторить еще разъ — потому что теперь могу сдѣлать такое признаніе не краснѣя, — что у меня была душа Гарпагона; разумѣется, письмо доктора меня взбѣсило, и я изорвалъ его съ досады. Однако-жъ предло-женіе марсельскаго театра требовало немедленнаго рѣшенія, и я уѣхалъ.

Во всю дорогу я только и думалъ, что о своихъ выго-дахъ, рассчитывалъ заравѣе, сколько получу денегъ, а о сестрѣ и племянницѣ вовсе не думалъ; напротивъ, каждый разъ, что онѣ приходили мнѣ на мысль, я старался заглушить воспоминаніе объ нихъ. Сознаюсь теперь, что это было гадко, непростительно съ моей стороны; я ужъ и такъ былъ много виноватъ передъ этой несчастною женщиною. Нѣсколько лѣтъ назадъ, братъ мой, честный матросъ, въ-послѣдствіи погибшій въ морѣ, писалъ ко мнѣ, что онъ влюбленъ безъ памяти и намѣренъ жениться на дочери бѣднаго рыбака, которая ничего не принесетъ ему въ приданое, кромѣ добраго сердца и прекрасныхъ глазъ. На это письмо я ему отвѣтилъ довольно-глупо: «Ты женишься по любви на дѣвушкѣ, которая еще бѣднѣе тебя. Поздравляю васъ обо-ихъ и желаю вамъ счастья, если только оно возможно; но, между нами, скажу вамъ откровенно, что вы дѣлаете величайшую глу-пость, и совѣтую вамъ одуматься, если еще есть время.... Про-щайте»....

Письмо мое не заключало въ себѣ ничего острого, а много грубаго....

Невѣстка моя родомъ изъ Бретани; достаточно сказать это, чтобы каждый могъ понять ея характеръ; она, разумѣется, была горда, честна и упряма. Этого жестоко-обиднаго письма она не могла простить мнѣ, и съ той минуты почувствовала глубокое презрѣніе къ тому, кто писалъ его. Даже и тогда, когда буря лишила ее мужа, когда она осталась безъ подпоры, безъ надежды, въ крайней бѣдности, она рѣшилась лучше умереть съ голоду, чѣмъ прибѣгнуть къ помощи брата ея мужа. И она, на-вѣрно, умерла-бы, но не написала-бъ ко мнѣ ни строчки, и ни о чемъ не попросила-бъ меня.... Къ-счастью, однако-жъ, она была не одна на свѣтѣ: у нея была маленькая, прелестная дочь. Съ какимъ ангельскимъ терпѣніемъ переносила она нужду и голодъ возлѣ

кровати умирающей матери, которая любила ее до безумія! Наконецъ, эта гордая женщина увидѣла сама, что ей остается одно средство къ спасенію своего ребенка: покровительство брата, человѣка злаго и жестокаго, къ которому она не рѣшалась прибѣгнуть до самой крайности; она разсказала откровенно обо всемъ своему доктору, человѣку честному и доброму, который тотчасъ же догадался, что главная болѣзнь ея происходитъ отъ голода; по-несчастію, его доходы были такъ ограниченны, что онъ не могъ удѣлать изъ нихъ столько, чтобы избавить отъ нужды эту несчастную женщину и ея малютку... Письмо, о которомъ я говорилъ вамъ, было писано этимъ честнымъ человѣкомъ.

По прибѣздѣ моемъ въ Марсель, я прежде всего встрѣтилъ доктора, который дожидаясь меня на почтовомъ дворѣ.

Не получа отвѣта на письмо свое, онъ въ простотѣ души заключилъ, что, вѣрно, я прибѣду самъ, и всякой день поджидалъ меня; благородныя души смотрять на всѣ вещи съ хорошей стороны, и во всемъ находятъ только добро. Увидавъ меня, онъ подошелъ, и сказалъ мнѣ съ чувствомъ: «Да наградишь васъ Господь за вашу доброту. Какъ вы успѣли утѣшить несчастныхъ! Вы, вѣрно, предчувствовали, что всякое замедленіе можетъ ускорить ихъ смерть». — Эта похвала показалась мнѣ горькою насмѣшкою, но я не имѣлъ духа сознаться, что не заслужилъ ея... И есть-ли въ мірѣ человѣкъ, который отказался-бы отъ похвалы?

Дѣлать было нечего, и я, вмѣсто того, чтобы сдѣлать первый визитъ директору театра, какъ разсчитывалъ во время всей дороги, отправился къ невѣсткѣ. Докторъ привелъ меня въ какія-то развалины, куда никогда не заглядывало солнце. Возлѣ кровати больной стояла дѣвочка, фізіономія которой поразила меня; не смотря на изнуренное лицо, она была необыкновенно хороша собою; прелестные блѣдурные волосы обвивали локонами ея маленькое личико, а большіе черные глаза выражали такъ много доброты и покорности судьбѣ, что я остолбѣнѣлъ и молча устремилъ взоръ свой на малютку... Въ эту минуту я почувствовалъ, что дѣти имѣютъ какое-то притягательное могущество, какую-то непонятную власть даже надъ самыми грубыми и жестокими сердцами, неспособными ни къ какому сочувствію. Я готовъ былъ броситься цѣловать эту прекрасную малютку; но гнусная скупость, и мысль, что если я растрогаюсь, то я пропаду, удержали меня отъ этого порыва, который возлагалъ на меня обязанности, сопряженныя съ ужасными издержками, и я твердо рѣшился отдѣлаться отъ нихъ. Добрый докторъ, не подозрѣвая во мнѣ столько жестокости и эгоизма, и принявъ страхъ, выразившійся на лицѣ моемъ, за состраданіе, подошелъ ко мнѣ съ горькою улыбкою и, взявъ меня за руку, сказалъ: «Я вижу, сударь, какъ растрогало васъ ихъ несчастье; но я, какъ докторъ, долженъ

прежде всего указать средство къ спасенію больныхъ... Вы одни можете спасти эти несчастныя созданія. Подойдите ближе!»

Онъ подвелъ меня къ кровати. Я почувствовалъ, что съ моего лица падаютъ капли холоднаго пота... Стыдъ оковалъ мнѣ душу, а моя злость казнила меня.

Когда я приблизился къ невѣсткѣ, она сдѣлала примѣтное усиліе и привстала на кровати... Лицо ея выражало гордость и грусть; видно было, что ей хотѣлось-бы приказывать, но несчастная женщина должна была просить... просить милости у человѣка, котораго она не уважала... Впрочемъ, она и не унижала себя просьбою; а изсохшимъ, дрожащимъ пальцемъ указала на ребенка, и голосомъ, раздирающимъ сердце, сказала: «Эта несчастная малютка скоро останется круглою сиротою».

Но это краткое и выразительное привѣтствіе не побѣдило меня; я только всячески избѣгалъ взглядовъ малютки, которыхъ выраженіе приводило меня въ трепетъ; собравшись съ духомъ, я отвѣчалъ, какъ только могъ, холодно: «Къ-чему эти черныя мысли?... Вы еще такъ молоды; имѣете прекраснаго доктора, не должно отчаяваться»... Всякій другой на моемъ мѣстѣ прибавилъ-бы: «Вы видите передъ собою брата, который готовъ сдѣлать все, чтобы заставить васъ забыть прошедшія горести. Надѣйтесь на него... онъ заступитъ мѣсто отца вашему ребенку»... Но я, конечно, ничего этого не прибавилъ, и имѣлъ только одну мысль, — какъ-бы убѣжать... Пока я избиралъ удобную минуту для этого, прелестная малютка не сводила съ меня глазъ, въ которыхъ выражалось болѣе удивленія, нежели страха; она подошла ко мнѣ, взяла мою руку изъ руки доктора и, указывая на край постели матери, сказала мнѣ самымъ-нѣжнымъ голосомъ: «Сядь тутъ; ты такой большой, что я не могу тебя поцѣловать, если ты не посадишь меня къ себѣ на колѣни».

Я сѣлъ; малютка сама влѣзла ко мнѣ на руки. Мать, увидя это, подняла глаза къ небу, и, казалось, творила молитву. Тутъ почувствовалъ я, что настала рѣшительная минута, и вооружился всею твердостью своего жестокаго сердца. Я старался увѣрить себя, что я ничѣмъ не обязанъ этой женщинѣ и ребенку, что я своими трудами нажилъ себѣ кусокъ хлѣба, что наша будущность закрыта; Богъ знаетъ, что еще можетъ случиться со мною; глупо-бы было не поберечь денежку на чершій день; однимъ словомъ, я придумалъ все, что только можетъ придумать эгоистъ въ свою пользу, рѣшился во что бы то ни стало быть твердымъ; нахмуря брови, я началъ смотрѣть на малютку. Она тоже не сводила съ меня глазъ; казалось, она хотѣла проникнуть выраженіе моего лица; наконецъ, обвивъ мнѣ шею рученками; она сказала самымъ-милымъ голоскомъ: «Хочешь ты быть моимъ панашею? я буду крѣпко любить тебя?... Ты очень-похожъ на моего панашу: онъ такъ-же сердито смотрѣлъ, какъ и ты; а былъ такой добренькой, и я нисколько его не боялась,

когда онъ дѣлалъ такіе страшные глаза, какъ твои.... Вѣдь ты тоже добренькой?... не правда-ли?..»

Сколько ни было наивности и привлекательности въ этомъ дѣтскомъ лепетѣ, однако я не поддался, и собравъ послѣднія силы злой души своей, съ грубостью рознялъ ручонки, обвинившія мою шею, и не говоря ни слова, поставилъ малютку на полъ. Въ эту минуту увидѣлъ я, какая глубокая горестъ выразилась на ея миломъ личикѣ; слеза, выкатившись изъ ея большихъ глазъ, крупной каплею упала на мою горячую и дрожащую руку. Тутъ я почувствовалъ какой-то внезапный переверотъ во всѣхъ моихъ чувствахъ и членахъ; моя скупость, суровость, показались мнѣ во всемъ ихъ отвратительномъ видѣ, и я невольно покраснѣлъ... Не желая болѣе бороться съ добротою сердца, которая есть непремѣнная принадлежность каждаго человѣка, я предался вполне своему влеченію, и почувствовалъ счастье, котораго не испытывалъ во всю свою жизнь; я положилъ руку на головку малютки, и вскричалъ: Передъ Богомъ, передъ твоею матерью, которая слышитъ слова мои, я обѣщаю заступитъ тебѣ мѣсто отца: даю клятву любить дочь мою, какъ самый нѣжный отецъ.

Ахъ! Надо было видѣть лицо моей невѣстки, когда я произнесъ эти слова... Глаза ея блистали, лицо сіяло неземною радостію, грудь сильно колебалась. Она открыла ротъ, вѣроятно, чтобы благодарить меня; но слова замерли на ея устахъ. Мы съ докторомъ ужасно перепугались; намъ казалось, что она умираетъ; мы забыли, что радость никогда не убиваетъ человѣка; вскорѣ больная начала дышать свободнѣе, заплакала и сказала мнѣ: «Братъ! прости меня, — я въ тебѣ ошибалась...» Не знаю, что еще говорила она; я старался не слышать ея, каждое слово ея пробуждало во мнѣ угрызения совѣсти. Я просилъ ее перестать говорить, потому-что всякое усиліе для нея вредно; докторъ также присоединился къ моей просьбѣ, онъ прописалъ необходимое лекарство, и хотѣлъ уже уйти.... Но я отвелъ его въ сторону и, подавая ему мой бумажникъ, сказалъ:

— Докторъ, послѣднюю услугу: я хочу, чтобы сестра моя какъ можно скорѣе оставила эти развалины; самъ я никогда не бывалъ въ Марселѣ, никого здѣсь не знаю; возьмите на себя трудъ отыскать какъ можно скорѣе приличную квартиру, гдѣ-бы наша больная могла наслаждаться чистымъ воздухомъ и видѣть солнце.

— Извольте, отвѣчалъ мнѣ докторъ: по нашей больной не долго осталось наслаждаться этимъ счастьемъ.

— Ахъ, докторъ, и одинъ день счастья много значить въ ея горькой жизни.

Докторъ съ удовольствіемъ принялъ мое порученіе и въ тотъ же вечеръ исполнилъ его, какъ нельзя лучше.

На другой день мы помѣстились въ простенькомъ, но чрезвычайно-удобно расположенномъ домикѣ, на берегу моря. Отъ насъ

не было видно никакихъ окрестностей, мы только любовались небомъ, зеленью и моремъ; такъ протекли три мѣсяца, въ которые я еще не терялъ надежды на спасеніе моей бѣдной сестры. И какъ было не надѣяться? она казалась совершенно-спокойною; на устахъ ея была безпрестанно улыбка удовольствія, особливо же, когда она видѣла, что я, забывши свои сорокъ лѣтъ, свои сѣдые волосы, игралъ какъ ребенокъ, чтобы угодить моей дочкѣ, которой поклялся быть отцомъ. Но увѣ! надежды мои не могли исполниться.... Недугъ такъ долго и такъ сильно боролся съ больною, что все источники жизни мало по-малу прекращались; ни искусство врача, ни наши попеченія не могли спасти ея. Сестра лучше всѣхъ насъ знала, что конецъ ея приближается, но не страшилась его.... Она говорила объ этомъ очень-рѣдко, боясь слезъ своей дочери.

Вскоръ ужасная минута настала. Въ одинъ прелестный вечеръ какихъ бываетъ очень-много подъ небомъ Прованса, въ то самое время, когда луна взошла надъ деревьями нашего маленькаго садика, и легкой вѣтерокъ дулъ прямо въ лицо нашей больной, она, сидя между мною и дочерью, казалось, съ наслажденіемъ вдыхала въ себя свѣжій воздухъ; вдругъ почувствовалъ я судорожноежатіе руки; меня обдало холодомъ съ головы до ногъ; я взглянулъ на больную.... На лицѣ ея сіяла небесная радость....

— Братъ, сказала она мнѣ: благодаря тебя, я узнала, что такое счастье.... И оставляю этотъ міръ спокойно.... Ты, вѣрно, будешь любить дочь мою.... Прощай!

Она замолчала, — и все было кончено.... Но признаюсь вамъ, смерть ея не имѣла въ себѣ ничего ужаснаго; въ послѣднихъ словахъ умирающей, въ ея поблекшей улыбкѣ, было какое-то величественное спокойствіе, въ ея взглядѣ сіяло столько надежды на будущее, что переходъ ея показался мнѣ не почною тьмою, а утреннимъ восходомъ.

Съ этой минуты дочь моего брата сдѣлалась совершенно моею дочерью; я предался ей всей душою; ея радости были моими радостями, и жизнь моя принадлежала ей одной. Ахъ! Я ей такъ много обязанъ!... Она пробудила во мнѣ душу человѣка... Ея жемчужная слеза упала на мое сердце, какъ росника на неразцвѣтшіи цвѣтокъ, и воскресила его...

СЧАСТЛИВЕЦЪ ВЪ ЛОТЕРЕЕЪ.

(Биографическій очеркъ одного знаменитаго сценическаго артиста).

Въ 1820 году, на углу улицы Saint Martin и Mauconseil, въ нижнемъ этажѣ одного стараго дома, находилась контора лоттерей, чрезвычайно посѣщаемая въ ту эпоху, въ особенности многочисленными обывателями квартала. Ковторщицей лоттерей была добрая старушка, очень вѣжливая и милая въ обращеніи, которая содержала все въ необыкновенномъ порядкѣ, такъ что проходящіе могли любоваться съ улицы и на печатное объявленіе о вышедшихъ нумерахъ, и на ерлыки, въ видѣ лентъ, на которыхъ поименованы были главные выигрыши, и на транспарантъ, всегда освѣщенный наканунѣ розыгрыша, съ крупно написанными словами: «Билетовъ больше нѣтъ». Внутри конторы, на полкѣ одного бюро изъ сосноваго, подъ дубъ окрашеннаго дерева, стояло съ одной стороны колесо счастія, наполненное деревянными нумерами, съ другой лежали книги, для большаго удобства людей легковѣрныхъ и суевѣрныхъ, книги и сочиненныя и даже переписанныя рукою самаго знаменитаго Калиостро, въ которыхъ заключалось истолкованіе всевозможныхъ сновъ, съ указаніемъ таинственныхъ и каблистическихъ чисель.

Вечеромъ, 18-го марта 1810 года, въ то время, когда старушка отдыхала — это было наканунѣ розыгрыша, — вошла къ ней дама, въ траурѣ, подъ вуалью, и спросила голосомъ, въ которомъ замѣтно было волненіе:

— Сударыня, здѣсь находится контора лоттерей?...!

— Точно такъ.

— Скажите пожалуйста, не сюда-ли приходилъ такъ часто одинъ актеръ театра Французской-Комедіи?

— Актеръ! спросила старуха. Да сюда ходило ихъ много... Какъ его зовутъ?

— Дазенкуръ.

— Дазенкуръ, вскричала старушка: о, да, сюда... Это былъ мой лучшій игрокъ... мой пріятель... Вѣдь надо-же было, чтобы жестокая смерть...

— Ахъ! прервала ее дама подъ вуалью: не напоминайте мнѣ объ этомъ... Потомъ прибавила она дрожащимъ голосомъ: Сударыня, сдѣлайте одолженіе впишите мнѣ нумеръ на лоттерею.

— Очень-хорошо.

Взявъ перо, поправивъ на носу очки, — мы забыли сказать, что конторщица послала очки, — и придвинувъ къ себѣ реестръ, добрая старушка приготовилась писать; но дама подъ вуалью, облокотясь на бюро, такъ задумалась о чемъ-то, что слова старушки съ трудомъ вывели ее изъ размышленій.

— Я васъ жду, сударыня... Нумера ваши.

При этихъ словахъ незнакомка затрепетала.... Она подняла вуаль, такъ что старуха могла разсмотрѣть ея правильное и благородное лицо; потомъ выговорила слѣдующіе нумера.... 11, 12, 47, 50.

— Эти нумера! вскричала старуха.

— Да! отвѣчала незнакомка.

— На эти самыя нумера мой пріятель Дазенкуръ выигралъ 150,000 франковъ... 11, 12, 47, 50!... О, я въ жизнь не забуду этой чудной ставки, этого неожиданнаго счастья! — Но вдругъ старуха остановилась, устремивъ провинцательный взоръ на незнакомку.

— Но кто-же вы, сударыня, и отъ чего вы имѣете надежду на равное счастье съ своимъ пріятелемъ Дазенкуромъ, и берете его нумера?... Нѣтъ, продолжала она, покачавъ головою: такой удачи не можетъ быть вѣякому... такое счастье рѣдко приходитъ... Кватерна... легко сказать, кватерна... Но позвольте спросить васъ, сударыня, кто вы? Моимъ-та позволяють мнѣ предложить вамъ этотъ нескромный вопросъ... Съ этими словами старушка вынула изъ кармана табакерку, взяла щепочку табаку и устала глаза прямо противъ лица незнакомки.

— Я актриса театра Французской-Комедіи... Имя мое Эйлалиа Дебрессъ.

— Эйлалиа Дебрессъ! вскричала старуха!

— Да, сударыня.

— Эйлалиа Дебрессъ! та самая, къ которой мой Дазенкуръ былъ такъ привязанъ? ахъ! Какъ я рада, что васъ вижу... дайте мнѣ насмотрѣться на васъ... поцѣловать васъ...

Говоря эти слова, добрая старушка бросилась на шею къ актрисѣ и начала съ чувствомъ цѣловать ее.

— Ахъ! какъ вы добры! сказала актриса, уже довольно смѣлымъ голосомъ: ваши ласки ободрили меня, и я рѣшаюсь объяснить вамъ причину моего прихода сюда.

— Какая-же это причина, мое милое дитя?

— Я знаю, что вы всегда были очень-дружны съ Дазенкуромъ... никогда не теряли его изъ вида... съ самой его молодости, онъ постоянно былъ къ вамъ привязанъ... Я пришла просить васъ, чтобы вы поговорили мнѣ объ немъ... объ немъ, котораго мы объ такъ любили... вы были его второю матерью, а я вѣрною подругою.

— А! вскричала старушка: такъ вы хотите, чтобы я рассказала вамъ всю жизнь моего безцѣннаго Дазенкура?

— Да, сударыня, отвѣчала актриса.

— Съ большимъ удовольвіемъ... да и могу-ли я отказать въ чемъ нибудь той, о которой такъ часто говорилъ мнѣ Дазенкуръ?

Старуха усѣлась спокойно въ кресла, приподнявъ очки, и

понюхавъ снова табуку, бросила дружескій взглядъ на Дебрессе и начала слѣдующимъ образомъ:

— Жозефъ Батистъ Альбуи, по прозванію Дазенкуръ, родился въ Марселѣ, 11-го ноября 1747; отецъ его былъ добрый негодіантъ; онъ воспитывалъ сына въ коллегіи, гдѣ мальчикъ оказалъ необыкновенные успѣхи. Онъ вышелъ изъ школы 16-ти лѣтъ, и до 19-ти занимался коммерціею. Въ это время, около 1766 года, одна тетюшка его, которая была очень дружна съ маршаломъ Ришельё, вздумала съѣздить въ Бордо, и представить своего племянника этому знатному вельможѣ: Ришельё, узнавъ характеръ Дазенкура, согласился оставить его при себѣ. Дазенкуръ находился при Маршалѣ три года, безъ всякаго жалованья. Ришельё очень уважалъ его, но какъ это уваженіе не приносило никакой прибыли, то Дазенкуру и наскучило наконецъ работать даромъ и жить одиѣми общаніями маршала; онъ почувствовалъ въ себѣ влеченіе къ театру; попробовалъ сыграть въ одномъ благородномъ обществѣ маленькую роль, имѣлъ большой успѣхъ и рѣшился тотчасъ испытать счастья на сценѣ, потому что не надѣялся получить никогда ничего ни отъ Ришельё, ни отъ отца.

Дазенкуръ былъ знакомъ въ Марселѣ съ Мопвелемъ отцомъ, который въ продолженіе 30-ти лѣтъ занималъ комическія роли на провинціальныхъ театрахъ. Онъ отыскалъ его въ Парижѣ, попросилъ написать рекомендательное письмо къ д'Аннѣтеру (d'Annetaire), тогдашнему директору Брюссельскаго театра и лучшему комику своего времени. Д'Аннѣтеръ сначала отклонялъ его отъ вступленія на сцену, а кончилъ тѣмъ, что принялъ Дазенкура какъ артиста, подающаго самыя блистательныя надежды.

Дазенкуръ для дебюта своего въ Брюсселѣ выбралъ роль Крипина въ «Любвннхъ шашняхъ» (Folies amoureuses), и никто не запомнитъ дебюта блистательнѣе его. Онъ тотчасъ получилъ 1,200 ливровъ жалованья, и былъ ангажированъ на роли д'Аннѣтера и Гранменца, которые чередовались между-собою въ комическихъ роляхъ.

Въ четыре года, проведенные Дазенкуромъ въ Бельгій, талантъ его усовершенствовался. Дазенкуръ жаждалъ поступить на Французскій-театръ (Théâtre-Français). Чтобы достигнуть исполненія этого желанія, ему необходимо было покровительство Маршала, который, безъ всякаго сомнѣнія, могъ быть сердитъ на актера; но рекомендація князя де-Линя, который любилъ Дазенкура, уничтожила это препятствіе; маршалъ отвѣчалъ слѣдующими словами: «Я такъ много уважаю талантъ Дазенкура, что забываю неблагодарность д'Альбуи». 28 октября 1776 Дазенкуръ получилъ позволеніе дебютировать въ Парижѣ, и черезъ нѣсколько дней отправился въ столицу. 21-го ноября Дазенкуръ началъ свои дебюты въ роли Крипина въ «Любвннхъ шашняхъ»; по-

томъ Жасмина въ «l'Enfant prodigue», Шарло, въ le «Mari retrouvé», и проч. и проч.

Окончивъ дебюты въ Парижѣ, онъ возвратился въ Брюссель, чтобы доиграть тамъ, по заключенному условію, назначенный срокъ, и исполнивъ свое обязательство, снова приѣхалъ въ Парижъ, 26 марта 1777, гдѣ ему назначили 3,000 ливровъ жалованья и жетоны: въ то время это много значило; тогда почти никому не назначали жалованье больше 1,800 ливровъ, а жетоны давались не иначе, какъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ испытанія. Слава о его талантѣ распространялась съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, а роль Фигаро, въ «La folle journée», навсегда укрѣпила за нимъ любовь публики.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1785 Дазенкуръ былъ избранъ королевою въ ея учителя декламации: Марія Антуанетта хотѣла непремѣнно играть роли субретокъ. Разумѣется, актеръ приложилъ всеможное стараніе, чтобы удовлетворить желанію королевы, но, какъ кажется, ампула это было не по ней.

Разсказываютъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ во время представленія комедіи «Le Petit-Trianon», не могъ удержаться, чтобы не сказать своему сосѣду: «Надо признаться, что королева сыграла величественно дурно». Не смотря на это, артистъ продолжалъ уроки съ своей ученицей; но вскорѣ уроки были прерваны революціей, въ ту самую минуту, какъ королева собралась послать Дазенкуру актъ на полученіе пенсіона въ 1,000 ливровъ.

Революція была пагубна для нашего друга. Она лишила его всякой надежды на счастье, лишила спокойствія, и наконецъ свободы. Его арестовали 8-го сѣнтября 1793; онъ пробылъ одиннадцать мѣсяцевъ въ заточеніи, и такъ какъ онъ былъ подъ особеннымъ присмотромъ, то его освободили послѣ всѣхъ.

Дазенкуръ даже и въ томъ ужасномъ положеніи, когда онъ каждую минуту долженъ былъ ожидать смерти, не потерялъ своей философіи и веселости, и вотъ тому примѣръ. Разъ одинъ изъ его товарищей, игравшей роли королей и содержавшейся съ нимъ вмѣстѣ, — сказалъ: О, несчастный императоръ! думалъ-ли ты, что тебѣ такъ скоро придется самому мести комнату! Дазенкуръ не пропустилъ случая, чтобы не съострить и, выхватя щетку у мишурнаго короля, сказалъ: «Позвольте, ваше величество, это вовсе дѣло не ваше, а вашего бѣднаго слуги».

Число ролей, игранныхъ Дазенкуромъ въ теченіе 30-ти лѣтъ, такъ велико, что я не могу пересказать вамъ всѣхъ ихъ, мое милое дитя; впрочемъ, продолжала старушка, вамъ это должно быть извѣстно также, какъ и мнѣ. Тонкость и умъ были отличительными чертами таланта Дазенкура; можно было иногда упрекнуть его въ недостатокъ жара, но за то онъ вознаграждалъ недостатокъ этотъ превосходнымъ умѣньемъ, выдержавъ всегда свою роль.

Дазенкуръ былъ уменъ, старателемъ, чрезвычайно уважалъ мнѣ

ніе публики, и исполнялъ свято все, что было назначено въ піесѣ самимъ авторомъ, безъ чего, конечно, репертуаръ того времени потерялъ-бы половину своей цѣны. Вамъ ужъ извѣстно, какъ одинъ разъ, исполняя въ точности требованія автора піесы, онъ услышалъ за это свистокъ, и шуткою превосходно обезоружилъ публику?

— Нѣтъ я ничего не знаю, отвѣчала де-Брассъ.

— Ну, такъ я вамъ расскажу, продолжала старуха. Не помню хорошенько, въ какой именно день это случилось, только знаю, что послѣ трагедіи Поликсены, которую давали всего четыре раза, играли комедію *l'Homme à bonnes fortunes*, въ которой нашъ другъ занималъ роль Паскена; одинъ изъ зрителей партера, вѣроятно, пришедшій съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ освистать трагедію, и разсердясь, разумѣется, что былъ заглушенъ аплодисментами друзей автора, вздумалъ выместить свое зло на Дазенкуръ; въ то самое время, какъ тотъ исполнялъ шутку, назначенную въ піесѣ самимъ авторомъ, а именно, когда Паскенъ, занимаясь своимъ туалетомъ на сценѣ, долженъ намочить платокъ одеколономъ, свернуть его, и выжать на голову суфлёра, въ эту самую минуту раздались свистокъ. Дазенкуръ, не потерявъ присутствія духа, подошелъ къ аванъ-сценѣ и, обращаясь къ партеру, сказалъ: «Милостивые государи, когда Фревилъ игралъ эту роль, онъ дѣлалъ тоже самое, что и я, и заслуживалъ всегда одобреніе лучшаго общества Франціи». Его оправданіе было принято публикою какъ нельзя лучше, и рукоплесканія посыпались со всѣхъ сторонъ, что, разумѣется утѣшило и успокоило нашего друга, который, кажется, немного оскорбился глупою выходкою мальчишки.

Въ началѣ 1808, Императоръ назначилъ Дазенкура директоромъ придворныхъ спектаклей...

— Благодарю васъ, сударыня, вскричала Дебросъ: я лучше всѣхъ знаю послѣднія минуты жизни нашего друга, котораго буду вѣчно оплакивать. Теперь я, въ свою очередь, расскажу вамъ все, что знаю объ немъ. Дазенкуръ только что получилъ это мѣсто при дворѣ, какъ занемогъ лихорадкою; предавшись вполнѣ своимъ обязанностямъ, онъ пренебрегъ болѣзнію, которая усиливалась съ каждымъ днемъ. Въ это время часть трупы получила приказаніе вѣхать въ Германію, въ городъ Эрфуртъ, куда должны были съѣхаться Императоры Франціи и Россіи и многія разныя значительныя особы; Дазенкуръ долженъ былъ слѣдовать за актерами, и устроить тамъ спектакли. Ему стоило большаго труда устроить залъ для представленій, потому-что онъ нашелъ все въ ужасномъ безпорядкѣ; однако-жъ онъ успѣлъ все такъ исправить, что можно было прилично принять въ ней высокіхъ посѣтителей; но это стоило ему совершеннаго разстройства здоровья. Уѣзжая изъ Парважа, онъ уже былъ боленъ лихорадкою, и возвратился съ нею изъ Эрфурта. Медицинскія пособія, вѣроятно, спасли-бы его, еслибъ болѣзнь захвачена

была во-время; но онъ началъ лечиться слишкомъ-поздно, когда уже небыло никакого спасенія.

Дебрессъ не могла говорить болѣе... рыданія заглушили ея голосъ... Старуха должна была сама окончить горькій разсказъ.

— Послѣ продолжительной болѣзни, Дазенкуръ первый сюжетъ Французской-Комедіи, скончался 28-го марта 1809, на 62-мъ году своей жизни. Въ его духовной, продолжала старуха, пожимая руки своей слушательницы, онъ завѣщалъ вамъ, какъ единственной наслѣдницѣ, все свое имущество; вы, точно, заслужили его расположеніе вашей постоянной и доказанной привязанностію къ этому доброму человѣку.

Хотя Дазенкуръ и былъ столь счастливъ, что выигралъ изъ моей кассы 150,000 ливровъ, на 11,12,47,50 нумера; но всеѣмъ тѣмъ, оставилъ вамъ очень-небольшое состояніе, а особливо послѣ уплаты всѣхъ его долговъ.

Въ эту минуту Дебрессъ подняла глаза, полные слезъ, на добрую старушку и, не въ силахъ будучи выговорить ни одного слова, поблагодарила ее знаками и повросила позволенія опять придти къ ней потолковать объ ихъ общемъ другѣ.

Старуха проводила ее подъ руку, потому-что та едва держалась на ногахъ и, доведя до двери, сказала ей: Ступайте, моя милая, но пожалуиста приходите завтра, приходите всякой дець: мы съ вамъ будемъ безпрестанно толковать о нашемъ другѣ; онъ былъ добродѣтельнѣйшій человѣкъ, превосходный актеръ, любимый всею публикою, уважаемый всѣми товарищами.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ШИЛЛЕРА.

Самая лучшая сторона въ Шиллерѣ была *чисто-человѣческая* (*rein-menschliche*). По единогласному свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его, онъ былъ превосходнѣйшій, добрѣйшаго характера человѣкъ, безъ малѣйшихъ претензій въ обществѣ, свободный до смѣлости въ своихъ взглядахъ на вещи и въ своихъ идеяхъ, и только робкій и нерѣшительный въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось произнести о комъ-бы то ни было хотя сколько-нибудь неблагопріятный отзывъ, или говорить о самомъ-себѣ и о своихъ заслугахъ; откровенный до пельза, онъ удерживался тогда только, когда опасался, чтобы сужденія его о литературѣ и объ изящныхъ искусствахъ не показались самохвальствомъ, и потому онъ очень съ немногими и очень-мало говорилъ объ этихъ предметахъ.

Какую благородную душу, чье чувствительное сердце не тронет картина послѣднихъ минутъ незабвеннаго Шиллера, представленная вѣмецкимъ писателемъ Христіаномъ Нимейеромъ! — Не задолго до послѣдней болѣзни, говоритъ Нимейеръ, не болѣе; какъ недѣль за восемь, Шиллеръ былъ боленъ точно такую-же болѣзнию, продолжавшеюся около восьми дней. Въ первую ночь этой болѣзни онъ страдалъ жестоко, и хотя жестоко былъ ослабленъ этими страданіями и діетою, но развеселялся при малѣйшемъ къ тому поводѣ. Когда онъ всталъ было съ постели и началъ прохаживаться по комнатѣ, одинъ изъ случившихся при немъ пріятелей его, сталъ поддерживать его подъ руку. Шиллеръ печально взглянулъ на него и спросилъ: Неужели я въ-самомъ-дѣлѣ такъ слабъ? Пріятель въ утѣшеніе отвѣчалъ ему: И, вѣтъ! я поддерживаю васъ не потому, чтобы вы не могли ходить, а только для того, чтобы вамъ это было легче.

Но въ полночь Шиллеръ снова едѣлся безпокоенъ, и сказалъ женѣ, чтобы она шла и ложилась спать. Жена тотчасъ-же стала собирать свое визанье; но больному показалось это слишкомъ-мѣшкатно, онъ нетерпѣливо и докучливо понуждалъ ее, и просилъ ради Бога подумать о своемъ здоровьѣ и идти уснокоиться. Только что она вышла изъ дверей, Шиллеръ всталъ съ дивана. Дикій взглядъ его не предвѣщалъ ничего добраго; лицо его было ужасно-блѣдно. Бывшій при немъ пріятель, искугавшись, бросился къ нему, и Шиллеръ, какъ мертвый, упалъ къ нему на руки; но когда этотъ пріятель началъ тереть ему спиртомъ грудь и виски, онъ пришелъ опять въ себя. — Боже мой! вы какъ зашли сюда? спросилъ онъ. — Успокойтесь, отвѣчалъ тотъ: я пришелъ послѣдѣ съ вами нынѣшнюю ночь. — Что я — бредилъ? боязливо спросилъ Шиллеръ. — Нисколько, нисколько, отвѣчалъ пріятель. — Не замѣтила-ли чего жена? заботливо продолжалъ больной. — Да, только чтобы не искугать жену, онъ употребилъ нечеловѣческія силы удержаться отъ обморока до-тѣхъ-поръ, пока та не удалилась, и въ-слѣдствіе-то этого напряженія, обморокъ былъ такъ силенъ. Оправившись немножко, онъ тотчасъ-же сталъ шутить и сравнилъ себя съ Мухамедомъ Тысячи-одной-ночи, который, только что окунувши голову въ воду, вообразилъ, что онъ прожилъ уже 14 лѣтъ. Такъ точно и мнѣ, говорилъ онъ, въ теченіе этого кратковременнаго обморока, конечно, множество разныхъ разностей приходило въ голову: — Послѣ того, онъ довольно спокойно спалъ нѣсколько часовъ.

«Ахъ!» сказалъ онъ на другой день: «проклятыя завалы! они отнимаютъ у меня каждый годъ по двѣ трагедіи, которыя я безъ нихъ непременно написалъ-бы.

Тотъ-же пріятель хотѣлъ было опять придти къ нему вечеромъ, и остаться на ночь, но Шиллеръ отнюдь не позволялъ этого. Добиваясь причины такого отказа, пріятель наконецъ узналъ, что въ тотъ вечеръ былъ гдѣ-то публичный маскарадъ, и Шил-

леръ, зная, что онъ охотникъ до маскарадовъ, не хотѣлъ лишиться его этого удовольствія. Тронутый до слезъ этою заботливостію, онъ вскричалъ: О, вы не знаете, какое удовольствіе для меня сидѣть съ вами! Тогда Шиллеръ дружески протянулъ ему руку, — и просилъ остаться. Вскорѣ Шиллеръ опять началъ шутить и сказалъ: Шли-бы вы въ маскарадъ; можетъ-быть, въ-слѣдъ за вами, и я-бы пришелъ туда. То-то-бы (примолвиль онъ улыбаясь) вы перепугались, и навѣрно-бы подумали, что я умеръ въ это время, и что душа моя пришла посѣтить васъ.

Черезъ шесть дней Шиллеръ выздоровѣлъ. Какъ дѣтски радъ онъ былъ этому! Какъ весело, радушно игралъ онъ съ своими дѣтми! Шестимѣсячную Эмилию взялъ онъ на руки, цѣловалъ и не могъ насмотрѣться на нее, какъ будто все величайшее счастье и блаженство его состояло въ обладаніи этимъ милымъ, прелестнымъ ребенкомъ. Какъ веселъ, какъ радъ былъ онъ, когда поѣхалъ въ первый разъ послѣ болѣзни прогуляться. Въ голыхъ, еще безъ магійшаго листочка стоявшихъ деревьяхъ, онъ привѣтствовалъ уже приближавшуюся весну (1805).

Именно эта-то самая весна, и въ особенности май мѣсяцъ, въ которомъ (9 числа) умеръ Шиллеръ, была, по-крайней-мѣрѣ, въ серединѣ сѣверной Германіи, самая холодная и самая печальная, какую только могли запомнить самые старые люди.

Съ мечтами о веснѣ явились планы о путешествіи, съ планами о путешествіи мечты о здоровьи, а съ мечтами о здоровьи планы новыхъ сочиненій, которыя онъ хотѣлъ писать. Бѣдняжка! это выздоровленіе твое было только послѣдняя вспышка жизненнаго огня, послѣдній лучъ солнца осенью, за которымъ долженъ былъ скоро послѣдовать глубокий безжизненный зимній сонъ.

Въ числѣ прекрасныхъ тогдашнихъ плановъ незабвеннаго поэта, преимущественно занималъ его планъ поѣздки къ морю, которое давно уже очень хотѣлось видѣть ему. — Поѣздка къ Адриатическому морю будетъ стоить очень-дорого, говорилъ онъ: по-крайней-мѣрѣ 1,500 рейхсталеровъ; такой суммы я не могу истратить на это. Итакъ рѣшено было ѣхать въ Куксгавенъ.

Не болѣе, какъ черезъ восемь недѣль послѣ первой, послѣдовала вторая и послѣдняя болѣзнь Шиллера. За двѣнадцать дней до смерти Шиллеръ ѣздилъ ко Двору. Тотъ-же пріятель, который ухаживалъ за нимъ въ первую болѣзнь его, помогалъ ему одѣваться, и радовался при этомъ его здоровому виду и стройной фигурѣ въ придворномъ зеленомъ костюмѣ. Два дня спустя, Шиллеръ былъ въ послѣдній разъ въ театрѣ. Когда, по окончаніи спектакля, вышеупомянутый пріятель Шиллера зашелъ къ нему въ дождь, чтобы проводить его домой, то нашелъ его въ сильной лихорадкѣ. Возвратившись домой, Шиллеръ тотчасъ-же приказалъ сдѣлать себѣ пуншъ. На другое утро пріятель нашелъ его лежащимъ на софѣ, полуспящимъ и чрезвычайно-слабымъ. Пришли дѣти и начали цѣловать его, но онъ, противъ обыкнове-

ня, принялъ это какъ-то холодно. День-ото-дня состояніе его дѣлалось опаснѣе, и за четыре дня до смерти уже исчезла вся надежда къ спасенію его. Глаза впали, всѣ первы судорожно подергивались. Горничная принесла въ комнату лимонъ, Шиллеръ жадно схватилъ одинъ, какъ будто-бы хотѣлъ проглотить его, но тотчасъ же положилъ слабою рукою назадъ. Вечеромъ впалъ онъ въ лихорадочный бредъ, и оставался въ такомъ положеніи дѣльи сутки. Придя въ себя, онъ велѣлъ принести самого младшаго изъ дѣтей своихъ. Обернувшись къ ребенку лицомъ, онъ взялъ малютку за ручку и съ невыразимою горестью посмотрѣлъ на него. Потомъ началъ горько плакать, спряталъ лицо въ подушки, и подаль знакъ, чтобы малютку унесли.—Онъ предчувствовалъ уже, что скоро разлучится съ этимъ ангеломъ!... И точно, черезъ 24 часа не стало большаго поэта!

Еще въ послѣднюю ночь онъ бодро сидѣлъ на своей постели, и разговаривалъ съ большимъ присутствіемъ духа. Къ утру онъ заснулъ. Въ десять часовъ проснулся, бредилъ, потомъ пришелъ опять въ себя, но уже замѣтно ослабѣвалъ въ силахъ. Въ четыре часа пополудни спросилъ онъ нефи, по послѣдній слогъ этого слова замеръ уже на губахъ его. Онъ попробовалъ писать, но написалъ только три буквы — это были послѣдніе остатки жизненной силы великаго, и черезъ нѣсколько минутъ его не стало!... Кто можетъ изобразить горестъ и отчаяніе супруги и старшихъ дѣтей покойнаго! Карлъ, самый старшій, совершенный портретъ отца, лежалъ на полу, и рыдалъ отчаянно. Эрнстъ сидѣлъ въ углу, сложа руки, и горько плакалъ. Каролина не понимала, что все это значить. Смерть, о которой она не имѣла еще понятія, нисколько не страшилась ее. Она спокойна сказала: Папаша спитъ!—Но потомъ, видя, что мать плачетъ, сама стала плакать и бросилась на грудь къ матери.

НОВОИЗОБРЕТЕННЫЙ СПОСОБЪ СЛУШАТЬ ПУБЛИЧНЫЕ КОНЦЕРТЫ, НЕ ВЫХОДЯ ИЗЪ СВОЕЙ КОМНАТЫ.

Любите-ли вы музыку? О, конечно, что-же можетъ быть выше наслажденія этимъ божественнымъ искусствомъ. — Почему-же васъ почти никогда не видать въ концертахъ? Да вотъ видите-ли, то дѣла, то погода, то гости, засядешь въ преферансъ... и т. п. — Вотъ обыкновенно чѣмъ оправдываются наши петербургскіе диллетанты въ рѣдкомъ посѣщеніи ими концертовъ, и вотъ,

слѣдовательно, главныя причины тому, что большая часть концертовъ и музыкальныхъ празднествъ нашей ехга-музыкальной столицы не отличаются многочисленностью посѣтителей. — Оно, конечно, дилетанты наши отчасти и правы; разберите-ка хорошенько: вѣдь концерты даются у насъ большею частію великимъ постомъ, т. е. въ началѣ весны, а вспомните-ка, что такое наша петербургская весна! вспомните, что въ это благодатное время года опасно путешествовать по петербургскимъ улицамъ и въ каретахъ, а не только въ саняхъ или на дрожкахъ. Представьте-же себѣ, придетъ-ли охота хоть-бы самому страстному дилеттанту (разумѣется, кромѣ тѣхъ, которые обладаютъ счастьемъ развѣзжать въ покойныхъ экипажахъ на англійскихъ рессорахъ) совершать подобное путешествіе за тридцать-земель въ въ тридесятое царство, на примѣръ хоть изъ Коломны на Невскій, гдѣ большею частію даются концерты, и совершать при томъ вечеромъ (вѣдь концерты даются обыкновенно по вечерамъ)? Потомъ, не говоря уже о дѣлахъ — дѣла, разумѣется, прежде всего — всемогущій преферансъ! скажите, какъ отказаться отъ партіи, которую вамъ предлагаютъ тотчасъ-же послѣ обѣда, отъ партіи интересной и по самой игрѣ, и по лицамъ, съ которыми васъ сажаютъ играть? — Но утѣштесь, г-да дилеттанты! Нашъ вѣкъ — вѣкъ усовершенствованій и комфорта во всѣхъ отношеніяхъ. Скоро, скоро вы будете имѣть возможность удовлетворять страсти свои къ музыкѣ, не имѣя надобности ни совершать опасныхъ странствованій по весеннимъ петербургскимъ улицамъ, ни оставлять интересной партіи преферанса. Да, дѣйствительно изобрѣтателенъ XIX-й вѣкъ! Онъ изобрѣлъ желѣзныя дороги, онъ изобрѣлъ электрическіе телеграфы. — Но и желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы померкнутъ предъ слѣдующимъ новымъ великимъ изобрѣтеніемъ гиганта XIX вѣка. Вотъ въ чемъ дѣло: въ Парижѣ составилось общество, на акціяхъ, которое намѣрено проводить изъ извѣстныхъ публичныхъ концертныхъ залъ акустическія трубы въ квартиру каждаго желающаго наслаждаться музыкою, но нежелающаго или немогущаго утруждать себя посѣщеніемъ концертовъ. Слѣдовательно, теперь каждый любитель музыки можетъ, сидя спокойно у своего камина, наслаждаться искусствомъ какого-нибудь Листа, Серве, Гамуана и т. п. — А какъ-же, изъясненія восторга, а рукоплесканія-то, эта необходимая и важнѣйшая часть дилетантизма? скажутъ намъ наши петербургскіе дилеттанты. — Успокойтесь, успокойтесь господа: все предвидѣно, все предусмтрѣно. Акустическіе каналы эти приведены будутъ въ сообщеніе съ линиями электрическихъ телеграфовъ и посредствомъ этихъ телеграфовъ каждый дилетантъ можетъ передавать къ залу концерта въ подробности всѣ самоналѣйшія изъясненія своего восторга или негодованія. — Итакъ будемъ съ нетѣрпѣніемъ ожидать, чтобы это великое открытіе какъ мо-

жно скорѣе — всего-бы лучше къ нынѣшнему-же посту — перенеслось и къ намъ въ Петербургъ, и тогда Петербургъ навѣрно сдѣлается — если только возможно — еще музыкальнѣе!

ЗАКУЛИСНЫЙ ЭКСПРОМТЪ Я. Г. БРЯНСКОМУ.

Намъ сообщили экспромтъ, сказанный однимъ изъ артистовъ александринской труппы заслуженному артисту Я. Г. Брянскому, при встрѣчѣ его, 11-го января, на первой репетиціи *Езона у Ксанона*. Съ удволеніемъ печатаемъ его, тѣмъ болѣе, что въ мірѣ закулисномъ такія изъявленія искренняго радушія и любви къ товарищу бываютъ рѣдки.

Ты слышишь: рады всѣ. Ты видишь: межъ кулисъ,

Быть-можетъ, въ первый разъ такъ искренно сошлись...

Недаромъ здѣсь кладутъ слезамъ, восторгамъ цѣну....

Лишь *даромъ* ты ихъ взялъ, явившись къ намъ на сцену.

Ступай-же къ публикѣ, какъ прежній лицедѣй,

А къ намъ, какъ человѣкъ, какъ рѣдкій изъ людей,

Безъ спеси и чиновъ, безъ важности дворянской,

Товарищъ добрый нашъ, почтенный Яковъ Брянской.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Извѣстному композитору Адаму (Adam) одинъ авторъ принесъ либретто оперы подъ названіемъ *Eva* и просилъ прочесть его, съ тѣмъ, что не вздумаетъ-ли онъ написать на нее музыку. Адамъ прочелъ нѣсколько страницъ, и увидалъ, что либретто никуда не годится. Дня черезъ три снова является авторъ либретто, разувѣтся, съ вопросомъ, годится-ли его произведеніе? Адамъ принимаетъ его очень-вѣжливо, привѣтливо, предлагаетъ кресла, и на вопросъ его, говоритъ: — Въ вашей поэмѣ есть много превосходныхъ мѣстъ; но только вы неудачно обратились ко мнѣ именно. — Почему-же вы такъ думаете? Развѣ содержаніе либретто не соответствуетъ характеру вашихъ композицій? — Нѣтъ, не то. Но вѣдь вы знаете, какъ моя фамилія? — Помилуйте, какъ-же не знать? Ваша фамилія Адамъ. — Вотъ то-то и есть! Какъ-же хотите, чтобы опера наша имѣла успѣхъ? *Адамъ* и *Eva*! Далеко-ли до паденія? Ужъ не говорю о публикѣ, которая въ этомъ случаѣ можетъ разыграть роль *змиа...*

— У одной индѣйской принцессы есть кровать, которую можно назвать настоящимъ чудомъ искусства. Кровать около десяти футовъ длиною и шести футовъ шириною. Ножки, отъ 15 до 16 вершковъ вышиною, поставлены въ мѣдные сосуды, наполненные водою, для предохраненія постели отъ неприятныхъ насѣкомыхъ и ядовитыхъ змѣй. Изголовье кровати, бока, ножки, все украшено превосходною рѣзбою и отлично-разрисованно и вызолочено. На кровати не очень-толстый матрацъ, покрытый бѣлымъ, какъ свѣтъ, покрываломъ, прикрѣпленный по четыремъ угламъ малиновыми шолковыми снурками, съ толстыми золотыми кистями. Посрединѣ кровати лежатъ четыре или пять широкихъ подушекъ, изъ коихъ каждая имѣетъ свое особое назначеніе и каждая называется особеннымъ именемъ, на-пр.: сирхавакъ, широкое изголовье, пирана, подушка, которую подкладываютъ подъ колѣни, если не хотятъ прогибать ногу, сиръ-тафіа, подушка для спины и плечъ, если придетъ охота посидѣть, и множество другихъ большихъ и маленькихъ, жесткихъ и мягкихъ подушекъ, замысловато-придуманныхъ для всевозможнаго удобства лежащей на этой постели.

— Въ Парижѣ проявился какой-то искусникъ, который, куря трубку, чускаетъ изорту дымъ такимъ-образомъ, что изъ него образуются вазы, цвѣты, колонны и даже человѣческія фигуры, которыя, разувѣтся, тотчасъ-же и разлетаются. Это искусство стѣило ему, говорятъ, двадцати-лѣт-

няго труда и огромнаго количества табаку. Теперь артистъ этотъ намѣренъ предпринять путешествіе по Европѣ, чтобы доказать всѣмъ и каждому, разумеется, кто заплатитъ за это положенную цѣну, что несправедлива старинная поговорка: Ничто не ново подъ луною.

— Одинъ театралный критикъ просилъ Фанни-Эльслеръ подарить ему башмачекъ; танцовщица согласилась исполнить просьбу, и, подавая башмачекъ, насыпала его полонъ червонцами. При видѣ этого великодушія, изумленный критикъ наивно вскричалъ: Ахъ, божественная Фанни, за чѣмъ у васъ такая маленькая ножка!

— Прекраснѣйшая женщина во всемъ мірѣ должно-быть была Паула де-Виге. По-крайней-мѣрѣ, такъ утверждаютъ всѣ ея современники. Красота ея такъ была извѣстна повсюду, что ея, современницу Петрарки, хвалили и превозносили всѣ безъ изытія, называя прекрасною Паулою, чудомъ природы. Она не могла безъ того показаться на улицахъ Тулузы, своего роднаго города, чтобы ее не окружила толпа мужчинъ, женщинъ, юношей и дѣвицъ, которые всѣ не могли досыта насмотрѣться на нее. Парламентъ тулузскій, опасаясь несчастій отъ подобнаго стеченія народа, не нашелъ другаго средства прекратить его, какъ предписавъ строжайше Паулѣ, чтобы она не выходила иначе на улицу, какъ закрывши лицо непроницаемою вуалью. Но народъ былъ чрезвычайно-недоволенъ этимъ распоряженіемъ и грозилъ прибѣгнуть къ силѣ. Въ-слѣдствіе этого, парламентъ опредѣлилъ, чтобы Паула два раза въ недѣлю, по цѣлому часу стояла подъ окномъ безъ вуаля. Паула жаловалась на это принужденіе, жалобу ея благосклонно приняли, но приказаніе не отменено. Паула сохранила эту удивительную красоту и стройность своей фигуры до восьмидесятаго года своей жизни.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ

ЯНВАРЬ.

=

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

1) LE MOUSSE (*Юнга*), водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. Эмиля Сувестра. (Théâtre des Variétés).

Близъ Гваделупскаго берега, матросы судна *Амфитрита* спасаютъ корабль, котораго грузъ принадлежитъ дѣвицѣ Женни Ларошъ; все радуются, что могли быть чѣмъ-нибудь полезны этой молодой дѣвушкѣ, судьба которой дѣйствительно стоитъ истиннаго участія. Отецъ Женни былъ честный человекъ; она лишилась его въ дѣтствѣ. Мать Женни, по-смерти своего мужа, тотчасъ оставила родину Женни, по причинамъ, которыя объясняются въ-послѣдствіи, и поселилась съ нею въ Гваделупѣ. Прошло нѣсколькихъ лѣтъ—она также умерла. Женни осталась круглою сиротою. Ей тогда было 19 лѣтъ, и она должна была сама управлять довольно-значительными торговыми дѣлами, перешедшими къ ней по наслѣдству. Хотя матросы и спасли грузъ, принадле-

жавшій Женни, а все таки не поправили этимъ дѣлъ ея, которыя находятся въ ужасномъ разстройствѣ. Злой Винсенъ преслѣдуетъ несчастную Женни: онъ скупилъ всѣ ея векселя и требуетъ немедленной уплаты. Что дѣлать? говоритъ Берто, опекунъ Женни: надо рѣшиться пойти самой къ этому тигру, и стараться всѣми силами разжалобить его. Женни принимаетъ совѣтъ опекуна и отправляется къ своему страшному кредитору. Злодѣй только и ждалъ этого: онъ бѣжитъ къ ней на встрѣчу и говоритъ: — Сударыня, вы считаете меня своимъ врагомъ, въ то время, когда я, напротивъ, желаю быть вашимъ другомъ. Если вы не согласитесь быть женою моею, я разорю васъ въ конецъ; если-же вы будете согласны принять мою руку и сердце, между нами всѣ претензіи кончены. Женни, не колеблясь ни минуты, отвѣчаетъ уме рѣшительно, что она ни за что на свѣтѣ не согласится быть его женою, потому-что любить другого. Винсенъ всѣми мѣрами старается узнать, кто этотъ другой, съ тѣмъ, чтобы, подъ предлогомъ дуэли, убить его; но Женни не открываетъ его имени. По несчастію молодой Жюльенъ, юнга на суднѣ Амфитриты, думая быть полезнымъ Женни, открываетъ за тайну Винсену, что она выходитъ замужъ за Генриха, лейтенанта королевскаго флота, и что завтра же ѣдутъ они во Францію, думая тамъ обвѣнчаться. Винсенъ, какъ начальникъ города, объявляетъ, что онъ рѣшительно не выпуститъ Женни изъ города, потому-что она еще несовершеннолѣтняя, и не имѣетъ права выѣхать изъ Гваделупы, не получивъ бумагъ, которыя остались на ея родинѣ, на островѣ Доминикѣ. Отъ Гваделупы до Доминика разстоянія десять или пятнадцать миль; къ несчастію поднялась буря, такъ, что пуститься въ море нѣтъ никакой возможности. — Хорошо-же! говоритъ Жюльенъ: я сдѣлалъ зло, яже его и поправлю! — И не смотря ни на убѣжденіи товарищей, ни на просьбы Женни, бросается въ шлюбку, обрѣзываетъ канаты и скрывается въ волнахъ.

Женни тоскуетъ, страшась, что она можетъ быть причиною смерти Жюльена. Но къ одному горю присоединяется другое: злой Винсенъ исполнилъ свои угрозы: полиція явилась въ домъ Женни, чтобы продать ея имущество для уплаты долговъ. Извергъ еще разъ пытается предложить несчастной дѣвушкѣ руку свою; но Женни съ презрѣніемъ отвергаетъ его, и собирается оставить домъ, который не принадлежитъ ей болѣе; вдругъ раздается веселая пѣсня, слышатся радостные клики... Это голосъ Жюльена. Какъ онъ спасся, все равно, но онъ привезъ бумаги — это главное. Винсенъ, разумѣется, бранится, и требуетъ бумаги, чтобы раз-

смотреть, въ порядкѣ-ли онѣ. Боже! что онъ видитъ? мать Женни была мулатка, дочь ея такая-же раба и должна быть продана съ аукціона, для удовлетворенія кредиторовъ!

Напрасно друзья Женни стараются переторговать ее: неумолимый богачъ даетъ за нее 15,000 шиастровъ, и несчастная принадлежитъ ему! Но Жюльенъ поклялся, что его благодѣтельница Женни никогда не будетъ рабою Винсена. Оставшись съ нимъ наединѣ, онъ начинаетъ умолять его, становится передъ нимъ на колѣни, — все напрасно, злодѣй непоколебимъ; Жюльенъ бросается къ его ногамъ, онъ отталкиваетъ его.

— Если такъ, хорошо, разбойникъ! ты не выйдешь отсюда, пока не подпишешь акта, что Женни свободна.

— Полно шутить, говоритъ Винсенъ.

— Я не шучу, отвѣчаетъ смѣлый мальчишка и, схвативъ заряженное ружье, которое висѣло въ той комнатѣ, онъ приставилъ дуло къ груди злодѣя.

— Подписывай, — или я убью тебя!

Онъ уже готовъ былъ исполнить свою угрозу, какъ вдругъ кто-то выхватываетъ ружье изъ рукъ его, не давъ времени совершить преступленіе. Жюльенъ оборачивается—и узнаетъ своего дядю, Морана, стараго моряка. Но Винсену отъ этого не легче: изъ огня онъ попалъ въ полымя: старый морякъ, взглянувъ на него, тотчасъ узналъ въ особѣ начальника города атамана морскихъ разбойниковъ, котораго голова давно уже оцѣнена правительствомъ. Разумѣется, по обычаю водевилному, все кончается благополучно. Винсенъ даетъ свободу Женни, и испрашиваетъ, какъ милости, чтобы его повѣсили не здѣсь, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; Женни выходитъ замужъ за своего жениха. Жюльенъ торжествуетъ, осыпаемый похвалами. Пьеса очень-занимательна. Главная роль написана для знаменитаго Буффѣ; прототипомъ ей служила извѣстная роль *gamin de Paris*, а въ этихъ роляхъ Буффѣ неподражаемъ.

2) LA LOI SALIQUE (*Салической законъ*), комедія-водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. Скриба.

Изъ чего г-нъ Скрибъ не дѣлаетъ водевилей! Посудите сами! Какой-то король датскій, достигнувъ 15-ти-лѣтняго возраста, былъ въ полной увѣренности, что онъ король, наслѣдовавшій престолъ своего отца. Вдругъ, наканунѣ коронаціи, вручаютъ ему письмо его покойнаго родителя, которое тотъ завѣщалъ прочесть своему сыну въ день, когда ему исполнится совершеннолѣтіе; сынъ, покорный волѣ отца, читаетъ письмо, и узнаетъ, — что-бы

вы думали? — Что онъ, не мальчикъ, а дѣвочка, стало быть не король, а королева! Diable!

Можете вообразить себѣ, сколько забавныхъ quiproquo; остроумныхъ шутокъ, милыхъ экивоковъ выливается послѣ этого изъ-подъ пера Скриба! Сколько пнтригъ, объясненій, смѣшныхъ сценъ, комическихъ положеній, и проч. и проч! Датскій король, не король, а королева! Чего-же лучше? Стало-быть, этотъ король сколько угодно можетъ любить своего капитана гвардіи, къ которому онъ до того времени былъ, просто, равнодушенъ! Вотъ за одинъ разъ оправдана и бѣдная цвѣточница, которая за привязанность къ ней короля, чуть было не заплатилась женихомъ своимъ, веселымъ морякомъ, который подозрѣвалъ и Богъ знаетъ что! Но это еще не все. Піеса имѣетъ свою политическую сторону.

Извѣстно, что по салическому закону женщины не могутъ вступать на престолъ. Въ Даниі, по-крайней-мѣрѣ въ ведевилѣ такъ, законъ салическій. Графиня Оленбургъ, тѣтка маленькаго короля, женщина хитрая и коварная, вздумала составить заговоръ, чтобы лишить престола своего племянника.— Къ-счастью, объ этомъ замыслѣ почтенной тѣтушки короля (кстати, король, въ глазахъ всѣхъ остается еще королемъ; что онъ не король, это знаютъ только онъ самъ, да цвѣточница) объ этомъ замыслѣ, говорю узналъ капитанъ гвардіи, который, просто, очарованъ королемъ влюбленъ въ него, какъ въ королеву, влюбленъ страстно, пламенно, безумно. Берегитесь, заговорщики! Капитанъ храбръ, неустрашимъ, готовъ на все. Онъ спасетъ короля!

И дѣйствительно, всѣ козни враговъ разрушены, — остается возложить корону на короля. Но тутъ дѣло и запутывается.

Король объявляетъ, что онъ отказывается отъ престола.

— Какъ! мой племянникъ отказывается отъ престола, восклицаетъ тѣтушка въ восторгѣ, котораго она скрыть не въ-силахъ.

— Да, это моя твердая, непремѣнная воля!

— Такъ передай мнѣ свою корону, милый племянничекъ.

— А салическій законъ? съ лукавой улыбкой замѣчаетъ король.

— Что законъ! отвѣчаетъ тѣтушка: мы съ мужемъ обработали такъ дѣло, что намъ и законъ не помѣшаетъ....

— Что это значить?

— Ты самъ скоро услышишь, что сенатъ уже уничтожилъ этотъ законъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Сенатъ дѣйствительно уничто-

жилъ законъ. Тётка въ восторгѣ, въ упоеніи! Вдругъ слышенъ какой-то шумъ.

— Ахъ! говорить она: это, вѣрно, мое королевство идетъ при-
вѣтствовать меня съ восшествіемъ на престолъ.

Вдругъ въ глубинѣ залы растворяется дверь, и входитъ... кто-бы вы думали? милая, очаровательная дѣвушка, окруженная великолѣпною свитою. Тётушка вглядывается, — и узнаетъ въ этой дѣвущкѣ своего племянника, который превратился въ племянницу и, благодаря уничтоженію салического закона, восходитъ на престолъ своего родителя.

3) LA MÈRE DE FAMILLE (*Мать семейства*). Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г-дъ Деннери и Густава Лемуаня.

Комната. Тереза, дочь бѣднаго фабриканта, осталась сиротою въ то самое время, когда отецъ ея обанкрутился. Съ этой минуты молодая дѣвушка поклялась заступитъ мѣсто матери маленькой сестрѣ своей Луизѣ, и брату Изидору. Чтобы исполнить, какъ слѣдуетъ, обязанность матери, она стала воспитывать Луизу, какъ только могла лучше, а Изидора отдала въ ученіе къ одному фабриканту. Тереза, работая день и ночь, заботилась только о томъ, чтобы изъ доходовъ своихъ скопить достаточную сумму на заплату долга ея отца, и такимъ образомъ возстановить его доброе имя. Молодой адвокатъ, Альфредъ, увидавъ однажды Луизу, сестру Терезы, влюбился въ нее; Луиза съ своей стороны полюбила его. Между тѣмъ и Тереза не равнодушна къ Альфреду; но узнавъ, что Луиза любитъ его, она, по долгу доброй матери, отказывается отъ любви Альфреда, и заставляетъ его жениться на Луизѣ. Между тѣмъ Изидоръ, завлеченный дурными примѣрами, попалъ въ общество игроковъ, и узнавъ, что у Терезы есть деньги, рѣшился во что-бы то ни стало, завладѣть ими; но узнавъ, для чего Луиза копила эти деньги, онъ былъ тронутъ благороднымъ поступкомъ сестры своей и раскаялся искренно. За раскаяніемъ, разумѣется, слѣдуетъ и исправленіе. Тереза вышла за-мужъ за честнаго столяра, который тайнымъ образомъ помогалъ ей къ умноженію ея маленькаго капитала.

Піеса имѣла успѣхъ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

I.

БОЛЬШОЙ-ТЕАТРЪ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ НЫНѢШНІИ СЕЗОНѢ. — ОХЛАЖДЕНІЕ ЭНТУЗИАЗМА ВЪ ПУБЛИКѢ. — ПРИЧИНЫ ЭТОГО. — ВЕРДИ И ЕГО ЛОМБАРДЦЫ. — Г-ЖА МОЛЬТИНИ, ГГ. ВЕНЕДЕТТИ И КОРРАДИ. — СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ. — Г. САЛЬВИ, РУЭНИИ И ИТАЛЬЯНСКОЕ ПѢНІЕ. — БЕАТРИЧЕ ДИ ТЕНДА. — Г. БОРИОНИ. — Г-ЖА КАСТЕЛЛАНИ И Г. КОРРАДИ. — МАРИА ДИ РОГАНЪ И ДОНИДЗЕТИЕВСКАЯ МУЗЫКА. — ТАМБЛЕРЪ И Г. НИКОЛАИ. — ФЕРАТЕРИ, САЛЬВИ, МОЛЬТИНИ И РОЛЛЕРЪ.

Мы давно уже не говорили и не писали ничего объ итальянской оперѣ. Да и что говорить объ ней? Мы съ вами, господа читатели, — люди, — это дѣло извѣстное, стало-быть, нѣчему и удивляться, если перемѣнимъ вдругъ ни съ того, ни съ другаго свои убѣжденія, вкусы, привязанности, не восхищаемся болѣе тѣмъ, отъ-чего въ прошломъ году сходили съ ума, съ зѣвотою смотримъ на то, на что, казалось, никогда не насмотримся. Странная вещь! Отъ чего-бы, казалось, могла намъ такъ скоро наскучить итальянская опера? Разнообразіе репертуара ея чуть-ли еще не богаче, чѣмъ въ прошломъ году, новыхъ сюжетовъ множество, оперы монтируются съ удивительнымъ великолѣпіемъ, пѣвцы и оркестръ исполняютъ свое дѣло со всевозможнымъ усердіемъ и стараніемъ. Чего-же еще болѣе требовать? отъ-чего-же рѣдкій спектакль театръ бываетъ полонъ, а первые ряды креселъ почти всегда пустѣютъ замѣтнымъ образомъ? Отъ-чего мы не бѣсуемся теперь, какъ въ прошломъ году, не вызываемъ никого по пятнадцати разъ, не засыпаемъ сцены возами цвѣтовъ и букетовъ, и въ тотъ день, когда наша очередь слушать оперу, стараемся сбить билетъ пріятелю, увѣряя его, что опера превосходная, что стыдно не слышать ея, и что, если-бы не одно важное дѣло, мы-бы ни за что не уступили ему билета? Когда насъ спрашиваютъ о причинѣ этой странной перемѣны, мы оправдываемся тѣмъ, что, не-смотря на все великолѣпіе оперы, въ ней нѣтъ того, кто одушевлялъ ее, кто давалъ ей жизнь, кто возбуждалъ нашъ энтузіазмъ, нѣтъ того, кто одною нотою потрясалъ всю массу разно-

родной публики, какъ одного человѣка, кто однимъ звукомъ своего голоса поднималъ съ своихъ мѣстъ всѣхъ зрителей, нѣтъ того, кто, оставивъ Петербургъ, готовится — если вѣрить газетамъ — пѣть лѣтомъ въ Лондонѣ. Эта причина охлажденія публики къ итальянской оперѣ кажется намъ однако не совсѣмъ правдоподобною. Что-же дѣлать, если Рубини не поетъ болѣе? Не заставить-же его пѣть насильно, какъ соловья, въ извѣстной баснѣ Крылова. Гдѣ-же взять другаго Рубини — для удовольствія почтенной публики? Такихъ теноровъ, какъ *Сальви*, немного въ Европѣ. Маріо Гуаско да Моріани. Да и изъ нихъ послѣдній не имѣлъ въ нынѣшнемъ году успѣха въ Парижѣ, утративъ голосъ. Остальные сюжеты все тѣ-же, съ прибавкою достаточнаго количества новыхъ, — а прежняго энтузіазма нѣтъ, какъ нѣтъ! Нѣтъ даже надежды на его возвращеніе. Не отътого-ли, что онъ былъ ложенъ и поддѣленъ, а все, что поддѣлено — вѣчно!

Шестую оперою нынѣшняго сезона были *I Lombardi alla prima crociata*. Композиторъ ея *Верди* первый разъ является на нашей сценѣ. Журналы наши много толковали о достоинствахъ и недостаткахъ этой музыки; дилеттантамъ она, какъ кажется, не нравится, но публика была ею очень-довольна, и до-сихъ-поръ, смотритъ ее съ удовольствіемъ. Много есть въ этой оперѣ слабаго: неумѣтное и слишкомъ-громкое употребленіе трескучихъ инструментовъ, недостатокъ мелодій и мотивовъ въ аріяхъ и дуэтахъ, прямо бросаются въ глаза, но за-то хоры, финалы и оркестровка вообще цѣлой оперы таковы, что мы мало встрѣчаемъ подобныхъ у лучшихъ композиторовъ. Вообще, въ цѣлой оперѣ замѣтно стремленіе къ самобытности, къ оригинальности. Это не доидзетіевскія аріи, выкроенныя изъ одного и того-же мотива, съ переменною тона и темпа, не однообразныя варіаціи на одну и ту же тему, но прекрасныя, музыкальныя идеи, часто недосказанныя и неясныя, почти всегда новыя и смѣлыя. Судя по этой оперѣ, отъ *Верди* можно ожидать многого, и благодаря Дирекцію за то, что она познакомила насъ съ этимъ композиторомъ, мы не можемъ не изъявить нашего желанія узнать на будущее время и другія оперы снѣйора *Верди*. Сюжетъ «*Ломбардцевъ*» нелѣнь до крайности, но постановка этой оперы на сцену, костюмы, декорации, такъ великолѣпны, что, увлекаясь неволью этимъ блескомъ, забываешь о требованіяхъ здраваго смысла. Идетъ эта опера довольно-хорошо. *Сальви* и *Тамбурини* — превосходны. Г-жа *Мольпини* кричитъ болѣе, чѣмъ это

нужно, но есть также мѣста, которыя она исполняетъ очень-удовлетворительно. Г. Бенедетти также не весьма-пріятно дѣйствуетъ на слухъ своимъ рѣзкимъ quasi-теноромъ, но партія его весьма-ничтожна. За болѣзнію г-на Тамбурины, партію баритона пѣлъ нѣсколько разъ г. Корради, (первый разъ дебютировавшій въ *Лукреціи Борджіа*). У г. Корради голосъ огромный, звучный и пріятный, но ему надобно еще много учиться, чтобы сдѣлаться хорошимъ пѣвцомъ. Методы и обработанности въ его голосѣ мы не замѣтили. Впрочемъ, чтобы дублировать партію баритона, онъ очень-хорошъ.

За *Ло-бардцями* шелъ нашъ старинный знакомый, *Севильскій цирюльникъ*. Эта была первая опера, въ которой *Сальви* пѣлъ партію Рубини, но даже, и не сравнивая ихъ между собою, нельзя совершенно остаться довольнымъ исполненіемъ роли Альмавивы господиномъ Сальви. Игралъ онъ очень-мило, вставной романсъ перваго акта и финаль онъ спѣлъ прекрасно; но въ дуэтахъ съ Тамбуриной, этотъ знаменитый баритонъ подавлялъ его совершенно своимъ удивительнымъ искусствомъ побѣжденія музыкальныхъ трудностей. Вообще намъ кажется, что г. Сальви можетъ пѣть чистое, бѣлое пѣніе, но музыкальныхъ украшеній онъ еще не можетъ выдѣлывать чисто и отчетливо. Конечно, фіоритуры не музыка, а музыкальный фокусъ-покусъ, но при нынѣшнемъ состояніи этого искусства, и въ особенности при итальянскомъ пѣніи, украшенія эти сдѣлались главнымъ, необходимымъ условіемъ, которымъ оцѣнивается метода и искусство пѣвца. Представить себѣ итальянскую музыку безъ рудъ и фіоритуръ также невозможно, какъ вообразить себѣ готическую архитектуру безъ разныхъ арабесокъ и ажурныхъ стрѣлокъ свода. Руды составляютъ стиль, характеръ итальянской музыки, какъ *огивы* (ogive) необходимую принадлежность готическихъ построеній. Искусство фіоритуръ у Рубини было доведено до нечеловѣческаго совершенства; его переходовъ изъ грудныхъ нотъ въ головныя, его трелей, vibrato и legato, ни прежде, ни послѣ него никто не дѣлалъ, и не будетъ дѣлать. Для всякаго другаго пѣвца фистула составляетъ камень преткновенія, — у Рубини она была главною пружиною, главнымъ двигателямъ массы публики. Въ фистулѣ есть минуты, гдѣ отъ великаго до смѣшнаго можетъ-быть только одинъ шагъ, и вотъ почему рѣдкій пѣвецъ позволить себѣ дѣлать то, что дѣлалъ Рубини. У г. Сальви совсѣмъ нѣтъ фистулы, голосъ его чисто грудной. Главная сила, богатство, пріятность его голоса заключаются у него въ

средней октавъ. У Рубини, напротивъ, средняя ноты были весьма-обыкновенны. Въ этомъ вся разница двухъ пѣвцовъ. Г. Сальви еще можетъ пойти далеко въ искусствѣ пѣнія... Всѣ прочіе персонажи были тѣ-же, какъ и въ прошломъ году. Ансамбль оперы удивителенъ. *Беатриче ди Тенда*, опера Беллини, шла всего три раза. Данная въ первый разъ въ бенефисъ г. *Боріони*, она сдѣлала чрезвычайно-маленькій сборъ. Не-смотря на имя композитора, эта опера принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ и скучныхъ произведеній. По три и даже по четыре адажіо одно за другимъ утомить хоть кого, особенно если они не имѣютъ большаго музыкальнаго достоинства. Партію перваго тенора исполнилъ г. *Боріони* довольно-удачно. Голосъ у него весьма-невеликъ, но въ немъ есть много пріятныхъ нотъ, поетъ онъ всегда со стараніемъ, и въ голосѣ его нѣтъ ничего непріятно-рѣзкаго, какъ у г. *Бенедетти*. Г-жа *Кастелланъ* также прекрасно исполнила свою партію. Не мѣшало-бы только побольше чувства, недостатокъ котораго замѣтенъ у нея почти во всѣхъ партіяхъ. Г. *Корради* также пропѣлъ свою партію весьма-удовлетворительно, не дозволяя себѣ ни малѣйшей фіоритуры. Не-смотря на великолѣпную постановку, опера рѣшительно не имѣла успѣха, и кажется, навсегда сошла со сцены.

Марія ди Роганъ, одна изъ послѣднихъ оперъ Доницетти, не имѣла нигдѣ большаго успѣха. Въ ней есть всѣ достоинства, и всѣ недостатки Доницеттievскихъ оперъ. Два, три прекрасные нумера, разбавленные самыми посредственными мотивами, оркестрованные самымъ избитымъ образомъ, напоминающіе живое любимыя мѣста другихъ оперъ. Въ настоящемъ случаѣ это составленіе оперы на скорую руку тѣмъ досаднѣе, что сюжетъ чрезвычайно способствовалъ къ созданію превосходной музыкальной поэмы. И эта опера не произвела большаго впечатлѣнія на публику, хотя вышолнена и разыграна была превосходно. Сальви, Віардо-Гарціа и Тамбурини, и въ пѣніи, и въ игрѣ, были удивительны. Не можемъ однакоже не замѣтить г. Сальви, что онъ слишкомъ-много жестикулируетъ и рисуется. Балетныя позы вредятъ артисту. — Въ монтировкѣ та-же роскошь.

Тампьеръ Николай взятъ изъ *Ивангое*. Опера эта весьма не дурна для молодаго композитора, только-что начинающаго свое музыкальное поприще. Мы замѣтили въ ней много весьма-счастливыхъ музыкальныхъ идей, хотя въ оркестровкѣ оперы видно много неопытности, и множество весьма знакомыхъ мотивовъ

неприятнымъ образомъ поражаютъ слухъ. Вообще у композитора гораздо-меньше самобытности и оригинальности, чѣмъ у *Верди*. Отъ отсутствія всякаго музыкальнаго стила и колорита, сама опера не имѣетъ никакого опредѣленнаго характера, и вообще какъ-то блѣдна и безцвѣтна. Главная партія, *Ревекки*, чрезвычайно-слаба, и сама Виардо-Гарція не могла ничего изъ нея сдѣлать. Баритонъ г. *Фератери*, котораго мы слышали въ первый разъ, очень-приятенъ, но въ пѣніи его замѣтна какая-то несмѣлость, и не совсѣмъ чистая отдѣлка. Впрочемъ и въ его партіи не было ни одного особенно-замѣчательнаго мѣста. Г. Сальви, Ивангое, пѣлъ прекрасно, но жестикуляція его была еще балетше. У г-жи *Мольтини* въ партіи есть много хорошихъ мѣстъ, но пѣніе ея портили весьма-неумѣстныя и неудачныя фіоритуры и рѣзкое выкрикиваніе нотъ. Финалы и хоры очень-хороши. Несмотря на то, что мы привыкли къ удивительнымъ монтировкамъ, *Тамплиеры* поразили насъ роскошью и великолѣпіемъ своихъ декораций и костюмовъ. Одна изъ декораций, *рыцарскій залъ*, до того хороша, что публика громкими аплодисментами вызвала Роллера. Онъ также весьма-талантливый художникъ.

II.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Г. МАКСИМОВЪ И ЕГО БЕНЕФИСЪ. — Г. АКСЕЛЬ И ЕГО ВОДЕВИЛЪ. — МАКСИМОВЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ. — БЕНЕФИСЪ Г-ЖИ ДОРЪ. — ДВА РОДА БЕЗУМІЯ И ДОЧКА ЕГО БЛАГОГОЛІА. — ЭЗОПЪ У КСАНОА. — ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БРИНСКІЙ.

III.

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Г-ЖА АЛЛАНЪ И ЕЯ БЕНЕФИСЪ. — LA TUTRICE. — UNE CONFIDENCE. — LE BAL D'ENFANTS. — БЕНЕФИСЪ Г-НА АЛЛАНЪ — L'HONNEUR OU LA MORT — LE CODE DES FEMMES. — UN SECRET И LA MISANTHROPIE ET LE REPENTIR. — DER LETZTE MENSCH.

8-го января. Бенефисъ г-жи Алланъ. Г-жа Алланъ принадлежит къ замѣчательнѣйшимъ артисткамъ нашего времени. Съ той поры, какъ г-жа Бурбье оставила Петербургъ, и до пріѣзда г-жи Плесси, г-жа Алланъ нераздѣльно властвовала надъ нашею сценою. Скажемъ болѣе. Въ прежнее время и даже до-сихъ-поръ въ нѣкоторыхъ роляхъ г-жа Алланъ ничуть не ниже г-жи Плесси. Ампуа первой даже гораздо разнообразнѣе. Г-жа Плесси не играетъ въ новѣйшихъ драмахъ-водевиляхъ, т. е. такихъ пьесахъ, гдѣ къ самому трагическому сюжету примѣшивается пѣніе, а этотъ родъ теперь господствующій на французской сценѣ. Въ первые годы послѣ прибытія къ намъ, г-жа Алланъ возбуждала фуроръ. Мы помнимъ живо ея высокую артистическую игру въ трогательныхъ, превосходныхъ пьесахъ Скриба, какъ *La Lectrice*, *Une faute*, *Adèle ou la pensionnaire mariée*. Въ настоящее время часть публики стала какъ-то холоднѣе къ этой прекрасной артисткѣ, что весьма-несправедливо. Конечно, г-жа Алланъ не можетъ теперь играть пансіонерокъ и шестнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, но въ драматическихъ немолодыхъ роляхъ она до-сихъ-поръ не имѣетъ соперницъ. Масса образованной публики впрочемъ расположена къ г-жѣ Алланъ по-прежнему. Доказательствомъ этому служитъ то, что въ ея бенефисъ театръ былъ полонъ, тогда, какъ мы замѣчали, что въ другіе бенефисы онъ бываетъ пусть почти на-половину.

Спектакль начался превосходной комедіей Скриба *La tutrice*, написанной такимъ языкомъ, какимъ пишетъ только одинъ Скрибъ. Сюжетъ пьесы очень-простъ. Богатый дядя, чтобы исправить своего племянника, повѣсу и мота, лишаетъ его огромнаго наследства, и завѣщаетъ все свое имѣніе дочери своего стараго сослуживца, съ тѣмъ, чтобы она удѣлила повѣсѣ племяннику часть, каковую ей вздумается, и то въ такомъ случаѣ, когда онъ испра-

вится. Опекунша сначала поступает очень строго съ своимъ питомцемъ, и чтобы не допустить его жениться на актрисѣ, сажаетъ даже его въ тюрьму; но потомъ, когда онъ начинаетъ трудиться и работать, чтобы не быть ей ничѣмъ обязаннымъ, она отдаетъ ему все имущество, и онъ, сначала ненавидѣвшій ее, потомъ влюбляется въ нее, узнавши, что она во-время болѣзни его ходила за нимъ, подъ видомъ сестры милосердія. Піеса эта ведена и разыграна удивительно, но, не-смотря на это, она точно также, какъ и *Les indépendants*, о которыхъ мы говорили въ прошлой книжкѣ Р. и П., не весьма поправила нашу публикѣ. Странная вещь! неужели піесы въ родѣ *Mademoiselle de Lafaille*, *La dame de St. Tropez*, *Stella*, успѣли уже до того испортить вкусъ публики своими раздражительными и натянутыми эффектами, что она стала холодна къ благороднымъ комедіямъ? Жалѣемъ и о публикѣ, и о театрѣ, если это правда.

Une confidence — піеса изъ временъ Людовика XV. Этого довольно, чтобы каждый угадалъ, въ чемъ тутъ дѣло. Всѣ піесы, взятые изъ этой знаменитой эпохи, основаны на интригахъ между соблазнительями-маркизами и дамами не слишкомъ-твердой нравственности. Интрига піесы *Une confidence* даже уже очень-стара. Въ маскарадѣ одна маркиза позволяетъ своему кавалеру явиться къ ней, когда ея мужа не будетъ дома. Кавалеръ рассказываетъ объ этомъ приключеніи своему пріятелю, и тотъ является къ дамѣ вмѣсто нескромнаго счастливца. Изъ встрѣчи этихъ лицъ у маркизы происходитъ множество смѣшныхъ сценъ, но піеса оканчивается однакоже счастливо. Нечего и говорить, что она была разыграна въ совершенствѣ.

Водевиль *Le Bal d'enfants* написанъ съ двумя цѣлями: 1-е доказать, что дѣтскіе балы совсѣмъ не невинное препровождение времени, и 2-е заставить маленькихъ дѣтей принять участіе въ пропшествахъ нашей жизни. — Эти двѣ идеи весьма-справедливы, и авторы водевиля прекрасно ими воспользовались. Дѣтскій балъ конечно дается для дѣтей, но съ дѣтьми пріѣзжаютъ старшіе братцы и сестрицы, у которыхъ совѣмъ уже не дѣтскія идеи въ головѣ. Въ числѣ прочихъ невинныхъ церъ, одинъ усатый братецъ увозитъ 16-ти лѣтнюю сестрицу, и, сверхъ-того, маленькія дѣти своею невинною и откровенною болтовнею разстриваютъ другую свадьбу. Повторяемъ еще разъ, что все это очень-мило, ново и оригинально. Маленькія дѣти сыграли свои роли прекрасно, и протанцовали новую кадрили-польку ничѣмъ не хуже большихъ дѣтей. Сказать правду, этотъ дико-эксцентрической

танецъ, на которомъ въ послѣднее время помѣшалась положительная Европа, только и хорошъ, когда его танцуютъ маленькія дѣти или эксцентрическія дамы.

17-го января. Бенефисъ г-на Алланъ. *L'honneur ou la mort* — драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, переведенная съ русскаго. Какъ ни пріятно нашему самолюбию, что на французской сценѣ явилась пьеса изъ александринскаго репертуара, но мы должны однако же сознаться, что въ этомъ случаѣ намъ почти нечѣмъ гордиться. Г. Полевой взялъ свою пьесу изъ французской повѣсти и, слѣдовательно, идея, основаніе ея принадлежатъ все-таки Французамъ. На русской сценѣ *Смерть или честь* имѣла нѣкогда большой успѣхъ, и по нашему мнѣнію пьеса эта принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній *Н. А. Полеваго*. Въ ней есть много драматическаго интереса, и вообще она составлена и ведена съ большимъ искусствомъ.... Въ превосходствѣ ансамбля французской сцены, конечно, никто не будетъ сомнѣваться.... Намъ было чрезвычайно жаль, что театръ въ бенефисъ г. Аллана былъ весьма-пустъ. Не знаемъ, чему приписать это.

Le Code des femmes, комедія, игранная послѣ драмы, очень-мила, хотя и основана на довольно-устарѣлой идеѣ. Молодая супруга, узнавши о мнимой невѣрности мужа, хочетъ развестись съ нимъ, и чтобы имѣть достаточную причину къ разводу, хочетъ довести его до того, чтобы онъ ударилъ ее. Мужъ однако узнаетъ о намѣреніи жены, и самъ доводитъ ее до того, что она—даетъ ему пощечину. Г-жа Плесси сыграла роль молодой супруги съ обыкновеннымъ, неподражаемымъ искусствомъ. Г. Алланъ былъ также удивительно-хорошъ.

Кромѣ двухъ бенефисовъ, въ теченіе этого времени дирекціей были возобновлены двѣ пьесы: *Un secret* и *La misanthropie et le Repentir*. Первую играла нѣкогда г-жа Альберъ, актриса весьма-замѣчательная, по которой и въ этой роли должна уступить г-жѣ Плесси. Вторая пьеса наша старая-знакомая, извѣстная *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, которая не произвела особаго впечатлѣнія на французской сценѣ.

На нѣмецкой сценѣ въ теченіе этого времени давали всего одну новую пьесу — «*Der letzte Mensch*». Много видѣли мы вздорныхъ пьесъ, правящихся добрымъ Нѣмцамъ, по подобной нелѣпости

никогда еще не удавалось намъ видѣть. Не понимаемъ, какъ подобная идея могла придти въ голову. Дѣло въ томъ, что какой-то казначей (Rentmeister) въ Вундербергѣ женился на *дѣвѣ*, не на обыкновенной, земной дѣвѣ, но на одномъ изъ знаковъ Зодіака. Жена, родивши казначею двухъ дѣтей, и проживши съ нимъ 30 лѣтъ, отправляется въ царство звѣздъ. Мужъ ея дѣлается чело-вѣкопонавистникомъ, и чтобы исправить его, *дѣва* насылаетъ на него безуміе, во-время котораго онъ воображаетъ, что на всемъ земномъ шарѣ вымерли все люди, и онъ остался *последнимъ человекомъ*. Какова идея! Любопытно-бы узнать, въ какомъ состояніи находится мозгъ автора этой пьесы г. Гаффера.

КІЕВСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Во-время контрактовъ).

Вильгельмъ фонъ-Шмидгоффъ, содержатель оперной труппы, которая прошедшее лѣто восхищала кіевскую публику и всехъ театраловъ, прибылъ сюда и будетъ давать на польскомъ языкѣ комедіи, водевили, оперетки, оперы комическія и серьезныя. Всякій спектакль будетъ состоять изъ русскіхъ и польскіхъ пьесъ. Русскіе актеры рѣшительно хотять состязаться съ польскими, и будутъ давать: водевили, комедіи, оперетки и драмы. — Хотя таланты съ обѣихъ сторонъ не равносильны, но любопытно знать, кто удержитъ за собою поле битвы?...

Января 14. На польскомъ языкѣ: «Каспаръ въ счастіи или человекъ безъ денегъ», комедія водевилъ въ одномъ дѣйствіи. — Пьеса эта шла довольно-хорошо, за исключеніемъ нѣкоторой несообразности въ костюмахъ. Изъ актеровъ обратилъ на себя вниманіе оригинальнымъ комизмомъ г. Аениковскій, въ роли Каспара. Онъ былъ вызванъ. М-ле фонъ-Шмидгоффъ ненарасно удостоилась этой чести: ее наградили единодушнымъ вызовомъ и громкими аплодисментами.

Лучшее въ сей комедіи было то, что м-ле фонъ-Шмидгоффъ, пропѣла большую арію и такъ прелестно, какъ мы первый разъ

удалось слышать на сценѣ провинціальной. Въ этотъ спектакль въ театрѣ было много — пустыхъ мѣстъ.

На русскомъ языкѣ: «Кетли или возвращеніе въ Швейцарію», опер.-вод. въ одномъ дѣйствіи. Надобно обвинить г. Соколова, какъ режиссера, что онъ не позаботился обставить эту маленькую піесу приличными ей декораціями. Нельзя было не замѣтить, что на мѣстѣ бѣдной хижинѣ отставнаго капрала, Франца, стоялъ великолѣпный садовый павильонъ. Г. Соколовъ (Францъ), г-жа Михайлова (Кетли), г. Протасовъ 1-й (Рутли), г-жа Полянская (Вернеръ), г. Копыловъ (Севиль). Изъ всѣхъ лицъ, г-жа Михайлова была похожа на Кетли, костюмомъ и игрой. Копыловъ и Полянская играли кое-какъ. Прочіе очень-вяло. Протасовъ 1-й сдѣлался однообразенъ до приторности. Г. Соколовъ былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ. Зачѣмъ брать на себя такія роли, исполнять которыхъ вы не въ состояніи? — Хористы, прилично-одѣтые, оживляли ходъ этой піесы.

«Узкіе башмачки», вод. въ одномъ дѣйствіи. Г. Соленикъ (роль Патро), актеръ харьковской театральной дирекціи, прибылъ сюда на нѣсколько времени. Здѣсь онъ, какъ и вездѣ, доставляетъ публикѣ большое наслажденіе во всѣхъ усвоенныхъ ему ампуа. — Г. Копыловъ (роль Жюльена) былъ гораздо-лучше нежели въ роль Севвиля.

Г-жа Михайлова (Луиза) сыграла прекрасно эту роль.

Д-ца Сизова (Жервеза), за немнѣніемъ лучшей, кое-какъ.

15-го января на польскомъ: «Севильскій цирюльникъ», ком. опера, въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка Россини. Разберемъ безпристрастно, положи руку на сердце, достоинства игры всякаго лица въ этой оперѣ.

Г. фонъ-Шмидгоффъ (въ роли графа Альмавивы), хорошій теноръ, съ обработанной манерой, исполняетъ партію primo tenore. Наружность его прекрасна, пѣніе его пріятно, но не трогаетъ души, и восхищаться совершенно-нечѣмъ.

Г. Асениковскій (докторъ Бортоло), комикъ въ польскомъ вкусѣ; пѣніе его безъ натяжки и принужденія, очень-натурально. Игра хороша, безъ фарсовъ.

М-ле фонъ-Шмидгоффъ (Розина) всю свою партію пропѣла прекрасно; голосъ ее, пріятный *organo*, доходитъ до верхняго *si bemol*. Манера обработана, рулады, фіоритурны и трели выходятъ у ней очень-вѣрны, чисты, и главное, пріятны для слуха. Она молода, прекрасной наружности, стройна, ловка. Можно надѣяться, что ея голосъ съ лѣтами разовьется и сдѣлается замѣчательнымъ

явленіемъ на сценахъ провинціальныхъ театровъ. Ее хвалятъ, возносятъ выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго — она достойна похвалъ... безспорно. Прежде ее осыпали цвѣтами, это было лѣтомъ. Теперь же я сомнѣваюсь, чтобы это было! Во-первыхъ, публика приглядѣлась, а во-вторыхъ, теперь зима, прелестными розами цвѣтутъ щочки кievскихъ красавиць по живыхъ цвѣтовъ трудно достать и даже увидѣть. Преувеличенными похвалами можно убить дарованіе, когда оно только-что развивается. M-lle фонъ-Шмидгоффъ, по приему, какой сдѣлала ей кievская публика въ первый прїездъ, можетъ думать, что она достигла уже апогея своей славы, что она талантъ и совершенство до *pes plus ultra*, что благое Провидѣніе исполнило ей, кромѣ хорошенькаго личика, даръ пѣнія, даръ восхищать и чаровать слухъ смертныхъ. Ergo — перестанетъ учиться, и тогда все кончено, — не подвинется ни на шагъ дальше на поприщѣ ея избранномъ. Излишнимъ считаю прибавить, что игра m-lle фонъ-Шмидгоффъ граціозна и непринужденна до того, что, находясь на сценѣ, и видя комическія выходки г. Аениковскаго, она не можетъ удержаться и хохочетъ, какъ у себя на квартирѣ.

Г. Ярошевичъ (Базиль), актеръ безъ голоса, хотя не забываетъ величать себя при случаѣ *baritono*.

Г-жа Розводовская (Берта) играетъ роли третьей степени очень хорошо. Голосъ ея *soprano*, безъ претензій на итальянскую манеру.

Г. Новигонскій (Фигаро) видной наружности, съ хорошими приемами; голосъ его звучный *baritono*, но необработанный. При стараніи онъ можетъ быть хорошимъ пѣвцомъ.

Г. Шмидгоффъ 2-й (Фіорилло). Изъ его пѣнія невидно дарованія, усвоеннаго талантливому семейству гг. фонъ-Шмидгоффъ. — Мало подаетъ надежды быть пѣвцомъ. — Всѣ лица, о которыхъ я говорилъ, знаютъ музыку, поютъ дуэты, терцеты, речетативы согласно съ оркестромъ, а иногда и съ грѣхомъ пополамъ. — Въ этой оперѣ лучше всего былъ исполненъ финалъ 1-го дѣйствія. — Хористы въ «Севильскомъ цирюльничѣ» были набраны изъ пѣвчихъ, пѣли изрядно, но безъ жизни и движенія, по казенной надобности. — Во-время серенады, не знали, куда дѣвать свои мандолины и держали ихъ кому какъ вздумалось. Костюмы дѣйствующихъ лицъ изрядны Декораціи старья знакомыя. — Оркестръ исполнилъ оперу удовлетворительно. — M-lle

Шмидгоффъ была вызвана и ее проводили громкими криками брава и аплодисментомъ. — Театръ былъ почти полонъ.

На русскомъ: «Титулярные совѣтники,» вод. въ одномъ дѣйстви. Г. Соленикъ, въ роль Курочкина, смѣшилъ неподражаемымъ комизмомъ. Его хвалили словесно и письменю; мнѣ не остается ничего сказать, послѣ этого: не играй онъ въ этомъ водевилѣ, то, послѣ «Севильскаго цирюльника», публика не захотѣла-бы смотрѣть какихъ-нибудь «Титулярныхъ совѣтниковъ». Ихъ можно вездѣ видѣть, а г. Соколовъ какъ нарочно угощаетъ публику этой пьесой очень-часто. Чтó за вкусъ? чтó за выборъ? чтó за тонъ? — Неуже-ли образованной публикѣ могутъ правиться остроты «Титулярныхъ совѣтниковъ?» Ошибаетесь, г. режиссёръ. Кіевская публика очень-образованна, и пьесы въ родѣ «Титулярныхъ совѣтниковъ», ей не по вкусу. — Больно пересолили эту пьесу. Бель-этажъ и бенуаръ опустѣли отъ вашихъ остротъ. Вотъ вамъ фактъ!... Неуже-ли репертуаръ русскаго театра такъ бѣденъ?

Января 16-го. На польскомъ: «Первая любовь» опера въ одномъ дѣйстви.

«Антоній и Антонина, опер. въ одномъ дѣйст., муз. Дамсе.

На русскомъ: Жены наши пропали или майоръ bon vivant. Ком. вод. въ одномъ дѣйстви. «Москаль Чаривникъ», малороссійская опера въ одномъ дѣйстви, муз. Гурьянова.

Успѣхъ посредственный.

Января 17-го. На польскомъ: «Почти миллионъ пзъ Лонжюмо» большая опера въ трехъ дѣйст. съ хорами, муз. А. Адама.

Эта опера исполненіемъ далеко отстала отъ «Севильскаго цирюльника.» Одна м-лле. фонъ-Шмидгоффъ была прекрасна въ роляхъ Магдуа и г-жи де-ла Туръ.—Г. Новигонскій, въ роль Бижу, показалъ силу своего голоса и надежду стать выше своихъ товарищей. — Гдѣ-же тѣ великолѣпные костюмы, которыми, какъ говорили, блистала труппа г. фонъ Шмидгоффъ? — Все старо, все изношено. — Но г. фонъ Шмидгоффъ, оставшись въ Кіевѣ, вѣроятно, будетъ ставить новыя оперы съ новыми костюмами и великолѣпными декораціями. — Душевно желаемъ, чтобы скорѣе настало это счастливое время. — Оркестръ въ этотъ разъ игралъ нестройно, дикими звуками.

Въ театрѣ было темнота, какъ въ осеннюю ночь. — М-лле. Шмидгоффъ единодушно вызвана. —

На русскомъ: «Дезертеръ» или тоска по отчизнѣ, опер.-вод. въ

одномъ дѣйстви. При игрѣ г-жи Михайловой (Гретли) и Соленика (Нацъ), шелъ довольно-хорошо.

Въ театрѣ занято было три ложи. А «Почтальонъ» вѣдь большая опера! — Этой оперой угостили такъ почтеннѣйшую публику, что другой разъ, не-смотря на прелестную музыку Адама, ни кто ее слушать не захочеть.

Января 18. На польскомъ языкѣ: «Счастливый обманъ», опера въ двухъ дѣйствіяхъ музыка Росени.

На русскомъ: «Смерть или честь», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Н. Полеваго. —

Въ этотъ спектакль зрителей было очень-мало. У театральнаго подъезда ни одной кареты. — За то по-сосѣдству, въ кондитерской, ужасная давка. Тамъ двѣ Богемки играютъ на арфахъ, и третья на скрипкѣ. Съ ними же, какой-то господинъ, почтенной наружности, въ родѣ отца, дуеть, что есть мочи, на флейтѣ. Къ этой музыкѣ былъ особеннаго рода акомпанементъ: хлопанье пробокъ! Душа радуется, видя такую любовь къ изящнымъ искусствамъ. Не станемъ винить актеровъ въ ихъ недостаткахъ. Въ театрѣ пусто; всякій изъ труженниковъ съ стѣсненнымъ сердцемъ выходитъ на сцену, окидываетъ взоромъ унылая пустую залу и можетъ-ли онъ послѣ этого хорошо играть?

Января 19. На польскомъ: *Жизной покойникъ*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, Лербуна. — *Оброчная шляхта или ссора за вѣтеръ*, водевилъ въ одномъ дѣйстви, Каменскаго.

На русскомъ: «Улица луны или возвращеніе изъ Африки», комедія-водевилъ въ одномъ дѣйстви. — Эта комедія, по-болѣзни г. Соленика, отмѣнена, а вмѣсто ея дана была: «Мщеніе за конфеты».

Января 20. На русскомъ: *Угольно*, драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, Н. Полеваго. *Хочу быть актрисой или Двое за шестерыхъ*, шутка-водевилъ въ одномъ дѣйстви. — Этотъ спектакль имѣлъ изрядный успѣхъ и порядочный сборъ.

21 Января. На польскомъ: «Бѣлая волшебница» (*La dame blanche*), романтическая опера, въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка Боальде.

На русскомъ: «Дебютантъ или страсть къ театру», комедія въ одномъ дѣйстви.

Въ оперѣ «Бѣлая волшебница», въ этотъ разъ первую партію пѣла г-жа Шмидгоффъ (Анна). Голосъ ея соргано, довольно звучный. Хотя партія эта вокализацией труднѣе всѣхъ и была исполнена хорошо; по первое мѣсто въ оперѣ должно оставаться за Мл. Шмидгоффъ (Женни), которая и въ этотъ разъ была вызвана

при аплодисментахъ и крикахъ: brava, bravissima! Г. Новогонскій (Гавестонъ) свою роль выдержалъ прекрасно и замѣтно отгнѣнилъ характеръ представляемаго лица, какъ нельзя лучше.

Г. Сталевичъ (Диксонъ), слабый теноръ. Актеръ изрядный. Хоры исполнены были очень хорошо. Дуэтъ въ третьемъ дѣйствіи, Георгія Брунъ (г. Шмидгоффа) съ Анной (М-ме Шмидгоффа) былъ пропѣтъ неподобно. Русская пѣса «Дебютантъ», обѣщанная передъ оперой, не могла быть исполнена за болѣзнію г. Соленка. Знаемъ мы эту болѣзнь, и сожалѣемъ, что такой талантливый артистъ не можетъ ей противоборствовать. Г. Соколовъ угостилъ публику, по собственному вкусу, какой-то нелѣпницей въ одномъ дѣйствіи подъ заглавіемъ: Имянины благоутельнаго помѣщика. Театръ былъ полонъ и опять темнота страшная. Сборы за всѣ спектакли (*) дѣлятся на двѣ части: одну часть получаетъ г. Соколовъ, другую г. Шмидгоффа.

Сегодняшняго числа, въ контрактной залѣ, въ 7 часовъ вечера, давалъ концертъ скрипачъ Михаилъ Гаузеръ.

Не унижая достоинствъ русской труппы, долженъ я сказать, что кievская публика отдаетъ преимущество труппѣ г. фонъ-Шмидгоффа. — Не удивительно: г-нъ фонъ-Шмидгоффа пѣлъ превосходно, хотя давно, но на театрахъ Вѣнскомъ и Дрезденскомъ. Теперь же онъ превосходный режиссеръ, какого трудно отыскать. Жена, и въ особенности дочь, составляютъ украшеніе любой труппы, первая, однимъ пѣніемъ а послѣдняя и пѣніемъ и прелестной наружностію. Г. фонъ Шмидгоффа располагаетъ пробить здѣсь нѣсколько времени, и потому поздравляемъ публику съ будущимъ для нея наслажденіемъ.

Кіевъ.

23 Января.

А. ЗАХАРЧЕНКО.

ОБЪ ОТКРЫТІИ ТЕАТРА ВЪ ВИТЕБСКЪ.

Наконецъ исполнилось желаніе, съ давняго уже времени инятаемое нашею образованною публикою — имѣть въ Витебскѣ по-

(*) Воскресные спектакли даютъ одні русскіе актеры, и сборъ получаетъ г. Соколовъ.

стоявый, народный театр. — Теперь-то мы, по примѣру другихъ, впрочемъ немногихъ, губернскихъ городовъ Россіи, имѣемъ особое и во всѣхъ отношеніяхъ удобное зданіе, исключительно назначенное для сценическихъ представленій, и въ этой, можно сказать, роскоши утонченной общественной жизни, намъ не остается завидовать ни одному изъ провинціальныхъ городовъ, имѣющихъ свои театры. Вновь-сооруженный театръ въ Витебскѣ открытъ былъ 23-го декабря, при собраніи многочислѣннѣйшей публики. Но прежде, нежели мы скажемъ объ устройствѣ самаго зданія, бросимъ взглядъ на то, что мы имѣли до-сихъ поръ въ этомъ родѣ, чтобы живѣе чувствовать благодарность нашу къ виновнику (*) этого истиннаго торжества для всѣхъ любителей изящнаго.

Если въ нашъ вѣкъ театръ служить школою и удовольствіемъ для простаго народа, едва способнаго чувствовать это высокое наслажденіе и извлекать изъ него уроки, то для образованнаго класса людей онъ есть необходимость, непремѣнная потребность времени. — И надобно отдать справедливость, что въ этомъ отношеніи витебская публика отличалась всегда примѣрною любовью и всеобщимъ направленіемъ къ изящному, въ-слѣдствіе котораго артисты въ разныхъ родахъ, какъ-то: музыканты, пѣвцы и другіе, посѣщавшіе нашъ городъ, всегда находили въ немъ самый лестный приемъ и поощреніе. Но, къ-сожалѣнію, не такая участь постигала у насъ драматическихъ артистовъ. Они одни не имѣли у насъ до-сихъ-поръ успѣха и, не-смотря на то вниманіе и пособіе, которыя имъ были оказываемы нѣкоторыми любителями театра, не могли долго держаться. Главнѣйшая тому причина та, что не было въ городѣ особаго, назначеннаго для сценическихъ представленій зданія. А потому посѣщавшіе насъ по временамъ странствующіе актеры по необходимости должны были избирать пріютомъ музъ какіе нибудь тѣсные, холодные, сырые, сквозимые со всѣхъ сторонъ вѣтромъ сараи, и тамъ сколачивать на-живо все нужное для представленій, отъ мала до велика — Естественно, что подобный театръ, если только можно дать сараю это названіе, не могъ быть удобенъ какъ для сценическихъ представленій, такъ равно и для помѣщенія публики. И въ семь-то храмѣ искусствъ, несчастные

(*) Его Сіятельству Геральд-Губернатору Витебскому, Могилевскому и Смоленскому, Князю Андрею Міхайловичу Голицыну.

жрецы онаго, стѣсненные отовсюду неудобствомъ, бѣдные на средства, угощали публику тѣмъ только, что имъ было по силамъ и что соотвѣтствовало ихъ весьма-ограниченной возможности и сжатою сценическому помѣщенію. По этому представленію ихъ ограничивались только ничтожными фарсами и шутками-водевилями, и тѣ, въ отношеніи обстановки, костюмовъ и даровитости самыхъ дѣйствующихъ, едва были сносны. Послѣ этого неудивительно, что такого рода спектакли, неудовлетворяя образованному вкусу и совершенному требованію публики, теряли всякую для нея занимательность и были ею оставляемы. Такимъ-образомъ, не удостоиваясь вниманія и посѣщенія любителей изъ высшаго сословія, представленія ихъ собирали слушателей изъ класса людей, мало на эти вещи разборчивыхъ, которые болѣе потѣшаются количествомъ, нежели качествомъ даваемыхъ пьесъ. Но извѣстно, что этотъ классъ цѣнителей изящнаго по огромнымъ размѣрамъ довольно бѣденъ для того, чтобы всякій разъ позволять себѣ эту роскошь, а потому театръ, будучи оставленъ вышею публикою, не можетъ быть поддержанъ этими снисходительными въ судѣ и осужденіи театрами. — Итакъ, въ слѣдствіе этихъ причинъ, наши сценическіе утѣшители въ скоромъ времени оставались сами безутѣшны, и много, если послѣ десятка представленій, видѣли себя въ необходимости сняться съ якоря, и направить свое бурное плаваніе въ ближайшую по пути гавань житейскаго моря.

Такъ образованная витебская публика, при всемъ своемъ направленіи и любви къ драматическому искусству, лишена была до-сихъ-поръ истиннаго наслажденія видѣть у себя что-нибудь дѣльное въ этомъ родѣ, а попытки странствующихъ актеровъ увлечь ея вниманіе, при скудости средствъ, отсутствіи талантовъ, и по причинѣ неудобствъ относительно помѣщенія, оставались только лишь попытками, безъ малѣйшаго успѣха. — Здѣсь кстати упомянуть о тѣхъ представленіяхъ, немногихъ, но такъ много доставившихъ намъ истиннаго удовольствія, которыя были даны въ домашнемъ театрѣ г. Генераль-Губернатора благородными любителями драматическаго искусства, въ пользу заль Приюта. — Наслажденіе, испытанное нами въ этихъ спектакляхъ, не имѣя себѣ подобія, останется навсегда намъ памятнымъ, и мы, побуждаемые чувствомъ признательности, позволили себѣ въ этомъ мѣстѣ сдѣлать о нихъ воспоминаніе. — Вотъ все, что только оставалось намъ сказать о бывшихъ до-сихъ-поръ драматическихъ представленіяхъ въ городѣ Витебскѣ.

Но теперь, чувствуя живѣйшую благодарность и признательность къ высокому нашему начальнику, вниманію и заботливости котораго мы обязаны существованіемъ у насъ народнаго театра, вознаградимъ себя за столь-долгое терпѣніе тѣмъ истинно-высокимъ наслажденіемъ, которымъ даритъ насъ его дѣятельная заботливость о народномъ удовольствіи. Онъ первый, какъ истинный любитель изящныхъ искусствъ, почувствовалъ необходимость въ устройствѣ народнаго театра въ Витебскѣ, и эта мысль ревнителя полезныхъ предпріятій пошла себѣ ревностныхъ послѣдователей и содѣйствователей. Мы-бы очень-желали назвать здѣсь тѣ лица, которыя сдѣлали значительныя пожертвованія на устройство театра, но, уважая великодушную ихъ скромность, должны отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

Что же касается до устройства театра, мы не имѣемъ ничего сказать, какъ только то, что мысль и исполненіе въ устройствѣ оного превзошли все наши ожиданія. И въ этомъ отношеніи мы обязаны благодарностию помощнику губернскаго архитектора, г. Червинскому, по плану и распоряженію котораго производилась работа. Театръ, по красотѣ и изяществу, вполне достойный назваться жилищемъ музъ, касательно помѣщенія очень-удобенъ и вмѣстителейъ, о трехъ ярусахъ. Нижний ярусъ или бепуаръ заключаетъ въ себѣ 12 ложъ, бель-этажъ 13, а верхній ярусъ — галлерей. Ложа вмѣщаетъ въ себѣ 5 особъ очень-свободно. Въ партерѣ считается болѣе ста мѣстъ. Равнымъ образомъ сцена, по глубинѣ и широтѣ, очень удобна для представленія большихъ пьесъ, какъ то, драмъ и даже балетовъ. — Театръ теплый, весьма-хорошо защищенный снаружн, и имѣетъ при себѣ буфетъ.

Итакъ, въ этомъ отношеніи намъ не остается ничего большаго желать. Дай Богъ только, чтобы артисты наши оправдали своими представленіями то вниманіе публики, которое они видѣли при открытіи театра въ многочислѣннѣйшемъ ея собраніи, какое могъ только вмѣщать въ себѣ театръ. Многіе даже, желавшіе быть въ спектаклѣ, за недостаткомъ мѣстъ, должны были отложить свое посѣщеніе до слѣдующаго разу. — Мы очень-убѣждены, что это вниманіе со стороны нашей публики не охладѣетъ, если только она будетъ видѣть стараніе артистовъ, удовлетворить тѣмъ-нибудь дѣльнымъ ея вкусу и требованіямъ. — Что же относится къ нравственному вліянію существующаго у насъ театра, особенно на извѣстную часть нашей публики, молодежь, служащую и не служащую, которая до-сихъ-поръ, за немѣніемъ въ городѣ театра, книжныхъ магазиновъ и другихъ благородныхъ

и публичныхъ развлеченій, не зная, на что употребить досугъ свой, посвящала оный картамъ; то мы питаемъ сладкую надежду, что она, увлеченная лучшимъ, благороднѣйшимъ и изящнымъ наслажденіемъ, оставитъ свои состязанія на зеленыхъ поляхъ. О, тогда-бы вполнѣ выкупилась та заботливость высокаго нашего начальника о доставленіи народу благородныхъ публичныхъ развлеченій, которой мы обязаны существующимъ нынѣ въ Витебскѣ народнымъ театромъ.

О. КЛОДНИЦКІЙ.

18-го Января, 1846.

ТЕАТРЪ ВЪ СТАВРОПОЛѢ НА КАВКАЗѢ.

Со времени отъѣзда въ Тифлисъ труппы Дрейсига, на здѣшней сценѣ не было представленій до начала декабря. Обстоятельство это, не совѣмъ пріятное ревностнымъ любителямъ, послужило въ пользу для труппы Зелинскаго, пріѣхавшей въ концѣ Ноября изъ Николаева. Нетерпѣніе публики выразилось очень благосклоннымъ пріемомъ, вновь-прібывшей труппы, и театръ наполненъ по возможности каждое представленіе, которыхъ въ недѣлю бываетъ три: во вторникъ, четвергъ и воскресенье.

Тѣсныя границы статьи не позволяютъ намъ входить въ излишнія подробности объ этомъ предметѣ тѣмъ-болѣе, что въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ «Репертуара и Пантеона» были помѣщены нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности, относящіяся къ матеріальному устройству здѣшняго театра. Впрочемъ беремъ на себя обязанность коснуться такихъ именно подробностей, которыя можетъ исправить самъ авторепренёръ, даже безъ большихъ издержекъ съ своей стороны.

Первый и самый важный недостатокъ заключается въ освѣщеніи. Ограниченный свѣтъ люстры, дурно соразмѣренный съ величиною зала, — свѣтъ, который канделябры по бортамъ ложъ бель-этажа дѣлаютъ невѣрнымъ въ отношеніи къ сценѣ, лишаетъ актеровъ возможности открывать зрителямъ свою мимику, потому что на сценѣ нѣтъ ни одной точки, гдѣ недостатки ихъ могли-бы скрываться въ тѣни, а достоинства выказываться

на свѣтъ; вся сцена освѣщена одинаково, и даже самыя декорации теряютъ отъ этого всякую перспективу. Сверхъ-того недостатокъ боковыхъ занавѣсовъ и неподвижное устройство освѣщенія за балюстрадомъ оркестра не позволяютъ на сценѣ дѣлать почи, и наконецъ, небрежность-ли это, или излишняя расчетливость антрепренера — салыныя свѣчи въ оркестрѣ, у суфлера и на сценѣ, производятъ на зрителей очень-непріятное впечатлѣніе.

Декорации, судя по средствомъ провинціального театра, можно оставить безъ упоминанія, потому-что въ этомъ случаѣ слишкомъ-взыскательно требовать какой-нибудь роскоши; но не дурно было-бы обращать побольше вниманія на костюмы: они больше-чѣмъ небрежны, и намъ случилось видѣть нѣкоторыхъ, а особенно актрисъ, выходившихъ на сцену въ своихъ домашнихъ платьяхъ. Если Мельпомена — богиня, а сцена ея — жертвенникъ: то актеры — жрецы, и должно по этой причинѣ придавать нѣкоторую важность своимъ тапаяствамъ, тѣмъ-болѣе, что онѣ совершаются въ глазахъ публики... Играть королей въ бумажныхъ чулкахъ, первыхъ любовницъ безъ перчатокъ, и герцогинь въ ситцевыхъ платьяхъ, по нашему мнѣнію, непростительно.

Репертуаръ труппы показывается въ содержательнѣ, г-нѣ Зелинскомъ, слишкомъ-мало вкуса для человѣка, который занимается этимъ дѣломъ уже нѣсколько разъ, участвуя много лѣтъ въ разныхъ труппахъ, — мы скажемъ объ этомъ въ видѣ совѣта, съ надеждою сдѣлать ему пользу.

Нѣтъ еще мѣсяца, какъ труппа Зелинскаго вступила въ обладаніе здѣшней сценой, какъ въ числѣ піесъ, игранныхъ на ней, было нѣсколько такихъ, которыя и при хорошихъ средствахъ идутъ по большей части дурно. Напримѣръ: *Людмила*, *Материнское Благословеніе*, *Донья Инеса де-Кастро* и *Кузьма-Роцинь*. О первой не говоримъ, потому-что имѣемъ предубѣжденіе противу всѣхъ передѣлокъ вообще, и такихъ въ особенности, гдѣ стихи любимыхъ нашихъ поэтовъ рѣжутся и кроются безъ всякой жалости на театральные діалоги, что, при дурномъ выговорѣ и отсутствіи всякой декламации у актеровъ, производитъ какое-то грустное чувство. Вторая сошла благополучно, благодаря извѣстной Савойской пѣснѣ, вставленной въ нее авторами, и мало-испорченной переводчикомъ и актрисой, которая на здѣшней сценѣ пропѣла ее довольно-сносно; а третья непростительна, тѣмъ-болѣе, что выводила на сцену королей, а особенно испанскихъ и португальскихъ, нужно позаботиться хотя опривличин, если не о ро-

скоши ихъ двора, который въ свое время былъ однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ дворовъ Европы; да и декораціи не соотвѣтствуютъ цѣли, которую имѣлъ въ виду антрепренёръ, переноса насъ на берега Таго—гдѣ были тѣ-же самыя долины и горы, которые наканунѣ были въ Савоин, потомъ на берегахъ Волги, а со временемъ, если онъ не послушается нашихъ совѣтовъ и не откажется отъ пяти-актныхъ трагедій, могутъ перейти и въ Швейцарію; тѣ-же самыя комнаты въ дворцѣ лиссабонскомъ, гдѣ самъ-же онъ, г-нъ Зелинскій (въ Дѣвущкѣ себѣ на умѣ) читалъ газеты...

Кузьма Рощинъ, играный для бенефиса г-на *Манина*, былъ такъ несообразно обставленъ, что мы, читая афишу, думали ужъ не для каламбура ли роль Ильменева дали играть г-ну *Маркову*, буффу труппы, а роль Зарубкина г-ну *Тапразину* (первому ея любовнику): Самъ-же Рощинъ не звалъ середины между крикомъ и декламациею,— былъ непостижимо дурень. Просимъ у него извиненія за эту правду, однакоже скажемъ, что если-бы онъ встрѣтился намъ на дорогѣ, — мы-бы прежде наохотались отъ души, а потомъ ужъ позволили-бы ему себя ограбить.

Прочіе разбойники, какъ и всегда разбойники, начиная съ *Шилдровыхъ* и разбойниковъ *Сентябрьской Ноци*, были неоспоримо дурны. Но небрежность обстановки поразила насъ очень-забавно. На Владимірѣ былъ, вмѣсто драгунскаго, гусарскій мундиръ, въ-слѣдствіе чего и драгуны, которые должны были явиться въ 3-мъ актѣ, переименованы были въ гусаръ; но когда они явились, то публика, вмѣсто ихъ, увидала пѣхотныхъ солдатъ въ полной боевой амуниціи, и вмѣсто слезъ и трепета, какъ обыкновенно случается въ катастрофахъ, должна была засмѣяться, какъ дѣлается при островахъ плохихъ водевилей.

Кромѣ этихъ піесъ сыгранъ была *Кремневъ*, который по содержанію и цѣли, съ какой онъ написанъ, можетъ быть играть только хорошими актерами. Какъ ни легка съ виду роль Кремнева, какъ ни простъ языкъ, которымъ онъ выражается; но при всемъ томъ больно слышать имена и событія одной изъ самыхъ драматическихъ, самыхъ высокыхъ эпохъ нашего отечества, произносимыхъ не совѣмъ чистымъ русскимъ языкомъ (Кремнева игралъ г-нъ Зелинскій). Не смотря на то даже, что пѣсенники линейнаго батальона заслужили всеобщее одобреніе, во второмъ актѣ, мы съ неудовольствіемъ видѣли повтореніе этой піесы, потому что, уважая патріотическія произведенія, желали-бы видѣть ее разыгранную гораздо-отчетливѣе.

Все-бы это еще ничего, если-бы они не вздумали, по какому-то странному ослѣпленію, наложить руку на Шекспира, на его Гамлета, и какъ нарочно выбрали одну изъ очаровательнѣйшихъ сценъ этого дивнаго творенія — четвертый актъ, и выбрали для того, чтобы намъ доставить удовольствіе слышать пѣсню Офеліи, чтобы поставить на доски своей сцены роль, которую сама мистрисъ Сиддонія играла подумавши, въ которой покойница Асенкова не всегда заслуживала полное одобреніе публики, для которой итѣть, не будетъ и не можетъ быть актрисы, исполнявшей ее въ совершенствѣ. Не должно требовать невозможнаго; но и браться за нее неблагоразумно. Д-ца Землянская, занимавшая роль Офеліи, открыла вдругъ все свои недостатки, и даже тѣ, которыхъ въ ней прежде не замѣчали — все, что заслужила она своимъ стараніемъ и отчетливостью въ исполненіи прежнихъ ролей, едва-ли можетъ исправить такую ошибку, и ей нужно много заслугъ, чтобы выкупить подобную дерзость. — *Милая Офеліа, нимфа, помяни грѣхи ея съ молитвахъ* — скажемъ мы вмѣстѣ съ Гамлетомъ. А Лаэртъ, неподобный Лаэртъ... Г-нъ Барсовъ, который былъ въ его костюмѣ, гороздо скромнѣе Кина: — тотъ обидѣлся, когда въ Америкѣ назначили ему роль Лаэрта; а этотъ былъ очевидно радъ подобному выбору; и отъ внутренняго удовольствія кричалъ такъ громко, какъ сорокъ тысячъ братьевъ кричать не могутъ.

Чтобы за одинъ разъ показать все недостатки труппы и послѣ имѣть право говорить только объ однихъ ея достоинствахъ, перейдемъ прямо къ дивертиссентамъ, которыми заключаются все спектакли, а особенно все бенефисы. Дивертисменты бываютъ составлены довольно-неудачно — не знаемъ, большинство-ли публики того требуетъ, или неопытность антрепренѣра тому причиною. Есть лица, постоянно являющіяся въ этихъ дивертиссентахъ, къ которымъ мы уже привыкли, какъ къ своимъ стариннымъ знакомымъ. Между ними есть жидъ, поющій все одну и ту же пѣсню; г-нъ Марковъ, рассказывающій на распѣвъ всебѣзъ некомическіе куплеты о предметахъ довольно-грязныхъ и скучныхъ. Д-ца Пилип, которая пляшетъ русскую съ Гончаровой 1-й, и дѣвица Гончарова 2-я, исполняющая съ г-мъ Линге разные танцы, французскіе, неаполитанскіе, арабскіе, испанскіе, турецкіе и тому подобныя хореографическія роскоши, въ импровизованныхъ костюмахъ, сшитыхъ не всегда въ-пору. Иногда въ видѣ сюрприза танцуется *полька*, *цыганка* и даже *качуча*. Однажды г-нъ Ку-

дьяволовъ подарилъ намъ арію изъ *Русалки*, которой впрочемъ за *гомерическими* хохотомъ публики мы не слышали.

Водевилы идутъ по большей части недурно, особенно малоросійскіе. потому-что г-нъ Зелинскій владѣетъ языкомъ и манерами. За *Наташку Полтавку*, *Москаля Чаривника* и *Грицко Чумака* мы готовы поднести ему пальму первенства; къ сожалѣнію, около Ставрополя растутъ по большей части терны — и потому остаемся при одномъ желаніи. Обстановка пьесъ отчетлива, антракты непродолжительны, оркестръ линейнаго батальона довольно-половъ. — Изъ всѣхъ пьесъ, игранныхъ на здѣшнемъ театрѣ, лучше прочихъ поставлена была *Женитьба* Гоголя, игранная 1-го января — Г-нъ *Зелинскій* (Подколесный), г-нъ *Гделевичъ* (Кочкаревъ), г-нъ *Манинъ* (Анучкинъ), г-жа *Федорова* (Невѣста) — были безукоризненно хороши; г-нъ *Барсовъ* (Жевакинъ) и г-нъ *Марковъ* (Ячница) не поняли своихъ ролей. Первый были недостаточно комически-важенъ, — второй суетился. Сдѣлавъ такимъ образомъ общій обзоръ театру, перейдемъ къ актерамъ.

Г-нъ *Зелинскій*, антрепренеръ труппы, заслуживаетъ одобреніе въ большей части своихъ ролей, если-бы не польскій выговоръ его. Костюмируется онъ всегда довольно-отчетливо, и хотя иногда утрируетъ лица, имъ представляемыя, но за то есть роли, въ которыя онъ входитъ, и даже такія, которыя старается изучать. Ему отчасти и въ особенности всѣмъ прочимъ актерамъ его труппы, включая г-на Гелделевича, мы-бы присовѣтовали избѣгать иностранныхъ, а особенно французскихъ фразъ, даже выбрасывать ихъ, не заботясь о смыслѣ, потому-что отъ дурнаго произношенія, которое намъ приходится слышать, страдаетъ смыслъ гораздо-больше — и притомъ здравый смыслъ, сказать иначе, благоразуміе артистовъ, которому за подобное злоупотребленіе — мы не въ правѣ отдать никакой справедливости. Зелинскій преимущественно занимаетъ роли комическихъ стариковъ; но какъ антрепренеръ, беретъ изъ нихъ почти всегда первыя, отъ чего пропеваютъ несообразности, впрочемъ вполне выкупленныя ролями Малоросіянъ, въ которыхъ онъ безукоризненно хорошъ.

Г-нъ *Гелделевичъ* (режиссеръ) показываетъ въ себѣ больше привычки къ театру, свободы въ дикціи и умѣнья держаться на сценѣ безъ малѣйшей натяжки; костюмировка его всегда бываетъ прилична времени, мѣсту и лицу; можетъ-быть, это и потому случается, что онъ имѣетъ больше средствъ одѣваться, и

единство костюма не мѣшаетъ ему быть сообразнымъ съ единствомъ сцены. Въ «Чювникѣ по особымъ порученіямъ» (Понукаловъ) онъ былъ очень-хорошъ. Въ *Женихахъ чудакахъ* больше, чѣмъ хорошъ. Костюмъ его въ этой роли выразилъ полное вниманіе къ требованіямъ публики. — Вообще, мы видимъ его съ удовольствіемъ на сценѣ, и отъ души желаемъ поприща болѣе-обширнаго, чѣмъ ставропольское — тѣмъ болѣе, что онъ не беретъ ролей выше силъ своихъ; и умѣетъ облагороживать ихъ, не позволяя себѣ никогда неумѣстнаго фарса. — Ампуа его почти одинаковое съ Зелинскимъ.

Г-нъ *Марковъ* (буффъ). Если-бы голосъ былъ у него пріятнѣе, манера лучше, выговоръ чище, то мы-бы его хвалили. Но еще онъ молодъ: надѣмся, что онъ современемъ исправится. О лѣтахъ его мы потому не можемъ сказать ничего положительнаго, что онъ никогда не говоритъ своимъ голосомъ, не ходитъ своей походкой, и, какъ дикій, просто, татуируетъ себѣ лицо, вмѣсто того, чтобы его румянить.

Труппа Зелинскаго хромаетъ на перваго любовника (Тапругинъ), и хотя второй любовникъ, г. *Барсовъ*, долженъ служить, по принятому обычаю, вмѣсто костыля для своей труппы, но талантъ его такъ глубокъ, что едва-ли кто-нибудь можетъ на него опереться. Впрочемъ, у него пріятный голосъ, сложенъ онъ довольно-стройно, и недурно поетъ куплеты; онъ еще недавно въ труппѣ Зелинскаго и можетъ заслужить вниманіе публики, если подобно г-ну *Генделевичу*, будетъ обращать вниманіе на ея прихоти. Мнѣніе публики море: кто хочетъ не утонуть въ немъ, тотъ долженъ умѣть плавать.

Г-ну *Манину* кажется, что онъ актеръ драматическій. Впрочемъ, талантъ его, какъ намъ кажется, попалъ не въ свою колею. Часто, изъ любопытства, мы смотрѣли ему въ лицо въ самыя патетическія минуты его ролей, и должны признаться, что не находили на немъ никакой страсти. Замѣтимъ при случаѣ, что слова великихъ людей никогда не проходятъ даромъ, и что г-нъ *Манинъ*, дѣлая шагъ отъ великаго къ смѣшному, въ роль *дворника* (въ *Знатныхъ наслѣдникахъ*), и въ роль *Анучкина*, былъ очень-натураленъ, за что и заслужилъ вызовъ.

Г-нъ *Александровъ*, о которомъ мы упомянули, говоря о дивертисментахъ — въ «Грицко Чумакѣ» игралъ вѣчнаго-жида, и хотя удачно подражалъ еврейскому акценту, но за-то былъ очень уже живъ, и до того утомилъ свои руки, рубя ими воздухъ, что въ другой разъ, играя любовника (въ *Двухъ отцахъ*),

не зналъ, куда дѣвать ихъ, какъ-будто онѣ были ему въ тягость.

О прочихъ и говорить не станемъ: придворные, народъ, воины, слуги и гости, которыхъ они играютъ, всегда заслуживаютъ одну общую скобку.

Перейдемъ къ актрисамъ.

Г-жа *Зелинская* (жена антрепренѣра) въ роляхъ комическихъ, старуха, г-жа *Федорова*, въ роляхъ вторыхъ любовницъ, и г-жа *Филимонова*, въ роляхъ благородныхъ матерей, едва-ли одна надъ другою могутъ похвалиться преимуществомъ; впрочемъ, первая въ-отношеніи игры, а вторая превосходствомъ манеры, отличаются отъ третьей, у которой нѣтъ ни того, ни другаго. У нея грубый горловой голосъ, и неровная, тяжолая походка. Мы-бы охотно ее поддержали, если-бы имѣли къ тому какую-нибудь возможность. Ссылаемся на гг. Барсова, Маркова и Тапругина, они сами скажутъ, что въ сценахъ обмороковъ, которыми дебютировала она на здѣшней сценѣ, съ трудомъ могли это сдѣлать, когда она падала къ нимъ на руки.

Г-жа *Федорова* поетъ лучше всѣхъ прочихъ, и развѣ только одни парикки работы ея мужа, парикмахера труппы, могутъ поспорить въ стройности съ куплетами, которыми она даритъ публику, впрочемъ всегда къ ней признательную.

Д-ца *Зелинская*—въ роляхъ первыхъ любовницъ—имѣетъ одинъ важный недостатокъ, именно, слишкомъ-сильное удареніе на букву *a* въ каждомъ многосложномъ словѣ. Актерь съ тѣхъ-поръ, какъ выйдетъ на сцену, дѣлается достояніемъ публики, и потому въ немъ не должно быть недостатковъ особенно природныхъ. Скажемъ однако, что въ ней есть талантъ, а особенно стараніе—за что мы и вызываемъ ее чаще, чѣмъ прочихъ. Костимируется она недурно, наравнѣ съ г-жой *Федоровой*.

Д-ца *Гончарова* 1-я еще слишкомъ-молода, чтобы мы могли похвалить въ ней что-нибудь, кромѣ пріятной наружности, чего, къ-сожалѣнію, даже похвалить не можемъ въ д-цѣ *Пилони*. Не думаемъ убивать ея таланта безусловнымъ осужденіемъ, — Ж. Ж. Руссо въ тридцать лѣтъ сдѣлался писателемъ, — желаемъ ей хоть въ сорокъ сдѣлаться актрисой. *О Ланге* и *Гончаровой* 2-й мы уже говорили: эти дѣти очень-милы и очень-малы. Антраша, которые г-нъ Ланге дѣлаетъ въ дивертесментахъ, гораздо-выше его возраста, и мы поминутно боимся, чтобы онъ не ушибъ себѣ головы объ суетлѣрскую конуру. Кстати о суетлѣрѣ—онъ очень-нескромный — такъ, что публика, по его милости, знаетъ зара-

нѣе все, что актеры намѣрены сказать. — Опъ слишкомъ утрируетъ свою роль.

Театръ топять очень-плохо, такъ что холодъ къ концу спектакля становится очень-чувствителенъ. Впрочемъ для трагедій, которыя иногда даются на здѣшней сценѣ, это бываетъ довольно-полезно, потому что у актеровъ въ сценахъ отчаянія бываютъ ення губы, и по этой причинѣ женихъ-мертвецъ въ «Юдмилѣ» былъ чрезвычайно-натураленъ.

Скажемъ въ заключеніе, что, не-смотря на всѣ горькія истины, высказанныя нами г-ну Зелинскому и его труппѣ, мы вполне ему благодарны за удовольствіе, которое она намъ доставляетъ нѣкоторыми, удачно выполненными пьесами, и надѣмся, что недостатки, которые мы ему поставили на видъ, будутъ поняты и исправлены. Надѣмся по возможности сдѣлать за холдомъ и успѣхами представленій нашего театра. Впрочемъ желаемъ, чтобы послѣдующія статьи наши были болѣе посвящены одобренію артистовъ, которые, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣютъ многія неоспоримыя достоинства. Главное, меньше трагедій на провинціальномъ театрѣ, а особенно при устройствѣ труппы Зелинскаго — *лишь водевиль есть вещь — а прочее все гиль.*

Ставрополь.

Январь 1846.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Послѣ нѣсколькихъ спектаклей, здѣшняя труппа увеличилась нѣсколькими персонажами, появленіе которыхъ заинтересовало всѣхъ любителей театра.

7-го октября. Для перваго дебюта г-на и г-жи *Марксъ*. «Стряпчій подъ столомъ» и «Графъ-литографъ.»

«Стряпчій подъ столомъ», пьеса всѣмъ извѣстная, была разыграна вторично, за исключеніемъ г-на *Марксъ*, тѣмъ-же господами, о которыхъ мы уже говорили въ первой нашей статьѣ.

Г. *Марксъ* — Жюваль, первымъ появленіемъ предъ здѣшнюю публику, отрекомендовалъ себя не дурно, но и не произвелъ особаго эффекта. Въ немъ мы видѣли актера опытнаго и способ-

цаго, но игру его не могли поставить выше игры *Смирнова*. Въ этой роли они были каждый хорошъ по-своему; даже многіе изъ зрителей остались на сторонѣ *Смирнова*. По нашему мнѣнію, г-ну *Марксъ* не слѣдовало брать для перваго дебюта «Стряпчаго подъ столомъ», какъ-будто для соперничества, потому-что эта пьеса такъ недавно была играна, и имѣла успѣхъ, который могъ повредить новому дебютанту, потому-что зрители еще находились подъ влияніемъ игры г на *Смирнова*.

«Графъ-Литографъ». Для перваго дебюта, г-жа *Марксъ* играла *Розу*, и потому мы умолчимъ о прочихъ господахъ, какъ уже сколько-нибудь намъ извѣстныхъ, а скажемъ объ одной только дебютанткѣ, которая своею живою, свободною и одушевленною игрою, преисполненною огня и граціи, привела всѣхъ зрителей въ великій восторгъ. Громкія аплодисменты, крики «*фора!*» и « *bravo!*» потрясали театръ; а по окончаніи спектакля, дорогую артистку вызвали три раза.

9-го октября. «Кетли» и «Хороша и дурна, глупа и умна.»

Въ обширныхъ степяхъ Украины, Дона, Волги и Урала, гдѣ такъ скромныя видами гладкія равнины, тамъ только можно ставить на сценѣ горы и скалы разныхъ формъ и величинъ, пожалуй, хотя и въ двѣ сажени; пускать водопады въ аршинъ шириною, да въ два вышиною; тамъ только, въ глуши какой-нибудь, степной житель, утомясь однообразіемъ полей, по неволѣ вдается въ обманъ, и плохія декорационныя горы приметъ за натуру. Но здѣсь, въ Грузіи, гдѣ такая грозная, но между-тѣмъ очаровательная природа, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчаешь новый привлекательный видъ, гдѣ часто забываешь родныя поля Россіи и душою приближаешься то къ грозной скалѣ, то къ мрачному ущелью, — да! здѣсь декорации должны быть сколько-нибудь соответственны живой грузинской природѣ; иначе пьеса пострадаетъ жестоко, потому-что нужно быть слишкомъ хорошимъ артистомъ, чтобы своею игрою или пѣніемъ изгладить изъ сердца зрителя дурное впечатлѣніе декораций.

Кетли — г-жа *Марксъ*, играла хорошо, но пѣла весьма незвучно.

Сенвиль — г-нъ *Марксъ*, игралъ не дурно, но пѣлъ дурно — онъ безъ голоса.

Францъ — *Дрейсигъ*.

Г-жа Вернеръ — *Надежина*.

Георихъ, слуга — *Насыдкинъ*.

} были недурны.

Рутли — *Рязанцевъ*, исполнилъ роль свою лучше всѣхъ; за то его и вызвали одного только.

«Хороша и дурна, глупа и умна.» Хороша и дурна.

26-го октября. «Павелъ Павловичъ съ супругою» и «Барышня крестьянка.»

Нынѣшній спектакль достоинъ особаго замѣчанія, потому что въ немъ было столько комическаго, юмористическаго и пр., и пр.

Павелъ Павловичъ Радугинъ — г. *Дрейсигъ*, такъ сыгралъ, какъ никогда не игралъ: его выходка, его горячность, когда онъ посылаетъ своего слугу заложить карету, его... когда онъ толкаетъ слугу... уморительно, удивительно!

Настасья Сергѣевна, жена его — г-жа *Петрова*, солидная актриса, очень недурна собою, и владѣетъ хорошею манерою, была хороша.

Иванъ Павловичъ — г. *Марксъ*, хорошо сыгралъ свѣтекаго, пожилаго, съ просѣдою, но разбитнаго холостяка, который такъ любить хорошо выпить, поѣсть и — не женится. Игра Маркса была довольно-натуральна и облагорожена.

Путаловъ — г. *Львовъ*, былъ не на своемъ мѣстѣ: роль отца къ нему какъ-то не шла.

Машинька, дочь его — д-ца *Никольская*. Дочь благороднаго отца, барышня, — но на кого она была похожа? На плохую горничную. Къ тому-же, она на свои огромныя руки не натянула, а надѣла бѣло-черныя перчатки. Игра ее уподоблялась бѣлизнѣ ея перчатокъ.

Даша, горничная — д-ца *Златопольская*, подъ пару Никольской.

Степанъ, слуга — г. *Наспдкинъ*, всегда свое дѣло знаетъ хорошо, служить да и только.

«Барышня крестьянка». Иванъ Ивановичъ Муромскій — г. *Смирновъ*, былъ хорошъ, какъ нельзя лучше: въ немъ была живая натура, высокій, благородный комизмъ и прекрасная, эстетическая игра. И если-бъ онъ чаще являлся въ высокихъ, благородныхъ комедіяхъ, а не въ пустыхъ фарсахъ, то онъ болѣе-бы доставлялъ удовольствія — разумѣется, не райку, а образованному классу публики.

Берестовъ — г. *Дрейсигъ*, непременно былъ хорошъ.

Бубновъ — г. *Наспдкинъ*, въ первый разъ явись въ роли господина, былъ, судя какъ о театральномъ лакеѣ, даже очень-хорошъ.

Лиза, дочь Муромскаго — г-жа *Петрова*, сыграла не дурно,

особенно была хороша крестьянкою; но все-таки къ ней роли барышень и молоденькихъ дѣвушекъ нейдуть: она уже солидна въ полномъ смыслѣ. Впрочемъ, ею остались довольны.

Алексеѣй, сынь Берестова — г. *Львовъ*, въ этой роли былъ много лучше предыдущей роли Пугалова.

Горничная Лиза — г-жа *Пряженковская* 2-я, будучи моложе, была по этому граціознѣе своей барышни — Петровой.

«Дивертиссементъ.» Въ дивертиссементѣ мы надѣялись найти большое наслажденіе, но вышли съ желчью пополамъ!

Вышелъ г. *Петровъ* молодцомъ ямщикомъ-кучеромъ и запѣлъ: «*Ахъ, ты молодость!*» Онъ, какъ дирижёръ, пропѣлъ складно, да не ладно, потому-что голосъ его весьма-незавидный; пѣвецъ онъ ниже посредственнаго. Не будь онъ музыкантомъ, и не имѣй хорошей ямщицкой натуры и жестикуляцій, онъ никуда-бы не годился.

Г-жа *Смирнова* удружила лучше всѣхъ! Вотъ съѣдала сюпризь — пустилась въ русскую, и вышла не то русская, не то французская, какъ-будто русская съ примѣсью козачьки и лезгинки, просто, самая жалкая, самая неспособная пародія на русскую пляску. А костюмъ? — На Смирновой была смѣсь французскаго съ нижегородскимъ; это именно такъ буквально: бѣлое, длинное, атласное платье, съ коротенькими рукавичками и высокимъ лифомъ — по самую глотку, спереди и кругомъ, на манеръ сарафана, обшитое серебряными галунами; то-же былъ кокошникъ или вѣнецъ на ней. А какъ плясала? — О! Аллахъ! Аллахъ! — Просто накормила грязью!.. Послѣ такой пляски, *что скажутъ туземцы?*! Вѣтъ это стыдъ, просто, стыдъ. Мы удивляемся, какъ Смирнова, довольно-хорошая водевильная актриса, рѣшилась пуститься въ плясъ? Но мы надѣемся, впередъ этого не будетъ.

Г-нъ *Марксъ* пѣлъ «*Жизнь наша сонъ.*» Многие говорили «онъ пѣлъ хорошо.» А мы, съ своей стороны, желали-бъ, чтобы подобныя аріи г. Марксъ предоставилъ-бы пѣть кому-нибудь другому, а самъ-бы занялся чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ и полезнымъ.

Гг. *Лиханскій* и *Рязанцевъ* протанцовали запорожскій талець довольно-хорошо. Лиханскій былъ много лучше Рязанцева: въ Лиханскомъ есть гибкость и пріятность, а въ Рязанцевѣ этого нѣтъ; онъ немного тяжеленекъ.

Г. *Дрейсигъ* и г-жа *Марксъ* малороссійскимъ дуэтомъ и танцами доставили публикѣ большое удовольствіе: имъ отъ души всѣ аплодировали и кричали «*фора! браво!*»

Г-жа *Пряженковская* 2-я пѣла «*Старый музей, грозный музей!*»

Пропѣла довольно-пріятно, но безъ энергій, безъ эффектовъ; у ней самыя патетическія мѣста были слабы, незамѣтны, вовсе недраматичны, — тогда какъ эта пѣсня преисполнена огня поэтического, чувствъ племенныхъ и жизни свободной, независимой.

Въ заключеніе всего, г. Петровъ съ хоромъ пѣлъ «Я пойду, пойду косить». Г. Лиханскій и г-жи Петрова и Надежсина танцевали цыганку, т. е. косили... О! сколько тутъ было жизни, силы, одушевленія, поэзіи — и ужъ какъ смѣялась, какъ хохотала публика; а по окончаніи всей этой кутерьмы сколько было вызововъ, криковъ: *фора! браво! — Дрейсига! — Маркес! — Маркес! — Смирнову! — Надежсину!* Даже и «Никольскую» вызывали — такіе были насмѣшники.

Ужъ нечего сказать, потѣшили!!

28 Октября. (Бенефисъ Львова). «Отецъ и дочь», драма, съ итальянскаго, Ободовскаго и «Новички въ любви».

Сирь Вильямъ Доверстонъ — г. Львовъ.

Чтобы произнести рѣшительный приговоръ Львову, нужно видѣть его въ этой піесѣ, и собственно въ роли Доверстонъ, не одинъ разъ. — Чѣмъ обширнѣе предметъ, тѣмъ болѣе потребно силы обнять его. — Такъ и Львовъ, какъ-бы дурно ни сыгралъ, но все-таки будетъ достоинъ глубокаго замѣчанія; даже не разбирая критически игры его, можно смѣло сказать: Львовъ актеръ очень замѣчательный; въ его груди сокрыто много чувствъ и нѣжныхъ, и сильныхъ; въ его душѣ много жизни, много силы. Но какъ-бы ни была прекрасна природа человѣка, все-таки ее нужно обдѣлать, обработать наукою. Какъ-бы по природѣ не былъ хорошъ актеръ, все-таки ему нужно долго и много трудиться, учиться: каждый актеръ есть вѣчный ученикъ, вѣчный труженикъ, который, умирая, съ собою уноситъ свой прекрасный трудъ, не оставя по себѣ ничего, кромѣ одной славы, которая долго живетъ въ устахъ людей, но долѣе того — почти не умираетъ — въ книгахъ и журналахъ... Виновать! я удался отъ предмета, т. е. отъ г. Львова, который вчера, въ роли Доверстона, доставилъ немалое удовольствіе внимательной къ нему публикѣ.

Мы уже разъ говорили, что Львовъ самъ создаетъ роли свои; такъ и роль Доверстона онъ создалъ, олицетворилъ, одушевилъ и выдержалъ отъ начала до конца весьма-хорошо: онъ такъ былъ натураленъ, что намъ и въ голову не приходило, что предъ нами актеръ; мы видѣли настоящаго сумашедшаго; всѣ лучшія, эффектные мѣста, исключая послѣдней сцены, онъ выдержалъ превосходно; вотъ онѣ:

Во 2 дѣйствіи:

Но я и громы ихъ въ побѣгъ перегналъ.

Этотъ стихъ былъ громовымъ въ устахъ артиста.

Съ жаромъ цѣлуя цѣпи, продолжаетъ онъ говорить нѣжно:

Смотри, еще какъ свежи эти розы...

Потомъ съ глубокою горестью —

Онъ отцовскими слезами вспоены.

Постепенно переходя въ отчаяніе,

Ихъ грѣли не зефиръ, отцовскія стenanья!

И наконецъ, бурно заключаетъ —

Я этихъ розъ до гроба не сниму.

АГНЕСА (на кольняхъ).

Родитель!

ДОВЕРСТОНЪ.

Гнусное, презрительное имя!

(Отталкивая Агнессу).

Прочь съ глазъ моихъ: тебя я видѣть не могу.

Тутъ онъ былъ ужасенъ, особенно, когда онъ говоритъ:

Я Прометей, прикованъ былъ къ Кавказу, —

И черный воронъ растерзалъ меня;

Потомъ, при слѣдующихъ двухъ стихахъ:

Но ворона я разорвалъ руками,

Забросилъ трупъ его я въ бездну воль,

Львовъ былъ подобенъ тигру: бѣшенство его было ужасно.

Еще онъ страшенъ былъ, когда видитъ Клару, и въ изступленіи кричитъ:

Какъ, дочь! Убей ее:

Она не дочь, змѣя — отравя жизни.

И когда онъ, отломивъ сукъ, бросается схватить и убить Кла-

ру, былъ очень - хорошъ; но на маленькой сценѣ картина вполнѣ не развернулася: Львовъ бросается, дѣлаетъ шагъ, два и — вотъ Клара; по сторожа позамялись и — картина испортилася: Львовъ измѣнился, поутихъ. Когда-же его вяжутъ и онъ рвется, картина была хороша; но лучше того была картина, когда Доверстонъ вырвался у сторожей, ушелъ въ лѣсъ и потомъ показался въ углубленіи сцены, на холмахъ, гдѣ его схватываютъ вторично и вяжутъ.

Въ 4 дѣйствіи.

ДОВЕРСТОНЪ (*обратясь къ нарисованной головѣ*).

Но гдѣ-же черепъ мый!

Онъ улыбается коварно на стѣнѣ,

Въ пустыхъ глазахъ признательность читаю.

Нѣтъ, не признательность, коварство... Черепъ, прочь!

Грозно произнесъ, потомъ отскочилъ, бросилъ въ черепъ углемъ, разразился адскимъ хохотомъ и торжественно договорилъ:

Какъ испугался онъ, какъ по гробамъ запрыгалъ.

Схвати Мельвиля за грудь:

Кто ты?

Кто ты, злодѣй? и проч.

Но когда слышитъ голосъ Агнесы «Отецъ мой!» онъ, затрепетавъ, выпускаетъ изъ рукъ Мельвиля, сдѣлавъ грозный вопросъ: «Я отецъ!» продолжаетъ:

Отецъ я дочери неблагодарной!

Я задушу тебя въ объятіяхъ моихъ.

Я дочери отецъ! (*Адскій хохотъ*). Змѣй коварный!

Проклятье на тебѣ, и на сынахъ твоихъ.

Произнося слова эти, ослабѣваетъ и падаетъ безъ чувствъ.

Еще Львовъ былъ хорошъ въ 5-мъ дѣйствіи, когда выходитъ благопристойно-одѣтымъ: тутъ онъ былъ уже не бѣшеный, изступленный, сумасшедшій, а кроткій, тихій, но еще съ безуміемъ на челѣ и въ очахъ; взоры его блуждаютъ, но въ нихъ изрѣдка просвѣчивается мысль; въ немъ уже виднѣнъ зачатокъ новой, пра-

вилльной жизни. Но послѣдняя сцена была слаба: вмѣсто звуковъ арфы, слышались звуки скрипичныхъ струнъ, и пѣсня Агнесы тоже была незавидна; Львовъ же, истоща запасъ чувствъ своихъ, кончилъ плоховато, и упалъ почему-то не въ объятія дочери, а на полъ, навзничь.

Агнеса — г-жа *Петрова*, при всемъ своемъ стараніи, далеко отстала отъ Львова, тогда, какъ она, по роли своей, могла произвести сильное впечатлѣніе на публику, — трогать сердца и извлекать слезы; но она была довольно-холодна, а декламация стиховъ ея мѣстами была даже несносна. Лучшее-жъ ея мѣсто было въ 2-мъ дѣйствіи, въ 1-мъ выходѣ, когда она съ дитей является на сцену.

Лордъ Альфредъ Ставлей — г. *Маркесъ*, былъ недурень, но и незавиденъ; да какъ-то онъ плохо походилъ на Англичанина, особенно на лорда.

Сирь Менвилъ — г. *Дрейсигъ*.

Мисъ Элиза — г-жа *Смирнова*, была премиленькая, превеселенькая барышня.

Графиня Бриджъ — г-жа *Праженковская* 1-я, за исключеніемъ г. Львова, была рѣшительно лучше всѣхъ: ея костюмъ, свободная, благородная игра и манера, и легкая декламация стиховъ — все ясно говорило, что она актриса хорошая и необходимая для здѣшняго театра. — Совѣтуемъ нѣкоторымъ молодымъ актрисамъ учиться у г-жи Праженковской 1-й правильной декламации стиховъ.

Докторъ — г. *Рязанцевъ*, былъ не на своемъ мѣстѣ: серьезныя роли не его.

Фанни — г-жа *Праженковская* 2-я, и проч. г-да и г-жи играли и сыграли.

Вызывали одного Львова два раза.

«Новички въ любви». Петръ Александровичъ Завидовъ — г. *Дрейсигъ*. Было-бы скучно повторять объ игрѣ Дрейсига, который постоянно-хорошъ.

Полинька — г-жа *Львова*.

Варпѣйка — г-жа *Смирнова*.

Объ актрисы отъ начала до конца выдержали роли свои какъ нельзя лучше: ихъ милая, нѣжная, свободная и благородная игра доставила публикѣ большое удовольствіе.

Евгеній Николаевичъ — г. *Смирновъ*, своею пріятною наивною смѣшилъ какъ нельзя больше.

Вообще водевилъ разыгранъ прекрасно, за что громогласно вызвали «всѣхъ», чего дѣйствительно всѣ достойны были. —

Еще въ этомъ водевилѣ мы любовались простымъ, но изящнымъ одѣяніемъ актрисъ.

4-го ноября. «Тереза, Женевская сирота», мелодрама, и «Мужъ и жена», комедія-водевилъ Ленскаго.

Г-жа Сенанжъ — г. *Пряженковская* 1-я была не такъ хороша, какою видали ее прежде; на этотъ разъ въ ея игрѣ была замѣтна небольшая натяжка, напыщенность.

Карлъ, сынъ ея — г. *Пряженковский*, все тотъ-же самый — твердо знаетъ роли, но не нравится публикѣ.

Тереза — г-жа *Смирнова*, молоденькая актриса, съ успѣхомъ исполняющая водевильныя роли, къ общему удовольствію, весьма недурно сыграла Терезу: у нея не было громкихъ, сильныхъ возгласовъ — не нужно! Но за-то въ ней видѣли кроткую, нѣжную дѣвушку, гонимую несчастіемъ, но дѣвушку, не потерявшую духа, а напротивъ, съ твердостью, съ энергіею. Г-жа Смирнова роль свою выдержала съ достоинствомъ: мимика и декламация ея были естественны и благородны. Публика осталась довольною, и вызвала ее.

Эгерманъ, пасторъ — г. *Львовъ*, былъ хорошъ. Его вызвали.

Магистръ — *Полтавцевъ*, недурень былъ.

Вальтеръ, злодѣй — г. *Марксъ*, отъ начала до конца роль свою выдержалъ натурально; особенно въ послѣднемъ актѣ былъ хорошъ, какъ извергъ, какъ злодѣй. Г. Марксъ своею злодѣйскою игрою заставлялъ содрогаться сердца зрителей и возненавидѣть себя въ лицѣ Вальтера. — Благодарная публика вызвала г. Маркса.

Пикаръ, управитель — г. *Рязанцевъ*, сыгралъ весьма-удовлетворительно; здѣсь онъ даже и безъ фарсовъ былъ хорошъ.

Матуринъ, мызникъ — г. *Дрейсигъ*. Мы много разъ говорили, что онъ хорошъ, и теперь съ нимъ было тоже — только немножко пофарсилъ: провожая Терезу въ павильонъ, онъ слишкомъ много расшаркивался и — ногами выдѣлывалъ разныя небольшія штучки.

Бригита, жена мызника — г-жа *Надежцина*. Ея игра и массивность — виновать! — дородность, всегда хорошо согласуются съ ролями мызницъ, трактирщицъ, кухарокъ и имъ подобныхъ лицъ.

Напета — д-ца *Никопольская*.

«Мужъ и жена». Альфредъ Мюрвилъ — г. *Львовъ*, драматическій актеръ, и въ водевилѣ былъ недурень: игра его свободна и благородна.

Емма — г-жа *Львова*, сыграла хорошо.

Дюпре — г. *Смирновъ*, хорошъ, какъ и всегда.

Бернардъ, слуга — г. *Полтавцевъ*.

Вызвали Смирнова, Львову, и наконецъ «всѣхъ», т. е. въ томъ числѣ и Полтавцева!?

9-го цоября. «Сюзета» и «Крестный отецъ».

Постольнберъ, инспекторъ телеграфа — г. *Дрейсигъ*. Былъ хорошъ, какъ нельзя лучше. Актеръ даровитый, владѣющій хорошимъ вкусомъ, всегда умѣетъ разнообразить роли и костюмъ какъ нельзя больше и натуральнѣе.

Эдуардъ Дальпре — г. *Львовъ*, хорошей, благородной игрой и манерой не могъ не понравиться публикѣ, хотя эта роль весьма незavidна и вовсе не по немъ.

Ватеръ, докторъ — г. *Пряженковский*.

Сюзета — г-жа *Марксъ*, — съ каждымъ новымъ спектаклемъ дѣлается необходимѣе для сцены здѣшняго театра, за что и публика такъ любитъ ее и осыпаетъ похвалами. — Въ роли нѣмой Сюзеты, г-жа *Марксъ* была очень хороша: ея естественная игра и мимика невольно привлекали зрителей; особенно хорошъ былъ ея обморокъ во время выстрѣловъ, испугъ и радость при видѣ Эдуарда и полученіи языка.

Эмма — г-жа *Пряженковская* 2-я, была довольно-недурна, развязна, сердилась хорошо; но жалко, что она не обратила вниманія на свои довольно-грязныя перчатки.

Зефиръ, сержантъ — г. *Смирновъ*, былъ хорошимъ, смѣшнымъ старикомъ-сержантомъ.

Пьеръ слуга — г. *Полтавцевъ*.

Трактирный мальчикъ — г. *Рязанцевъ*. Въ этой роли ему нечего было дѣлать.

Вызвали одну *Марксъ*.

«Крестный отецъ». Александръ Ивановичъ Алинскій — г. *Марксъ*, какъ хороший актеръ, игралъ хорошо, но пѣлъ весьма-незavidно.

Вѣра Петровна Зорина — г-жа *Львова*, приятная актриса, играла свободно и благородно. — Ея простой, но со вкусомъ сшитый костюмъ дѣлаетъ ей не малую честь, а намъ удовольствіе.

Константинычъ Петровичъ Яузовъ — г. *Степановъ*, не дурень.

Степанида Карповна — г-жа *Пряженковская* 2-я, была хороша.

Иванъ Григорьевичъ Падчерицынъ — г. *Дрейсигъ*, даже очень-хорошъ.

Емельянъ — г. *Рязанцевъ*.

Вызвали одного Дрейсига.

11-го Ноября. (*Бенефисъ* г-жи *Маркѣ*). «Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ» и «Бой жинка.»

«Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ.» Принцъ Рике, горбунъ — г. *Маркѣ*. Для нѣкоторыхъ былъ очень-хорошъ; но намъ показался немного натянутымъ: его игра какъ-то изысканна, заучена. Впрочемъ, не-смотря на эти малые недостатки, *Маркѣ* на тифлисскимъ театрѣ актеръ необходимый, и публика любитъ его.

Губернаторъ зеленаго острова — г. *Дрейсигъ*, сыгралъ не дурно; но во многихъ роляхъ онъ бывалъ много-лучше этого зеленаго губернатора. Губернаторство къ нему какъ-то не пристало: въ немъ не было большой важности. — Пусть зеленый губернаторъ, глупъ, но все-таки долженъ быть важенъ, какъ губернаторъ, тѣмъ больше глупый.

Губернаторша — г. *Надежина*. Подобныя губернаторши могутъ быть только на зеленомъ островѣ.

Абрикотила — г-жа *Маркѣ*. Чтобы написать хотя сколько-нибудь строгое замѣчаніе на г-жу *Маркѣ*, мы внимательно прослѣдили всю ея игру и — нашли въ ней *слѣдующее*: она отъ начала до конца пьесы была жива, мила, натуральна и привлекательна, какъ нельзя больше и лучше.

Тормикаль — г. *Смирновъ*. Въ этой роли ему нечего было дѣлать.

Бомбини, женихъ Абрикотины — г. *Пряженковскій*, былъ довольно-сносенъ, пожалуй, хорошъ, съ чѣмъ его и поздравляемъ!

Карабоса, волшебница, г-жа *Пряженковская* 2-я, являясь старухой волшебницей, довольно-хорошо умѣла измѣнить голосъ, поддѣлаться подъ старушечій.

Вообще пьеса «Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ» исполнена весьма-удовлетворительно; декорации и костюмы были соотвѣтственны пьесѣ. Даже явилась одна новая перспективная декорация, за которую стоить сказать немалое спасибо декоратору г. *Фролову*.

«Бой-жинка». Поташъ Девурда — г. *Дрейсигъ*. Объ немъ мы уже говорили, повторимъ и теперь: въ малороссійскихъ роляхъ *Дрейсигъ* хорошъ, какъ нельзя лучше: языкъ, игра, манера, рѣшительно все въ немъ чистѣйшая натура. За всемъ тѣмъ, что *Дрейсигъ* хорошій актеръ во многихъ роляхъ и пьесахъ, но малороссійскія — это вѣнецъ его славы!

Настя, жена его — г-жа Марксъ. Позволяемъ себѣ сказать: «Бой-жинка» писана для г-жи Марксъ, и уѣзжай изъ Тифлиса наша дорогая г-жа Марксъ, то съ нею уѣдетъ и *Бой-жинка*, потому что другой актрисы на это амплуа мы не предвидимъ, да и трудно найти гдѣ-нибудь въ провинціи подобную *Настю*. Судите о прекрасномъ талантѣ г-жи Марксъ: часъ назадъ, мы видѣли ее паввною дѣвушкою Абрикотиною, а теперь лихою, разбитною, превеселою хохлушкою. Марксъ во многихъ роляхъ хороша, а въ малороссійскихъ просто «съ-ума сводитъ», какъ нѣкоторые выражаются.

Орпика — г-жа Пряженковская 1-я.

Сумасводъ, уланъ — г. Смирновъ.

Оба—актеръ и актриса хорошіе, не могли сыграть дурно: Пряженковская была натуральною старухою хохлушкою, а Смирновъ молодцомъ хохломъ уланомъ, въ которомъ столько было уланской прыти, что любо-дорого смотрѣть.

Вообще пѣса «Бой-жинка» произвела великій фуроръ: Дрейсига вызвали два раза, а Марксъ три раза; вызвали и Смирнова одинъ разъ; слѣдовательно всѣмъ воздали по достоинству. Публика была предовольна. — Театръ былъ биткомъ набитъ. — И мы съ своей стороны за выпѣшій спектакль всѣмъ гг. артистамъ приносимъ нашу усердную благодарность; а г-жѣ Марксъ вдвое, втрое, вчетверо.

18 поября. «Шельменко» и «Бабушка-внучка».

Шельменко — г. Дрейсигъ. Малороссійскія пѣсы и роли — это его стихія. Въ Шельменко Дрейсигъ былъ уже не простой хохоль *выборный*, и не глупый хохоль *Никито*, а умный плутъ писарь *Шельменко*. Дрейсигомъ были всѣ довольны и вызвали одинъ разъ.

Подъячій — г. Смирновъ. Подъячаго скопировалъ хорошо и роль выдержалъ отъ начала до конца весьма-удовлетворительно; только одно мѣсто намъ показалось неестественнымъ: когда онъ проситъ взятку «*купить позимецкѣ*», Г. Смирновъ, ставъ къ Шельменко спиною и заложивъ руку за спину, проситъ денегъ. Подобный горчайшій подъячій къ просителю никогда не обернется спиною, какъ будто стыдятся брать взятку; нѣтъ, онъ пресмѣло, пренагло, а между тѣмъ и пренизко будетъ смотрѣть прямо просителю въ глаза и брать деньги безъ зазрѣнія совѣсти. Лучшее его мѣсто было въ канцеляріи, когда говорятъ «*Губернаторъ!*» При этомъ словѣ Смирновъ хорошо вздрогнулъ и измѣнился.

Никито — г. Лиханскій исполнилъ свое дѣло довольно-удо-

влетворительно; но онъ могъ бы сыграть лучше, если-бъ захотѣлъ. Его немного-сиповатый голосъ повредилъ эффекту игры его.

Волостный-голова — г. *Степановъ* сыгралъ довольно-натурально. Въ подобныхъ дубовыхъ роляхъ онъ бываетъ недурень: это къ нему какъ-то идетъ.

Губернаторъ — г. *Львовъ* былъ не на своемъ мѣстѣ: холодныя роли не его. Ему дайте роль, въ которой нужно чувство, жаръ, душа, тамъ Львовъ будетъ не только хорошъ, но даже и очень-хорошъ. Впрочемъ, онъ и въ губернаторѣ былъ недурень.

Секретарь — г. *Марксъ* скопировалъ секретаря, какъ нельзя лучше, и секретаря не такого у котораго, «пушокъ на рыльцѣ есть», а солиднаго, благороднаго секретаря.

О прочихъ всѣхъ гг. скажемъ: сыграли. Вообще пьеса сошла недурно, но большаго эффекта не произвела, какъ прочія мало-россійскія пьесы. Вызвали Дрейсига и Смирнова.

«Бабушка-внучка». Режинальдъ — г. *Марксъ* сыгралъ, какъ и часто съ нимъ бываетъ, съ небольшою натяжкою, напыщенностию. Очень-жаль, что въ Марксѣ нѣтъ бездѣлицы—простоты. А тогда-бы онъ выигралъ на нѣсколько процентовъ больше-теперешней игры его. При началѣ пьесы Марксъ былъ болѣе натянутъ, но подъ конецъ, когда разыгрался и забывалъ свое заученное, то дѣлался лучше, простѣе, натуральнѣе. Не въ обиду ему, скажемъ: Дрейсигъ хотя и постарѣе Маркса, но эту роль сыгралъ лучше его. — Но все-таки Маркса вызвали.

Сузанна, внучка — г-жа *Смирнова* премило сыграла и премило была одѣта — безъ вычурности, въ какомъ она являлась въ первомъ представленіи этой пьесы. — Смирновою были довольны и вызвали два раза.

Шамприго — г. *Смирновъ*, обыкновенно какъ хорошій актеръ, сыгралъ хорошо, — даже былъ совершенно въ другомъ костюмѣ, не въ *коричневомъ фракѣ*, а въ старинномъ французскомъ, который такъ хорошо шель къ старому Шамприго. Имъ были довольны и вызвали одинъ разъ.

25 ноября. (Бенефисъ Дрейсига) «Горе отъ тещи.» «Два купца и два отца» и «Москаль чаривникъ.»

«Горе отъ тещи.»

Кузьма Петровичъ Курскій — г. *Дрейсигъ* } хороши.
Ольга Павловна, жена его — г-жа *Смирнова* }

Матрена Осиповна — г-жа *Надежнина* была похожа болѣе на петербургскую прачку, а не на даму хотя-бы и средняго круга.

Иванъ Ивановичъ Завѣринъ — г. *Марксъ*
 Тимофей Васильевичъ Зябликовъ — г. *Смирновъ* } хороши.
 Клеопатра Сергѣевна Зябликова — г. жа *Петрова*
 Андрей, слуга — г. *Насѣдкинъ*.

Груша, служанка — д-ца *Петрова* молоденькая и проворненькая служаночка. Вызвали Дрейсига и Смирнова.

«Два купца и два отца.» Г. Дюкро — г. *Смирновъ* былъ хорошъ какъ нельзя лучше: костюмъ и игра его были соответственны роли Дюкро. Публика смѣялась и аплодировала игрѣ артиста.

Г-жа Дюкро — г. *Надежина* сыграла много лучше прежде ея игранныхъ ролей.

Г. Бонаръ — г. *Дрейсигъ* былъ хорошъ, но хуже Смирнова; тѣмъ, что Смирновъ отъ начала до конца выдержалъ роль свою комически; а Дрейсигъ въ мѣстахъ драматическихъ былъ слабъ.

Викторъ — г. *Лиханскій*.

Жюльета г-жа *Пряженковская* 2-я сыграла не дурно.

«Маскаль чаривникъ.» Михайло Чупрунъ — г. *Дрейсигъ*. Что о немъ сказать? Повторять одно и тоже, восклицать: очаровательный, неподражаемый Дрейсигъ! разсыпаться въ похвалахъ и благодарностяхъ даровитому артисту, за его малороссійскія роли, для читателей «Репертуара и Пантеона» покажется скучнымъ, даже, можетъ-быть, и неправдоподобнымъ, а для знающихъ г. Дрейсига, весьма-обыкновеннымъ; но нельзя-же и умолчать, и потому скажемъ вотъ что: мы желали-бъ, что г. Дрейсигъ въ роляхъ: *Чупруна*, *Никиты*, *Выборнаго* и *Шельменко*, явился-бы на которой-нибудь изъ сценъ Императорскихъ театровъ. Пусть-бы московская или петербургская публика оцѣнила его съ своей стороны.

Татьяна, жена его — г-жа *Марксъ*. Это та самая очаровательная *бой-женика*, только въ другомъ тонѣ: здѣсь она не такъ бойка, не такъ хитра какъ *бойженика*, но за то, какъ мила, умна, цѣломудренна — настоящая Татьяна. И если-бъ Михайло Чупрунъ вздумалъ явиться въ Москвѣ или въ Питерѣ, то онъ стосковался-бы по своей *наимилѣйшей Татьянѣ*.

Фитникъ — г. *Пряженковский*. На силу-то попалъ въ свою колею, гдѣ былъ хорошъ, за что его и вызвали въ числѣ прочихъ.

Солдаты — г. *Марксъ*. Его натуральная игра и чисто солдатская манера многихъ изъ зрителей заставляла произносить «*Какой молодецъ!*» *Какой бравый, какой славный солдатъ!*»

Дружно и громко вызвали: «Дрейсига!» «Маркъ!» «Маркъ!» и наконецъ «всѣхъ!»

Въ заключеніе статьи скажемъ: высказывая наши замѣчанія, мы не желали никого оскорбить изъ гг. артистовъ, все равно какъ и лстить никому не намѣрены. —

Весьма-естественно, ни одинъ талантливый актеръ и ни одна съ дарованіемъ актриса не оскорбится строгимъ замѣчаніемъ критики равно, какъ и не увлечется похвалою рецензій; лучше сказать, за одну похвалу постарается заслужить еще нѣсколько, а гордиться не станетъ и, *почивая на лаврахъ*, не забудетъ своего искусства, не пренебрежетъ имъ, а еще болѣе полюбить и — тѣмъ возвыситъ себя! Но жалкая бездарность съ восторгомъ принимаетъ одну лишь похвалу, хотя-бы и *фальшивую*, недостойную; за то критики не терпятъ и часто чернятъ, бранить талантъ въ своемъ собратѣ.

II. ЕГОРОВЪ.

Тифлисъ.

1845.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

По всемъ вѣроятіямъ, парижскому театру «Одеонъ», находящемуся подъ управленіемъ актера Бокажа, прибавится въ пособіе отъ правительства (subvention) еще 40,000 франковъ въ годъ, такъ, что онъ будетъ получать всего сто тысячъ. Французскіе журналы сильно возстаютъ противъ этого, утверждая, что такое огромное пособіе выдается несправедливо, и что Бокажъ вовсе его не заслуживаетъ.

— Поговариваютъ сильно, что знаменитый романсѣтъ, Александръ Дюма, хлопочетъ о привилегіи на открытіе новаго театра въ Парижѣ, и, весьма вѣроятно, получить ее. Все затрудненіе состоитъ пока въ назначеніи мѣста, гдѣ построить новый театръ.

— Наша танцовщица, г-ша Андреянова, послѣ троекратнаго дебюта своего въ Парижѣ, отправилась въ Миланъ, куда она ангажирована на карнавальнй сезонъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, она уже пріѣхала въ этотъ городъ.

— Оле-Буль, какъ говорятъ, далъ въ Сѣверной-Америкѣ до 200 концертовъ, и выручилъ за нихъ до 80,000 долларовъ.

— Штраусъ, по требованію пражскихъ студентовъ, написалъ вальсъ Juristentänze.

— Въ Берлинѣ скончался недавно, на 90-мъ году отъ рожденія, Вильгельмъ Фридрихъ Бахъ, почетный придворный капельмейстеръ, правнукъ знаменитаго Себастьяна Баха. Онъ написалъ много превосходныхъ произведеній по части духовной музыки, и въ свое время, подобно прадеду, былъ первымъ органистомъ въ Германіи.

— Пруссійскій король, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, соизволилъ на основаніе въ Берлинѣ музыкальной консерваторіи, по образцу парижской, и заведеніе это будетъ открыто въ началѣ слѣдующей-же зимы. Король уполномочилъ также профессора Регеля изъ Бонна, образовывать въ Берлинѣ драматическую школу, которая будетъ названа Королевскою школою театра и декламацин, и въ которой будутъ содержаться и

учиться на счет правительства молодые люди, назначающие себя для службы на королевских театрах и одаренные счастливыми способностями.

— Изъ Лиссабона пишутъ: болѣе 300 человекъ студентовъ конимбрскаго университета подписали протестъ противъ постановленій правительства касательно новаго лиссабонскаго театра. Изъ этого документа ясно видно, что думаетъ литературное юношество единственнаго университета, въ государствѣ. Это юношество возстаетъ противъ участія иностранцевъ во всемъ, что касается до театра, какъ-то, до его архитектуры, скульптуры, и до сочиненія драмы, назначенной для его открытiя, переведенной съ французскаго и замѣчательной только по своей безнравственности.

— Прибывшая сюда труппа нѣмецкихъ артистовъ, — пишутъ изъ Нью-Йорка, отъ 11-го декабря н. с., — начала свои дебюты 8 н. м., Веберовымъ Фрейшюцомъ. Собраніе публики было самое блестящее. Въ особенности хорошо были приняты хоры. И правду сказать, они гораздо-полнѣе и лучше, чѣмъ хоры находящихся въ Нью-Йоркѣ труппъ итальянской и французской. Оркестромъ прекрасно управляетъ г-нъ Рапетти, но оркестръ слишкомъ-бѣденъ струнными инструментами, для исполненія музыки Вебера. Успѣхъ этой труппы, кажется, несомнѣнно упроченъ.

Изъ Триеста пишутъ отъ 5-го января: «Послѣ долгой и мучительной болѣзни, *донъ-Пьетро Умануэ* умеръ въ Триестѣ 3-го января, 30-ти лѣтъ отъ роду. Этотъ теноръ, котораго блестящіе дебюты заслужили поощреніе и одобреніе въ Испаніи, въ Италіи и въ Россіи, былъ ангажированъ на будущій сезонъ въ парижскую итальянскую оперу.

— На парижскомъ театрѣ «Одеонъ» давали недавно новую пяти-актную комедію, съ прологомъ: «Diogène», сочиненіе Феликса Пиа (Felix Pyat), того самаго, который, по процессу его съ Жюль Жаненомъ, посаженъ въ тюрьму. Пьеса длинна, это не бѣда, но скучна — вотъ что главное. Хвалятъ идею пьесы, которая, однакожъ, отнюдь не выкупаетъ безчисленныхъ несообразностей и нарушеній исторической истины: въ Діогенѣ, какъ въ блаженной памяти старинныхъ *разговорахъ въ царствѣ мертвыхъ*, сведены вмѣстѣ такіа лица, которыя на землѣ никогда другъ-съ-другомъ не встрѣчались.

— Придворный капельмейстеръ Штраусъ, въ Карлсруэ, написалъ оперу: «Die Hexe von Poltava» (Полтавская вѣдьма), а капельмейстеръ Мюллеръ, въ Зондерсгаузенѣ — оперу подъ заглавіемъ *Вольтеръ*.

— Старый египетскій паша велѣлъ построить въ Александріи театръ, на которомъ будутъ играть итальянскія оперы.

— Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, русская сцена понесла важную потерю въ лицѣ ветерана русской драматической литературы, страстнаго любителя и отличнаго знатока театра, князя *Александра Александровича Шаховскаго*, который скончался въ Москвѣ, 22-го сего мѣсяца, въ часѣ пополудни, на 73-мъ году отъ рожденія. Мы постараемся сообщить по возможности подробную біографію этого замѣчательнаго лица въ исторіи русскаго театра; князь Шаховской можетъ служить поучительнымъ примѣромъ того, какъ должно любить театръ и заниматься имъ, если хочешь, чтобы театръ былъ хорошъ. Вспомните самый послѣдній фактъ: какъ онъ устроилъ харьковскій театръ...

— Наканунѣ заключенія этой книжки «Репертуара и Пантеона», 30-го января, на Александринскомъ-театрѣ шелъ бенефисъ Н. П. Сосницкаго, составленный слѣдующимъ-образомъ: *Пигмалионъ*, лирическія сцены изъ Ж. Ж. Руссо, (напечатаны въ нынѣшней книжкѣ «Репертуара и Пантеона»); *Роза и Розетта*, премиленькій водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенный съ французскаго (*Jeanne et Jeanneton*), и также напечатанный въ нынѣшней книжкѣ «Репертуара и Пантеона»; *Пажы герцога Вандомскаго*, оперетта, вновь переведенная Н. А. Коровкинымъ (музыка В. М. Кажинскаго) и напечатанная въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» 1843-го года. Въ-заключеніе *Охотникъ въ рекруты*, сцены изъ русскаго народнаго быта. Подробный разборъ этого бенефиса сообщимъ въ слѣдующей книжкѣ, а теперь замѣтимъ только, что въ этотъ спектакль дебютировала въ первый разъ дѣвица *Асенкова*, сестра незабвенной *Варвары Николаевны Асенковой*. О дебютанткѣ рѣшительнаго ничего сказать нельзя: она еще очень-молода, роли попалась ей такія, въ которыхъ трудно выказать дарованіе, являясь въ первый разъ на сценѣ; при томъ-же молодая дебютантка чрезвычайно робѣла; но впрочемъ, она имѣетъ наружность чрезвычайно-счастливую, напоминающую покойную сестру ея; голосъ очень-пріятный, манеры прекрасныя. Все это заставляетъ надѣяться на будущее.

— Не можемъ также умолчать о прекрасной пѣснкѣ г-на Григорьева 2-го. *Охотникъ въ рекруты*. Сцены эти схвачены прямо съ природы, чрезвычайно-вѣрно, живо и ловко. Липо деревенскаго гуляки, который подъ пьяную руку продается въ рекруты, кулака, скупающаго рекрутъ, купца, разбогатѣвшаго, и прѣхавшаго изъ столицы на родину — изображены въ этихъ краткихъ сценахъ мастерски. Сцена, когда пьяный сынъ, продавшійся въ рекруты, проситъ у отца прощенія, и въ то-же время, для разсѣянія тоски, поетъ разгульныя пѣсни, трогаетъ глубоко за сердце, потому-что схвачена чрезвычайно-вѣрно съ природы. Мартиновъ въ этой роли, и именно въ этой сценѣ, является великимъ артистомъ, глубоко-постигшимъ натуру русскаго человѣка!... Это лучшее произведеніе г-на Григорьева 2-го,

которое ставим мы выше многих русских патриотических драмъ, даже пяти-актныхъ, тѣмъ болѣе, что оно написано просто и безо всякихъ претензій. Оно навело на насъ глубокое раздумье... Если-бъ побольше такихъ пьесъ и — народный русский театр!... Предупреждаемъ вопросъ, который могли-бы сдѣлать намъ наши читатели: пьеса г-на Григорьева 2-го, не-смотря на все ея сценическое достоинство, въ «Репертуаръ и Пантеонъ» напечатана не будетъ, потому-что не *все то хорошо въ пьесѣ, что хорошо на сценѣ, и на-оборотъ.*

— Въ Москвѣ, въ бенефисъ заслуженнаго артиста *П. С. Моголова*, дана была драма его *собственнаго сочиненія*, подъ названіемъ *Черкешенка*. Роль Лейлы въ этой драмѣ играла дѣвица Мочалова, съ успѣхомъ дебютировавшая въ прошедшемъ году, въ бенефисъ своего отца, въ роли Луизы (Коварство и любовь).

— 30-го января, въ бенефисъ *М. С. Щепкина*, дана была въ первый разъ разъ драма *Жидъ Шеве*, сочиненіе Кумберланда, одного изъ самыхъ плодовитыхъ англійскихъ драматурговъ прошедшаго столѣтія. Драма «Жидъ Шеве» принадлежитъ къ его лучшимъ произведеніямъ; роль главнаго дѣйствующаго лица (скряги Жиды) представляетъ таланту несравненнаго Щепкина чрезвычайно-выгодное поприще.

— Въ будущую среду, 6-го февраля, на Александринской сценѣ будетъ послѣдній бенефисъ нынѣшняго года, бенефисъ въ пользу режиссёра труппы Александринскаго-театра, г-на Куликова. Даны будутъ: драма *Взвѣнный Жидъ*, переведенная съ нѣмецкаго и уже на нашей нѣмецкій сценѣ игранная, и премилевкій водевилъ *Дутскій балъ*, передѣланный съ французскаго на русскіе нравы. Этотъ водевилъ въ-особенности хорошъ для домашнихъ спектаклей, и потому мы поспѣшимъ передать его нашимъ читателямъ, въ слѣдующей книжкѣ «Репертуара и Пантеона».

Статья объ Александринскомъ-театрѣ въ нынѣшней книжкѣ не напечатана по обстоятельствамъ, отъ редакціи независимы.

— 2-я книжка «Репертуара и Пантеона» не вышла въ срокъ, по обстоятельствамъ, отъ редакціи независимы.

==

Въ слѣдующихъ книжкахъ «Репертуара и Пантеона» между-прочимъ напечатаны будутъ:

— БИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ П. С. МОЧАЛОВА, ПИСАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

ЖИДЪ ШЕВЕ, драма Кумберланда, перев. съ англійскаго.
АНТИГОНА, трагедія Софокла, переведенная съ греческаго, съ хорами, принаровленными къ музыкѣ Мендельсона Бартольди.

ЛУДОВИКЪ XI, драма въ стихахъ, сочиненіе Казимира Делавиня, перев. А. А. Григорьева.

ПАНЪ ТВАРДОВСКІЙ, повѣсть изъ народныхъ преданій *И. И. Крашевскаго*, перев. съ Польскаго, *С. П. Побѣдоносцева*.

и проч., и проч., и проч.

==

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

1) *Всѣмъ г-мъ многогороднымъ, подписавшимся на «Репертуаръ и Пантеонъ» у книгопродавца А. И. Иванова.*

Что вы, почтенные подписчики, по сіе время не получили *Репертуара и Пантеона* 1846 года, прѣняйте на себя, а не на насъ: мы указывали вамъ тѣ книжные магазины, въ которыхъ объявили *исключительную* подписку на наше изданіе, и за исправность которыхъ мы вполнѣ *рукались и ручаемся*. Вамъ неужгодно было положиться на наши указанія; теперь убѣдитесь на опытѣ, что эти указанія дѣланы были *не безъ пригоды*. Дальнѣйшихъ поясненій, кажется, неужно.

2) *Въ бібліотеку для продажи и зтенія г-да Золотова и Тотти, въ Одессѣ.* Съ требованіемъ вашимъ обратитесь въ то мѣсто, гдѣ вы подписались на *Репертуаръ и Пантеонъ* 1845 года: мы-бы съ удовольствіемъ исполнили ваше требованіе, но выдавъ *Репертуаръ и Пантеонъ* 1845-го года всѣмъ г-мъ подписчикамъ нашимъ и книгопродавцамъ, по принадлежности, не можемъ разбивать немногіе экземпляры, у насъ оставшіеся. Занимаясь книжною торговлею, вы сами убѣдитесь, что это неудобно.

3) *И. О. Кашикарову, въ Тамбовѣ.* *Репертуара и Пантеона* за 1843-й годъ въ редакціи не нѣдется ни одного экземпляра. За 1845 можете получить по той-же цѣвѣ, что и въ 1846-мъ году.

4) *Ө. В. Сергѣеву, въ Козельскѣ.* За 1844-й г. у насъ нѣтъ ни одного экземпляра.

5) Г-ну *А. Надъ, въ Пензу.* Ваша комедія не безъ достоинствъ, но многія сцены въ ней слишкомъ-похожи на сцены *Ревизора*, а потому и напечатана она быть не можетъ.

6) Г-мъ *Лыт., Бык. и Н-ву, въ С Петербургѣ.* Успокойтесь. Съ того времени, какъ было возвѣщено о предпріятіи г-дъ артистовъ-водевильистовъ Александринскаго театра, въ печати появился только одинъ *Закалдованный принцъ*. *Дядушка болтушка* гдѣ-то заболтался, и по-сію-пору не является. Что-будетъ дальше, — неизвѣстно. *Репертуаръ и Пантеонъ* въ одной нынѣшней книжкѣ успѣлъ представить три игранныя пѣсы, — самыя свѣжія новинки Александринской сцены, и о будущности своей не беспокоится: запасъ великъ у насъ!

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ у М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ-проспектѣ, противъ Малой-Морской, въ домѣ Паскаля № 11

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ.

		Argent rbls. cop.
Bertini (H.)	Six mélodies très faciles à quatre mains (extrait de la méthode)	1 —
Döhler (Th.)	Rondino villageois sur un thème d'Auber. op. 40. No. 1. (1 r. 15 c.) — Bagatelle sur un air favori de Nice. No. 2. (1 r. 15 c.) — Romance et Cavatine de l'opéra: „la fille du Regiment“ variées. No. 3. (1 r. 12 c.) — Fantaisie sur la Norma. No. 4. (1 r. 15 c.) — Nocturne sentimental sur une romance d'Adam. No. 5. (1 r. 12 c.) — Fantaisie sur une mélodie favorite de Meyerbeer. No. 6. (1 r. 12 c.) — Caprice brillant sur le Ranz des vaches et une valse Suisse. No. 7. (1 r. 12 c.) — Cavatine de la Donna del Lago, variée. No. 8.	1 12
—	Souvenirs de Naples. Tarentelle. op. 46.	1 72
—	2-me Grande valse brillante à 4 mains. op. 47.	1 72
Duvernoy (J. B.)	Petites pièces à 4 mains sur des thèmes favoris des opéras de Meyerbeer, Halevy, Weber. op. 118. 4 тетради, по — 85	
—	La mère Michel ou épisode de la vie d'un chat. Elegie musicale. op. 127.	— 85
—	Une pensée de Bellini. Variations. op. 129.	1 15
Fesca (A.)	Second grand Septuor arr. à 4 mains. op. 28.	4 29
—	Quatrième grand trio arr. à 4 mains. op. 31.	4 —
—	Hommage aux dames. Morceaux à 4 mains. op. 35.	2 29
—	Fantaisie sur l'opéra Mara à 4 mains. op. 41.	1 43
Herz (H.)	Grande fantaisie de Concert sur l'opéra: „Semiramis“ à 4 mains. op. 130.	2 29
Hüntten (F.)	Fantaisie brillante sur l'opéra: „Le Roi d'Yvetot“ à 4 mains. op. 125.	1 72
—	Variations brillantes sur la Polka nationale, arr. à 4 m. op. 135.	1 43
Lassekk (Ch.)	La jeune fille de Pologne. Mazurka à 4 mains avec accomp. de Violoncelle ad libitum.	1 —
Marx (A. B.)	Am Nordgestade, Fantaisie à 4 mains. op. 11.	1 43
—	Um Mitternacht, Fantaisie à 4 mains, op. 12.	1 15
Potpourris	des meilleurs opéras à 4 mains, arr. par G. W. Marks: Lucia di Lammermoor — Lucretia Borgia — Montecchi et Capuletti — Norma — Guillaume Tell — La favorita — La Sonnambula — L'Elisire d'amore — Linda di Chamounix — La Muette de Portici (Fenella) — La fille du regiment — Don Pasquale — Maria di Rohan — Il Bravo — Il Giuramento — Le Barbier de Seville — La Sirène — La Juive — Elena da Feltre — La Vestale — Dom Sebastien — Semiramide — Nabucodonosor; каждая опера по	2 29
Raff (J.)	Valse-Rondino à 4 mains sur l'opéra: Les Huguenots de Meyerbeer.	— 85
Rosellen (H.)	Fantaisie brillante sur l'opéra: Don Pasquale arr. à 4 mains. op. 53.	1 72
—	Grande Fantaisie concertante sur Othello de Rossini à 4 mains op. 68.	2 29
Thalberg (S.)	Grande Fantaisie sur des motifs de l'opéra: la Muette de Portici. op. 53.	1 72

РУССКІЕ РОМАНСЫ СЪ АККОМПАНИМЕНТОМЪ ФОРТЕПІАНО.

	Argent rbls.	cop
Варламовъ (А.) Черны очи. Романсъ	—	85
— Жарко въ небѣ соянце лѣтнее. Пѣсня	—	70
— Звѣздочка ясная. Романсъ	—	40
— Тяжело не стало слышн.	—	40
Алябьевъ (А.) Пѣснь дѣвцы изъ Рашибора	—	40
— Цвѣтокъ. Романсъ	—	40
Бахметевъ (А.) Моему идеалу. Романсъ	—	50
— Цыганенокъ. Романсъ	—	40
Гертманъ (К.) Выборъ. Романсъ	—	50
Гурилевъ (А.) Внутренняя музыка. Романсъ	—	40
— Воспоминаніе. Романсъ	—	40
— Матушка голубушка. Пѣсня	—	40
Герасимовъ (Н.) Убѣжище. Романсъ	—	40
Толстой (Ф.) Русалка. Романсъ	—	40
Лазаревъ (А.) Два Романса и Русская пѣсня	1	—

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для — одного фортепiano М. Бернардомъ	3	—
Еще СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для одного фортепiano М. Бернардомъ. Часть II. Сія коллекція содержитъ избранныя великороссійскія и мало- россійскія пѣсни	3	—
СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для одной скрипки М. Бернардомъ	2	—

МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ на 1844 годъ.
Музыкальные рассказы и анекдоты; біографіи знаменитыхъ
музыкантовъ; извѣстія объ операхъ и концертахъ, давае-
мыхъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ; объявленія о но-
выхъ твореніяхъ, корреспонденція и проч. 1 50

МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ на 1845 годъ. . . 1 50

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.*, получаютъ двад-
цать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.*, поль-
зуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пере-
сылку. — Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ
своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. — На
этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ му-
зыкальныя сочиненія, кѣмъ-бы онѣ ни были изданы и объявлены въ ка-
комъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ-же магазинѣ вышла 1-го февраля 2-я тетрадь музыкальнаго
журнала *Нувелистъ*, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пѣссы:

L. de Meyer, Air Bohémien - Russe varié. — Döhler, Romance sans
paroles. — Kullak, Chanson de berceau. — Voss, A la plus belle, Nocturne.
— Strauss, Mosaïque-Quadrille. — Hüntten, Le diadème, Fantaisie sur
l'opéra: „l'Elisire d'amore“. — Duvernoy, Fantaisie sur un thème de Doni-
zetti. — Герасимовъ, Убѣжище, романсъ. — Masini, Je t'attendrai! Ro-
mance. — Музыкально-литературное прибавленіе № 2.

Годовая подписка 10 руб. сер.

Съ пересылкою 11 руб. 50 к. сер.

Къ этой книжкѣ приложено изображеніе современнаго костюма — модная картинка, гравированная на стали и раскрашенная въ Парижѣ.

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ, ВЪ 1846-мъ ГОДУ,

выходить непременно въ 1-е число каждаго мѣсяца, въ 8-мъ часовъ утра, и немедленно доставляется къ г-мъ подписчикамъ.

Въ каждой книжкѣ будетъ заключаться не менѣе *пятнадцати* листовъ убористой и четкой печати.

Въ теченіе 1846 года приложено будетъ *четыре* модныхъ картинки, гравированныхъ въ Парижѣ на стали и тамъ-же раскрашенныхъ известнымъ художникомъ *Жюлемъ Давидомъ*, и сверхъ того два портрета любимѣйшихъ современныхъ артистовъ русскихъ *П. С. Мочалова* и *А. А. Мартынова*, гравированные на стали въ Лондонѣ. Другія приложенія будутъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Годовая цѣна, за 12-ть книжекъ «Репертуара и Пантеона» —

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку въ города и доставку на домъ платится сверхъ-того

ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

Примѣчанія а) Для жителей С. Петербурга принимается и *розничная подписка*, съ платою за каждую книжку по 1-му рублю серебромъ впередъ, т. е. подписавшійся въ декабрѣ платитъ *одинъ* р. сер., въ январѣ *два*, въ февралѣ *три* и т. д. Такая розничная подписка принимается *исключительно* у Издателя.

2) Можно покупать и отдѣльно каждую книжку *Репертуара и Пантеона*, съ платою по два рубля сер., безъ картинки.

3) Модныя картинки можно получать и отдѣльно отъ *Репертуара и Пантеона*, съ платою по 50 коп. сер. за каждую.

4) Немногіе остающіеся экземпляры *Репертуара и Пантеона* на 1845 годъ, можно получать по той-же цѣнѣ, т. е. по 10 р. сер., а съ пересылкою по 11 р. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ С.-Петербургѣ: 1) У самого издателя, *В. С. Межевича*, близъ Большаго-Театра, въ домѣ г-на Губеня, подъ N 5-мъ.

2) Въ книжномъ магазинѣ подъ фирмою *Александръ Смирдинъ*, на Невскомъ проспектѣ, въ д. г-жи Энгельгардъ *).

3) Въ книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*, на Невскомъ проспектѣ, въ д. купца Завѣтнаго.

4) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Въ Москвѣ: 1) Въ книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*, на Тверской, въ домѣ Мятлевой.

2) Въ книжномъ магазинѣ *Свѣшниковъ и Базунова*, между Дмитровкой и Петровкой на валу.

3) Въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта.

*) Тѣ изъ здѣшнихъ особъ, которыя желали-бы подписаться *безъ доставки на домъ*, благоволятъ обращаться въ книжный магазинъ, подъ фирмою *Александръ Смирдинъ*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгардъ.